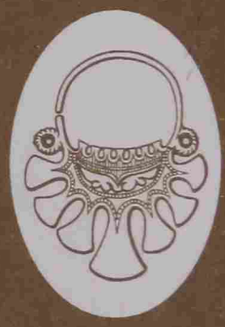
ISSN 0869-6063

Номер 3

Июль - Август - Сентябрь
2004

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

http://www.maik.ru

"НАУКА"

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2004

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
В.В. Седов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство "Наука"

© Российская академия наук, 2004 г.
© Редколлегия журнала "Российская археология" (составитель), 2004 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2004

Характеристика культурного слоя поселения Сунгирь с учетом мерзлотных деформаций (раскоп II)
Каверзнева Е. Д. 5

Антропоморфные изображения из глины в неолите–энеолите лесной зоны Восточной Европы
Кашина Е. А. 20

Динамика природной среды Волго-Окского междуречья с I тысячелетия до н.э. по II тысячелетие н.э.
Спиридонова Е. А., Алешинская А. С. 33

Антропогенные модификации почв в окрестностях античного Китея
Чендев Ю. Г., Куликов А. В. 44

Янтарные бусы с нарезным декором эпохи Великого переселения народов
Мастыкова А. В. 55

Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XI – начала XX вв.
Черных Н. Б., Карпухин А. А. 68

Археология и геофизика: принципы комплексных исследований
Журбин И. В. 79

Функции стрел в погребальном инвентаре "дружинных курганов"
Фетисов А. А. 89

Дискуссии

Время активности людей на палеолитических памятниках по данным радиоуглеродного датирования
Соколов Д. Д., Сулержицкий Л. Д., Тутубалин В. Н. 99

Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны
Сулержицкий Л. Д. 103

Об участии европейских неандертальцев в происхождении человека
Медникова М. Б. 113

Диалог о генезисе культуры кунда
Сорокин А. Н. 120

Публикации

Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на р. Вычегде: петрография каменного инвентаря
Волокитин А. В., Майорова Т. П. 130

Глиняные печати-штампы могильника Манджикины-1 в Калмыкии
Шишлина Н. И. 136

Булла с изображением двугорбого верблюда с городища Гебеклы
Кошеленко Г. А. 144

Античный импорт в погребениях Песочинского могильника
Бабенко Л. И. 147

Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье
Труфанов А. А. 160

Древнерусская ладья-однодеревка из летописного Вщижа
Чубур А. А. 171

Фресковые и эпиграфические находки в Сентинском храме
Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 175

Критика и библиография

Молодин В.И. "Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск, 2001
Бобров В. В. 177
Руденко К.А. "Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв.". Казань, 2000
Полубояринова М. Д. 179

Хроника

XIII Международный конгресс славистов. Проблемы этногенеза, ранней истории и культуры славян (Любляна, Словения, 2003)
Седов В. В. 182
Международный коллоквиум "L'artista a bisanzio e nel mondo cristiano-orientale" (Пиза, 2003)
Беляев Л. А. 184
К 80-летию Леонида Романовича Кызласова (о роли ученого в археологии и истории Сибири, Средней и Центральной Азии)
Янин В. Л. 186
Памяти Марианны Александровны Итиной
Яблонский Л. Т. 188

Contents

Number 3, 2004

The characteristic of the station Sungir' cultural deposit with the regard for the permafrost deformations
Kaverzneva E. D. 5

Clay anthropomorphic figurines of East European forest zone in the Neolithic-Eneolithic Age
Kashina E. A. 20

The dynamics of natural environment in the Volga – Oka interfluve from I millennium BC till II millennium AD
Spiridonova E. A., Aleshinskaya A. S. 33

Man-caused modifications of soils in the vicinity of classical Kitheion
Chendev Yu. G., Kulikov A. V. 44

Amber beads with incised decoration of the Great Migration period
Mastykova A. V. 55

The Tver' absolute dendrochronological scale in the 11th – the early 20th centuries
Chernykh N. B., Karpukhin A. A. 68

Archaeology and geophysics: principles of complex investigation
Zhurbin I. V. 79

Arrows in the "druzhina barrows" and their function as grave goods
Fetisov A. A. 89

Discussions

Chronological span of human activity at the Palaeolithic sites according to the radiocarbon dating
Sokoloff D. D., Sulerzhitsky L. D., Tutubalin V. N. 99

The chronological span of some Late Palaeolithic sites according to the radiocarbon dating of the bones of megafauna
Sulerzhitsky L. D. 103

Corcerning the role of European Homo neandethalensis in the origin of man of contemporary physical type
Mednikova M. B. 113

Dialogue on Kunda culture genesis
Sorokin A. N. 120

Publications

The Mesolithic Sites Parch 1 and Parch 2 on the Vychegda River: Stone artefacts petrography
Volokitin A. V. , Maiorova T. P. 130

Clay stamp-seals from the burial mound Mandjikiny in Kalmykia
Shishlina N. I. 136

The bulla with the representation of a Bactrian camel from the hillfort Ghebekly
Koshelenko G. A. 144

The imported artefacts of the period of classical antiquity in the burials of the cemetery Pesochinsky
Babenko L. I. 147

Early Roman provincial buckles in the north Pontic zone
Trufanov A. A. 160

Ancient Russian monoxyle from Vshchizh
Chubur A. A. 171

Frescoes and inscriptions in the Senta church
Beletsky D. V., Vinogradov Yu. A. 175

Critics and bibliography

Molodin V.I. The site Sopka 2 on the River Om' (cultural and chronological analysis of the burial associations of the Neolithic and the Early Metal period. Novosibirsk, 2001
Bobrov V. V. 177
Rudenko K.A. Metal vessels of the Volga and Kama basins in the 8th – the 14th cc. Kazan, 2000
Poluboyarinova M. D. 179

Chronicle

XIII International Congress of Slavists. The problems of ethnic genesis, early history and culture of the Slavs (Lyubliana, Slovenia, 2003)
Sedov V. V. 182
International Colloquium "L'artista a bisanzio e nel mondo cristiano-orientale" (Pisa, 2003)
Beliaev L. A. 184
In commemoration of the 80th anniversary of Leonid Romanovich Kyzlasov:
Concerning the role of the scientist in archaeology and history of Siberia, Middle and Central Asia
Yanin V. L. 186
In memory of Marianna Aleksandrovna Itina
Yablonsky L. T. 188

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 5–19

ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПОСЕЛЕНИЯ СУНГИРЬ С УЧЕТОМ МЕРЗЛОТНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ (РАСКОП II)

© 2004 г. Е. Д. Каверзнева

Государственный Исторический музей, Москва

Поселение Сунгирь является одним из самых северных позднепалеолитических поселений на Русской равнине. В течение 16 лет здесь велись работы Северной археологической экспедиции ИА РАН под руководством О.Н. Бадера, в результате которых исследованная площадь памятника была доведена до 4.5 тыс. м^2. Культурный слой поселения залегает в покровных суглинках второй террасы левого берега р. Клязьма в погребенной почве (Бадер, 1978. С. 6. Рис. 2). По мнению О.Н. Бадера, культурный слой совпадает с погребенной почвой и датируется второй половиной или концом брянского интерстадиала (Бадер, 1978. С. 66). Данная почва имеет неодинаковую мощность на разных участках памятника. Залегание культурных остатков эпохи палеолита почти полностью совпадает со слоем ископаемой почвы, поэтому автор раскопок называет этот слой почвенно-культурным и отмечает, что вся толща почвенно-культурного слоя не подразделяется на какие-либо стратиграфические горизонты (Бадер, 1978. С. 32).

Необходимо отметить, что культурный слой сильно нарушен мерзлотными деформациями. Следы криогенных процессов на поселении Сунгирь имеют широкое распространение. На многих участках памятника были зафиксированы мерзлотные деформации, непосредственно связанные с культурным слоем. Мерзлотные структуры представляют собой несколько самостоятельных уровней проявления криогенеза, главной среди которых является крупно-полигональная структура, представленная в разрезах клиновидными структурами, проникающими на глубину до 3 м (Гугалинская, Алифанов, 1998. С. 225. Рис. 6). Они в наибольшей степени влияли на характер деформированности культурного слоя и его положение во вмещающей толще. Полигональные системы имеют размеры до 10–15 м (Бадер, 1978. С. 51. Рис. 25). Подобные образования, отмеченные в толще валдайских лессов и покровных суглинков, прослеживаются на значительной части Русской равнины и относятся к Ярославскому криогенному горизонту (Величко, 1973. С. 42–52). Их заложение связано с максимумом позднего валдая, происходившим около 20–18 тыс. лет назад. Крупные клиновидные структуры были вскрыты на всех раскопах поселения Сунгирь. Они непосредственно связаны с культурным слоем и в ряде случаев проникают ниже его основного уровня. В плане клиновидные структуры образуют линейные формы, осевые плоскости которых имеют разнообразную ориентировку (Бадер, 1978. С. 51. Рис. 25).

Однако некоторые объекты в культурном слое не были подвержены мерзлотным разрушениям: могила 2, ритуальные и очажные ямы в районе погребений, ряд очажных ям в северо-восточном скоплении находок (раскоп III).

В своей основной публикации по Сунгирю О.Н. Бадер рассматривал залегание находок в почвенно-культурном слое по условным горизонтам в 20 см. В соответствии с этой методикой он пришел к выводу, что в раскопе II максимум находок приходится на 1–2 горизонты, а в раскопе III – на 3–4 горизонты. По мнению О.Н. Бадера, расположение культурных остатков в почвенно-культурном слое раскопа III ближе к их первоначальному положению. По концентрации культурных остатков в слое автор определяет 4 интенсивных пятна скоплений находок: два в юго-западной части памятника и два в северо-восточной. По форме этих пятен, а также в связи с тем, что многие очажные ямы находились внутри пятен, О.Н. Бадер трактует их как остатки наземных жилищ (Бадер, 1978. С. 109, 110). В связи с относительно слабой насыщенностью культурного слоя и следами легких наземных жилищ, О.Н. Бадер относит поселение Сунгирь к сезонному охотничьему стойбищу, которое много лет посещалось одной и той же группой охотников (Бадер, 1978. С. 189).

Сезонные миграции животных, составлявших основное питание людей палеолита, были основной причиной, определявшей отсутствие у охотничьих коллективов прочной оседлости (Бадер, 1977. С. 37). Длительность существования стойбища на Сунгире по О.Н. Бадеру 13–18 лет. Это время укладывается в рамки одного поколения (Бадер, 1998. С. 149).

В настоящее время работы по Сунгирю возобновились под руководством Н.О. Бадера. Основным направлением исследования является тема "палеолитическое поселение Сунгирь (человек,

культура, экология)". За годы работы Северной палеолитической экспедиции (1957–1977 гг.) был накоплен огромный архивный материал, содержащий точную документальную характеристику каждой находки в слое на всей исследованной части памятника. Новые работы в рамках вышеуказанной темы ставят вопрос об уточнении ранее полученных результатов и позволяют внести некоторые изменения в интерпретацию архивных материалов.

Важнейшей проблемой, стоящей перед исследователями палеолита, является реконструкция древних поселений. Эта же цель стоит и перед исследователями поселения Сунгирь. Имея в виду тот факт, что культурный слой был деформирован криогенными процессами, представляется необходимым выявить как наиболее сохранившиеся участки культурного слоя, так и нарушенные, на основе анализа планиграфии поселения и вертикального распределения культурных остатков. Дальнейшее исследование залегания предметов на участках культурного слоя, наименее подвергнутых мерзлотным деформациям, позволит приблизиться к реконструкции всего поселения в целом.

Для сравнительной характеристики культурного слоя на разных участках памятника были составлены планы распространения находок по глубине залегания для следующих категорий предметов: уголь, охра, крупные и мелкие кости, кремневые орудия и отщепы, а также костяные изделия.

На основании разницы в глубине залегания находок были сделаны реконструкции профилей самого культурного слоя в юго-западной и северо-восточной частях поселения. Эта работа стала возможной только благодаря сохранившимся архивным материалам О.Н. Бадера, в частности наличию статистических карточек на все метровые квадраты с указанием названия предмета, номера, горизонта, глубины залегания предмета, наименования квадрата, количества предметов по категориям. В представленной работе при сопоставлении планов и профилей распространения находок за основу были взяты не номера условных горизонтов, а глубины залегания предметов от нулевого репера. Это связано с тем, что мощность условных горизонтов не одинакова даже на площади одного раскопа и колеблется от 0.35 до 0.05 м. Более того, уровень отсчета первого условного горизонта на разных участках памятника имеет разную глубину залегания от репера. При описании методики полевых работ О.Н. Бадер отмечал, что начало отсчетов горизонтов проводилось от нулевой линии, определяемой уровнем появления первых остатков материальной культуры или фауны. Уровень этой нулевой линии измерялся от репера 1 (Бадер, 1978. С. 25). В этой связи представляется необходимым при анализе залегания находок в культуросодержащем слое оперировать не номерами условных горизонтов, а глубинами залегания предметов от репера. Такой подход позволяет более корректно подойти к исследованию культуросодержащих слоев на разных участках памятника.

При статистической обработке материала О.Н. Бадер учитывал только те квадраты, в которых было не менее 0.8 м культурного слоя, т.е. четыре 20-см горизонта (Бадер, 1978. С. 39). В результате такого подхода при оценке количественного распределения культурных остатков по глубине залегания половина исследованной площади не учитывалась. В настоящей работе были использованы материалы всех квадратов, раскопанных О.Н. Бадером.

Верхняя граница культурного слоя в раскопе II (начало первого условного горизонта) отмечена на разной глубине от репера (рис. 1). Наиболее высокое залегание прослежено на участке У-Щ/170–153 (1957, 1958 гг. раскопок) и Г-И/162–151 (1970 г. раскопок). На участке У-Щ/170–153 глубина залегания первого горизонта – 0.0–0.35 м, а на участке Г-И/162–151 – 0.0–0.17 м. На большей части площади раскопа II глубина залегания первого условного горизонта отсчитывается от 0.35 м от репера. При таком отсчете мощность первого культурного горизонта на участках К-Т/170–141 (1963, 1964, 1967, 1969 гг. раскопок) и У-Щ/152–141 (1966 г. раскопок) равна 0.17 м. Наиболее низкий уровень залегания первого горизонта прослеживается на участках Г-Е/170–163 (1970 г. раскопок) и Г-И/150–141 (1970 г. раскопок). Здесь первый горизонт начинается с отметки 0.56 м от репера и имеет мощность 0.2 м.

В настоящей статье использованы планы и профили по центральной части раскопа II – юго-западной части поселения. Остальные материалы по раскопам II и III будут представлены в следующей публикации. Для анализа горизонтального и вертикального распределения находок на площади раскопа II был выбран участок в центральной части раскопа Г-Ш/161–153. Эта площадь памятника представляет наибольший интерес, так как здесь сконцентрировано большинство очажных и ритуальных ям, расположены могилы, прослежено обширное скопление крупных костей животных. Здесь О.Н. Бадер предполагал существование двух наземных жилищ на основании концентрации находок в слое. Рассмотрим распределение охры, угля, крупных костей, костяных и кремневых орудий в центральной части раскопа II. Часть квадратов этого участка расположена на блоках полигональной системы (линии У-Ш), квадраты по линиям К-С находятся в краевой части деформации (рис. 2).

На рис. 3–7 показано горизонтальное распределение по глубинам угля, охры, крупных костей, костяных изделий и кремневых орудий. Тщатель-

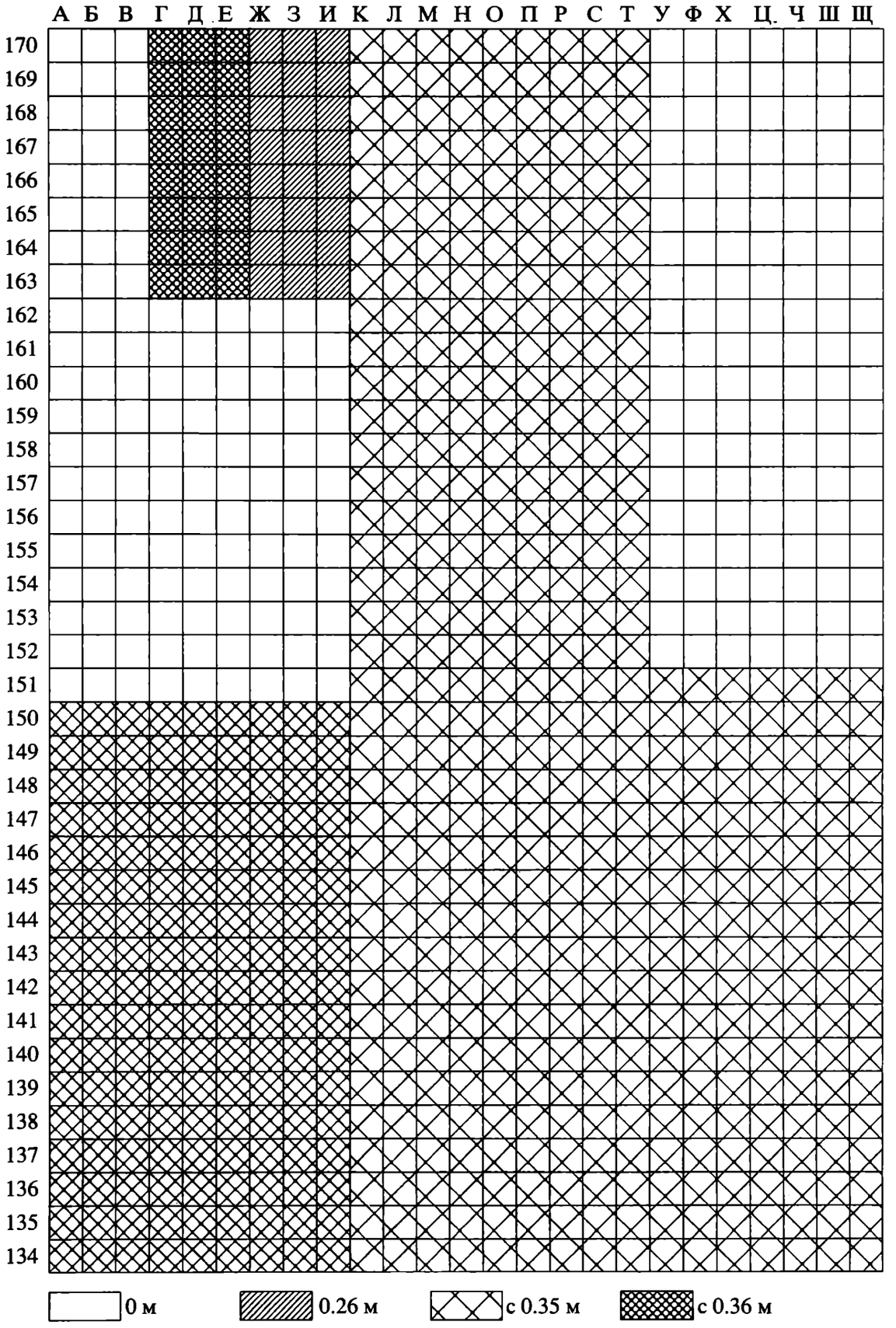

Рис. 1. Рельеф верхней границы культурного слоя.

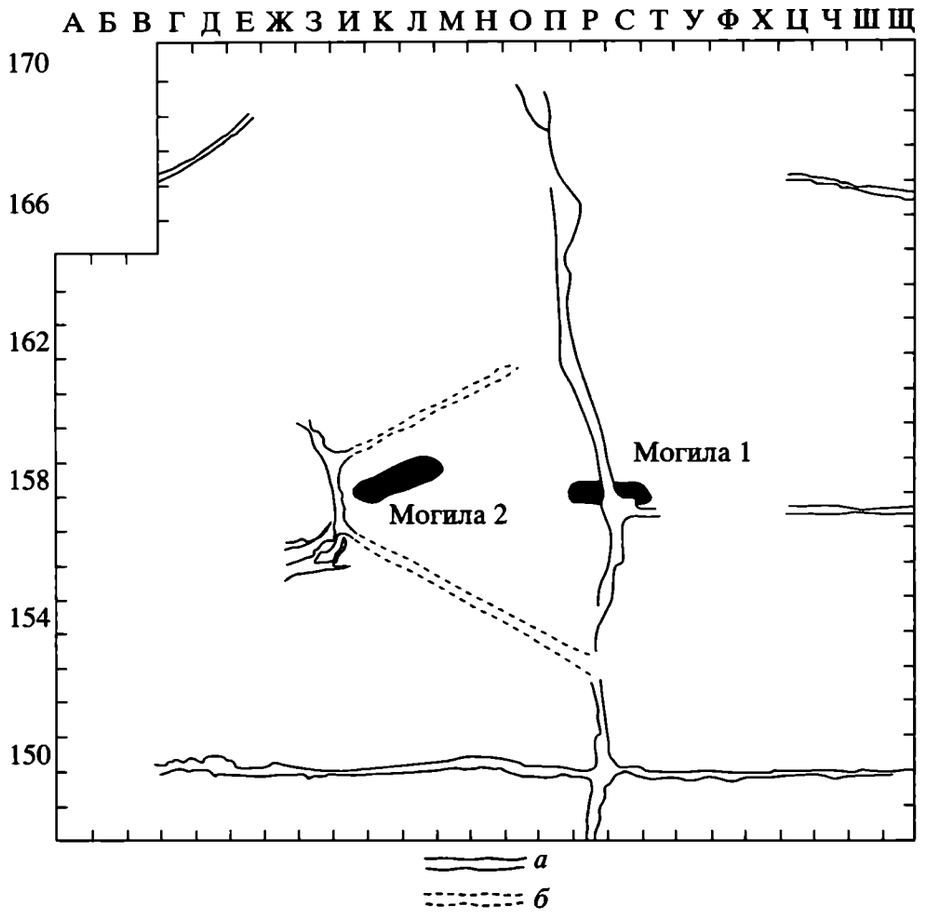

Рис. 2. План-схема расположения ледяных жил и могильных ям: *а* – ледяные жилы, прослеженные О.Н. Бадером; *б* – ледяные жилы, реконструируемые по залеганию переотложенного культурного слоя.

ный анализ расположения в культурном слое данных категорий находок показал, что до глубины 0.52 м все они группируются на квадратах по линиям Т-Ш, причем максимальное количество предметов указанных категорий лежит на глубине 0.35–0.52 м. С увеличением глубины залегания прослеживается смещение находок от линий Т-Ш к линиям К-С с концентрацией на глубине 0.82–0.92 м на квадратах по линиям К-П. Не подлежит сомнению устойчивая связь в расположении крупных костей, охры, угля и кремневых орудий на участке У-Ш.

Для получения более наглядной картины распределения находок в культурном слое были построены профили залегания основных предметов по следующим линиям: 160–159, 157–156 и 154–153. На рис. 8–11 приводится положение крупных костей, угля, охры, костяных и кремневых орудий в профилях культурного слоя. Профиль Г-Щ/157–156 проходит через участок, где были обнаружены могилы, профиля Г-Щ/160–159 и Г-Щ/154–153 через прилегающую к могилам площадь памятника.

Анализ залегания культурного слоя на данной площади памятника может помочь решению проблемы о временном соотношении могил и культурного слоя. По профилям залегания крупных костей, угля, охры, костяных и кремневых изделий по линии Г-Щ/160–159 видно, что на участке Т-Щ находки в культурном слое лежат горизонтально в пределах 0.0–0.8 м; также зафиксировано горизонтальное расположение находок в пределах 0.0–0.7 м на участке Г-З. Необходимо отметить, что культурный слой на участке Т-Щ имеет значительно большую насыщенность, нежели на участке Г-З. Наибольшая концентрация находок зафиксирована на глубине 0.35–0.52 м. На участке К-С прослеживается падение культурного слоя на глубину 0.52–1.13 м. По профилям залегания вышеуказанных категорий предметов по линии Г-Щ/157–156 видно, что на участках У-Щ и Г-З находки лежат горизонтально в пределах 0.0–0.72 м, при этом наблюдается гораздо большая насыщенность культурного слоя на участке У-Щ. Наибольшая концентрация находок приходится на глубину 0.35–0.52 м. Обращает на себя внимание тот факт, что кремневые и костяные изделия на участке У-Щ выявлены фактически только на указанной глубине. На участке К-С прослеживается падение культурного слоя до отметок 0.52–1.13 м с наибольшей концентрацией находок на глубине 0.82–1.13 м. На профилях залегания крупных костей, охры,

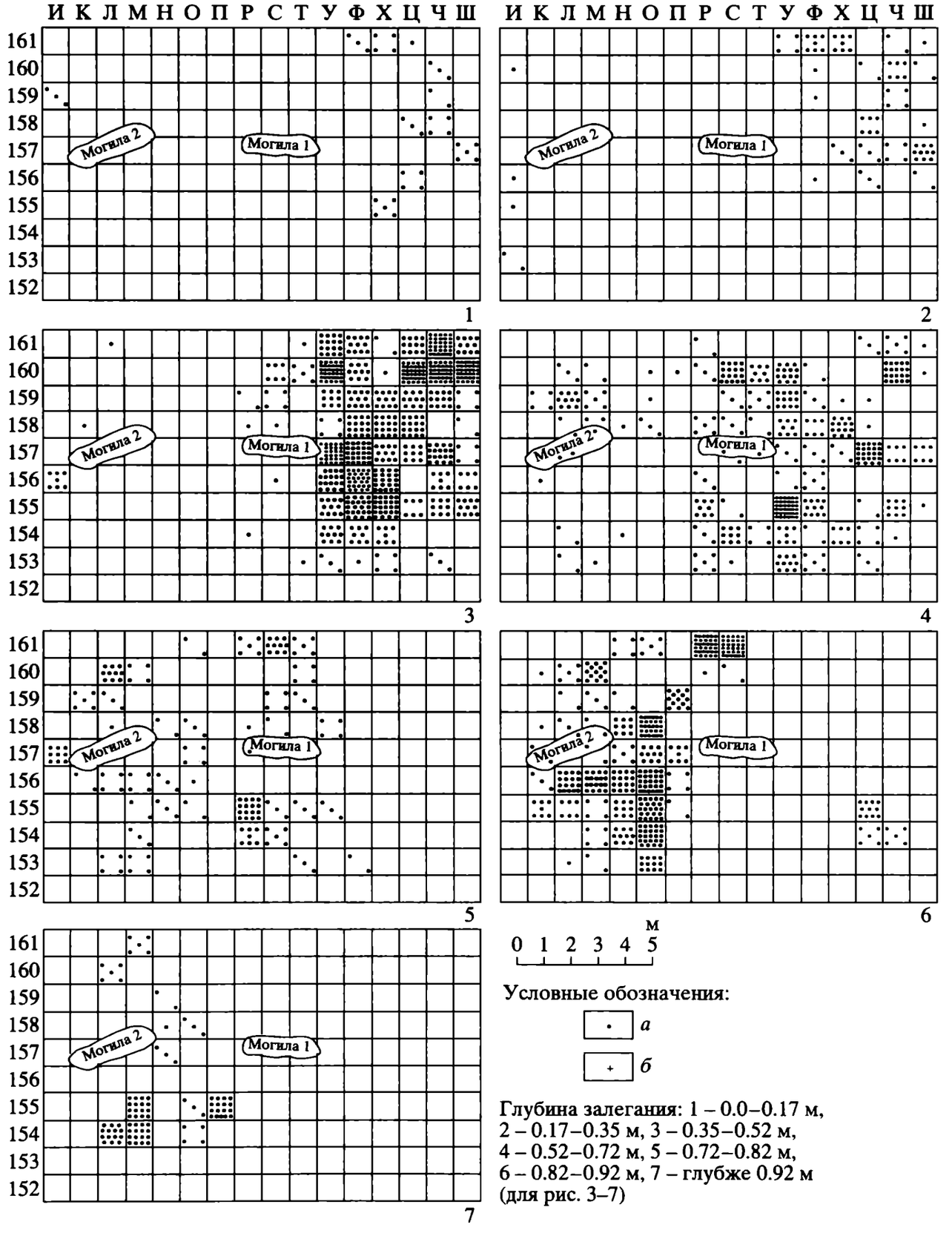

Рис. 3. Планы распространения угля: *а* – одна находка (уголь, охра, крупная кость); *б* – одно кремневое орудие.

угля, костяных и кремневых изделий по линии Г-Щ/154–153 археологический материал на участках У-Щ и Г-З лежит горизонтально на глубине 0.35–0.82 м (участок У-Щ) и на глубине 0.0–0.52 м (участок Г-З). Наибольшая концентрация находок на участке У-Щ прослеживается на глубине 0.35–0.52 м. На участке Г-З культурный слой менее насыщен находками, чем на участке У-Щ. Да-

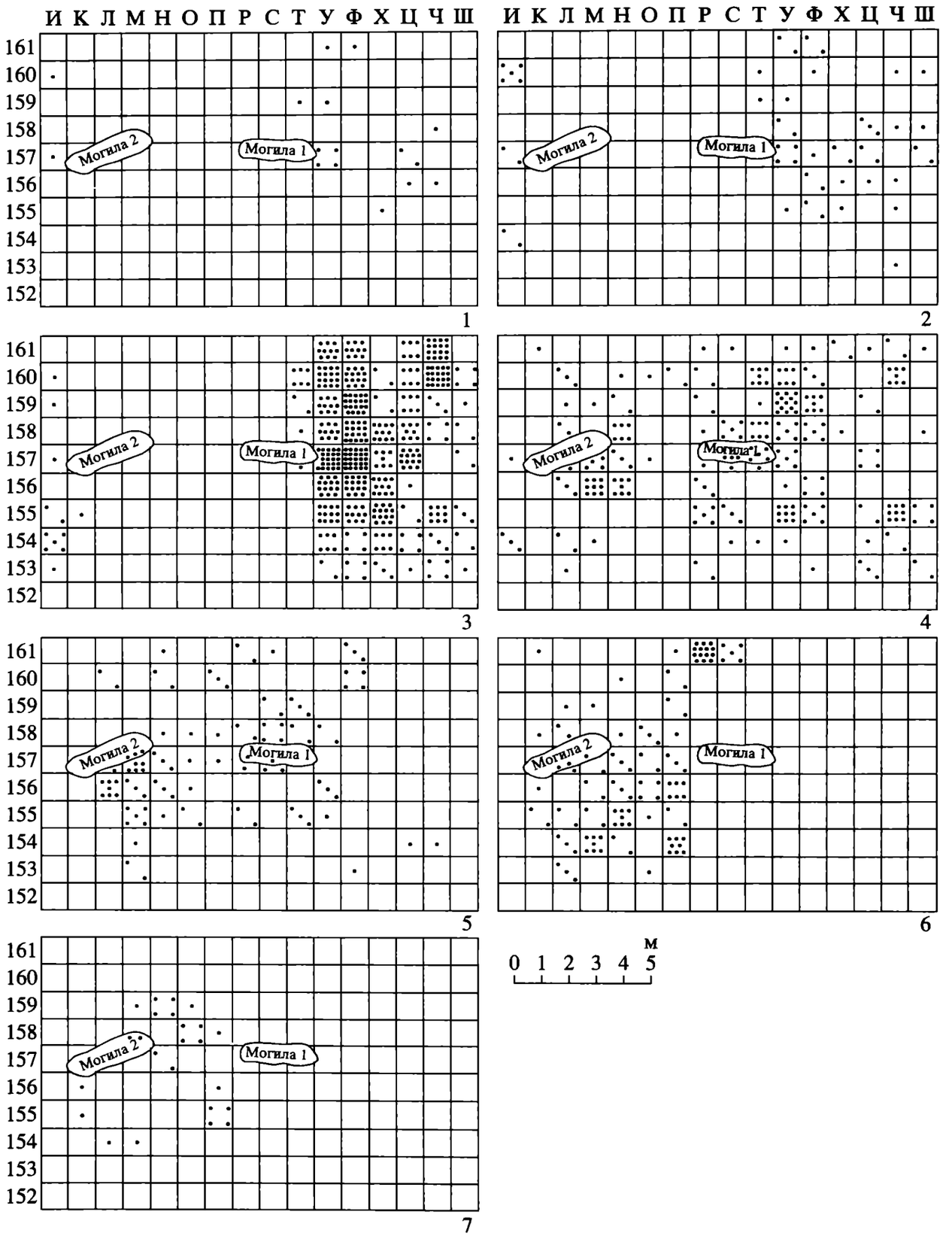

Рис. 4. Планы распространения охры.

лее на участке К-С прослеживается падение культурного слоя до отметок 0.82–1.02 м с концентрацией находок в нижней части слоя.

Для получения большей наглядности распределения археологического материала в культурном слое были построены сводные профили

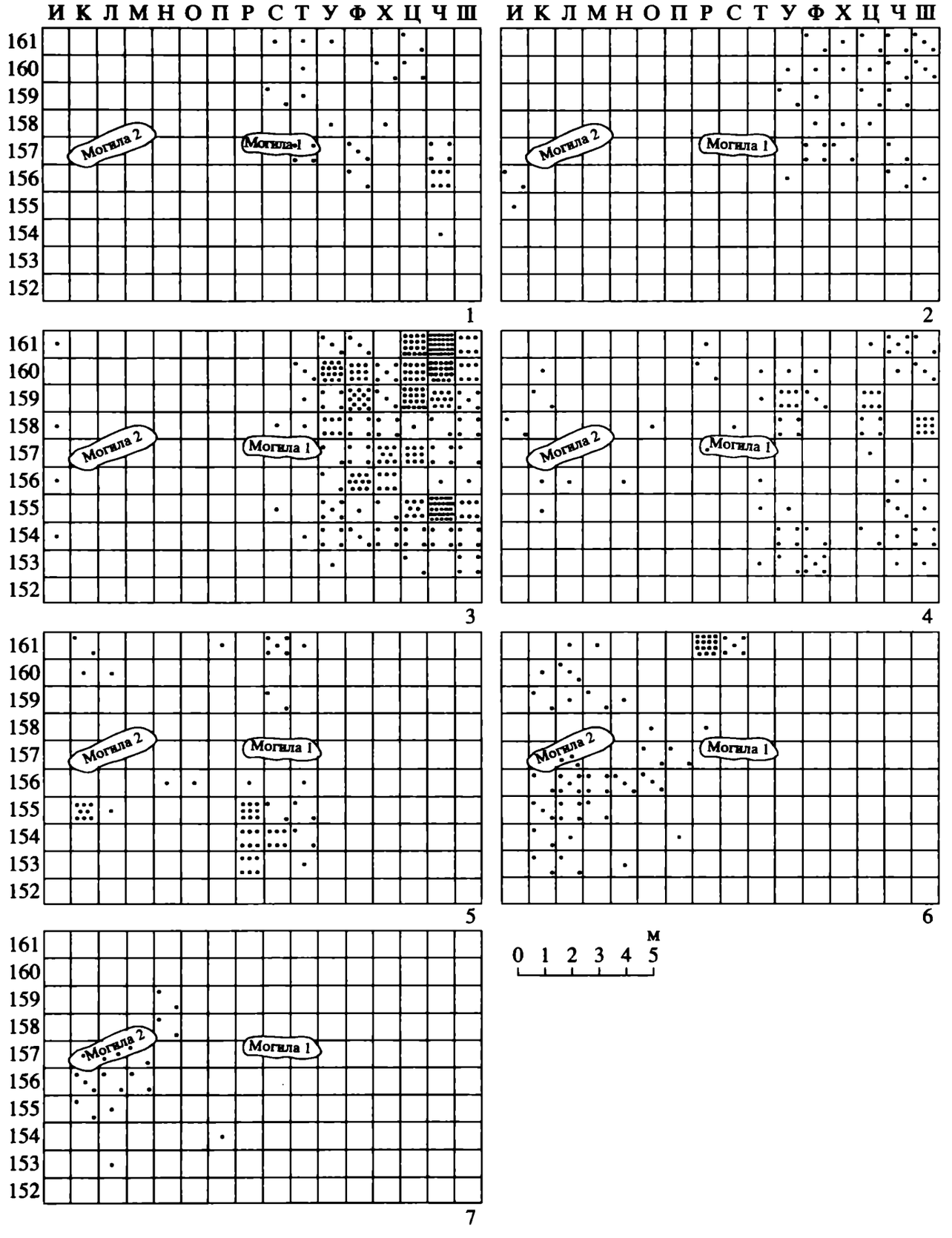

Рис. 5. Планы распространения крупных костей.

по залеганию крупных костей и угля по линиям Г-Щ/157–156 и Г-Щ/153–154 (рис. 12). Крупные кости в силу своих размеров и массивности менее других предметов подвержены смещению в результате криогенных нарушений культурного слоя. Уголь является одной из многочисленных категорий массового материала, его распространение на памятнике имеет большое значение при

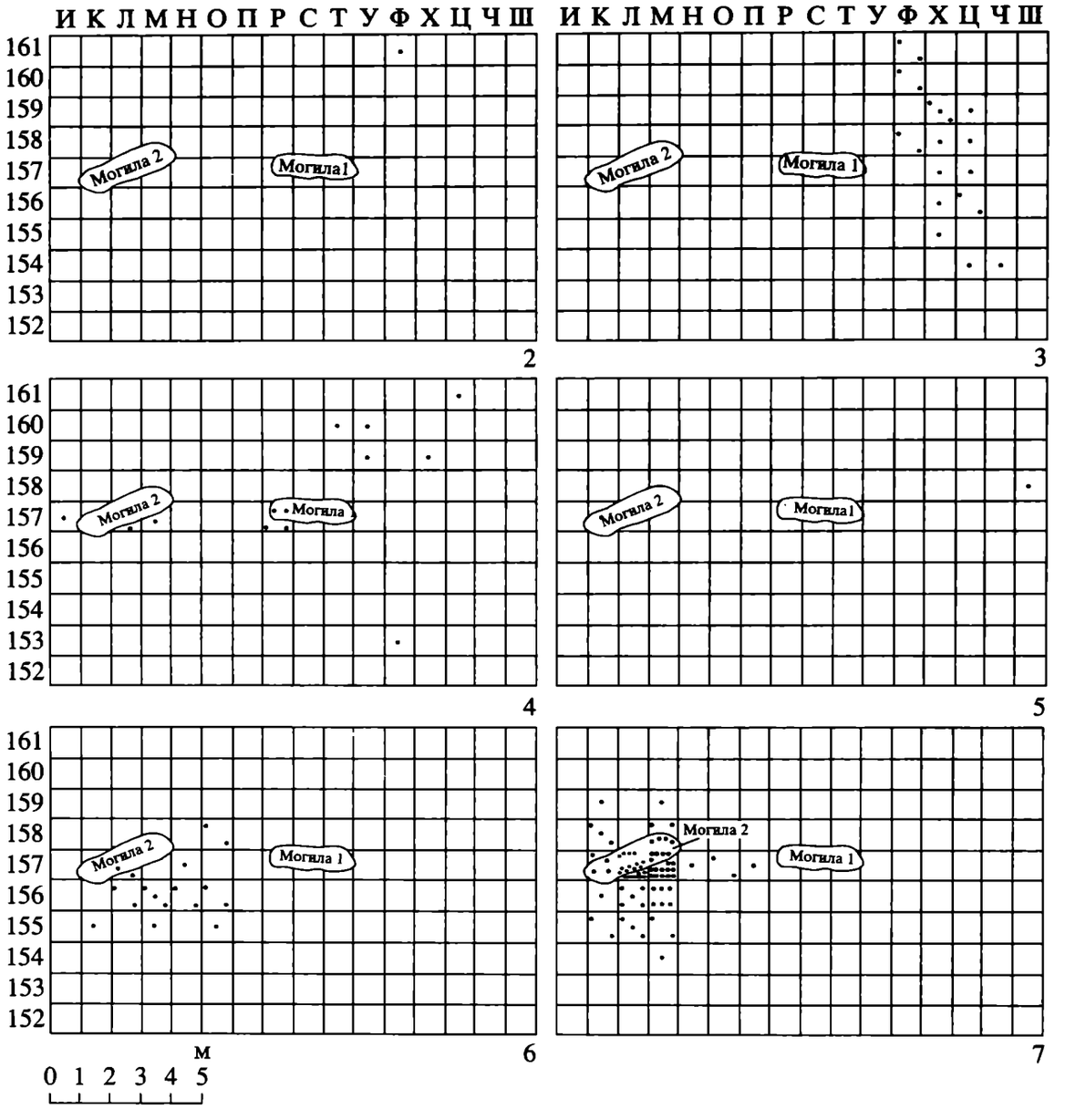

Рис. 6. Планы распространения изделий из кости.

реконструкции поселения. На сводных профилях наглядно представлено, что на участках по линиям У-Щ и Г-З находки лежат горизонтально на блоках полигональной системы с максимальной концентрацией на глубине 0.35–0.52 м. На участках по линиям И-С видно постепенное смещение крупных костей и угля с глубины 0.0–0.17 м до глубины 0.92–1.02 м. Такая ситуация связана, скорее всего, с мерзлотными деформациями на участках по линиям К-С. Участки У-Щ и Г-З являются бортами ледяной жилы, где культурный слой сохранил свое изначальное горизонтальное залегание. Смещение крупных костей на участках К-С связано с проседанием культурного слоя по ледяному клину и прилегающим к нему участкам.

Таким образом, основное скопление находок в раскопе II сосредоточено на участке У-Щ/165–153 на глубине 0.0–0.72 м в устойчивой части культурного слоя. Не подлежит сомнению прочная связь в расположении крупных костей, кремневых и костяных изделий, угля и охры на данном участке. Культурный слой залегает горизонтально, максимальная концентрация предметов прослеживается на глубине 0.35–0.52 м. В пределах этого скопления находок были зафиксированы три очажные ямы № 12–14 (Бадер, 1978. Рис. 36), обнаруженные на глубине 0.54–0.57 м. Они приурочены к нижней части культурного слоя, в заполнении двух из них была прослежена охра. Можно предположить, что дневная поверхность поселения находилась в пределах 0.45–0.55 м.

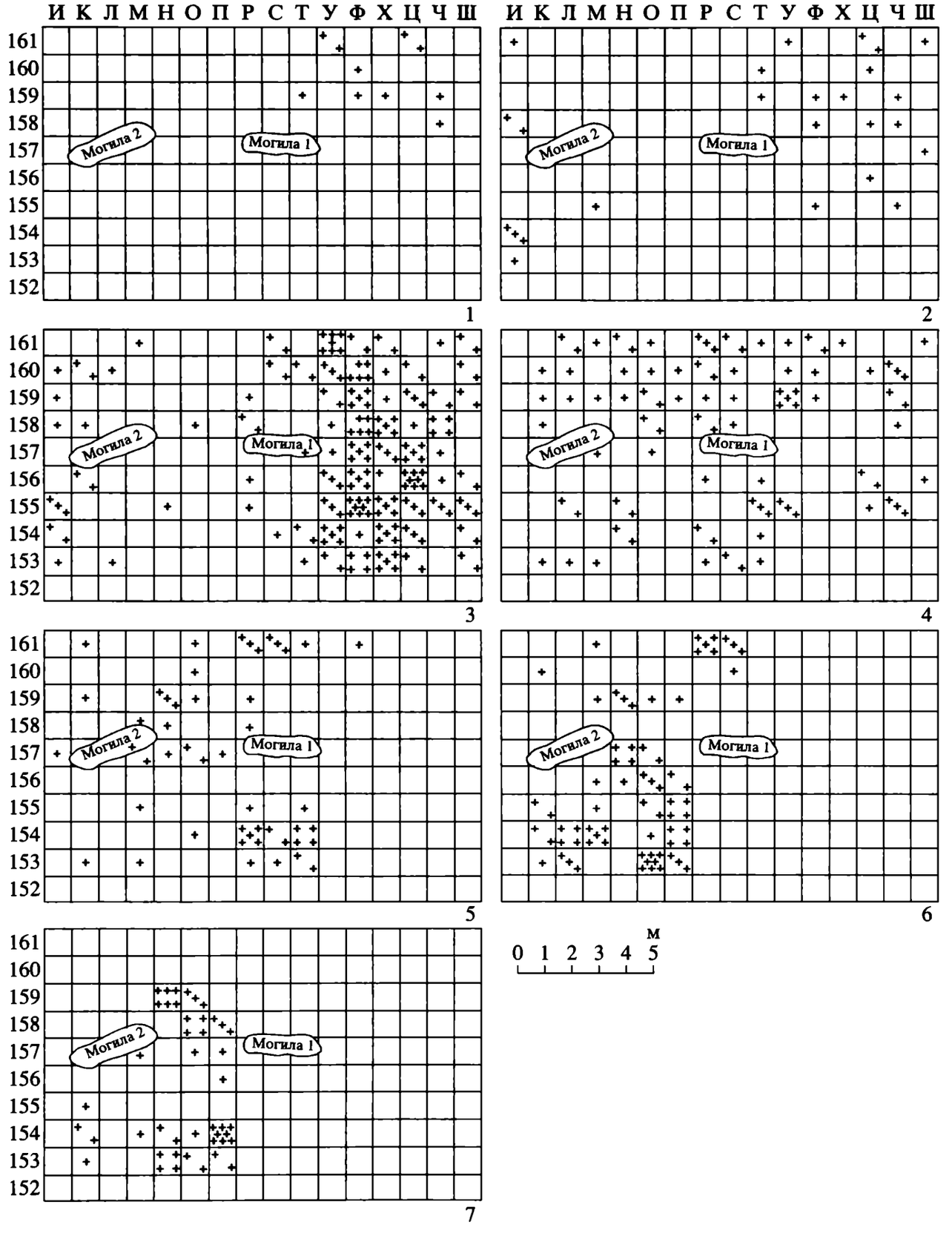

Рис. 7. Планы распространения кремневых орудий.

Второе скопление находок раскопа II выявлено на участке К-С/161–153 в нарушенной части культурного слоя на глубине 0.52–1.13 м с наибольшей концентрацией предметов в пределах 0.82–1.13 м. На этом участке находятся и погребения, а также остальные очажные ямы (№ 2–11). Они расположены на глубине 0.92–0.95 м. Эти ямы связаны с могилами 1 и 2. Как уже говори-

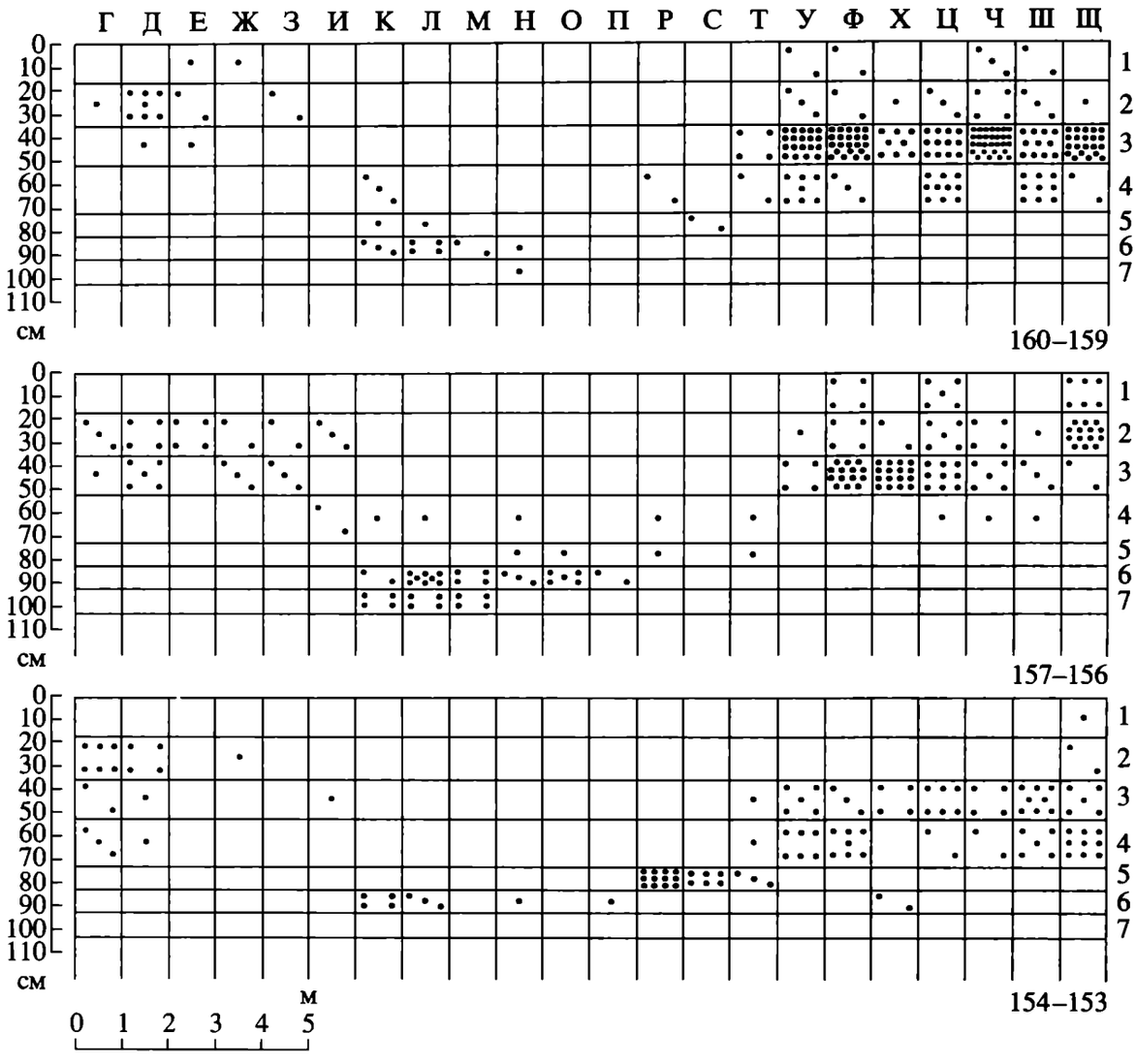

Рис. 8. Крупные кости.

лось выше, нарушения слоя вызваны его проседанием по ледяным трещинам и прилегающей к ним площади. Тем не менее ямы № 2–11 практически не были разрушены криогенными процессами. Таким образом, можно говорить о двух уровнях расположения очажных ям.

На рис. 2 дана схема расположения ледяных жил и могильных ям в центральной части раскопа II. Могила 1 находится на "замке" ледяной жилы. Поскольку широкая часть клина располагалась значительно выше основного погребения могилы 1, оно практически не пострадало. Тем не менее просадка культурного слоя над могилой 1 наблюдается. Могила 2 расположена на участке, непосредственно прилегающем к ледяной жиле. Нижнее (основное) погребение в этой могиле не было нарушено, но верхнее погребение и изначальное положение предметов в культурном слое было деформировано в результате просадок на прилегающей к ледяной трещине площади памятника. По профилям залегания основных категорий находок представляется возможным говорить о существовании еще двух ледяных трещин на участке К-С.

На основании изучения профилей раскопа II, восстановленных по глубине залегания археологического материала, можно предположить, что древний рельеф стоянки был неровный. В древности существовало некое понижение, прослеживаемое в настоящее время в центральной части раскопа. По этому понижению и прошла трещина по линии О-П-Р/170–141 (рис. 2). Вероятно, погребения были сооружены не на возвышенной части стоянки, а в понижении.

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении концентрации охры в культурном слое и могильных ям. В связи с этим представляется необходимым уточнить глубину залегания могил 1 и 2. По данным О.Н. Бадера, могила 1 была зафиксирована на глубине 0.6 м от начала находок, могила 2 располагалась стратиграфически ниже

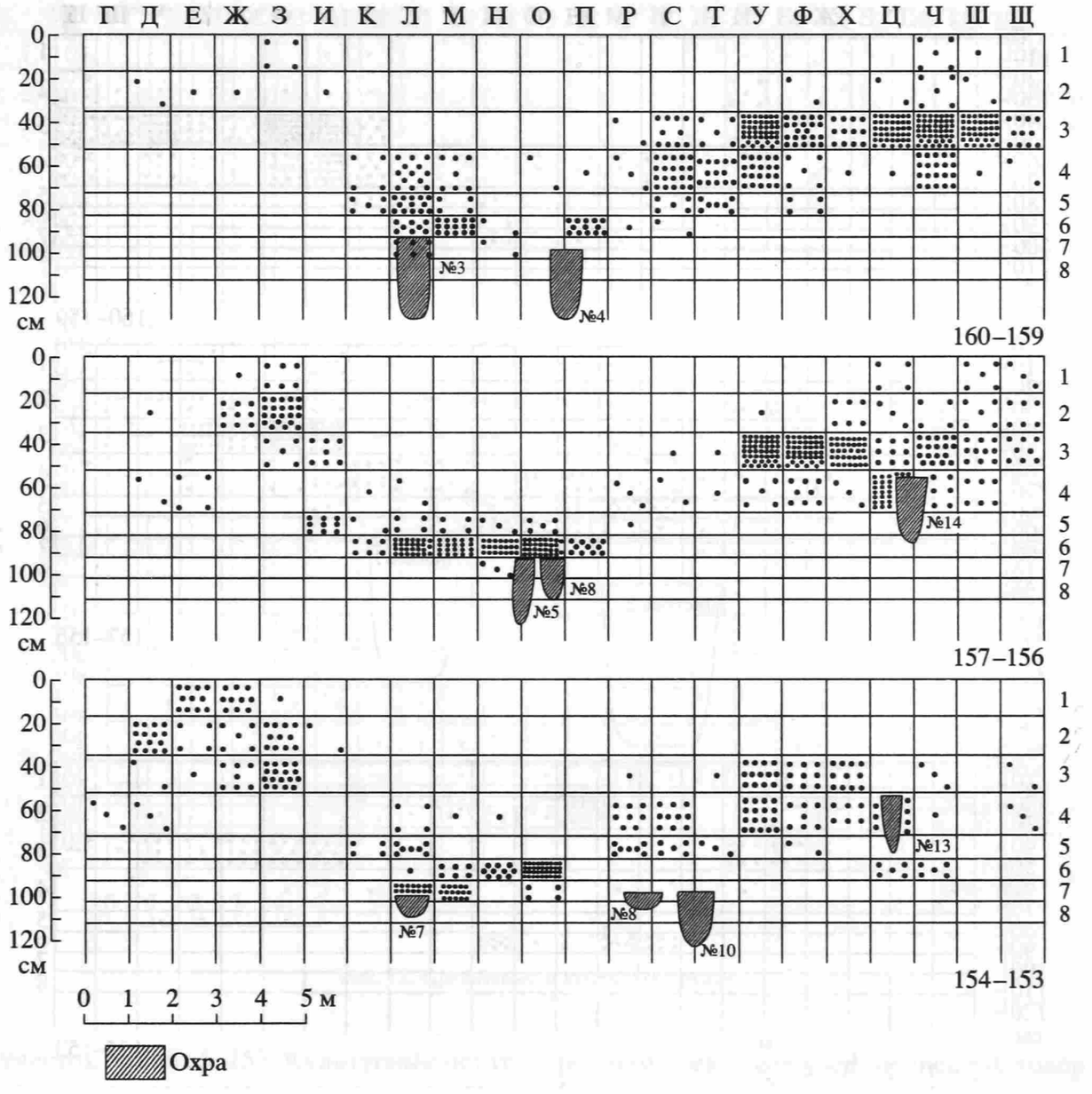

Рис. 9. Уголь.

могилы 1. Верхнее разрушенное погребение могилы 2 находилось на глубине 0.78 м от начала находок (Бадер, 1998. С. 45). Принимая во внимание тот факт, что на квадратах К-Т/161–153 начало первого условного горизонта отсчитывалось от отметки 0.35 м, от ноля (по данным статистических карточек О.Н. Бадера), глубина, на которой было зафиксировано верхнее погребение могилы 2, будет равна не 0.78, а 1.13 м. Соответственно, глубина верхнего погребения могилы 1 будет равна 0.95 м. Такое предположение не противоречит наблюдениям О.Н. Бадера по поводу стратиграфического положения могилы 1 и могилы 2. Он писал, что верхнее погребение могилы 1 находилось на высоте 10–15 см над подстилающей супесью, а верхнее погребение могилы 2 лежало на 3–5 см ниже контакта почвы с подстилающей супесью (Бадер, 1998. С. 64).

На глубине 0.52–0.72 м прослеживается некоторая концентрация охристых включений над поверхностью могилы 1 и могилы 2 (рис. 4). Над могилой 1 находки охры в культурном слое прослеживаются до глубины 0.82 м. Над могилой 1 и прилегающими к ней участками включения охры достигают максимального количества на глубине 0.82–0.92 м (рис. 4). Необходимо отметить, что на этом уровне наблюдается значительный разброс местонахождений охры в северо-восточном и юго-восточном направлениях от могилы 2. Над самой могильной ямой прослежены только единичные включения охры.

Исходя из приведенных наблюдений, можно предположить, что некоторая связь между рас-

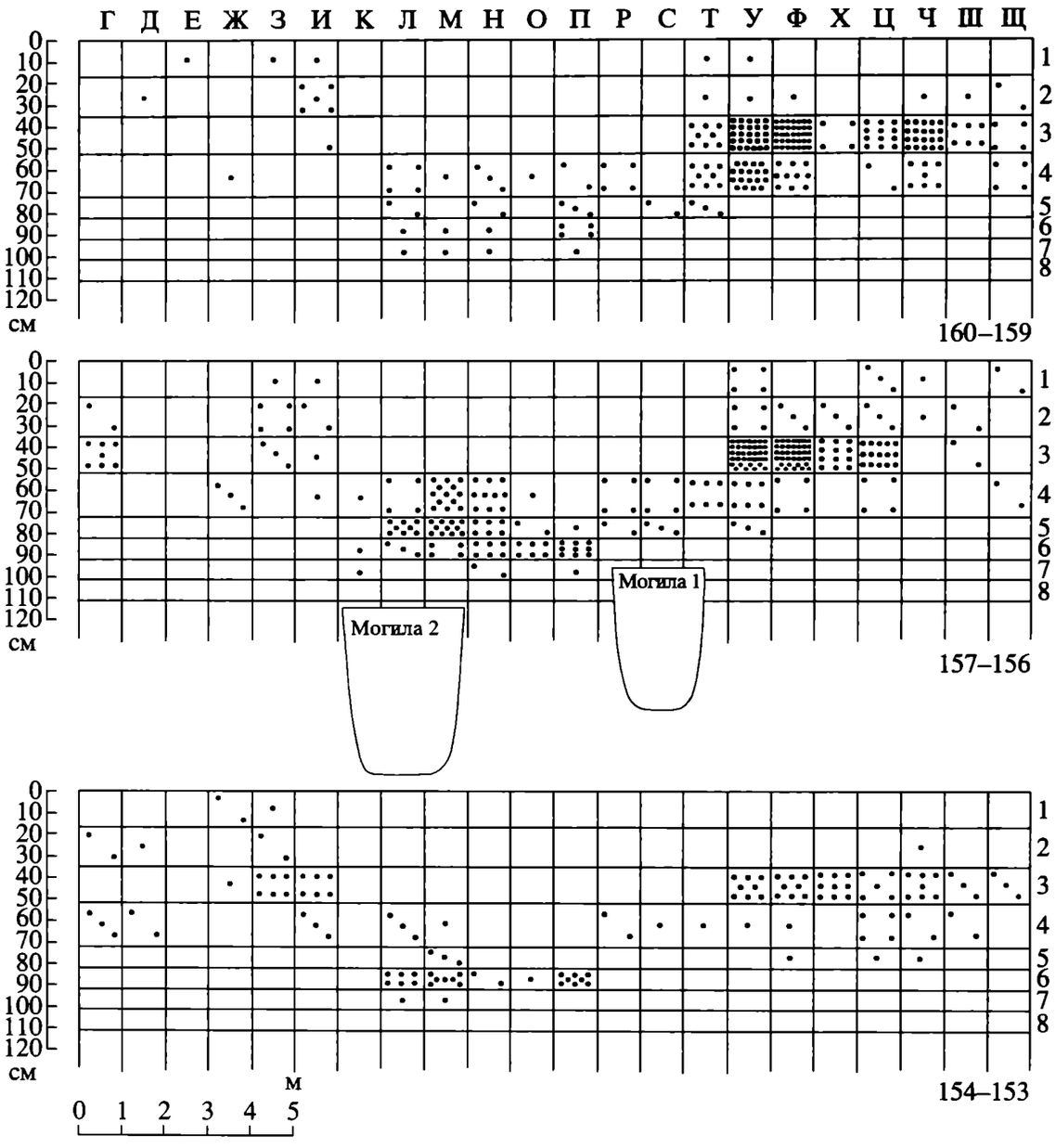

Рис. 10. Охра.

пространением охры в культурном слое и могильными ямами существует. Однако четкой концентрации охры в слое непосредственно над могильными ямами не прослеживается. Такая ситуация может быть объяснена следующими причинами:

1. Концентрация охры в культурном слое над могилами 1 и 2 связана с заполнением могильных ям верхних погребений, мощность которых неизвестна.

2. Концентрация охры в культурном слое над могилами и прилегающими к ним участками может быть связана с ритуальными ямами, зафиксированными на исследуемом участке на достаточно большой глубине.

Особый интерес представляет планиграфия костяных изделий на разной глубине культурного слоя и их связь с могилами. На рис. 6 видно, что с глубины 0.82–0.92 м костяные изделия начинают концентрироваться вокруг могилы 2, а на глубине более 0.92 м их количество резко увеличивается. Это свидетельствует о прямой связи между залеганием костяных изделий в культурном слое и могилой 2. Над могилой 1 в культурном слое прослежено всего четыре костяных предмета на глубине 0.35–0.52 м (рис. 6).

Использованные методы исследования (планиграфия всех категорий предметов с учетом их глубины залегания, реконструкция профилей залегания археологического материала, где за основу были взяты глубины залегания предметов от нулевого репера) позволяют выделять участки культурного слоя поселения Сунгирь (раскоп II), не подверженные мерзлотным деформациям, на-

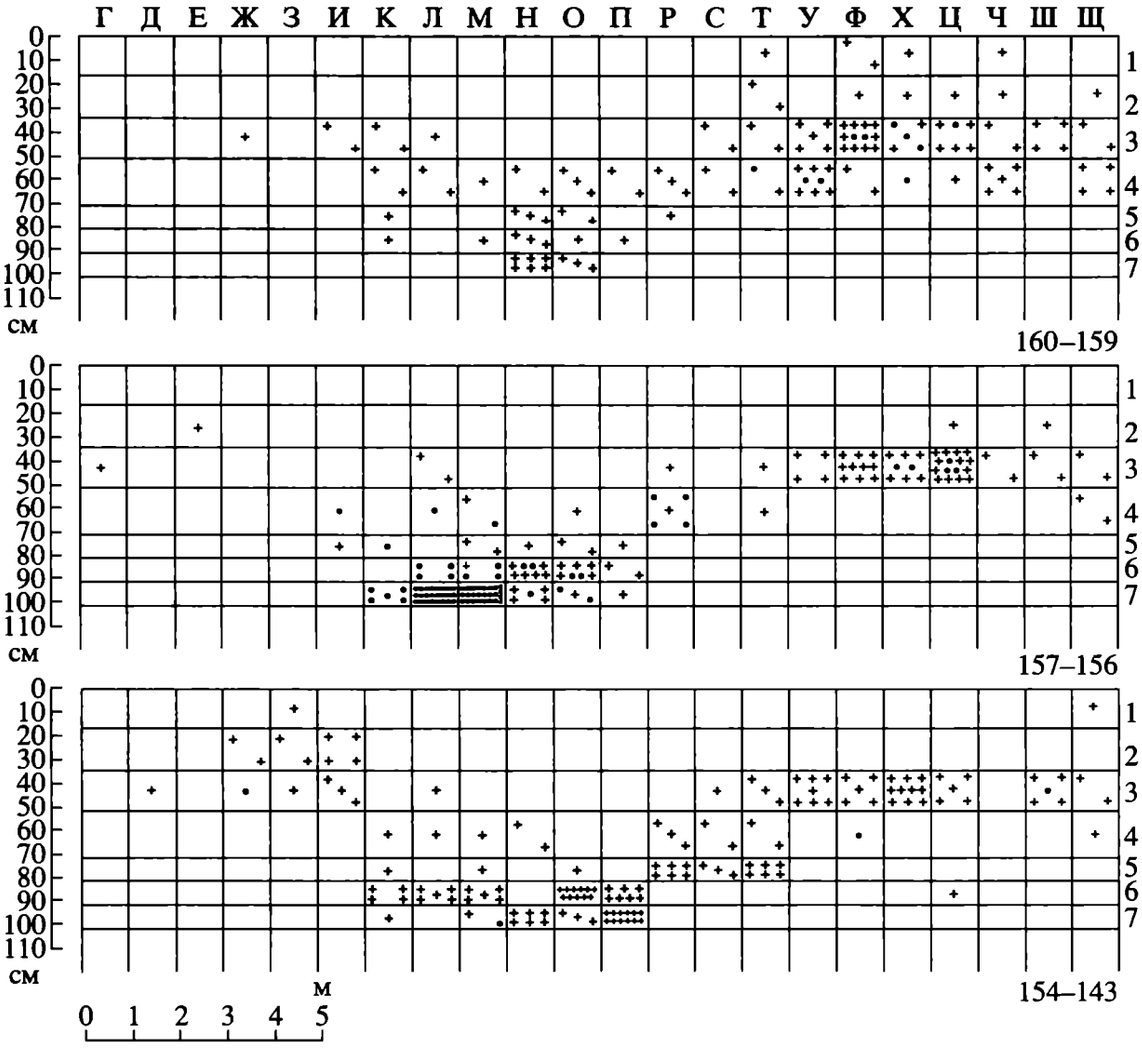

Рис. 11. Кремневые и костяные орудия.

пример участок У-Щ/165–153. Культурные остатки, зафиксированные на таких участках, являются наиболее надежным источником для общей характеристики поселения. Более того, участки с измененной структурой культурного слоя под воздействием мерзлоты должны рассматриваться только в сравнении с вышеназванными.

В этой связи следует поставить вопрос о двух жилых площадках, выделенных О.Н. Бадером на площади раскопа II. Действительно, в этой части поселения Сунгирь прослеживаются два больших скопления предметов. При этом, на квадратах У-Щ/165–153 находки концентрируются в верхней половине культурного слоя, а на квадратах К-С/161–153 – в нижних горизонтах культурного слоя. С учетом мерзлотных деформаций последнего участка и опускания большой площади культурного слоя можно предположить его первичное залегание на более высоком уровне. В таком случае, две разные жилые площадки, обозначенные автором раскопок, будут представлять единый участок площади культурного слоя с неровным древним рельефом дневной поверхности. Возможно, в этой части памятника существовала ритуальная площадка, действовавшая длительное время, а между сооружением могил и образованием скопления крупных костей, кремня и костяных орудий, угля и охры был временной разрыв.

Изучив горизонтальное и вертикальное распределение археологического материала в культурном слое раскопа II, можно с большой осторожностью судить о древнем рельефе поселения, о существовании понижения в центральной части раскопа II, а также о предположительном уровне дневной поверхности поселения.

Стратиграфия культурного слоя, составленная на основании глубины залегания находок, позволяет выделять объекты, различные по времени существования, например очаги на разной глубине залегания, сооружение могил и скопления охры, крупных костей, кремневых и костяных изделий, наличие единой ритуальной площадки. Судя по расположению находок на планах с учетом глубины залегания и в реконструируемых профи-

Отделение

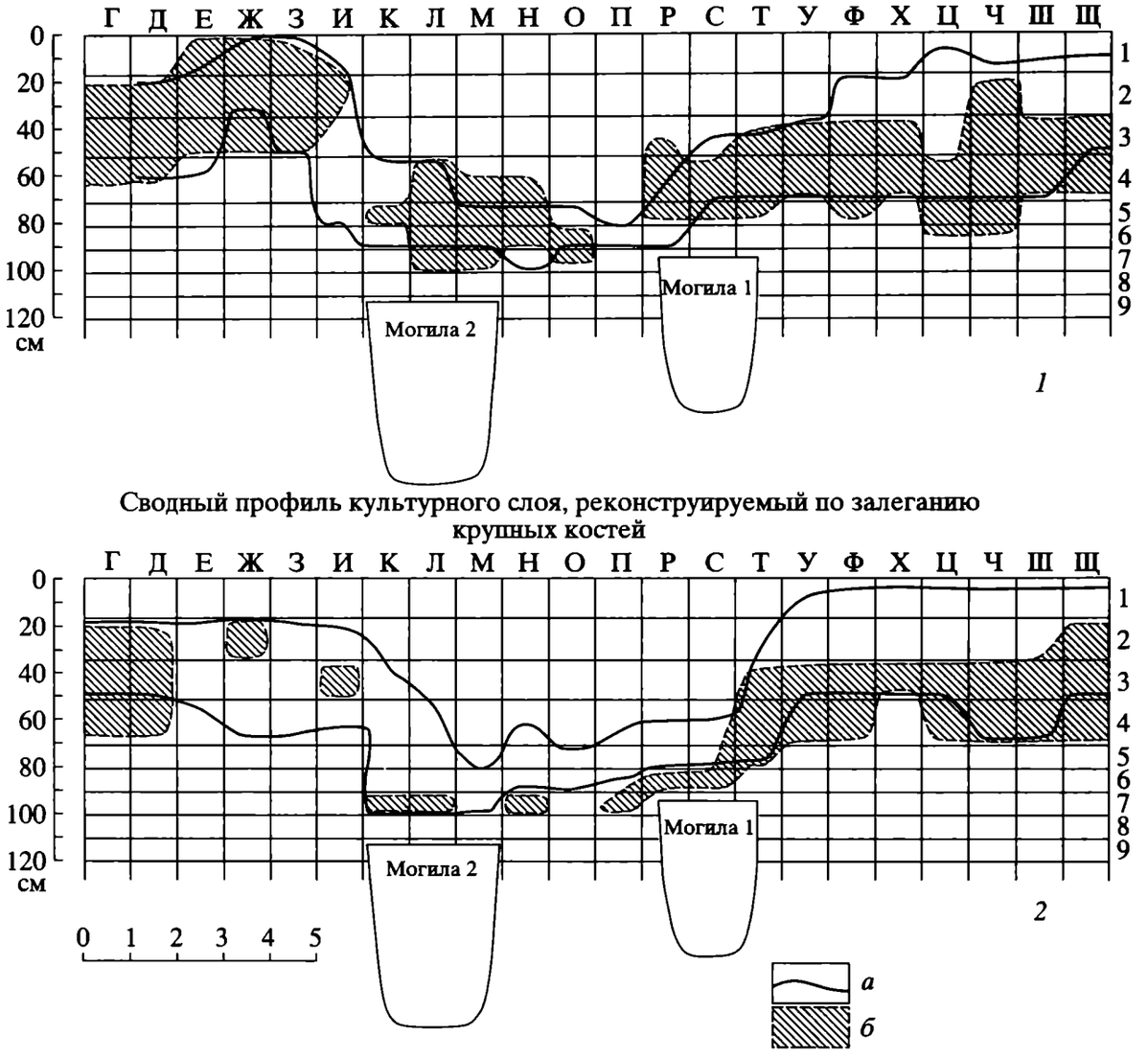

Рис. 12. Сводный профиль культурного слоя, реконструируемый по залеганию угля (1); сводный профиль культурного слоя, реконструируемый по залеганию крупных костей (2): а – профиль по линии 157–156; б – профиль по линии 154–153.

лях, культурный слой перекрывает обе могилы и очажные ямы, связанные с ними. Таким образом, могилы могут быть старше культурного слоя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Палеоэкология и люди стоянки Сунгирь // Палеоэкология древнего человека. М., 1977.

Бадер О.Н. Сунгирь, верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978.

Бадер Н.О. Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М., 1998.

Величко А.А. Природный процесс в плейстоцене. М., 1973.

Гугалинская А.А., Алифанов В.М. Ископаемые почвы позднего плейстоцена и особенности почвообразовательного процесса по материалам поселения Сунгирь // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М., 1998.

The characteristic of the station Sungir' cultural deposit with the regard for the permafrost deformations

E. D. Kaverzneva

Summary

The site Sungir' was investigated by O.N. Bader for 16 field seasons, the excavated area totalling 4500 sq. m. The object of the present investigation was the central part of the south-western area of the dwelling site. It was here that the known burials have been discovered, the majority of hearths and ritual pits are also known

the same area. The work is based on O.N. Bader's archive materials, in particular, the statistical cards compiled for each square of the excavation trench. When analysing the distribution of finds in the cultural deposit we took into account not the numbers of conventional horizons, but the finds and objects depth measured from the datum mark. This approach seems to be more correct, as far as the investigation of the cultural deposit in different parts of the site are concerned. To characterize the cultural deposit the schemes of finds' distribution were made with the regard for their depth. They comprised charcoals, ochre, big bones, antler and flint artefacts. The sections of excavation area have been reconstructed according to the finds' depth (Figs. 2–12). The applied method permits to raise the question concerning correction of the results obtained before; some new interpretations of the archive material are also suggested. Having completed this work it becomes possible to draw some conclusions on the station's ancient relief, the supposed level of the ground surface in the investigated portion of the site, and to single out the objects dated to different stages of its functioning (the hearths discovered on different levels, burial pits, and accumulations of main categories of finds. The existence of single ritual area has also been registered. Judging from the planigraphy and the reconstructed cross-sections reflecting positions of the finds, the cultural deposit was superimposed over the both graves and the hearths connected with them. Consequently, the graves could have been dated earlier than the cultural deposit.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 20–32

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИЗ ГЛИНЫ В НЕОЛИТЕ–ЭНЕОЛИТЕ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

© 2004 г. Е. А. Кашина

Государственный Исторический музей, Москва

Древние изображения человека из глины известны в разных регионах земного шара и в разные эпохи. Среди них наиболее известными в Восточной Европе являются предметы мелкой пластики раннеземледельческих культур. Однако существует гораздо менее известная и значительно меньшая по количеству группа изображений из глины, создателями которой были поздние охотники и собиратели Северной и Восточной Европы. Эпоха позднего каменного века и раннего металла этих территорий исключительно богата предметами мелкой пластики из разных материалов, представленных более чем 400 антропоморфными и зооморфными изображениями, особый расцвет которых приходится на III тыс. до н.э. Антропоморфные изображения, обсуждаемые в настоящей работе, – это одна из немногих групп, относительно неплохо представленных в количественном отношении.

Территория данного исследования ограничена рамками северной и центральной части Восточной Европы (рис. 1). Образцы мелкой пластики из глины известны в Карелии, Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Новгородской, Ярославской, Ивановской, Московской, Владимирской областях, в Литве, Латвии, Эстонии. Их общее количество сегодня составляет более 50 экз. Антропоморфные изображения из глины этого же времени – (конца IV – начала II тыс. до н.э.) известны также на территории Финляндии, от Финского залива и почти до Северного Полярного круга, а также на Аландских островах. Всего на территории Финляндии найдено более 100 антропоморфных изображений из глины и их фрагментов (Núñez, 1986).

Большинство изображений принадлежит кругу культур гребенчато-ямочной керамики IV – первой половины III тыс. до н.э. на территории Восточной Балтии, Карелии, северо-запада и севера России (32 экз.). Меньшая часть относится к культурам ямочно-гребенчатой керамики – Центр Европейской части России, конец IV – начало III тыс. до н.э. (3 экз.), памятников с пористой (Восточная Балтия – 13 экз.) и асбестовой керамикой (Карелия) середины III – начала II тыс. до н.э. (2 экз.).

Целый ряд специфических особенностей этого источника делают его трудным для изучения. К ним относятся хрупкость самого материала и связанная с этим сложность сохранения фигурок в многослойных памятниках, а также возможное преднамеренное разбивание некоторых из них. Все это стало причиной того, что большая часть изображений дошла до нас во фрагментах. Кроме того, значительная часть находок происходит из старых раскопок, поэтому их контекст часто неизвестен; лишь единичные вещи из раскопок, преимущественно последних десяти лет, имеют абсолютную датировку по образцам из погребений и слоя пола жилища. Исследуемые предметы хранятся в разных музеях, и поэтому их непосредственное изучение сопряжено с целым рядом трудностей. При подготовке работы визуально мною было исследовано около половины всех рассматриваемых здесь предметов; это, прежде всего, российские материалы. Остальная часть изучена по публикациям. К сожалению, несколько экземпляров изданы без иллюстраций и точное место их хранения пока неизвестно.

История исследования изображений. Отечественные и финские исследователи уже около 100 лет периодически обращаются к анализу этих изображений, так как количество этих находок медленно, но неуклонно растет.

Рассматриваемые предметы впервые привлекли внимание финских исследователей в начале XX в. как необычные глиняные изделия, не относимые к керамике, и при этом отличавшиеся устойчивостью форм. Б. Цедерварф на поселении Jomala Jettböle (Йетбелле) на Аландских островах выявил около 60 скульптур и их фрагментов (Cederhvarf, 1912). Раскопки С. Пельси поселений в районе Выборга принесли еще одну серию изображений из глины (Pälsi, 1920). Был опубликован ряд предметов и из других областей материковой Финляндии (Ailio, 1909; Äyräpää, 1942), получивших название "глиняных петухов" и "фаллических амулетов". В силу ряда причин А.Я. Брюсов, М.Е. Фосс и Л.Ю. Янитс (Брюсов, 1940; Фосс, 1952; Янитс, 1959) избегали напрямую сопоставлять свои немногочисленные материалы с финскими. Признавая их большое сходство с так называемыми "фигурками с бобовидным тор-

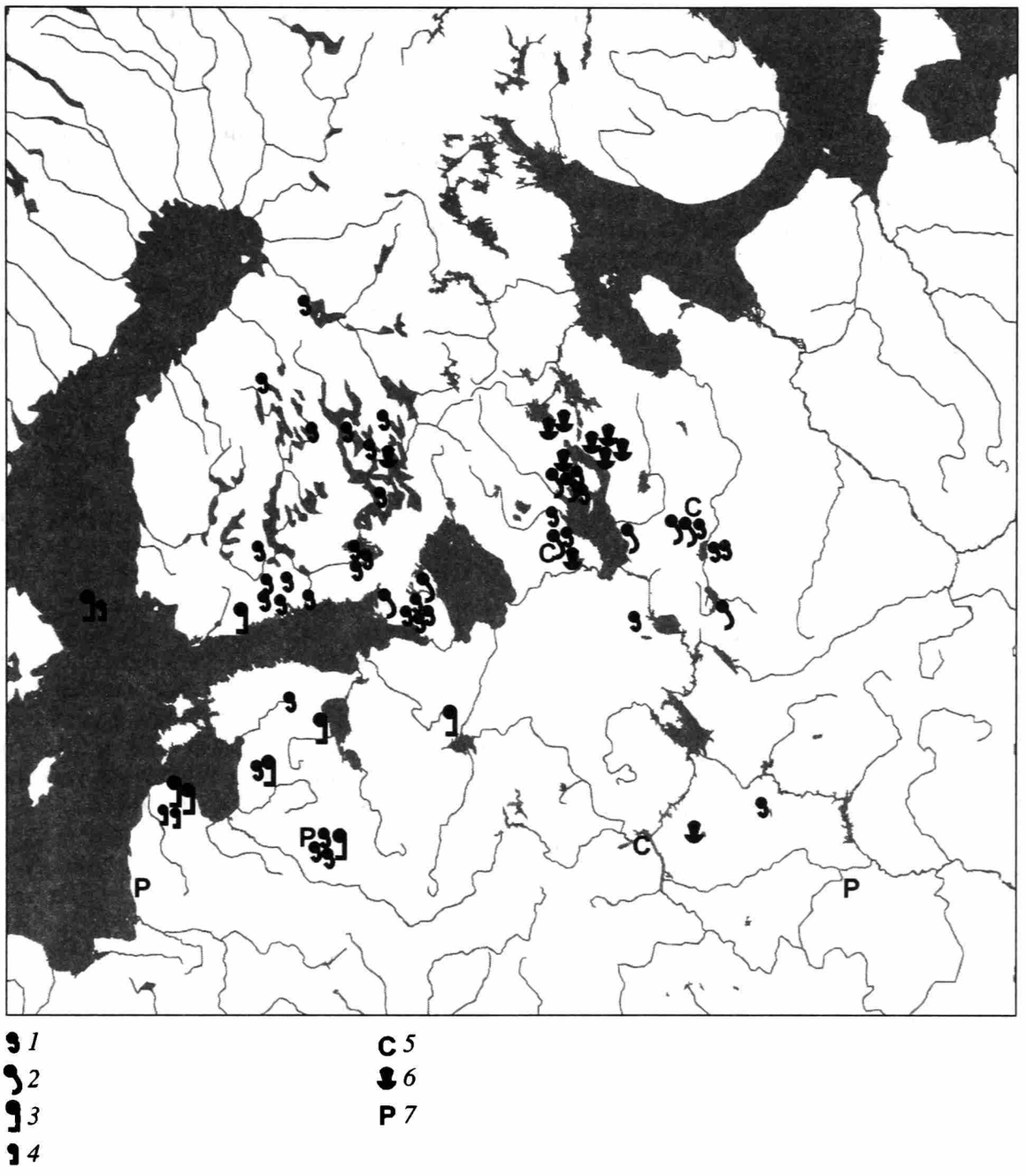

Рис. 1. Распространение глиняных антропоморфных изображений в лесной зоне Восточной Европы и Финляндии; *1* – мелкая сильносогнутая скульптура; *2* – крупная слабосогнутая скульптура; *3* – крупная прямая скульптура; *4* – мелкая прямая скульптура; *5* – скульптура со смешанным набором признаков; *6* – скульптура на сосуде; *7* – рельеф на сосуде.

сом", они предпочитали определять подобные находки из своих раскопок как зооморфные изображения (птиц, медведя). Начиная с 1960-х годов и позднее, появились обобщающие работы по финским (Miettinen, 1965; Wyszomirska, 1984; Núñez, 1986), восточноприбалтийским (Loze, 1970; 1995) и карельским (Ошибкина, 1978; 1992; Жульников, 1999) материалам. До настоящего времени наиболее полная сводка восточноевропейских изображений с подведением итогов изучения их морфологии, хронологии и смысловой нагрузки была сделана С.В. Студзицкой (1985).

Специфический внешний вид этих изображений послужил основной причиной споров о трактовке их природы. Исследователи долгое время сомневались, считать ли их только зооморфными, или выделять среди них как зооморфные, так и антропоморфные изображения. В отечественных и зарубежных работах последних 20 лет применительно к ним господствует определение "антропоморфный", которое кажется более оправданным.

Среди этих предметов нет двух абсолютно одинаковых, каждый по-своему уникален и обладает

своими мелкими особенностями. По этой причине их вообще очень трудно описывать и анализировать по какой-то единой морфологической шкале. Тем не менее было предпринято несколько попыток их морфологической классификации.

И.А. Лозе в ряде своих статей (Лозе, 1970; Loze, 1970; 1995) предложила типологию 12 глиняных изображений Восточной Прибалтики, не затрагивая известные ей изображения других территорий. Она выделила 3 группы по *различным* морфологическим признакам: 1-я группа (9 экз.) выделена по признаку приподнятой головы и плоского основания, 2-я группа (2 экз.) – по массивному, резко выступающему носу; 3-я группа (1 экз.) – по оформлению черт лица пластическими приемами (Лозе, 1970. С. 49–53). В работе 1995 г. она рассматривает те же самые вещи с позиций, близких к классификации финского исследователя М. Нуньеса. Он в свою очередь обобщил методические разработки А. Европеуса (Äyräpää, 1942), Т. Миеттинена (Miettinen, 1965) и Б. Вышомирски (Вербарт) (Wyszomirska, 1984) и выделил три основные группы глиняных изображений. Морфологические различия этих групп в целом описаны достаточно четко: группа W ("западная") – выпрямленные без проработанных черт лица, группа E ("восточная") – согнутые, группа Å ("аландская") – выпрямленные с проработанными чертами лица. Он соотносит группу W с ранним периодом культуры гребенчатой керамики, группу E – с "типичным" и поздним периодами культуры гребенчатой керамики, группу Å – с периодом бытования культуры шведской ямочной керамики (Núñez, 1986). Автор не ставил перед собой задачу создания строгой классификации и выделил лишь самые основные группы, как и его предшественники. Шагом вперед является лишь выделение им группы "атипичных" изображений, в которую было включено несколько сильно поврежденных вещей. В целом, выводы автора достаточно стройны и базируются на анализе как минимум полусотни финских глиняных скульптур.

Полученные исследователями выводы в обобщенном виде сводятся к следующему:

1) глиняные скульптурные изображения в Восточной Европе морфологически подразделяются на две большие группы: "эмбрионовидные" (термин, предложенный Т. Миеттиненом), относящиеся к концу IV–III тыс. до н.э., и "прямые с приподнятым плоским лицом", аналоги которым в значительном количестве известны на Аландских островах и которые относятся ко второй половине III – началу II тыс. до н.э.;

2) изображения изготавливались и использовались населением с общим кругом идеологических воззрений, и образ человека был подчинен единому, по их мнению, "канону", хотя "иконография" менялась;

3) эти фигурки следует считать культовыми предметами, вероятно, связанными с магическими обрядами, культом плодородия и домашнего очага;

4) они, несомненно, отражают разного рода взаимные влияния и связи неолитического населения в пределах Северной лесной зоны.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы выяснить, какое значение имели глиняные антропоморфные изображения для общества поздних охотников и собирателей лесной зоны Восточной Европы, и попытаться определить их пространственно-временны́е и семантические особенности. Основные задачи состоят в изучении *всех* известных на данный момент глиняных изображений на основе более углубленного морфологического анализа, а также в рассмотрении проблем функционально-смыслового назначения изображений с привлечением не только контекста находок, но и особенностей их орнаментации. Методической базой данной работы является классификация, построенная на морфологическом анализе материалов с применением картографирования и обобщения данных по хронологии. Основное внимание будет сосредоточено на восточноевропейских материалах лесной зоны. В связи с тем, что подробное исследование финских материалов уже проводилось (Wyszomirska, 1984; Núñez, 1986), здесь они будут привлекаться в качестве аналогий.

Классификация изображений. В основе предлагаемой классификации лежит принцип двухэтапного рассмотрения изображений. На первом этапе определяется: 1) их принадлежность к скульптурным или рельефным; 2) положение – самостоятельное или зависимое (на сосуде) и 3) степень полноты изображения (полнофигурное или только голова). На втором этапе рассматриваются внутренние особенности только группы полнофигурной скульптуры.

На первом этапе все глиняные изображения разделяются на пять групп (рис. 2): 1) полнофигурная скульптура (около 42 экз.); 2) полнофигурная скульптура на сосуде (3 экз.); 3) скульптура головы на сосуде (6 экз.); 4) полнофигурный рельеф на сосуде (2 экз.); 5) рельеф головы на сосуде (1 экз.).

Полнофигурная скульптура представляет собой изображение, включающее такие элементы, как: голова, туловище, руки и ноги (последние два элемента встречаются редко). Элементы полнофигурной скульптуры на сосуде: голова, туловище, руки. Концы рук крепятся на краю сосуда сверху, низ туловища – на венчике или стенке. Изображение ориентировано лицом внутрь сосуда. Скульптура головы на сосуде имеет в своем составе единственный элемент. Она закреплена на венчике сверху и ориентирована лицом внутрь сосуда. Полнофигурный рельеф на сосуде вклю-

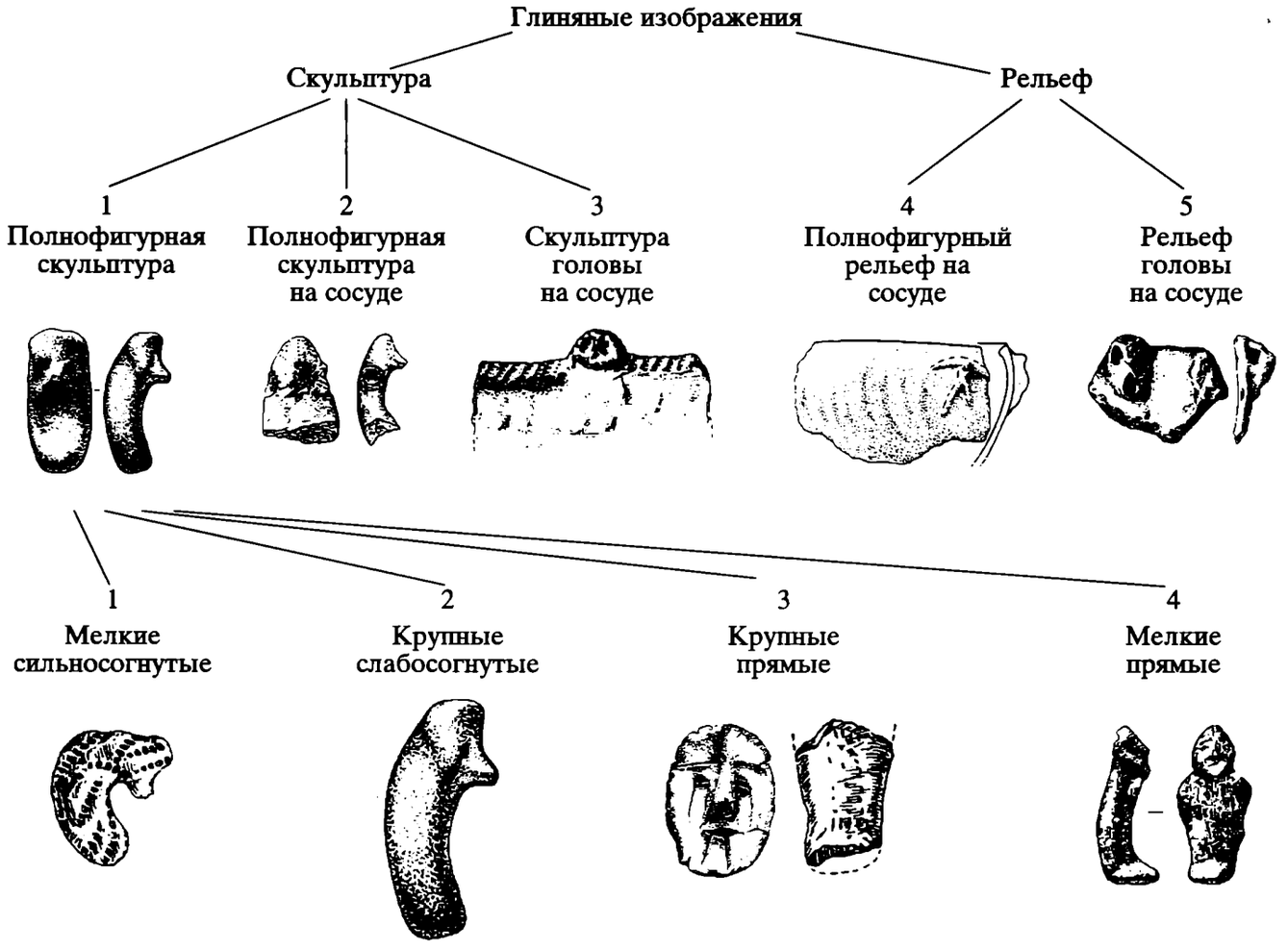

Рис. 2. Классификация глиняных антропоморфных изображений.

чает голову, туловище, руки и раздельно выполненные ноги. Изображение расположено в верхней части сосуда, голова доходит до его края. Черты лица отсутствуют, поэтому выяснить, в какую сторону оно обращено, сложно. Рельеф головы на сосуде расположен так же, как изображения предыдущей группы. Наличие черт лица позволяет определить, что оно обращено наружу.

Помимо полнофигурной скульптуры, к которой было приковано наибольшее внимание всех исследователей, существует ряд изображений иного характера, которые нельзя игнорировать. Немногочисленные антропоморфные головки и скульптуры, закрепленные на краю сосудов, рассматривались некоторыми исследователями как сходные, но не сопоставимые напрямую со скульптурой. Большое сходство в оформлении лица скульптуры и головок, закрепленных на сосудах, отмечает А.М. Жульников (1999. С. 71). Существуют также три рельефных изображения, место которых в ряду остальных пока совершенно неясно.

Рассмотрим более подробно особенности первых трех групп изображений.

Полнофигурная скульптура. Внутри этой группы изображения различаются прежде всего по их размеру и степени согнутости фигуры. Первый признак имеет два значения – "мелкие" (до 4.5 см) и "крупные" (более 6.0 см). Скульптура высотой от 4.5 до 6.0 см практически отсутствует. По второму признаку скульптуры разделяются на "сильносогнутые" (угол в центральной части скульптуры составляет около 90°), "слабосогнутые" (угол около 120°) и "прямые" (угол около 180°).

Отмечено, что у всех целых форм длина головы составляет не более половины длины всей фигуры. Это позволяет при изучении фрагментов скульптур использовать данные об их общих пропорциях. Опираясь на данные по целым изображениям, можно с известной долей вероятности делать заключения и о фрагментах. Поэтому, если длина головы составляет примерно 3–3.5 см, то целая фигура при этом никак не может быть высотой менее 6 см. Таким образом, выделяются 4 основных подгруппы (рис. 2): 1) мелкие сильносогнутые (не более 18 экз.); 2) крупные слабосогнутые (не более 8 экз.); 3) крупные прямые (не более 7 экз.); 4) мелкие прямые (2 экз.).

Необходимо упомянуть некоторые характерные особенности изображений, которые являются сугубо индивидуальными и, поэтому, не могут быть использованы в систематике.

У скульптур подгруппы 1 обычными являются выступающий нос, спинной гребень, выполненный защипами, круглое в сечении туловище, иногда раздвоенные ноги. Глаза выполнены наколами или отсутствуют, уши смоделированы в виде выступов. У скульптур подгруппы 2 гребень отсутствует, нос менее выступающий, часто уплощенное в сечении туловище, глаза выполнены наколами или овальными вдавлениями (иногда обоими способами), рот (если имеется) показан единичным наколом. Скульптуры подгрупп 3 и 4 имеют плоские туловище и голову, пропорциональное лицо, близкое по форме кругу, овалу или ромбу. Черты лица выполнены так же, как у предыдущей подгруппы, рот (если изображен) передан горизонтальной нарезкой.

Таким образом, при всем многообразии индивидуальных особенностей скульптурные изображения обладают весьма существенными общими чертами, которые вполне поддаются систематике.

Кроме того, несколько целых или слабо поврежденных скульптур не укладываются в рамки выделенных подгрупп и обладают смешанным набором признаков: крупная сильносогнутая (Вигайналок 1), мелкая слабосогнутая (Кубенино) и слабосогнутая размером около 50 мм (Николо-Перевоз 2).

Скульптуры на сосуде. Две скульптуры на сосудах специфичны: у полнофигурной скульптуры нижняя часть сливается со стенками сосуда, а у скульптуры, представленной только головой, невозможно оценить степень согнутости. Малое количество этих находок может косвенно указывать на их особое положение внутри массива глиняной скульптуры. Однако, судя по их общим морфологическим особенностям, полнофигурная скульптура на сосуде по своему размеру и степени согнутости близка к подгруппе 2 – "крупные слабосогнутые" (отличие только в изображенных руках), а скульптуры голов на сосуде по своему размеру (3–3.5 см) будут близки к той же подгруппе (2) и по наличию аморфного лица с умеренно выступающим носом.

Рельефные изображения. Место трех рельефных изображений в морфологической классификации, к сожалению, определить пока затруднительно. Полнофигурные рельефы из Швянтойи 3 (Литва) и Волосово (Владимирская обл.), хотя и близки по своим размерам к подгруппам 2 и 3 ("крупные слабосогнутые" и "крупные прямые"), однако не имеют черт лица. Они показаны с широко раскинутыми руками и ногами, что полностью обособляет их от остальных групп изображений. Рельеф из Волосово орнаментирован рядом отпечатков узкого редкозубого гребенчатого штампа, по "каркасу" фигуры. Следы этого же штампа видны на стенке сосуда рядом с фигурой. Рельефное изображение головы со стоянки Оса (Латвия) размером чуть более 1 см отличается весьма экспрессивно выполненными чертами лица. Глаза и рот выполнены овальными вдавлениями, нос – небольшим выступом. Среди глиняных скульптур в единичных случаях встречена такая манера выполнения глаз, но рот является уникальным. Возможно, данный персонаж изображен кричащим или поющим.

Схема на рис. 3 показывает относительное время бытования изображений на рассматриваемой территории. К культуре с гребенчато-ямочной керамикой IV – начала III тыс. до н.э. относятся сильносогнутые скульптурные изображения и скульптуры голов на сосуде. Для культур с поздней гребенчато-ямочной и асбестовой керамикой середины – второй половины III тыс. до н.э. характерны слабосогнутые скульптуры и полнофигурные скульптуры на сосуде. Прямые скульптурные изображения Восточной Балтии использовались носителями культур с пористой керамикой второй половины III тыс. до н.э. и носителями культуры шведской ямочной керамики второй половины III – начала II тыс. до н.э. на Аландских островах.

Два полнофигурных рельефных изображения были подробно рассмотрены С.В. Студзицкой (1980) и отнесены ко второй половине III тыс. до н.э. Если изображение из Швянтойи 3 могло принадлежать к III тыс. до н.э. (Римантене, 1975; Butrimas, 2000), то принадлежность изображения из Волосово к волосовской культуре может быть пересмотрена. Не исключена его принадлежность к эпохе бронзы (по устному сообщению А.В. Емельянова). Рельефное изображение головы со стоянки Оса (Загорскис, 1984) отнесено к ранненеолитической нарвской культуре. В заключение хотелось бы отметить, что все три изображения не имеют аналогий в материалах этого времени на соседних территориях.

С.В. Студзицкая, характеризуя общее развитие глиняной скульптуры, выделяет две ступени: первая – согнутые фигурки, вторая – прямые. Первые сменяются вторыми, однако некоторые изобразительные приемы, такие как обобщенность в передаче ног и безрукость большинства изображений, сохраняются (1985. С. 106). Кроме того, как мне кажется, можно выявить еще и среднюю ступень – это крупные слабосогнутые изображения и относительно одновременные им скульптуры на сосуде, которые имеют несомненное сходство с ними (по размеру, моделировке головы, в случае наличия скульптур на сосуде – и по пропорциям).

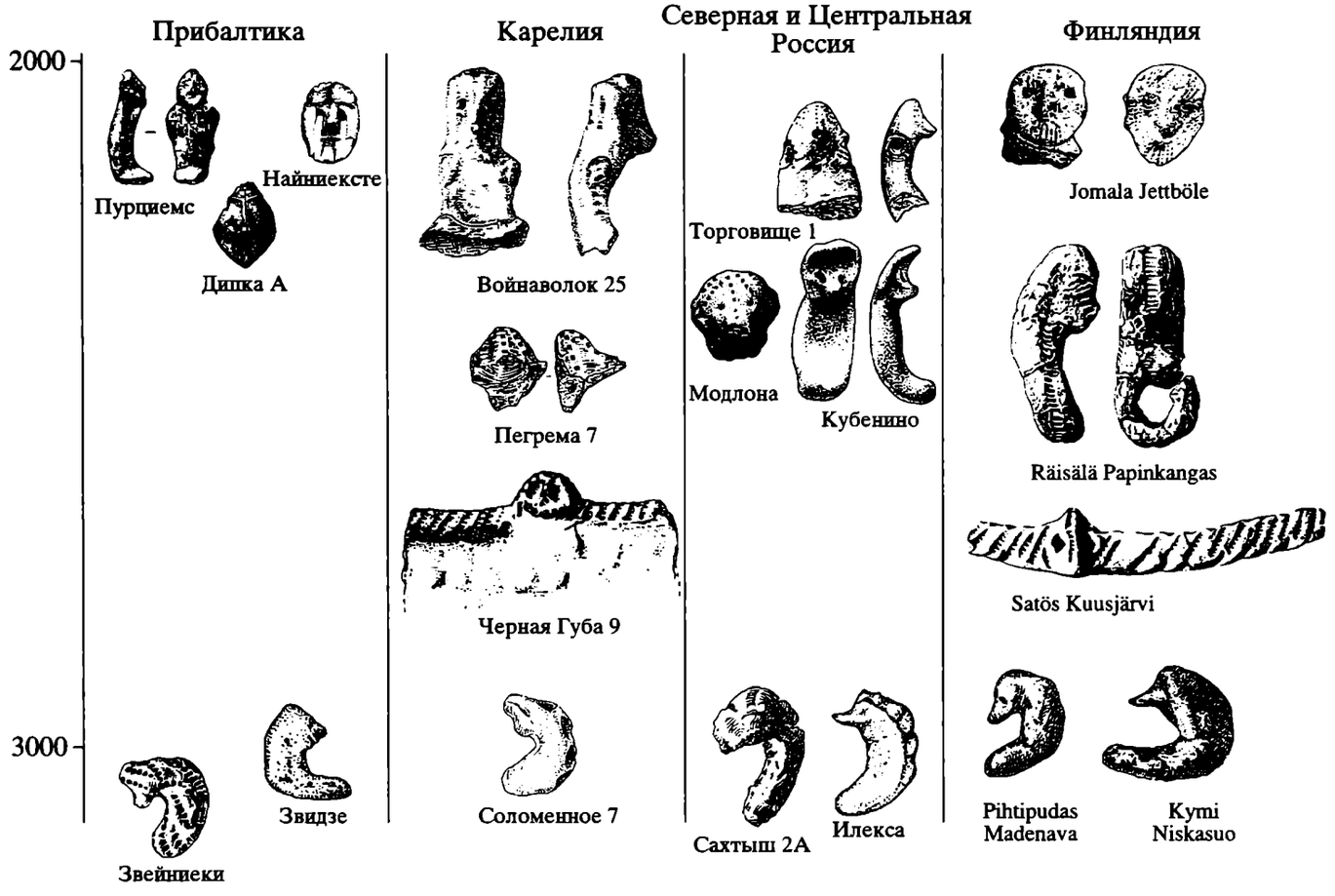

Рис. 3. Развитие скульптуры в разных районах лесной зоны Восточной Европы и Финляндии.

Разница в размерах между ранними и поздними скульптурами (2–2.5 см) достаточно четкая. По-видимому, определенная традиция регламентировала не только набор необходимых элементов скульптуры, но и размер изображения. Если обычно сильносогнутые скульптуры по высоте не выходят за грань 4.5 см, то в Финляндии известны подобные экземпляры высотой 5.5 см (Núñez, 1986. P. 32. Tab. 5), но и там они представляют редкость.

Ряд скульптур, обладающих смешанным набором признаков (со стоянок Вигайнаволок 1, Кубенино и Николо-Перевоз 2) возможно, является свидетельством смешения традиций различных хронологических этапов в конкретных районах или на отдельных памятниках.

Функциональное назначение скульптурных изображений. Исследователи не раз отмечали небрежную манеру исполнения изображений, связывая эту особенность с их, вероятно, кратковременным использованием. Мысль об использовании в магических действиях и последующем уничтожении (намеренном разбивании) скульптурных изображений Аландских о-вов, (все были найдены во фрагментах) была высказана М. Нуньесом (Núñez, 1986. P. 26). Согласно его данным, большинство согнутых скульптур Финляндии дошло до нас более или менее целыми. К сожалению, эту идею нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Часть "разбитых" аландских скульптур достаточно крупные – до 12 см, кроме того, сама пористая по структуре формовочная масса (за счет органической примеси) могла способствовать повреждениям, в то время как скульптуры периода гребенчато-ямочной керамики Финляндии были в 2 раза меньше по высоте и изготавливались из более плотной формовочной массы.

Имеется три группы фактов, которые позволяют говорить о существовании особых функций этих предметов: 1) окрашенность ряда изображений охрой; 2) особый контекст обнаружения некоторых находок; 3) отличие их от керамики по составу формовочной массы.

Некоторые изображения были покрыты охрой. Скульптуры на сосудах асбестовой керамики из Войнаволока 25 покрыты ею по всей поверхности, а у фрагмента скульптуры пористой керамики из Дипки А, согласно описанию, покрыта охрой нижняя часть лица. Есть сведения о том, что многие аландские скульптуры также несут на себе следы окраски охрой (Núñez, 1986. P. 21). Од-

нако данные об окрашивании охрой ранних изображений мне неизвестны.

На стоянках Войнаволок 25, Черная Губа 9 (Карелия), Кубенино (Прионежье), Пурциемс (Латвия) фигурки найдены в слое над полом жилищ (Жульников, 1999. С. 71; Витенкова, 2002. С. 84; Фосс, 1940. С. 35; Moora, 1952. P. 19) (рис. 3). Среди них – скульптуры на краю сосуда, крупные слабосогнутые, крупные и мелкие прямые. Фигурки из Черной Губы 9 (скульптуры голов на сосуде) и Дипка А (Латвия, прямая) были найдены у очага (Витенкова, 2002. С. 84; Loze, 1998. P. 41). Данных о находках в жилище самых ранних фигурок из глины (сильносогнутых) пока нет. Важно отметить также, что на поселении Йетбелле (Аландские о-ва) скульптуры и их фрагменты были сгруппированы на ограниченном участке (Götherström et al., 2002. P. 45).

В ряде случаев формовочная масса фигурок отличалась от формовочной массы сосудов. Скульптуры с поселения Вигайнаволок 1 характеризуются малым содержанием дресвы и песка в формовочной массе (Журавлев, 1972. С. 91, 92). Два изображения из Кубенино, по определению Ю.Б. Цетлина, отличаются по составу формовочной массы от гребенчато-ямочной керамики отсутствием дресвы. Фигурка из устья Кинемы содержит в формовочной массе много песка при отсутствии дресвы. Естественно, что две скульптуры на венчике сосуда асбестовой керамики из поселения Войнаволок 25 изготовлены из той же формовочной массы, что и сам сосуд.

Тот факт, что фигурки из глины известны в погребениях, в слое пола жилищ, у очага, вероятно, отражает существенное разнообразие способов их использования. Скульптура из погребения № 221 взрослого индивида могильника Звейниеки (Латвия) была найдена у левой ноги (Zagorskis, 1987). Скульптура из женского погребения № 65 на стоянке Сахтыш 2А (Ивановская обл.) лежала под шейным позвонком (Крайнов и др., 1993). Обе они (рис. 3) относятся к группе наиболее ранних. Данных о связи других изображений с погребальным обрядом нет.

Особое назначение не только скульптур, но и сосудов, на которых закреплены скульптурные изображения, не раз отмечалось исследователями (см., например: Мошинская, 1976). Сосуды с головами животных, а иногда и людей, широко известны на территории Евразии с эпохи неолита. Эти изображения традиционно интерпретируются как охранители сосуда и его содержимого. В связи с этим особое внимание привлекают карельские скульптуры на сосудах. Все они ориентированы лицом вовнутрь сосуда. Согласно реконструкции сосуда с поселения Войнаволок 25 (Жульников, 1999. Рис. 72), скульптурные изображения крепились к нему нижней частью и руками, как будто бы обнимая сосуд и слегка наклоняясь над ним. Сосуд из Черной Губы 9, украшенный скульптурными головами, имеет следы починки в виде отверстий и фрагментов смолы, что свидетельствует о бережном отношении к нему (Витенкова, 2002. С. 84).

Все изложенные данные свидетельствуют о том, что спектр функций глиняных изображений был, вероятно, довольно широким. Помещение их в жилищах у очага, в захоронениях, прикрепление к сосудам, окрашивание их охрой, использование особых рецептов формовочной массы, отличающихся от рецептов глиняной посуды – все эти данные, скорее всего, отражают не только территориальные и хронологические особенности использования этих изображений древним человеком, но и их большую роль в обрядовой практике. На раннем этапе они, вероятно, были связаны с погребальным обрядом, позднее – с жилищем и очагом, а также с сосудом и его содержимым.

Орнаментация. Допустимо предполагать, что общая смысловая связь фигурок с сосудами проявляется не только в их расположении на краю сосуда, но и в способах орнаментации разных видов глиняной скульптуры. М.Е. Фосс еще 50 лет назад высказала мысль о том, что орнамент на сосудах мог являться копией реально бытовавшей татуировки или раскраски (1952). В подтверждение она приводила некоторые этнографические примеры почти полного соответствия мотивов татуировки и орнаментации керамики (рис. 4). Она также отмечала тождественность орнаментов на скульптурах из Пурциемса и Йетбелле орнаментам на керамике этих стоянок (Фосс, 1952. С. 73). (Окрашенность только нижней части лица скульптуры из Дипка А (Латвия), возможно, тоже следовало бы трактовать как имитацию реальной раскраски человеческого лица.) Другое мнение высказывает М. Нуньес (Núñez, 1986. P. 26). Он интерпретирует орнаментацию лиц аландских скульптур как маски, а сплошную орнаментацию туловищ фигурок – как одежду, сопоставляемую им с костюмом сибирских шаманов, украшенным разнообразными привесками, перьями и пуговицами.

Половина скульптур (21 экз.) не орнаментирована совсем. Значительную их часть (14 экз.) составляют самые ранние по времени бытования, сильносогнутые скульптуры.

Наиболее часто орнаментирована лицевая часть головы (в 21 случае), и только у 5 скульптур встречен орнамент на туловище. Имеется еще одно орнаментированное туловище с утраченной головой.

Рассмотрим особенности орнаментации голов скульптур. Выявлено наличие следующих элементов орнамента: отпечатки гребенчатого штампа, накола (продолговатого или точечного) и следы

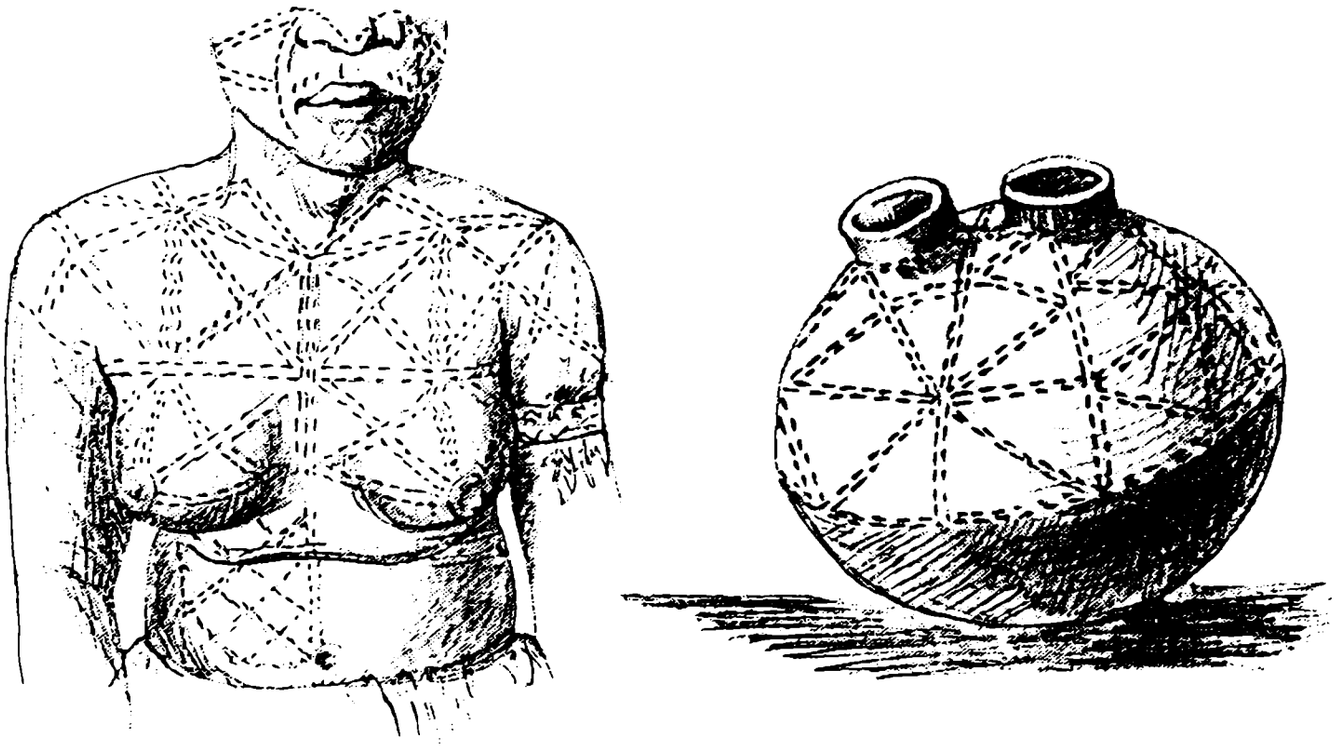

Рис. 4. Пример сходства мотивов орнамента сосуда и татуировки (Миклухо-Маклай, 1993. С. 304, 252. Рис.).

неглубокой нарезки. Мотивы орнаментации изображений можно разделить на пять видов (рис. 5): 1) ряд наклонных гребенчатых отпечатков; 2) трезубец, образованный серией гребенчатых отпечатков; 3) трезубец, образованный серией накольчатых отпечатков; 4) трезубец, выполненный нарезками в сочетании с фигурными отпечатками; 5) ряды параллельных нарезок; 6) смешанный мотив: трезубец, выполненный гребенчатыми отпечатками в сочетании с рядами параллельных нарезок.

Выделенные мотивы орнаментации имеют явные территориальные особенности (рис. 6). Кратко их можно сформулировать следующим образом.

1. Ряд наклонных отпечатков гребенчатого штампа на карельских скульптурах голов на сосуде (примерно первой половины III тыс. до н.э.), скорее всего, покрывал край сосуда по всему периметру. Такая орнаментация венчика считается характерным признаком поздней гребенчато-ямочной керамики, и в данном случае, видимо, отражен переход от орнамента края сосуда к орнаменту на скульптурной головке.

2. Мотив "трезубца", как бы подчеркивающий линии бровей и носа, выполненный гребенчатым штампом, встречен на сильно- и слабосогнутых скульптурах и скульптурах голов на сосудах из Карелии, Прионежья, Латвии и Финляндии (Miettinen, 1965. P. 39; Edgren, 1967. P. 16. Abb. 6), датируемых приблизительно первой половиной III тыс. до н.э.

3. Этот же мотив, выполненный наколами, присутствует на скульптуре на сосуде из Ярославской области (Торговище 1).

4. Мотив "трезубца", выполненный нарезкой, встречен на прямой скульптуре Латвии второй половины III тыс. до н.э. Он сопровождается фигурными отпечатками в виде прямых, пунктирных и зигзагообразных линий на щеках и подбородке.

5. Мотив из группы нарезок и пунктирных нарезных линий над глазами, на щеках и подбородке характерен для скульптур из Йетбелле (Аландские о-ва, вторая половина III – начало II тыс. до н.э.) (Cederhvarf, 1912) (см. таблицы).

6. Смешение орнаментальных мотивов 2 и 4 в одном изображении характерно для нескольких скульптур Южной Финляндии, Карелии и Прионежья, датируемых примерно второй половиной III тыс. до н.э. (Edgen, 1992; Miettinen, 1965; Фосс, 1940; Äyräpää, 1942; материалы раскопок пос. Черная Речка 3 Н.В. Лобановой. Автор выражает Н.В. Лобановой огромную признательность за возможность использования этого неопубликованного изображения). Две скульптуры (Черная Речка 3, Кубенино), украшенные рядами параллельных нарезок, хотя и не несут никакого другого орнаментального мотива, близки по форме к сильно- и слабосогнутым скульптурам и, таким образом, демонстрируют, вероятно, смешение не только мотивов, но и форм скульптуры.

Место нанесения орнамента	Виды орнамента			
	Гребенчатый	Накольчатый	Нарезной	Гребенчатый и нарезной
На голове	1 2 	3 	4 5 	6
На туловище	1 		2 3 	4

Рис. 5. Мотивы орнаментации глиняной скульптуры.

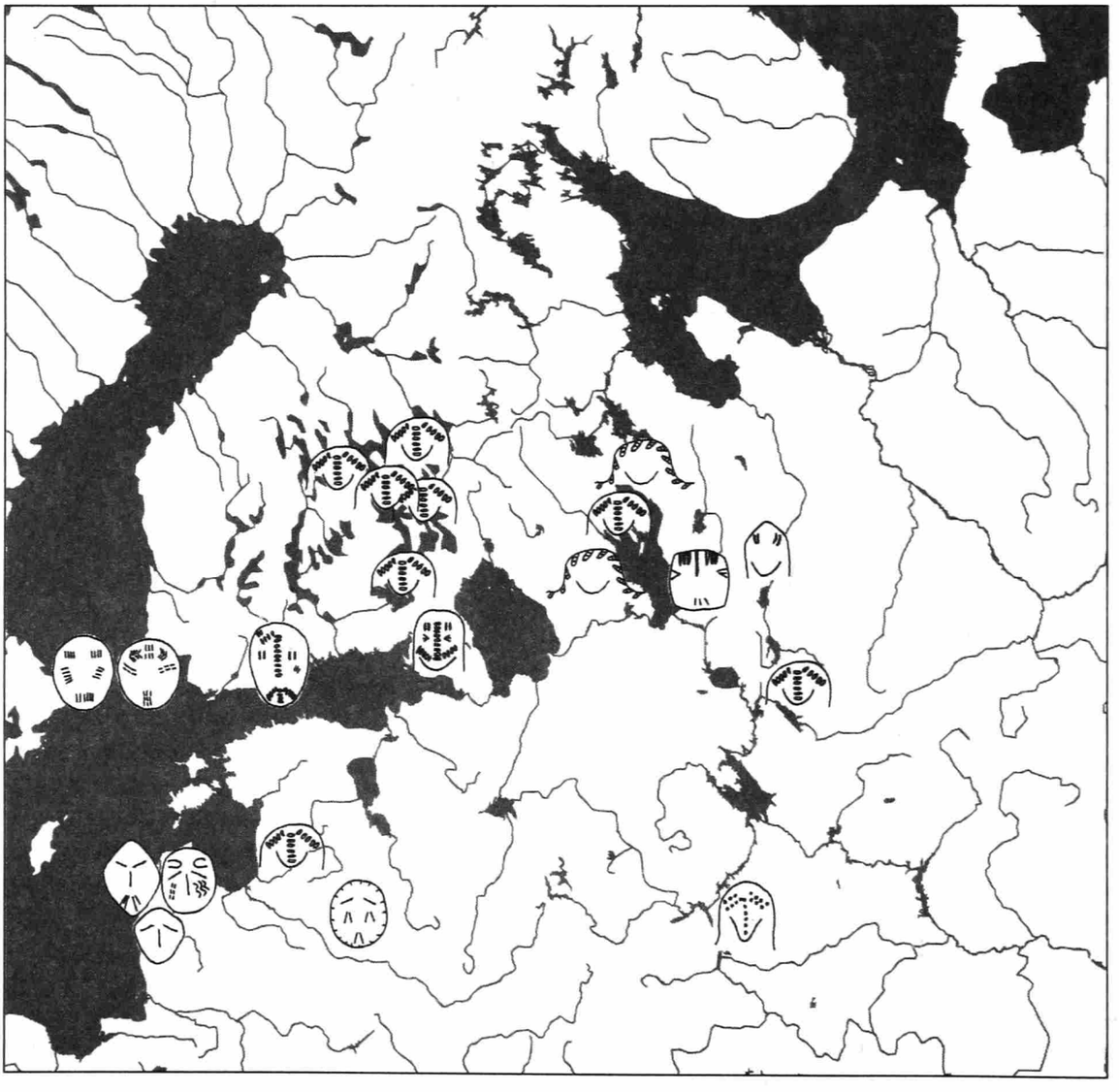

Рис. 6. Территориальное распределение мотивов орнаментации голов скульптур.

Орнамент почти всегда покрывает всю поверхность туловища. Здесь выделены следующие мотивы: 1) ряды наклонных отпечатков гребенчатого штампа; 2) пунктирные нарезки; 3) нарезная сетка; 4) смешанный мотив: нарезная сетка в сочетании с рядами отпечатков гребенчатого штампа.

Мотив из рядов гребенки встречен один раз на фигурке из погребения в Звейниеки в сочетании с гребенчатым трезубцем. Мотивы 2–3 характерны только для прибалтийской скульптуры второй половины III тыс. до н.э. (Пурциемс, Звейниеки) и синхронной им скульптуры Аландских о-вов. Смешанный мотив (нарезные ромбы и ряды гребенчатых отпечатков) также единичен и представлен на скульптуре из района Выборга (Räisälä Papinkangas) (рис. 3).

Наконец, углубленные отверстия на макушке, фиксируемые у некоторых скульптур Йетбелле (Аландские о-ва) и предназначенные, как считается, для того, чтобы вставлять веточки или перья, имеют параллель в скульптурах на сосуде асбестовой керамики поселения Войнаволок 25 (Núñez, 1986; Жульников, 1999).

Исследователи глиняных изображений разных территорий рассматривали их морфологические особенности как показатель разного рода взаимных влияний и связей в пределах лесной зоны (Ошибкина, 1978; Студзицкая, 1985). Проведенный анализ позволяет уточнить и расширить географию этих связей и взаимовлияний, а также наметить некоторые хронологические этапы, в пределах которых происходили заимствования и местная переработка исходных мотивов (рис. 6). По-видимому, неорнаментированная скульптура является самой ранней, украшенная гребенчатым орнаментом – несколько более поздней, а украшенная нарезным орнаментом самой поздней. Скульптура со смешанными мотивами (гребенчатые и нарезные в одном изображении) относится ко второй половине III тыс. до н.э. и отражает, вероятно, период наиболее активных контактов между населением Балтийского побережья и континентальными районами Русского Севера.

Семантика изображений. По результатам анализа изменения форм изображений во времени выявляется линия, если можно так выразиться, их постепенного "очеловечивания": изображения с выраженными зооморфными (или даже фантастическими?) чертами постепенно приобретают антропоморфные черты лица, плечи, а изображения, помещенные на край сосуда, – руки. Тем не менее некая общая основа изображения сохранялась на протяжении примерно 1000 лет (рис. 7).

Отсутствие орнамента на ранних фигурках, в том числе характерного для синхронной им керамики, вероятно, может свидетельствовать о том, что на начальном этапе своего бытования глиняная скульптура в принципе могла осмысливаться

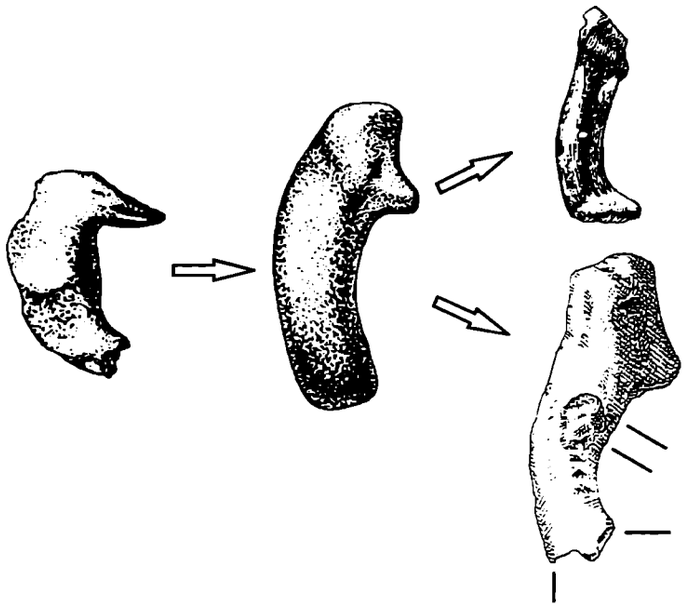

Рис. 7. Схема изменения форм скульптуры во времени.

независимо от сосуда и связываться с какими-то иными идеями. Ее зооморфно-фантастические черты могут указывать именно на это.

О некоторых особенностях древних представлений могут свидетельствовать данные о возможном использовании некоторых изображений попарно (рис. 3). Скульптуры в Кубенино и Пурциемсе были найдены на незначительном расстоянии друг от друга и в пределах одного жилища. Скульптуры из поселения Войнаволок 25, как уже отмечалось выше, крепились на один сосуд. Все три пары, хотя и принадлежат каждая к определенным группам, имеют некоторые различия в деталях (например, одна скульптура из Кубенино чуть массивнее другой; у фигурок из Войнаволока 25 соответственно два и три углубления на макушке).

Парные образы находят широчайшее отражение в мифологии разных народов, и можно только гадать, воплощены ли в этих парах близнецы, антагонистические герои или родоначальники (Иванов, 1970).

Уникальными являются четыре скульптуры голов на венчике, закрепленные друг против друга на одном сосуде (Витенкова, 2002). Вероятно, такие изображения создавались редко, и пока они не поддаются объяснению.

Остается также неясным, считать ли глиняные скульптурные изображения мужскими или женскими. За редким исключением они не имеют признаков пола. Пара выступов в верхней части туловища у одной из аландских скульптур интерпретируется как изображение женской груди (Núñez, 1986). И.А. Лозе упоминает о находке на поселении Дипка А мелкого фрагмента подобной скульптуры, а также интерпретирует ряд изображений с территории Латвии как мужские, из-за

нарезного орнамента на подбородке и сужающейся нижней части лица скульптур (Loze, 1995; 1998). Однако следует заметить, что геометризация лица и нарезной орнамент в разных его частях вообще характерны для группы прямых скульптур и поэтому вряд ли могут рассматриваться как черты, специфические для мужских изображений.

Исследователи неоднократно выдвигали разные гипотезы о смысле этих изображений. Помимо общих заключений об их культово-ритуальном характере был высказан и ряд более конкретных гипотез. М. Нуньес интерпретирует аландские скульптуры как изображения шаманов в ритуальных масках и одеждах (Núñez, 1986). И.А. Лозе предположила связь согнутых изображений с идеей домашнего очага, а прямых с поднятым лицом – с идеей плодородия (Лозе, 1970. С. 60). Т. Миеттинен, предложивший термин "эмбрионовидные", предполагал, что в согнутых изображениях воплощен именно зародыш, так как основными элементами изображения, которые первыми бросаются в глаза, являются крупная голова и позвоночник-гребень (Miettinen, 1965. P. 36). Действительно, при явной "зооморфности", их невозможно сопоставить с каким-либо реально существующим животным. Хотелось бы отметить, что даже поздние, прямые скульптуры с выраженными человеческими чертами (проработкой лица, плеч) не имеют отдельно проработанных рук и ног, поэтому орнаментация их туловища в принципе позволяет рассматривать фигуру не столько как одетую, сколько как обернутую или спеленатую.

Исследователи склонны связывать распространение керамических традиций с направлениями брачных связей (см. например: Жульников, 1999. С. 23). Согласно предположениям, в эпоху неолита именно женщины изготавливали глиняную посуду (Гурина, 1947. С. 70; Цетлин, 1998. С. 61). Это позволяет с большей долей вероятности предполагать, что и скульптуры из глины, в особенности скульптуры на сосуде, тоже делали женщины.

Контекст находок некоторых глиняных скульптур (в жилище, у очага, использование охры, группировка), гипотеза Т. Миеттинена о "зародыше" и предположение о том, что именно женщины создавали глиняные изображения, позволяют высказать мысль о связи этих образов с универсальным комплексом женских представлений, основанном на таких понятиях, как очаг, сосуд, дитя.

Важное, если не центральное место подобных представлений в земледельческих культурах не подлежит сомнению и много раз обсуждалось в литературе (Антонова, 1977). Однако в среде охотников-собирателей такие верования, естественно, не могли быть отражением культа "аграрного" плодородия, урожая. Их функциональная направленность, по-видимому, была тесно связана с миром семьи или отдельных ее членов, женщин и детей, а смысл – с обеспечением родового благополучия или благополучия жилища.

В заключение отметим, что рассматриваемые глиняные изображения относительно редко встречаются в материалах памятников эпохи неолита–энеолита. Сейчас их количество на всей территории восточноевропейской лесной зоны составляет не более полусотни. Кроме того, они мало подчинены единому стандарту и каждое из них по-своему уникально. Это создает особые сложности их сравнительного изучения. Именно поэтому мной была использована двухэтапная систематика, с помощью которой удалось не только рассмотреть все известные сегодня глиняные изображения, но и исследовать самую многочисленную группу полнофигурной скульптуры с бóльшей степенью подробности. В результате удалось проследить хронологическую эволюцию форм изображений: изменения пропорций, деталей и размеров фигур во времени. Общий облик глиняной скульптуры, наделенный на раннем этапе зооморфно-фантастическими чертами, постепенно развивается в сторону более реалистичного отображения человеческой фигуры.

Подходы к интерпретации функционального назначения изображений основывались на данных о раскраске изображений охрой, особом составе формовочной массы и на контексте некоторых находок. Судя по имеющимся данным, на раннем этапе глиняные изображения были связаны преимущественно с погребальным обрядом. Более поздние обнаруживают тесную связь с жилищем и очагом, а некоторые – с сосудом как особым символом. Охранительная функция последних весьма вероятна, судя по аналогичным находкам этой эпохи из других регионов Евразии. Они представлены как скульптурными зооморфными, так и рельефными антропоморфными изображениями голов на сосудах (Мошинская, 1976; Хлобыстин, Константинов, 1996).

Подробное рассмотрение орнаментации глиняных изображений потребовало выделения отдельных мотивов декора головы и туловища. Удалось выяснить, что для разных хронологических этапов в целом были характерны разные мотивы. Орнамент мог имитировать реально существовавшую татуировку или раскраску. По всей видимости, самые ранние изображения не орнаментировались. Позднее для орнаментации глиняных скульптурных изображений и керамики определенных территорий применялись одни и те же технологические приемы. С изображениями первой пол. III тыс. до н.э. связан орнамент в виде рядов гребенчатых отпечатков, а с рядом изображений второй пол. III – начала II тыс. до н.э. – в виде фигурных или параллельных нарезок. Сложная картина, отражающая различные вари-

анты смешения мотивов, наблюдается именно на этом, позднем хронологическом этапе. Сходные мотивы встречены в значительно удаленных друг от друга регионах, что может свидетельствовать о неких связях между этими группами населения.

На сложность круга представлений, связанных с глиняными скульптурами, указывают данные о находках таких изображений попарно. Отдельной загадкой является отсутствие у скульптур выраженных признаков пола.

Как было отмечено выше, исходя из предположений о том, что в эту эпоху изготовлением посуды занимались женщины, можно приписывать им и изготовление глиняных изображений. Их возможная связь с кругом "домашних" представлений подтверждается целым рядом данных и прежде всего контекстом находок.

Выявленная эволюция форм изображений от зооморфно-фантастических к стилизованным антропоморфным, вероятно, отражает изменения соответствующих древних религиозных представлений. Дальнейшее изучение динамики развития других синхронных групп антропоморфных изображений лесной зоны Восточной Европы поможет лучше разобраться в этой проблеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова Е.В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.

Брюсов А.Я. История древней Карелии. М., 1940.

Витенкова И.Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002.

Гурина Н.Н. Энеолитические поселения у Повенца Медвежьегорского района // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947.

Жульников А.М. Энеолит Карелии. Петрозаводск, 1999.

Журавлев А.П. Скульптурки и некоторые другие глиняные изделия из энеолитического поселения Вигайнаволок 1 // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.

Загорскис Ф. Раскопки стоянки Оса // АО–1982. 1984.

Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970.

Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш IIа // Археологические вести. СПб., 1993. № 2.

Лозе И.А. Глиняные фигурки из неолитических стоянок Восточной Прибалтики // СЭ. 1970. № 3.

Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия 1874–1887 гг. Дневники, путевые заметки, отчеты: Собр. соч. Т. 2. М., 1993.

Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М. 1976.

Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.

Ошибкина С.В. Север Восточной Европы // Искусство каменного века (лесная зона Восточной Европы). Искусство в неолите–энеолите. М., 1992.

Римантене Р.К. Художественые изделия стоянки Швентойи 3 // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

Студзицкая С.В. Фигурные налепы на сосудах со стоянок волосовской культуры // История и культура Евразии по археологическим данным. Тр. ГИМ. Вып. 51. М., 1980.

Студзицкая С.В. Изображение человека в мелкой пластике неолитических племен лесной зоны Европейской части СССР // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. Тр. ГИМ. Вып. 60. М., 1985.

Фосс М.Е. Стоянка Кубенино // СА. 1940. Т. V.

Фосс М.Е. Значение орнаментики родового общества для вопросов этногенеза. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. 1952. № 29.

Хлобыстин Л.П., Константинов М.В. Неолит Приморья и Приамурья // Неолит Северной Евразии. Сер. Археология. М., 1996.

Цетлин Ю.Б. Культурные контакты в древности (общая систематика и отражение их в культурных традициях гончаров) // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.

Янитс Л.Ю. Неолитическое поселение Валма // Вопросы этнической истории Прибалтики. М., 1959.

Ailio J. Die Steinzeitliche Wohnplatzfunde in Finland. Helsinki, 1909.

Äyräpää A. Kampakeramisen kulttuurin savikuviot // Suomen Museo 1941. Helsinki, 1942.

Butrimas A. Human figurines in Eastern Baltic prehistoric art // Acta Academiae Artium Vilnensis, 20. Vilnius, 2000.

Cederhvarf B. Neolitiska lerfigurer från Åland // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. V. XXVI. Helsinki, 1912.

Götherström A., Stenbäck N., Storå J. The Jettböle Middle Neolithic site on the Åland Islands – human remains, ancient DNA and pottery // Europ. J. Archaeology. 2002. V. 5. № 1.

Edgren T. Einige neue Funde von kammkeramischen Vogelbildern und Tierskulpturen aus Ton // Suomen Museo 1966. Helsinki, 1967.

Edgren T. Den forhistoriska tiden // Finlands historia. V. 1. Helsinki, 1992.

Loze I. Seno ticējumu un tradīciju atspoguļojums akmens laikmeta mākslā austrumbaltijā // Archeoloģija un Etnogrāfija. T. IX. Rīgā. 1970.

Loze I. Clay figural art in the forest belt of Neolithic Eastern Europe // Archaeologia Baltica. Vilnius, 1995.

Loze I. Arheoloģiskie un starpdisciplinārie pētījumi Ģipkas kāpās un paleoezerā // Zinātniskās Atskaites sesijas. Materiāli par archeologu 1996. un 1997. gada pētījumu rezultātiem. Rīga, 1998.

Miettinen T. En idol från Hietaniemi i Luopioinen // Finskt Museum 1964. Helsinki, 1965.

Moora H. Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedriba Latvijas PSR teritorija. Rīgā, 1952.

Núñez M.G. Clay figurines from the Aland Islands and mainland Finland // Fennoscandia Archaeologica. Helsinki, 1986. V. III.

Pälsi S. Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja-Finska Fornminnesforeningens Tidskrift. V. 28. Helsingfors, 1920.

Wyszomirska B. Figurplastik och gravskick hos Nord-och Nordösteuropas neolitiska fångstkulturer. Acta Archaeologica Lundensia. Bonn-Lund, 1984.

Zagorskis F. Zveinieku akmens laikmeta kapulauks. Rīgā. 1987.

Clay anthropomorphic figurines of East European forest zone in the Neolithic-Eneolithic Age

E. A. Kashina

Summary

The discussed group of prehistoric sculptures represents a small part of the rich collection of East European Neolithic mobile art. Figurines' morphological variety, their possible functions and symbolic meaning are considered. Their chronology ranges from the 4th millennium to the early 2nd millennium BC and is connected with the highly developed culture of hunters-gatherers, featuring pottery-making technology for at least two thousand years by that time. Besides Russia, figurines are known from Latvia, Estonia, mainland Finland and the Aland Islands. Some groups may be singled out: 1) whole-figured sculpture, 2) rim sculpture, and 3) rim head sculpture. The analysis of figurine morphology reflects a lot of changes, which took place in the course of the human image evolution: from fantastic creatures with mixed animal and human traits to the realistic humans. The figurines, sometimes covered with red ochre, were found in dwellings, close to the hearth, and in burials as well. Some of them were definitely used in pairs: the pieces were found together, other attached to vessel rims opposite to each other. The close symbolic connection of clay figurines and vessels is steadily traced: the same decoration stamps were used for figurines and for ceramics. The decoration of figurines' faces probably represented tattoo patterns or body paintings. Spread and evolution of these motifs reflect regular relations between different forest zone regions. Obviously, the figurines were important cult objects, probably connected with the feminine activity, above all – pottery-making. They are assumed to represent spirits, probably patrons of home, hearth and children.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 33–43

ДИНАМИКА ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ С I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э. ПО II ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ Н.Э.

© 2004 г. Е. А. Спиридонова, А. С. Алешинская

Институт археологии РАН, Москва

В железном веке и, особенно, в средневековье в пределах Волго-Окского междуречья началась активная антропогенная трансформация природных геосистем. В связи с этим применение палинологического анализа для целей экологии этого, близкого к нам промежутка времени потребовало иного подхода по сравнению с исследованиями более ранних эпох. Это связано с тем, что на более ранних этапах развития человеческого общества на большинстве памятников возможно восстановление природных процессов и отдельных явлений почти без учета антропогенных изменений в естественных геосистемах. Получение палеогеографических данных по интересующему нас времени требует постоянного учета данных взаимодействия природы и человека. В палинологических спектрах этого возраста необходимо распознавать не только основные закономерности формирования растительного покрова ограниченной территории, но и определять степень антропогенного влияния на среду, которое проявлялось в первую очередь в характере землепользования (вырубка леса, создание искусственных водоемов, осушение заболоченных территорий, выпас скота, земледелие).

Кроме того, при интерпретации полученных данных нельзя не принимать во внимание климатические факторы, которые менялись на протяжении железного века и средневековья.

Все указанное потребовало разработки ряда специальных, методических приемов использования палинологического метода. В этом отношении по существу речь идет о новом направлении, которое может быть названо археологической палинологией (Спиридонова, Алешинская, 1999а; б; 2000).

Восстановление условий внешней среды на территории стоянок древнего человека имеет свои особенности. Это связано с тем, что формирование спорово-пыльцевых спектров на археологических памятниках и в естественных разрезах имеет существенные различия. Спорово-пыльцевые комплексы естественных разрезов отражают в значительной степени зональный тип растительности, характерный в целом для крупных регионов (географических зон). При формировании спорово-пыльцевых спектров на стоянках большое влияние оказывает не только зональная, но и локальная растительность, связанная главным образом с деятельностью человека. Еще большее отклонение от зонального типа в палинологических спектрах прослеживается по данным, полученным на долговременных поселениях, где отмечаются появление сорной растительности и различные нарушения почвы в результате жизнедеятельности человека.

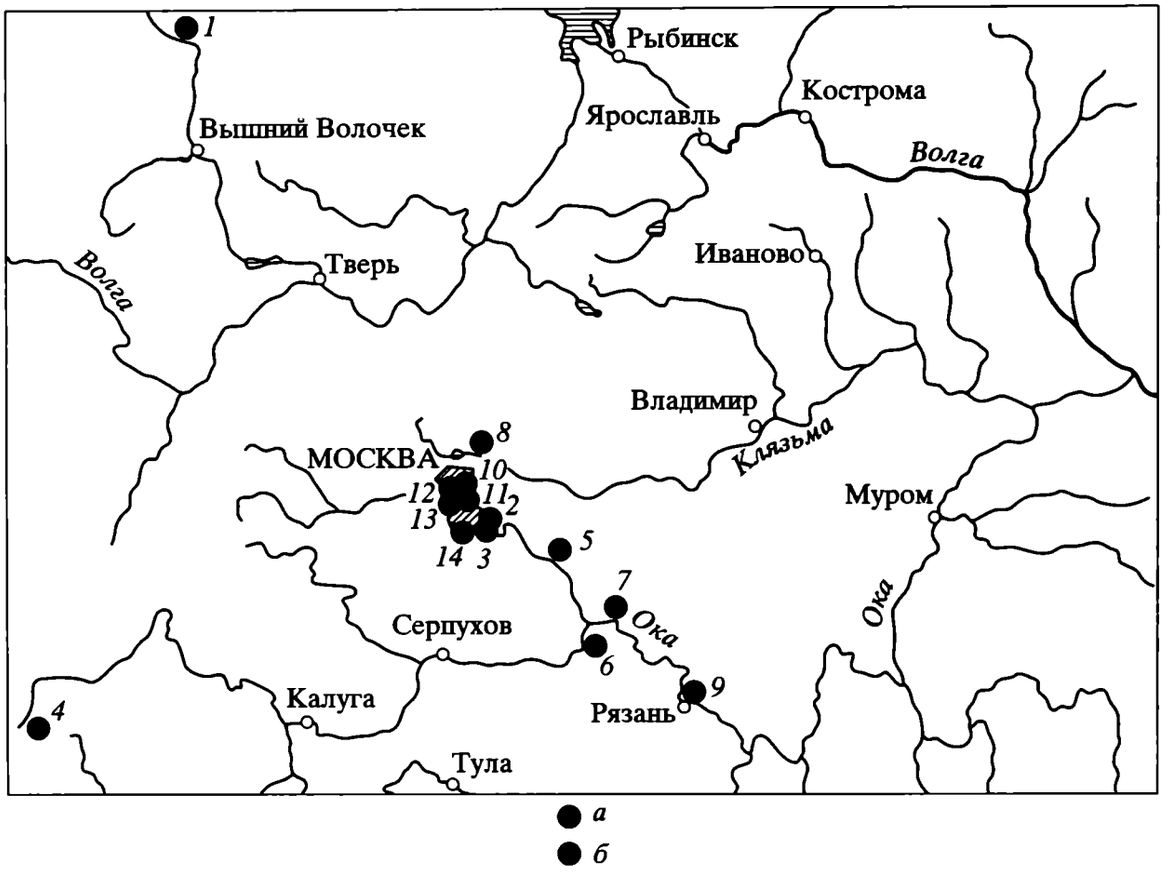
Другая особенность определяется кратковременностью геологических событий, протекающих в течение существования поселения, а также иногда значительными изменениями палеоландшафтов, связанными с влиянием древнего человека на природную среду, достаточно масштабными и сложными естественными процессами, происходящими на многослойных археологических объектах.

Палинологическое изучение археологических памятников Волго-Окского междуречья рассматриваемого возраста наиболее интенсивно проводится последние 10–15 лет. Ранее объектами изучения были только стоянки мезолита, неолита и энеолита. Исследовались торфяники, но основное внимание уделялось только отложениям раннего и среднего голоцена. В последние годы в Лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН начато комплексное изучение памятников железного века и средневековья.

Палинологические исследования проводились на памятниках Настасьино, Воротынск, Протопоповское городище, Городище, Старая Рязань, а также в Москве и Подмосковье (рисунок). Полученный фактический материал позволил установить макросдвиги в динамике растительного покрова и колебаниях климата на территории Волго-Окского междуречья, а также выявить как наиболее благоприятные периоды для жизни людей на этой территории, так и кризисные моменты, вызванные природными явлениями или хозяйственной деятельностью человека.

Общие закономерности изменения природной среды в железном веке

Появление поселений железного века в пределах Волго-Окского междуречья чаще всего датируется рубежом IX–VIII вв. до н.э. по калиброван-

Археологические памятники железного века и средневековья, изученные палинологическим методом: *1* – Еськи; *2* – Чертов городок; *3* – Дьяково городище; *4* – Воротынск; *5* – Настасьино; *6* – Протопоповское городище; *7* – Городище; *8* – Радонеж; *9* – Старая Рязань; *10* – Ильинка; *11* – Романов двор; *12* – Иверские ворота; *13* – Московский Кремль; *14* – Царицыно; *а* – памятники железного века; *б* – памятники средневековья.

ным датам (Кренке, 1995а) или XII–VI вв. до н.э. (Смирнов, 1974). Из большого числа поселений железного века (Третьяков, 1941; 1947; Смирнов, 1974; Сулержицкий, Фоломеев, 1989; Кренке, 1995а и др.), не многие исследованы достаточно подробно, чтобы можно было судить не только о характере хозяйственной деятельности людей того времени, но и об их природном окружении. Ряд памятников железного века, исследованных в последние годы, может пролить свет на эту проблему. Вместе с тем надо помнить, что количество комплексно исследованных памятников еще не столь значительно, а потому, говоря о хронологии событий железного века, пока не представляется возможным заполнить все уровни этой природной школы.

Ко времени, близкому к середине I тыс. до н.э. приурочены наиболее поздние находки эпохи бронзы исследованного региона. Так, культурный слой с сетчатой керамикой, обнаруженный в погребенной почве на стоянке Воймежная 2, имеет дату 2630 ± 40 л.н. По стоянке Ивановская III погребенная почва с культурным слоем эпохи бронзы датирована 2560 ± 70 л.н. Близкий возраст имеют памятники поздней бронзы на Средней Оке. Л.Д. Сулержицким и Б.А. Фоломеевым (1989) изучены слои поздней бронзы с сетчатой керамикой, возраст которых составил на Городецком городище – 2520 ± 40 л.н., на Селецком городище – 2570 ± 60 л.н., на Тюковом городке – 2580 ± 50 л.н. и на Деевском городище – 2560 ± 60 л.н.

Близкий этап формирования погребенных почв, связанный с культурными слоями железного века, был исследован палинологическим методом по памятнику Еськи на Верхней Волге с абсолютным возрастом почвы 2588 ± 90 л.н. и по городищу Настасьино около г. Коломны (абсолютный возраст погребенной почвы под культурным слоем – 2630 ± 150 л.н.) (Средневековое поселение Настасьино, 2004).

В окрестностях Москвы для хорошо изученного памятника раннего этапа железного века "Чертов городок" известна наиболее древняя дата абсолютного возраста. Она относится к культурному слою поселения и равна 2590 ± 70 л.н. (ГИН-7569). Это поселение расположено в окрестностях села Коломенского, как и другой памятник железного века – Дьяково городище (Кренке, 1995б). В материалах с этих памятников отражен значительный период железного века.

Таблица 1. Особенности хозяйственного использования территории в окрестностях поселения Настасьино в средневековье

Возраст по археологическим данным	Палинологические зоны		Изменение состояния пахотного клина			Расширение лугов	Зарастание пашни сорняками	Увеличение площади лесов
			уменьшение	стабильность	увеличение			
Вторая пол. XVI в.	Береза с участием сосны	12						
	Сосна с участием ели, березы и широколиственных пород	11			■		■	■
	Сосна с участием березы, ели, единично широколиственных пород	10	■			■	■	■
Первая пол. XVI в.	Сосна с участием березы	9			■		■	■
	Сосна с участием широколиственных пород и березы	8			■			
Середина XV в.	Сосна, широколиственные породы	7	■			■		
	Сосна с участием березы, ольхи и незначительным участием широколиственных пород	6			■			
1430 г.	Береза при участии сосны и незначительном участии широколиственных пород и ольхи	5			■			■
1410 г.	Береза при участии ели и незначительном участии широколиственных пород	4	■			■	■	■
1390 г.	Сосна с участием ели и незначительным участием широколиственных пород	3	■					■
1375 г.	Ель, сосна	2	■			■		■
	Сосна с незначительным участием широколиственных пород	1			■	■		

■ – наличие признака.

Датированию подвергались образцы из культурных слоев и оборонительных конструкций городища. Получено более 60 дат для хорошо стратифицированных культурных отложений (Кренке, Сулержицкий, 1988; Гунова и др., 1996).

Похолодание климата в это время привело к сглаживанию природных границ между более северным и южным регионами, создавая условия, близкие к южной тайге.

Во всех изученных разрезах по палинологическим спектрам господствует сосна, и только в пределах бассейна Оки несколько возрастает роль березы. На слабо дренированных террасах и по плоским низинам, по-видимому, появилась примесь березы и ели.

Не исключено, что усиление роли березы в бассейне Оки было связано и с хозяйственной деятельностью человека, что проявилось в вырубке первичных сосновых лесов и постепенной заменой их вторичными березняками. Этот процесс особенно отчетливо удалось выявить и проследить на памятнике у с. Настасьино. Здесь отмечается не только изменение облесенности территории и состава леса, но и появление следов подсечно-огневого земледелия и в связи с этим антропохорных сорняков (табл. 1).

Похолодание способствовало развитию чистых сосняков, однако их состав не оставался однородным на протяжении всего Волго-Окского междуречья. Географическое положение территории, рельеф, влажность и плодородие почв определяют достаточно большое разнообразие их типов с севера на юг и с запада на восток. Самыми распространенными среди них являлись сосняки зеленомошники, чаще приуроченные к песчаным и супесчаным почвам. В более южных районах не только происходило усиление позиций травяно-кустарникового яруса, но и появление сосняков орляково-зеленомошных, чаще связанных с плоскими вершинами холмов. Кроме орляка в более южных

районах и по долинам рек усиливалась роль элементов дубравной флоры.

Максимум похолодания климата выделяется около 2500 л.н. В это время набольшее развитие в пределах обширной территории лесной зоны получают еловые леса, а в более южных и западных областях имеется примесь сосны и единично различных широколиственных пород. Все леса южной полосы обладают более сложной структурой и по сравнению с восточными еловыми лесами отличаются богатством кустарникового неморального флористического комплекса.

Вокруг поселений существовали пахотные угодья, что фиксируется не только наблюдениями почвоведов, но и данными палинологического и карпологического анализов. Значительное распространение в пойме имела луговая растительность.

Таким образом, это столетие (2600–2500 л.н.), по данным изучения естественных разрезов и ряда стоянок, надо рассматривать как переломное в плане общей структуры и состава растительных группировок. Это было время значительной деградации элементов широколиственного леса и дальнейшего развития темнохвойной тайги на большей части лесной зоны Европейской России.

Следующее столетие (2500–2410 л.н.) с его особенностями изменений природной среды достаточно детально представлено в разрезе 1 по Дьякову городищу (Гунова, Кренке, 1985), характеризуя более верхние прослои нижнего культурного слоя. По сравнению с предыдущим интервалом отмечается некоторое потепление климата, которое, по данным палинологического анализа, фиксируется уменьшением роли пыльцы ели и преобладанием пыльцы сосны, березы, незначительным участием широколиственных пород и черной ольхи.

Основными эдификаторами леса стали сосна и береза. Сосна безраздельно господствовала и формировала чистые древостои только на мощных песчаных отложениях Мещерской низины и иногда на заболоченных участках рельефа.

В пределах Верхней Волги на Валдайской возвышенности заболоченные леса имеют меньшие площади и чаще приурочены к понижениям и плоским равнинам. Наиболее значительные массивы с высокой сомкнутостью сосновые леса образовывали по Клинско-Дмитровской гряде на обширных водоразделах, сложенных песчаными и супесчаными позднеледниковыми отложениями. Основу флоры сосновых лесов составляли бореальные виды с широкими ареалами. На западе больше европейских бореальных видов как среди лесных элементов флоры, так и среди лугов.

Возможно, на этом отрезке времени произошло изменение хозяйственного уклада населения Дьякова городища, которое заключалось в освоении новых пахотных угодий и сведении коренных лесов на водоразделах. Не исключено, что эта мера была вынужденной из-за изменения природных условий, связанных с большей увлажненностью климата, способствующей подъему уровня грунтовых вод и более длительному периоду паводков. В связи с этим населению пришлось забросить поля в пойме. В палинологических спектрах этот процесс нашел свое отражение в появлении большого количества рудеральных сорняков и увеличении роли ольхи и ив в спектрах пойм. Только в самом конце формирования культурного слоя уменьшается заболоченность территории и, по-видимому, облегчается ее освоение. Скорее всего, человек стал более рационально использовать природные ресурсы.

Изменение внешней среды в сторону дальнейшего потепления климата прослеживается на протяжении 2400–2300 л.н. В палинологических спектрах этого времени преобладает береза с участием широколиственных пород и ольхи.

Одним из самых распространенных типов леса на данном этапе становятся березовые леса, в состав которых входили широколиственные породы, такие как вяз, дуб, но чаще липа. Роль сосняков была ничтожно мала даже на Валдайской возвышенности, и приурочены они были к обширным древнеаллювиальным равнинам с песчаными, супесчаными почвами, обычно подстилаемыми водоупорными породами, или к водоразделам с рельефом флювиогляциального происхождения.

По низинам, вдоль ручьев и речек увеличилась роль черноольшатников. При хорошей проточности в состав черноольшатников входил вяз. При более обедненном минеральном составе грунтовых вод увеличивалась роль березы наряду с черноольшатниками и дерновинными осоками в травяном покрове. В конце данного этапа значение широколиственных пород в составе леса заметно возрастает. Не исключено, что с этим временем связано начало смещения границ неморального комплекса к северу. В бассейне Оки появилось больше открытых ландшафтов, занятых лугами и реже пашнями. Именно на этот этап приходится формирование культурного слоя на городищах Протопопово, Настасьино. В данной округе это был период роста числа поселений, максимального сведения лесов и обустройства пахотных угодий. Абсолютный возраст начала формирования данного культурного слоя определяется датой 2390 ± 150 л.н. Эти городища продолжали существование и в следующем столетии.

Этап дальнейшего потепления и увеличения зоны широколиственных лесов продолжался на протяжении 2300–2200 л.н., возможно, с небольшими колебаниями в сторону некоторого похолодания климата.

В этих условиях в палинологических спектрах на большей части исследованной территории по-

прежнему преобладала береза с участием широколиственных пород, но в отличие от предыдущего столетия стало чуть меньше ольхи в разрезах бассейна Оки и больше сосны, особенно в более северных районах. Все это свидетельствует об условиях внешней среды, чуть более сухих, чем это удалось выявить на предыдущем этапе, и значительно более теплых, чем в наши дни.

На водораздельных пространствах, в зависимости от условий рельефа и географического положения местности, наряду с березой возрастает участие широколиственных пород, вплоть до их господства. В зоне смешанных лесов липа является главной примесью к березе и сосне. Среди липняков стало больше открытых полян, на которых развивается типичная луговая растительность представленная, помимо злаков большим количеством мезофильного разнотравья. На юге исследованной территории при отсутствии выпаса подрост липы хорошо развивается. Позиции липы могли усиливаться благодаря ее способности распространяться отводками (Курнаев, 1968). Только в условиях моренного и водно-ледникового рельефа Верхней Волги с холмистой местностью и глубокими логами усиливались позиции сосны и реже ели.

С этим интервалом связано дальнейшее формирование культурных слоев на прежних городищах, а также около с. Воротынск (нижний слой) (Калужская обл.) и в Московском кремле на Боровицком холме. Здесь по культурному слою имеется несколько дат от 2210 ± 40 до 2240 ± 40 л.н. Дата 2240 ± 40 л.н. сопряжена с образцом на палинологический анализ. Именно по этому образцу фиксируется более высокое участие пыльцы сосны и меньшая роль широколиственных пород. Эти данные также подтверждают существование в данном столетии кратковременного этапа похолодания климата.

Следующее столетие 2200–2100 л.н., исходя из данных палинологического анализа, характеризовалось неустойчивым климатом, что нашло отражение не только в уменьшении или увеличении роли широколиственных пород, но и в смене доминантов. Следовательно, в это время происходили значительные изменения в ландшафтной зональности Волго-Окского междуречья. На некоторых уровнях в диаграммах фиксируется чередование высокой роли широколиственных пород или господство сосны и березы при очень низком участии пыльцы широколиственных пород. Все это, по-видимому, свидетельствует о значительных перестройках в условиях внешней среды этого столетия.

В начале столетия отмечалось дальнейшее буйное разрастание липовых лесов во всех производных древостоях зоны широколиственных и смешанных лесов. Подрост дуба в подобной обстановке не имел значительного развития, был угнетен, как и береза с сосной, особенно в пределах широтного течения Оки. В травяном покрове чаще преобладали восточно-неморальные виды.

С этим периодом связано формирование первого культурного слоя на городище с. Воротынск (Массалитина и др., 2000). Природный комплекс на этой территории свидетельствовал об уменьшении общей облесенности в округе городища и увеличении среди леса таких широколиственных пород, как липа и дуб. Открытые пространства были образованы не только лугами, но и полями, засеянными злаковыми культурами. Косвенным указанием на существование пашни в окрестностях поселения является наличие пахотных сорняков. С перерывом во времени для этого же столетия характерны другие ландшафты, где отмечается иная структура леса и общая облесенность всей территории Волго-Окского междуречья. Это был период похолодания и увлажнения климата. Южная граница широколиственных лесов сместилась к северу. На большей части обширной территории стали господствовать сосняки и реже сосново-березовые леса с участием широколиственных пород. В северных районах в состав сосновых лесов входила и ель. Скорее всего, это были зеленомошные сосняки южно-таежного типа, вертикальная структура которых достаточно проста. Южнее, уже по Москве-реке господствовали подтаежные сосняки со значительным участием южноборовых элементов флоры. Ядром Приокской ботанико-географической группы являлись широколиственно-сосновые, широколиственно-сосново-березовые и сосновые сложные кустарничково-травяные леса, сформированные на более богатых дерново-подзолистых почвах. В зависимости от особенностей рельефа и почв эти сложные сосняки при одинаковом или очень близком строении верхнего полога из сосны могли существенно различаться по составу и строению подчиненных ярусов. Этот интервал нашел отражение в стерильных прослоях на селище у с. Еськи, в естественных разрезах Подмосковья, а также на Протопоповском городище и около с. Воротынск в Калужской обл.

Завершает это столетие интервал времени, когда вновь неморальный флористический комплекс получает большее развитие. Изменение климата в сторону существенного потепления особенно отчетливо удалось выявить по разрезу у с. Воротынск и по меньшей мощности отложений стерильного слоя на Протопоповском городище. По существу произошло восстановление природных ландшафтов начала века. Единственным отличием является сохранение фитоценотических позиций сосны в условиях, более благоприятных для ее существования. В целом это был также период теплого, но чуть более сухого климата железного века, и с ним связаны образование второго культурного слоя на городище Настасьино и

завершение существования людей на Протопоповском городище. Облесенность территории вокруг городища была небольшой. Существовали липовые леса, и на более бедных почвах селилась сосна. Другие породы образовывали только небольшую примесь. Открытые пространства почти в равной степени были заняты лугами и пашнями (Алешинская, Спиридонова, 2002; Средневековое поселение Настасьино, 2004).

Последние два столетия до н.э. наиболее достоверно изучены только по археологическим памятникам, где имеются также даты абсолютного возраста по ^{14}C. Материалы по торфяникам и погребенным почвам на Валдайской возвышенности, по погребенным почвам Москвы-реки. Палинологическая характеристика по всем разрезам несколько отличается от предыдущего интервала более высоким участием сосны при значительной роли липы, а также господством злаков среди пыльцы травянистых растений.

На время, близкое к рубежу эпохи, приходится образование культурных слоев на городищах Настасьино, Городище и у с. Воротынск. По-видимому, на этот этап приходится самое начало похолодания климата, хотя большая часть слоя на всех поселениях формировалась еще в теплых условиях климата. Среди древесных пород помимо липы заметна роль сосны. Для этого этапа функционирования городищ была характерна самая обширная площадь пахотного клина. В палинологических спектрах помимо пыльцы культурных злаков, которые только здесь господствуют среди пыльцы травянистых растений единично появляется пыльца льна. По-видимому, пока можно предположить, что это было время максимального антропогенного воздействия на природную среду в железном веке, а завершить изложение последовательных изменений природной среды можно пока на уровне 1830 ± 40 л.н. В интервале времени от 1940 до 1830 ± 40 л.н. В.С. Гуновой (Гунова, Кренке, 1985; Гунова и др., 1996) подробно изучен и стратифицирован верхний культурный слой большой мощности только на Дьяковом городище. Нижняя часть верхнего культурного слоя хорошо сопоставима с культурными слоями памятников, о которых говорилось чуть выше. Если по тем памятникам только намечалось похолодание климата, то здесь оно охарактеризовано достаточно полно. Можно говорить о том, что происходила смена условий господства смешенного и широколиственного леса на южнотаежные с большим участием березы.

Изменение ландшафтов и хозяйственных традиций населения Волго-Окского междуречья в средневековье

Начало первого тысячелетия нашей эры в пределах Волго-Окского междуречья изучено еще совершенно недостаточно как в плане археологии, так и в изучении природной среды этого времени. По естественным разрезам можно собрать довольно большое количество изученных торфяников или погребенных почв для более южных районов, где помимо абсолютного датирования будут представлены и данные палинологического анализа, но для наших целей эти материалы мало применимы. Это связано с тем, что как в большинстве торфяников, а тем более в погребенных почвах, мощность этих отложений очень мала и отбор образцов чаще всего производился на том же уровне, что и для более древних толщ. В связи с этим восстановить условия внешней среды более-менее достоверно можно только на уровнях, где производилось абсолютное датирование, так как хорошо стратифицированных памятников этого отрезка времени пока мало. В нашем распоряжении в пределах Верхней Волги имеется только естественный разрез, изученный В.А. Климановым, Н.А. Хотинским, Н.В. Благовещенской (1995) у г. Переяславль-Залесского, и археологический памятник Еськи. Именно в Еськах отчетливо выявляется слой, сформировавшийся в конце VIII – начале X в. с городищенской керамикой, наличием стеклянных бус и обломками железных предметов. Здесь же по погребенной почве получена дата абсолютного возраста 1190 ± 170 л.н. Однако этому отрезку времени соответствуют всего два образца на палинологический анализ, которые свидетельствуют о том, что в это время условия были чуть теплее современных, более влажные, и неморальный комплекс получил более широкое распространение наряду с сосной. Заболоченность территории была значительна.

Для Москвы и ближнего ее окружения хорошо разработанной шкалы изменений природной среды по памятникам археологии для этого отрезка времени пока нет. Однако наиболее интересные данные были получены при раскопках на Ильинке у Красной Площади (Александровский и др., 2000), где наиболее древняя дата культурного слоя, полученная по угольками древесных пород, равна 1030 ± 95 л.н. Палинологические спектры культурного слоя и подстилающей погребенной почвы свидетельствуют о том, что в это время наибольшее развитие имели сосновые леса с небольшой примесью ели и единичным участием широколиственных пород. Подобный состав спектров фиксируется и в естественных разрезах, что говорит об умеренных климатических условиях, возможно, даже они были чуть холоднее современных.

Условия, холоднее современных и тем более холоднее времени средневекового климатического оптимума, характеризуются палинологическими спектрами, полученными из финского культурного слоя (VII–VIII вв.) на городище Старая Рязань. Этот памятник расположен в южной час-

ти изученного региона, по существу у современной южной границы распространения теневых широколиственных лесов.

Начиная с XI–XII – XIII вв., "пыльцевая летопись" становится более полной благодаря появлению новых разрезов. Большое количество археологических памятников этого времени исследовано в Москве и Подмосковье. Значительные по мощности культурные слои этого времени также были изучены и южнее, на городище Старая Рязань. Первые изыскания о древнейшем, первоначальном поселении Москвы стали известны благодаря работе И.Е. Забелина (1897). В конце 1940 г. производились раскопки в устье Яузы и были продолжены уже в 1959 г. на городище Спас-Тушино. В 1967 г. Д.А. Беленькой (1972) в Ипатьевском переулке был обнаружен слой керамики, которая датировалась XI–XII вв. За последние годы количество археологических памятников XI–XII–XIII вв. в самой Москве и близ нее заметно увеличилось. Археологические работы, проводимые А.Г. Векслером, Л.А. Беляевым, С.З. Черновым, Н.А. Кренке и рядом других исследователей, изменили наши представления о размерах города и темпах его развития, начиная с XII в. Работы почти на всех участках Москвы проводились комплексным методом, что дало возможность говорить о создании "пыльцевой летописи", начиная с конца XI в.

В этом отношении наибольшее значение имеют палинологические материалы, полученные по памятнику "Романов двор", археологически изученному Н.А. Кренке. Начиная с разрезов по Романовому двору, стала возможна стратиграфическая корреляция всех имеющихся в настоящее время средневековых памятников в пределах Москвы, которые охватывают различные по продолжительности отрезки средневековья от XI–XII до XVII в. включительно. Это палинологические материалы из разрезов на Красной площади, в Казанском соборе, у Иверских ворот, в Царицыне, на Ильинке (Гунова и др., 1996; Кренке, 1995а).

По раскопу на "Романовом дворе" в наиболее пониженном участке сохранился горизонт серой супеси, которая залегала под основанием мощного культурного слоя. По-видимому, эти отложения надо рассматривать как наиболее древние, поскольку они простирались под пахотным горизонтом XII–XIII вв. По этому прослою можно говорить о том, что значительные площади в это время занимали сосновые леса с небольшой примесью ели. Самыми распространенными среди них, по-видимому, являлись сосняки зеленомошники. Они могут быть приурочены не только к долине реки, но и произрастать на водораздельных участках.

Принимая во внимание природный ландшафтный комплекс и сравнивая его со всеми другими последующими трансформациями ландшафтов, можно отметить, что это был достаточно прохладный и влажный отрезок времени XI в., когда человек только приступил к освоению окружающей природной среды. Это преобразование проявилось сначала в появлении вырубок, пожарищ, а также открытых пространств с нарушенным растительным покровом, и, следовательно, с большим количеством сорняков, чаще из семейства цикориевых. Только затем человек приступил к обустройству пахотных угодий. Эта последовательность событий фиксируется данными палинологического анализа, по-видимому, отражая существование в средневековье подсечно-огневой системы землепользования.

В основании культурного слоя в раскопе на "Романовом дворе" был обнаружен пахотный горизонт, свидетельствующий о двух этапах распашки в XII – начале XIII в. В это время, из-за активного вмешательства человека в окружающую природную среду, общая облесенность территории продолжала уменьшаться. Сосновые леса сменялись вторичными березняками с небольшой примесью сосны, ели и широколиственных пород, в основном липы (табл. 2). Тот же отрезок времени удалось изучить при раскопках в Казанском соборе и в Царицыне, подтверждая существование близких по составу растительных сообществ. Согласно исследованиям последних лет, погребенные почвы в долине Москвы-реки и ее притоков и сами пахотные угодья в XII–XIII вв. чаще располагались вдоль берегов или на прилегающих береговых склонах.

В пределах бассейна Оки наиболее достоверные данные о характере изменений природной среды и хозяйственной деятельности человека стали известны по таким памятникам, как Старая Рязань и отчасти у с. Воротынск в Калужской обл. Здесь в целом для конца XI–XII в. и начала XIII в. облесенность территории была незначительна, при доминировании липы. По С.Ф. Курнаеву (1968), эта порода требует для своего произрастания и хорошего развития в зоне смешанных лесов 590–650 мм годового количества осадков, а в зоне преобладания широколиственных пород – от 540 до 600 мм при средней температуре лета в первом случае в июле 17.5–18°, августа 16°, и во втором – в июле 18.5–19° и августе 17°. Важно отметить, что в области распространения липовых лесов наибольшее количество осадков выпадает в июле и августе при умеренно теплой погоде, тогда как в области оптимального развития дуба, наоборот, в этот период отмечается резкое уменьшение количества осадков при довольно жаркой погоде. По палинологическим материалам из Старой Рязани удалось проследить изменение природной среды на протяжении более чем

Таблица 2. Особенности хозяйственного использования территории средневековой Москвы и ее окрестностей

Датировка по ^{14}C	Возраст по археологическим данным	Палинологические зоны		Изменение состояния пахотного клина			Расширение лугов	Зарастание пашни сорняками	Зарастание кустарником	Увеличение площади лесов
				уменьшение	стабильность	увеличение				
180 ± 40 (ГИН-8826)	2-я четверть XVII в.	Сосна с участием ели и широколиственных пород и незначительным участием березы	18			■				
	1-я четверть XVII в.	Сосна, ель с незначительным участием березы, широколиственных пород и ольхи	17	■			■	■	■	■
		Сосна, ольха с участием ели и незначительным участием широколиственных пород и березы	16	■			■	■	■	■
	Пожар 1-ой четверти XVII в.	Сосна с участием широколиственных пород и незначительным участием ели и березы	15				■	■		■
	Начало XVII в.	Сосна, широколиственные породы с участием ели и березы	14	■			■	■	■	■
		Сосна с участием березы, незначительным участием широколиственных пород, ели и ольхи	13		■					
		Сосна с участием широколиственных пород, ольхи, ели и березы	12		■					
		Широколиственные породы, сосна с участием ели и незначительным участием березы и ольхи	11	■				■		■
		Сосна с участием березы, ели и незначительным участием широколиственных пород	10	■			■	■	■	
	Пожар конца XVI–начала XVII в.	Сосна с участием березы и незначительным участием широколиственных пород	9	■				■		
290 ± 40 (ГИН-9026) 350 ± 40 (ГИН-8819)	Конец XVI в.	Сосна, ель с незначительным участием широколиственных пород	8		■			■		■
		Сосна, ель с незначительным участием широколиственных пород и березы	7		■					
		Сосна с участием ели, ольхи и незначительным участием березы и широколиственных пород	6	■			■		■	■
	XV–XVI вв.	Сосна с участием ели, березы и незначительным участием широколиственных пород	5			■				■
		Сосна с участием березы и незначительным участием широколиственных пород и ели	4		■					
630 ± 40 (ГИН-8825)	До XV в. – От рубежа XII–XIII вв.	Сосна с участием березы, широколиственных пород и ели	3			■				
	До XII в.	Береза с участием широколиственных пород и сосны	2			■		■		
		Сосна, береза с участием широколиственных пород и незначительным участием ольхи	1			■	■			■

■ – наличие признака.

150 лет. Здесь нашли отражение достаточно теплые и влажные условия среды конца XI в., похолодание в первой половине XII в., потепление середины и второй половины XII в. и похолодание в начале XIII в. Последний отрезок времени получил отражение в разрезе памятника у с. Воротынск. Этот памятник особенно интересен тем, что помимо погребенной почвы с пахотным горизонтом здесь удалось изучить оборонительные сооружения в виде двух близких по возрасту валов и погребенной почвы между ними (Массалитина и др., 2000).

По данным многочисленных палеонтологических, седиментологических, а для северных и горных областей гляцио-геоморфологических исследований и летописных источников с середины XIV в., отмечается заметное похолодание климата, получившее название малого ледникового периода.

Как указывает В.А. Климанов (1989), для исследованного региона в это время температуры июля были ниже современных на 1–1.5°, января – на 1–2°, среднегодовые – примерно на 1.5°, а осадков было почти столько же, как и сейчас.

Тем не менее климат между 1350 и 1850 гг. не был стабильным и изменялся периодически от более холодного к менее прохладному, что не могло не отразиться на характере растительного покрова и на жизнедеятельности людей в Волго-Окском междуречье. Особенно неблагоприятные условия среды отмечаются всеми исследователями, в том числе и авторами, с 1550 по 1700 гг.

Памятники XIV в. достаточно хорошо изучены на территории Волго-Окского междуречья, но чаще представлены только небольшие отрезки времени данного столетия. В пределах Верхней Волги по-прежнему широкое развитие имели сосняки с участием ели, березы и широколиственных пород. Изменения климата в основном фиксируются в большем или меньшем участии неморальных элементов флоры.

Наиболее полная информация по растительности и климату XIV в. для Москвы и ближнего Подмосковья получена по разрезам на территории "Романова двора" в Москве (см. табл. 2) и по Радонежу в Подмосковье.

В разрезе "Романова двора" отложения этого возраста представлены пахотным горизонтом погребенной почвы. Исходя из особенностей спектров, в это время вблизи города уже наблюдалась небольшая облесенность территории при значительной роли пашен. Леса в основном были образованы сосной, но также присутствовала береза, ель с незначительным участием широколиственных пород.

В окрестностях Радонежа, близ Морозовского болота, которое в первой половине XIV в. находилось на периферии территории интенсивной хозяйственной деятельности, характер растительного покрова в большей степени отражает нетронутость природной среды. В составе пыльцы древесных пород велика роль сосны (36.8%). Единично присутствует пыльца широколиственных пород, таких как дуб, липа, лещина. Пыльца березы содержится почти в том же количестве, что и пыльца сосны. В составе споровых растений еще больше возрастает значение зеленых мхов и отчасти папоротников, тогда как значение сфагновых мхов сокращается. Следуя характеру изменения спектров в течение XIV в., можно говорить о том, что широкое развитие имели коренные леса: елово-сосновые с примесью широколиственных пород, наряду с вторичными березовыми лесами (Бызова и др., 1993).

О бóльшем преобладании коренных лесов в это время свидетельствуют и данные, полученные в урочище Могильцы, также в районе Радонежа (Бызова и др., 1993). Здесь спорово-пыльцевой комплекс, прослеженный в старопахотном горизонте XIV в., свидетельствует о почти равном участии в ландшафте лесов и открытых пространств, занятых пашней и лугами. В составе лесов была высока роль коренных смешанных лесов, в том числе и еловых, тогда как вторичные березовые леса ни в коей мере не доминировали. Судя по данным палинологического анализа, в окрестностях Радонежа то было время наиболее оптимального сочетания естественных растительных группировок при рациональном ведении хозяйства.

В XV в., по результатам палинологического анализа разрезов "Романова двора", состав лесных сообществ не претерпел существенных изменений по сравнению с XIV в., тогда как характер открытых пространств в окрестностях Москвы несколько изменился. Так, уменьшилась роль пахотного клина и несколько возросло значение разнотравной луговой растительности, о чем свидетельствует большое количество пыльцы мезофильного разнотравья.

В сельской местности, в районе Радонежа, в это время также несколько выше облесенность территории. Среди древесных пород преобладает береза (до 70%), второе место принадлежит хвойным – сосне и ели. По сравнению с предыдущим веком заметно возрастает роль культурных злаков и сорняков. Увеличивается значение мезофильного разнотравья, что свидетельствует о расширении площадей, занятых луговой растительностью, причем постепенно происходит обеднение видового состава. Таким образом, с началом века было связано максимальное разнообразие лесов, а затем постепенно возросла роль вторичных березовых лесов. Исходя из состава спектров, можно предположить, что в начале века скалывалось наиболее пропорциональное соотношение между луговыми ландшафтами и пахотными угодьями,

т.е. в окрестностях Радонежа в первой половине XV в. было наиболее рациональное природопользование. Имеется радиоуглеродная датировка, полученная для этого периода по Морозовскому болоту. Она составила 410 ± 50 (ГИН-1434), калиброванная дата – 1434(1446)1491 (Бызова и др., 1993).

К концу века соотношение основных элементов экосистемы изменилось из-за интенсивной хозяйственной деятельности. Роль коренных лесов сократилась, происходило постепенное заболачивание лугов и переход их в разряд низинных болот. Все это привело к деградации хозяйства в этом районе.

В XVI в., судя по разрезам на "Романовом дворе", происходило постепенное расширение площади коренных лесов. В начале века роль елово-сосновых лесов с участием широколиственных пород увеличивалась главным образом за счет уменьшения доли вторичных березняков. В то же время происходило и увеличение пахотного клина.

Дальнейший процесс восстановления коренных широколиственно-хвойных лесов происходил за счет вторичных березняков, так и за счет уменьшения роли пахотного клина. Об этих изменениях свидетельствует заметное увеличение доли пыльцы древесных пород (до 32%) по сравнению с другими этапами. Такие изменения скорее всего происходили не только под влиянием человека, но были связаны с похолоданием и увлажнением климата. В конце XVI в. состав растительного покрова территории мало изменился, но отмечается чуть большая заболоченность территории, что фиксируется не только составом пыльцы травянистых растений, но и возросшей ролью сфагновых мхов среди споровых растений.

XVII в. был не только наиболее холодным и влажным, но и отличался большой изменчивостью климата и большим количеством экстремальных погодных явлений. Особенно катастрофическими были необычайные метеорологические явления в самом начале XVII в., которые привели к "великому гоудновскому голоду" (1601–1607 гг.). Очень холодными, с морозами в начале августа, были 1665–1666 гг. (Борисенков, Пасецкий, 1893).

О характере растительности в первой половине этого столетия можно судить по материалам, полученным по прудовым отложениям в районе урочища Могильцы в Радонеже. Упоминание об этом пруде присутствует в межевой книге 1617 г. (Бызова и др., 1993). Здесь среди пыльцы травянистых растений наряду с луговым разнотравьем увеличилась роль сорняков: горец птичий, гречиха татарская, василек синий, подорожник. Все это свидетельствует о процессах зарастания пашни и о сокращении роли земледелия по сравнению с предыдущим этапом. Лучшие условия хозяйствования прослеживаются только в конце этого столетия, когда отмечается сокращение зарастания пойм и восстановление плакорных лесов.

Наиболее холодный этап отчетливо выделяется и в более южном районе, в бассейне Оки, по материалам поселения Настасьино (Алешинская, Спиридонова, 2002; Средневековое поселение Настасьино, 2004). В это время в ландшафте данной территории наблюдается не только увеличение лесных массивов, но и роли хвойных пород. Основной фон создавался сосновыми лесами с участием ели, березы и редко липы. Сильно сократились площади, занятые пашнями. На это указывает не только резкое сокращение количества пыльцы злаков среди травянистых растений, но и значительное увеличение сорняков из семейств цикориевых и гречишных.

Подводя итоги, следует отметить, что изученный отрезок времени характеризовался активным вмешательством человека в развитие природной среды. Материалы на памятниках железного века свидетельствуют о том, что растительный покров подвергался антропогенному воздействию в основном только в округе поселений. Эти изменения часто носили локальное проявление, не отражаясь на составе зонального типа растительности.

В средневековье произошло существенное увеличение антропогенного воздействия на природную среду, что связано как с большей полностью заселения территории Волго-Окского междуречья, так и с развитием земледелия на обширных площадях. Люди активно отвоевывали у леса большую часть земель, распахивали их, создавали пруды и прокладывали дороги.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда гуманитарных исследований. Проект № 01-01-00183а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский А.Л., Плихт Й., Векслер А.Г. и др. Возраст культурного слоя на Красной площади в Москве // Изв. РАН. Сер. географ. 2000. № 2.

Алешинская А.С., Спиридонова Е.А. Изменения природной среды и влияние на нее человека в окрестностях г. Коломны в железном веке и средневековье (по данным палинологического анализа) // КСИА. 2002. Вып. 213.

Беленькая Д.А. История заселения Китай-города (Москва). Конец XII – начало XVI в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л., 1983.

Бызова Е.Г., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Чернов С.З. Средневековый Радонеж: археологический, палинологический и геоботанический подходы к изучению ландшафтов // Экологические про-

блемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993.

Гунова В.С., Кренке Н.А. Археолого-палеогеографические исследования в среднем течении Москвы-реки // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. 1985. № 1.

Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А. и др. Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // РА. 1996. № 4.

Забелин И.Е. Изыскание о древнейшем, первоначальном поселении Москвы // Тр. VIII археологического съезда. Т. III. М., 1897.

Климанов В.А. Геохронология и корреляция климатических показателей Северной Европы за последние 13000 лет // Геохронология четвертичного периода. Таллин, 1989.

Климанов В.А., Хотинский Н.А., Благовещенская Н.В. Колебания климата за исторический период в центре Русской равнины // Изв. РАН. Сер. географ. 1995. № 1.

Кренке Н.А. Отчет об археологических разведках по долине Москвы-реки в пределах г. Москвы в 1995 г. // Архив ИА РАН. 1995а.

Кренке Н.А. "Чертов городок" – селище железного века в окрестностях Коломенского // РА. 1995б. № 3.

Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная и археологическая хронологии Дьякова городища // КСИА. 1988. Вып. 194.

Курнаев С.Ф. Основные типы леса средней части Русской равнины. М., 1968.

Массалитина Г.А., Болдин И.В., Модин И.Н., Спиридонова Е.А. Археологическое исследование микроструктуры региона. Поселенческий комплекс в окрестностях села Воротынск Перемышльского района Калужской области // Тр. регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 1. Калуга, 2000.

Смирнов К.А. Дьяковская культура. М., 1974.

Средневековое поселение Настасьино. Труды Подмосковной экспедиции. Т. 2. М., 2004.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья // Забелинские научные чтения – 1995–1996 гг. Тр. ГИМ. Вып. 103. М., 1999а.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита–энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999б. № 1.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация эпохи бронзы лесной зоны Европейской России (по палинологическим данным) // Тверской археол. сб. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.

Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников конца бронзового – начала раннего железного века бассейна средней Оки // Геохронология четвертичного периода. Таллин, 1989.

Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н.э. МИА. 1941. № 5.

Третьяков П.Н. Древнейшие городища Верхнего Поволжья // СА. 1947. Т. IX.

The dynamics of natural environment in the Volga–Oka interfluve from the I millennium BC till the II millennium AD.

E. A. Spiridonova, A. S. Aleshinskaya

Summary

In the Iron Age, and, especially, in the Middle Ages the active man-caused transformation of natural geo-systems began. Wide-scale palynological researches are carried out at the sites Nastas'ino, Vorotynsk, Protopopovskoe hillfort, Gorodishchi, Staraya Ryazan, as well as in Moscow and Moscow region. As a result of the investigations the macro-shifts have been established in the dynamics of vegetation and climatic changes in the territory of the Volga–Oka interfluve. A number of the periods most favourable for human activity have been singled out, as well as the periods of crises caused both by natural phenomena or human economic activity. In the Iron Age the vegetation underwent man-caused activity mainly in the vicinity of the dwelling sites. During the period of the Middle Ages natural environment underwent essential man-caused influence. This depended on higher density of population in the Volga–Oka interfluve and the extensive development of agriculture.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 44–54

АНТРОПОГЕННЫЕ МОДИФИКАЦИИ ПОЧВ В ОКРЕСТНОСТЯХ АНТИЧНОГО КИТЕЯ

© 2004 г. Ю. Г. Чендев*, А. В. Куликов**

*Белгородский государственный университет, Россия;

**Керченский государственный историко-культурный заповедник, Украина

Исследования ландшафтов ряда регионов Северной Евразии свидетельствуют о наличии следов древнего землепользования (Кларк, 1953; Лисецкий, 2000; Стржелецкий, 1961 и др.). Изучение компонентов почвенного покрова этих территорий позволяет уточнить существующие представления об уровне технологического развития древних цивилизаций, выявить способы и эволюцию землепользования, рассмотреть вопросы направленности трансформации почв в результате длительного сельскохозяйственного использования земель. Анализ почвенных трансформаций в регионах древнего освоения способствует лучшему пониманию механизмов деградации почв в современных условиях и должен быть использован при выработке стратегий по охране и оптимизации почвенных ресурсов биосферы.

Цель настоящей работы – комплексное исследование почв и почвенного покрова в окрестностях Китея, одного из античных городов Боспорского царства. Эти почвы пережили сложную и длительную историю антропогенных трансформаций, обусловленных прежде всего землепользованием в античное время.

Реализация цели исследования предполагала решение следующих задач: провести реконструкцию почвообразования в позднем голоцене под влиянием природных и антропогенных факторов; выявить причину возникновения микро- и мезорельефа (наваловки и ровики) на земельных участках поблизости от Китея; проанализировать почвы на элементах искусственного микрорельефа; идентифицировать признаки древних антропогенных воздействий в почвах;

МЕТОДЫ И ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе проведенного исследования был использован широкий комплекс методов, среди которых следует отметить исторический, основанный на интерпретации и анализе литературного материала по исследуемой проблеме, почвенно-археологический, заключающийся в полевом исследовании земляных археологических памятников с участием археологов и почвоведов, сравнительно-географический анализ свойств дневных и погребенных почв, разнообразные методы химического, физико-химического и физического анализа почв, дополняющие и во многом уточняющие картину реконструкции почвообразования на исследуемых объектах. Лабораторные анализы почв выполнялись в Белгородском научно-исследовательском институте сельского хозяйства. Датировка земляных памятников (наваловок и ровиков) проводилась на основе находок артефактов археологическим методом. Датирование осуществляли А.В. Куликов и В.А. Хршановский.

Китей расположен на юго-востоке Керченского полуострова (рис. 1). Период жизни города определяется примерно с V в. до н.э. до V в. н.э. (Античные государства..., 1984). Следовательно, общую длительность функционирования города можно оценить в 1000 лет. Поверхность задернованного травянистой растительностью памятника с прилегающими окрестностями находится на обширной морской террасе и приподнята над уровнем моря на 30–35 м. В настоящее время памятник разрушается береговой абразией. Средняя скорость подмывания обрывистого берега составляет около 20 см в год. За время, прошедшее с момента прекращения функционирования Китея как города (конец V – первая четверть VI в. н.э.), была уничтожена значительная площадь памятника. Изначальное положение береговой линии, вероятно, фиксировалось в 400 м. южнее современного положения. Породы морского генезиса, слагающие высокую террасу (пески, песчаники, известняки, глины), были образованы в неогене (миоцен). Они имеют волнистое и слабонаклонное залегание. Современные почвы формируются на серовато-зеленых, в различной степени оглеенных глинах неогена.

В природно-климатическом отношении территория относится к сухостепной зоне. Годовое количество осадков – 300–350 мм, коэффициент увлажнения – 0.5, температуры января –0.5°С, июля +23°С, среднегодовая температура воздуха +11°С. Дикорастущая растительность относится к формации луговых степей и представлена ковылем Лессинга, тонконогом, ежой сборной, типчаком в сочетании с сообществами эфемерных злаков.

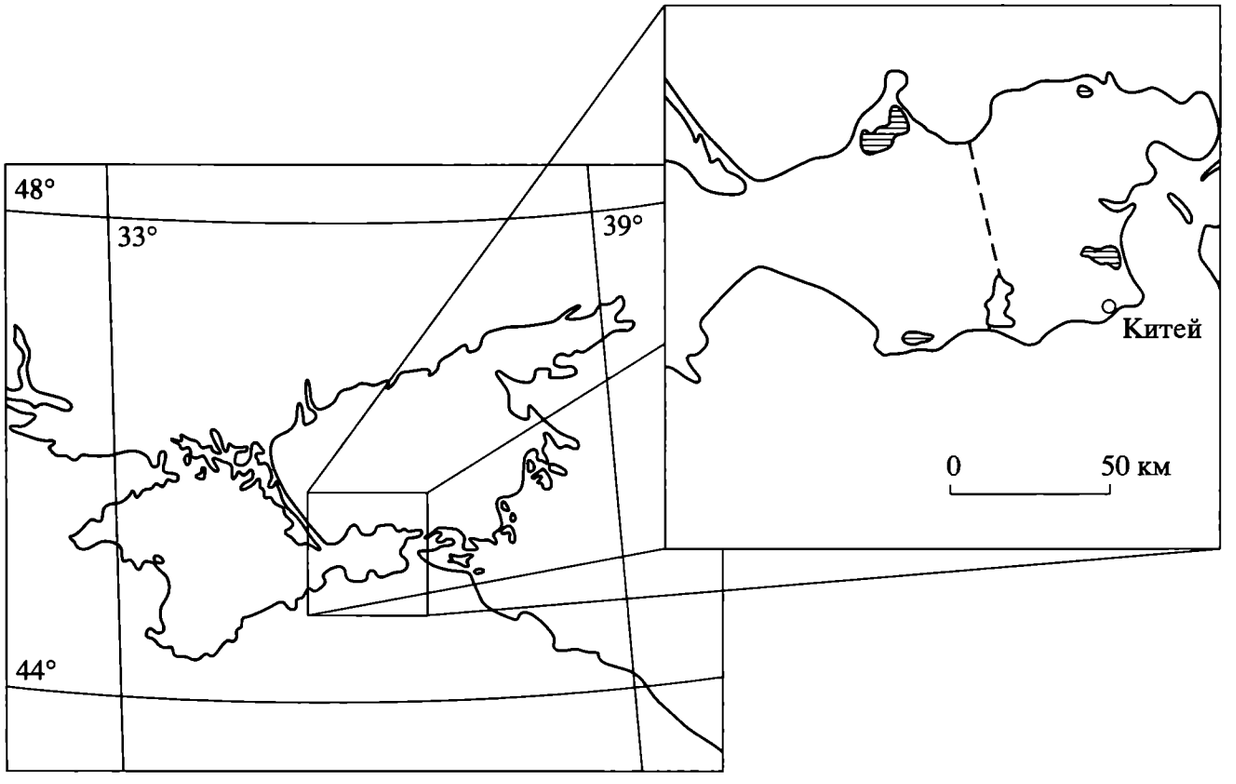

Рис. 1. Местоположение Китея на карте Крымского полуострова (пунктиром показана западная граница Боспорского Царства).

Почвенный покров на обширных ровных участках представлен черноземами южными нормальными в сочетании с черноземами южными карбонатными и солонцеватыми.

До момента создания Боспорского Царства на исследованной территории проживали племена скифов, а в еще более раннее время – представители племен бронзового века. Недалеко от Китея А.В. Куликовым обнаружены остатки поселения эпохи средней – поздней бронзы (XVI–XIII вв. до н.э.), а на Китейском поле найдены кремневые изделия бронзового века, в том числе микролитические вставки в серпы (неопубликованные данные). Несмотря на то что начало хозяйственного освоения территории относится к середине II тыс. до н.э., интенсивное антропогенное преобразование природного ландшафта (главным образом в результате сельскохозяйственного использования земель) наблюдалось в период греческой колонизации.

После тюркского разгрома Китея какая-то часть населения, по-видимому, оставалась в окрестностях города, используя в качестве жилищ ограбленные монументальные склепы. Например, в одном из склепов, раскопанных в 2001 г. В.А. Хршановским (личное сообщение автора), был найден известняковый жернов, что прямо свидетельствует о том, что жители в VII–VIII вв. н.э. занимались не только скотоводством, но и земледелием. Однако нужно отметить, что к этому времени значительная часть античных полей была уже заброшена. Античные сельскохозяйственные угодья на долгое время превратились в залежи с 90–100%-ным проективным покрытием травами. Почвы постепенно восстанавливали свои природные свойства и утраченное плодородие. В X–XII вв. н.э. степи окрестностей Китея могли использоваться только как пастбища. Татарские деревни XIV–XVIII вв. н.э. поблизости от Китея не найдены. В XIX в. на китейском поле возник хутор Пащенково с огородами. На залежные участки усилилась пастбищная нагрузка. В период коллективизации (1929–1930 гг.) земли, примыкающие с запада к античному городу, превратились в пахотные угодья, каковыми являются и в настоящее время.

В непосредственной близости от Китея на ровных, не подвергающихся распашке поверхностях, хорошо заметен искусственный микро- и мезорельеф, представляющий собой чередование вытянутых на сотни метров ровиков и разделяющих их наваловок. Именно эти формы рельефа идентифицированы как остатки оград земельных участков (Античные государства..., 1984). Более детальное раскрытие генезиса данных форм антропогенного рельефа потребовало проведения специального почвенно-археологического исследования. При повторном обследовании территории, проведенном авторами статьи, было установлено, что все без исключения участки располагаются на удобных для сельскохозяйственных работ поверхностях – либо

на ровных плато, либо на слегка вогнутых седловинах между грядами рифовых известняков. Общая площадь выявленных участков составляет примерно 4 км^2. С учетом фактора береговой абразии исходная площадь полей с указанной планировкой должна была составлять не менее 6 км^2. Преобладающей ориентировкой ровиков и наваловок является северо-северо-западная (азимуты 315–330°). На участке площадью несколько га к северо-западу от Китея ровики и наваловки ориентированы под прямым углом к указанному выше направлению с азимутом 60°. В большинстве случаев мы имеем дело с геометрически правильными формами антропогенного микро- и мезорельефа: расстояние между вершинами наваловок 15.5–16.0 м, превышения вершин наваловок над днищами ровиков – 0.3–0.5 м (в отдельных случаях – до 0.8 м.). Важно отметить, что наваловки и ровики сохранились лишь на задернованных залежных участках, покрытых разнотравно-злаковой растительностью. На современных пахотных полях искусственный рельеф полностью уничтожен воздействием сельскохозяйственной техники.

На наш взгляд, система ровиков и разделяющих их наваловок – результатом рекультивации и размежовки земель между частными владельцами – жителями Китея и его округи. Результаты исследования почв, сформированных на элементах искусственного рельефа, подтверждают факт интенсивного антропогенного их преобразования. Даже после того, как эти почвы "прошли" этап длительного природного самовосстановления (предположительно с первой четверти VI в. н.э до конца XVIII в. н.э.), в их профилях сохранились признаки, свидетельствующие о процессах длительного сельскохозяйственного освоения в античный период.

ПРИРОДНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОЧВ И ПОЧВЕННОГО ПОКРОВА

Целенаправленное изучение природной эволюции почв Крымского полуострова до настоящего времени никем детально не проводилось.

П.Д. Подгородецкий на основании ряда косвенных данных высказывал мнение о том, что в начале голоцена (10–9 тыс. лет назад) в современном степном и горном Крыму были широко распространены незасоленные почвы. По мере расширения Черноморского бассейна и его засоления водами Средиземного моря в голоцене усиливался ветровой перенос солей с моря на все сокращающуюся площадь полуострова, происходило повышение уровня его грунтовых вод. Автор подчеркивает, что перенос солей особенно активизировался с поверхности Сиваша после его окончательного обособления, произошедшего примерно 800 лет назад (Подгородецкий, 1988). Однако, на наш взгляд, соленакопление в почвах Крымского полуострова не имело четко выраженного временного тренда. Динамичность процессов соленакопления и рассоления почв, по-видимому, была тесно связана с климатическими изменениями в голоцене – сменами (возможно, неоднократными) эпох гумидизации эпохами аридизации климата.

Самое общее представление о стадиях развития почв степного Крыма можно получить, исходя из анализа разрозненных данных по соседним с Крымом регионам: Ставрополью, Ростовской области, Молдове (Рысков, Демкин, 1997; Песочина и др., 2000). Установлено, что в суббореальном периоде голоцена черноземы этих территорий характеризовались признаками более континентальных ареалов: более высоким залеганием легкорастворимых солей, меньшей мощностью гумусового горизонта, четко выраженным аккумулятивным карбонатным горизонтом. Климатические условия современного периода с возросшими годовыми нормами осадков сложились в регионе около 3000–2500 лет назад. В.П. Золотуном на юге Украины (территория Причерноморской низменности) проводилась сравнительная оценка свойств погребенных под скифскими курганами почв и их современных дневных аналогов. Морфогенетические различия между сравниваемыми почвами оказались минимальными с незначительной тенденцией возрастания мощности гумусовых горизонтов (до 10 см) в почвах современного периода. Автор полагает, что в скифскую эпоху почвы достигли нового, квазиравновесного с факторами среды состояния, и уже слабо (за исключением процесса субаэрального соленакопления) изменялись в последующее время (Золотун, 1974). Однако, как показали дальнейшие исследования, субатлантический период голоцена в климатическом отношении также не был однородным. Одна из климатических флуктуаций произошла в интервале времени IV(II) в. до н.э. – II в. н.э., когда наблюдалась аридизация климата, на что адекватно отреагировали почвы: понизилась глубина залегания карбонатов, возросло содержание легкорастворимых солей (Песочина и др., 2000).

В непосредственной близости от Китея, на ровной водораздельной поверхности нами была исследована северная стенка раскопа многокамерного склепа и сопряженные с ней почвы (руководитель раскопок В.А. Хршановский). Склеп функционировал в интервале времени от I в. до н.э. – до IV в. н.э. Под разрастающийся вокруг города некрополь отводились сельскохозяйственные угодья с искусственной планировкой поверхности в виде ровиков и наваловок. Изученная сторона склепа ориентирована вдоль средней части склона наваловки – в месте, где при планировке рельефа не проводились скальпирование или аккумуляция грунта. Внешняя часть склепа обложена глыбами известняка (квадрами) различных форм и размеров. Обкладка была создана в I в. до н.э. Поверх-

ность кладки соответствует дневному уровню почвы. Верхние почвенные слои срезались по форме квадр, которые затем помещались в выемки. Между соседними квадрами могли оставаться покрытые степной растительностью "окна" с ненарушенными почвенными профилями, одно из которых нами было детально изучено (рис. 2). После сооружения каменной обкладки склепа в "окнах" продолжалось почвообразование в естественном тренде, так как связь с внешними факторами среды не была прервана. Мы также предполагаем, что дополнительного поступления атмосферных осадков с поверхности смежных квадр в "окна" не происходило, поскольку кладка имеет горизонтальную (без уклонов в сторону "окон") поверхность. Следует учитывать и то обстоятельство, что поделочный камень обладает хорошей способностью впитывать атмосферные осадки. Скальпированные фрагменты почв рядом с "окнами" оказались надежно изолированными под перекрывающими их глыбами. Они были "выключены" из почвообразовательного процесса более 2000 лет назад. Как оказалось, глубина залегания нижней границы гумусового профиля (суммарная мощность горизонтов A1 и A1B) почвы, продолжавшей свое развитие, понизилась по сравнению с палеопочвой на 8–10 см (рис. 2). Поэтому можно полагать, что в течение последних 20 веков почвообразовательный процесс был направлен в сторону увеличения мощности черноземов и повышения их потенциального плодородия. Я.Г. Рысков и В.А. Демкин (1997) отмечают, что прирост гумусированной части черноземов Восточно-Европейской равнины наблюдался в интервале времени 5000–1500 л.н., а за последние 1.500 лет он практически отсутствовал. Следовательно, увеличение мощности гумусоаккумулятивного профиля изученного нами чернозема должно было произойти в первой половине I тыс. н.э.

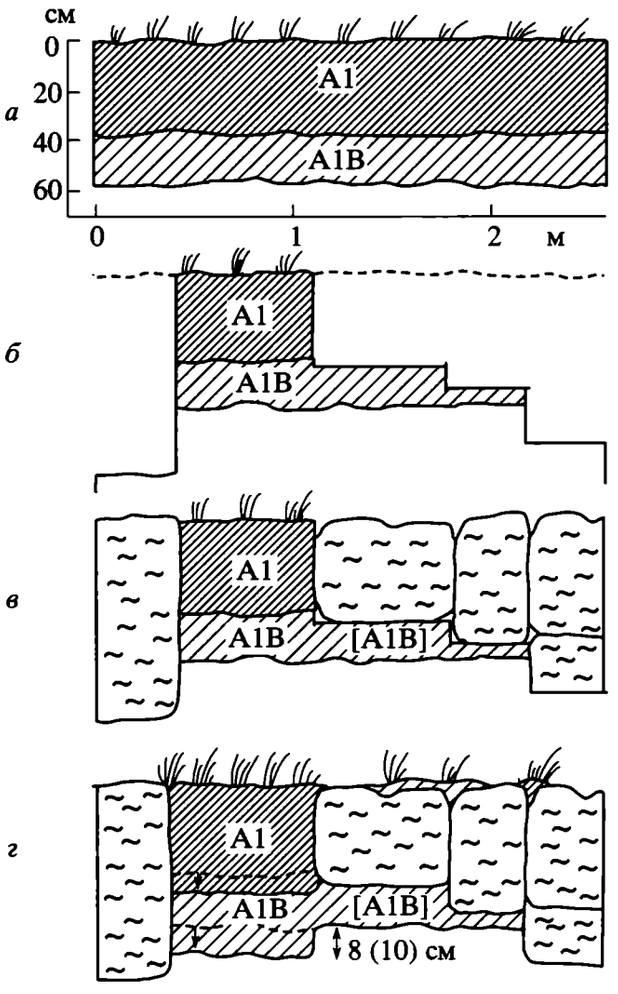

Рис. 2. Гумусовый профиль чернозема (*а*), его антропогенные нарушения при создании внешней обкладки эллинистического склепа в I в до н.э. (*б*, *в*) и признаки природного развития почвы в ненарушенном "окне" за последние 2050–2100 лет (*г*).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На ровной поверхности высокой морской террасы примерно в 600 м. западнее окраины Китея через вершину и склон одной из наваловок к ровику была заложена траншея длиной 7 м., в которой были вскрыты почвы до уровня материнской породы. В теле земляного вала максимальная мощность которого 45 см, на уровне 15–25 см от поверхности были обнаружены обломки античных амфор раннего периода заселения территории (IV–III вв. до н.э). Изучение поверхности почв на обширной территории, включая современные пахотные угодья на месте существовавшей до распашки системы ровиков и наваловок, убеждает нас в том, что находки фрагментов греческой керамики (главным образом раннего периода) в месте проведения исследований – явление весьма распространенное. На основании ряда косвенных свидетельств, а также с учетом выявленных артефактов можно предполагать хронологическую близость между созданием искусственного рельефа и появлением в почвах фрагментов античной керамики.

Экзогенная перестройка поверхности искусственного рельефа. Связь между морфометрическими свойствами древних почв и параметрами системы "ровик–наваловка"

На рис. 3 представлена реконструкция исходной поверхности к моменту создания ровиков и разделяющих их "межевых" наваловок. Реконструкция основана на детальном исследовании современных морфометрических характеристик наваловок и ровиков, учете расположения дневной поверхности древних почв, принципе равенства объемов извлеченного из ровика грунта и грунта, слагающего наваловку. Уровень поверхности погребенной почвы определялся в стенке траншеи,

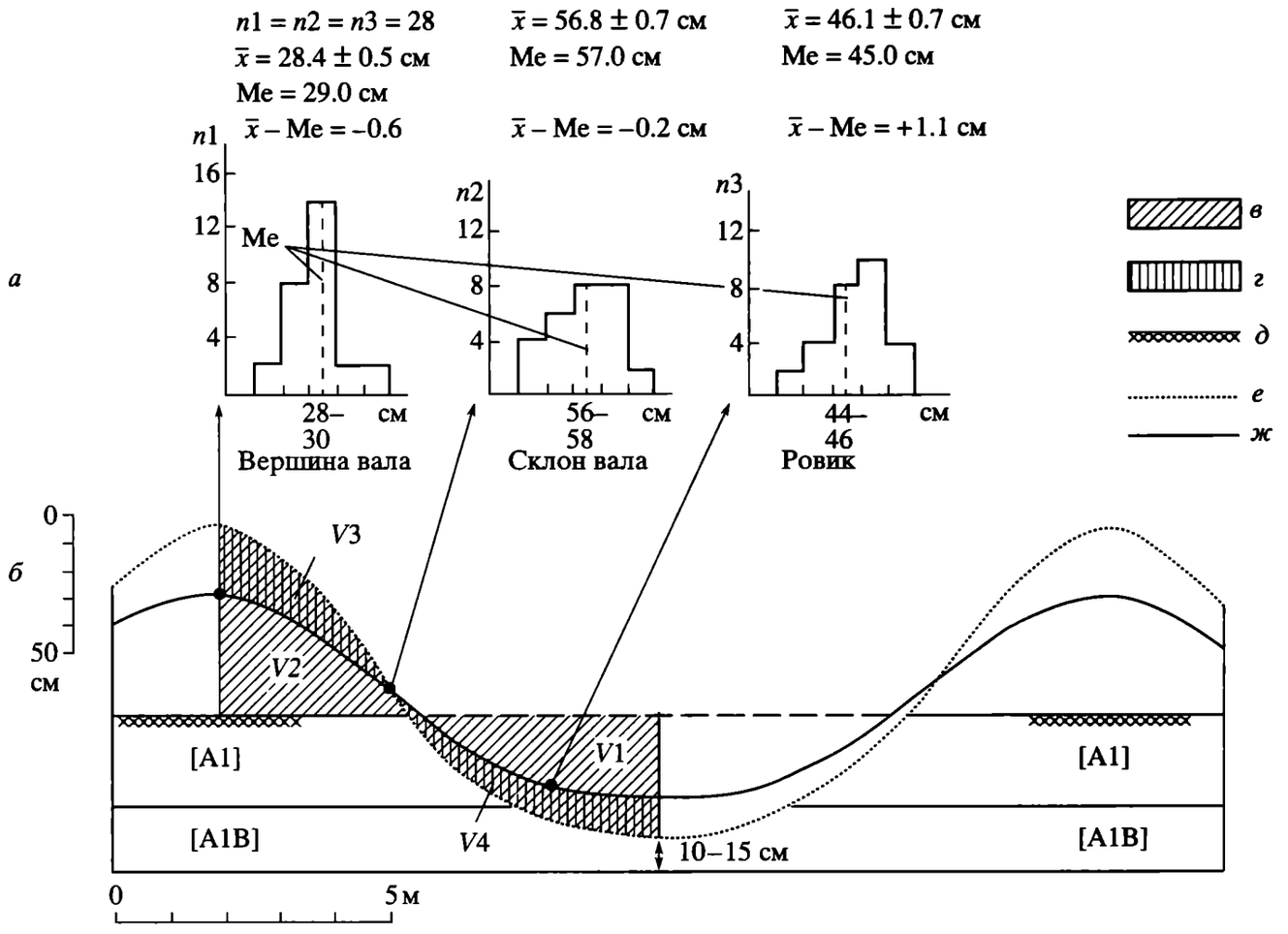

Рис. 3. Полигоны распределения мощностей гумусовых горизонтов (А1) почв на разных элементах искусственного рельефа (*а*), исходная (сразу после проведения рекультивации–размежевания в античное время) и современные дневные поверхности почв с указанием гумусовых профилей древних черноземов (*б*); *в* – исходный объем чернозема, извлеченного из ровика (V1) и пошедший на сооружение наваловки (V2). V1 = V2; *г* – объем почвенного материала, эродированного с поверхности наваловки (V3) и аккумулированного в ровике (V4). V3 = V4; *д* – морфологически определяемая под наваловкой поверхность погребенной почвы; *е* – исходная поверхность антропогенного рельефа; *ж* – поверхность антропогенного рельефа в современный период.

пересекающей одну из вершин наваловок. Как видно на рисунке, первоначальные перепады высот между днищами ровиков и вершинами наваловок превосходили современные параметры примерно в 1.5 раза. Мы склонны думать, что сразу же после создания искусственного рельефа, актуальными стали снос почвенного мелкозема с вершин и склонов наваловок и его аккумуляция в ровиках. Человек, по-видимому, постоянно контролировал этот процесс, возвращая эродированный почвенный материал из ровиков на поверхность склонов.

Как известно, снижению эрозии на склонах во многом способствует образование гумусовых горизонтов почв с рассыпчатой комковато-зернистой структурой, которые формируются на земляных насыпях (Лисецкий, 2000). Особенно интенсивно данный процесс протекает в черноземной полосе Восточно-Европейской равнины (Геннадиев, 1990), куда относится изучаемый нами регион. Результаты проведенного нами исследования подтверждают данный вывод. Судя по морфогенетическим признакам почв микрокатены, на всех элементах искусственного рельефа к финальной стадии античного землепользования были сформированы достаточно мощные гумусоаккумулятивные профили природно-антропогенных почв (таблица). Однако длительное воздействие человека на верхние почвенные слои (распашка, рыхление мотыгами, вытаптывание) привело к деградации их структуры (из зернистой она превратилась в комковато-глыбистую), ухудшению фильтрационных свойств и усилению поверхностного стока. На склоновое перемещение почвенного мелкозема и его аккумуляцию в ровиках указывает асимметричность полигонов распределения мощностей гумусовых горизонтов почв (рис. 3). На вершине и на склоне имеет место левосторонняя асимметрия признака (большинство вариант лежит в области минимальных значений), а в ровике – правосто-

Морфогенетические особенности исследованных почв

Почва	Мощность, см						Верхний уровень белоглазки, см
	A1	A1B	A1 + A1B	B	BC	Профиль	
Погребенная под валом (чернозем южный маломощный)	37.4 ± 0.6	18.8 ± 0.6	56.2 ± 0.4	23.8 ± 0.6	20.7 ± 1.2	100.7 ± 0.9	49
Сформированная на склоне вала (чернозем южный среднемощный, близкий к мощному)	56.8 ± 0.7	18.6 ± 0.5	75.4 ± 0.8	24.2 ± 0.7	20.5 ± 0.7	120.1 ± 1.4	63
Сформированная в ровике у основания склона вала (чернозем южный среднемощный грунтово-глееватый)	46.1 ± 0.7	21.5 ± 0.4	67.6 ± 0.6	24.8 ± 0.4	22.6 ± 0.7	115.0 ± 0.8	54

Примечание. Мощность гумусового горизонта погребенной почвы указана с поправкой на уплотнение под насыпью (4 см); количество замеров мощности каждого генетического горизонта почв –28.

ронняя асимметрия (противоположная тенденция). На вершине и на склоне данный факт обусловлен эрозионным снижением мощности горизонта A1, за которым не успевало природно-антропогенное почвообразование, обеспечивавшее прирост почвы в глубину. В ровике, напротив, наблюдался рост гумусового горизонта, и в этом процессе далеко не последнюю роль играла аккумуляция мелкозема, сносимого с вершин и склонов наваловок. Мы полагаем, что выявленная картина распределения мощностей гумусовых горизонтов отражает специфику почвообразования на завершающем этапе античного землепользования. На стадии самовосстановления природной среды (VI–XIX вв. н.э.) роль склоновых процессов должна была снизиться настолько, что дальнейшая модификация поверхности антропогенного рельефа была сведена к минимуму. По крайней мере известно, что при густом задернении поверхности травами (в современный период на участке исследования 90–95%) создается очень высокий противоэрозионный эффект (Бурыкин, 1984).

Закономерным представляется выбор глубины ровиков, которая контролировалась мощностью гумусовых профилей древних черноземов. Исходная мощность гумусированной толщи черноземов, обладавшая высоким потенциальным плодородием (суммарная мощность горизонтов A1 и A1B), составляла 50–60 см. Ниже залегали обедненные органическим веществом горизонты B и BC. В местах заложения ровиков почва удалялась таким образом, чтобы в самой нижней части создаваемого углубления был сохранен плодородный слой почвы (нижняя часть горизонта A1B) мощностью 10–15 см. Эта минимальная мощность оструктуренного, насыщенного органическим веществом суглинка соответствовала глубине вспашки почв плугом. В дальнейшем естественно-антропогенное почвообразование сформировало в ровиках гумусовые профили черноземов значительной мощности, которые обладали более высоким плодородием. Однако на это потребовались многие десятилетия почвообразовательного процесса. Тенденция роста во времени гумусированной толщи почв в ровиках, вероятно, была хорошо известна античным мелиораторам по опыту, передаваемому предшественниками. Вместе с тем совершенно очевидно, что рекультивация, в ходе которой сток атмосферных осадков был сконцентрирован в ровиках (территория располагается в зоне рискованного земледелия с недостаточным увлажнением) с последующим земледельческим освоением "скальпированных" черноземов ровиков, являлась экономически выгодным мероприятием, которое гарантировало получение устойчивых и высоких урожаев незамедлительно. сразу же после проведения рекультивационных работ.

Анализ расстояния между наваловками, с одной стороны, и глубины ровиков с другой, показывает больший разброс значений последнего показателя, что достаточно очевидно, ибо при строго определенной ширине земельных наделов (расстояние между вершинами наваловок – 15.5–16.0 м) глубина выкапывания ровика практически не изменяла площадь надела. По-видимому, она (глубина) всецело зависела от мощности гумусового профиля черноземов, имевшего пространственную изменчивость. Если мощность гумусового профиля возрастала, ровик делался глубже, так как при этом складывались более благоприятные условия для аккумуляции влаги, что надежнее гарантировало получение высоких урожаев.

Свойства изученных почв

Важнейшие морфометрические характеристики почв, исследованных в траншее через наваловку и ровик, отражены в таблице. Почва, погребенная под наваловкой, идентифицирована как чернозем южный карбонатный маломощный. Насыпь, перекрывающая погребенную почву, создавалась из верхних горизонтов чернозема, сры-

тых в местах создания ровика. Она характеризуется серым цветом и по этому признаку почти не отличается от гумусового горизонта палеочернозема. Почвообразовательный процесс, происходивший на вершине вала, активно преобразовал всю толщу насыпи и частично затронул самые верхние слои палеочернозема, которые постепенно трансформируются в горизонт A1B орехова-то-комковатой структуры. Другой почвенный профиль изучен на склоне наваловки. Изначальная мощность насыпи, перекрывавшая погребенную почву, не превышала 15 см. Вероятно, за всю дальнейшую историю с момента создания насыпи поверхность была стабильной – эрозия или аккумуляция почвенного мелкозема не происходили (рис. 3). В ходе эволюции профиль древнего чернозема, перекрытый наносом, трансформировался в зрелый профиль чернозема южного карбонатного с повышенной мощностью гумусоаккумулятивного горизонта (таблица). В гумусовом горизонте отмечены явные признаки деградации структуры. Исходно комковато-зернистый, он в настоящее время является глыбисто-комковатым. Зернистые агрегаты как остаточный признак, отчетливо видны на изломе глыб. Они "впаяны" в плотную текстуру глыбистых отдельностей. На самом низком уровне, в ровике (исходно скальпировано 35 см палеочернозема, а затем 15 см аккумулировалось в виде наноса) также был изучен профиль вполне зрелого чернозема. Признаки периодического переувлажнения на уровне горизонтов B, BC и C (сизоватые и буровато-рыжие разводы, местами буровато-серый, почти черный налет оксидов марганца на гранях агрегатов) позволяют данную почву идентифицировать как чернозем южный карбонатный грунтово-глееватый. Вторичные признаки деградации структуры гумусового горизонта выражены здесь слабее (в нижней части горизонта сохранена зернисто-комковатая структура).

Почвы, образовавшиеся на склоне и в ровике, характеризуются большей мощностью гумусовых горизонтов и почвенных профилей по сравнению с характеристиками древних (погребенных) черноземов. Это произошло вследствие перераспределения стока атмосферных осадков в искусственно созданные депрессии рельефа и лучшего увлажнения здесь почв – важного фактора интенсификации почвообразовательного процесса. Не исключается также инициирующая роль агротехники (главным образом периодического рыхления верхних почвенных слоев), благодаря чему скорость почвообразования могла возрастать. Отметим, что в античное время мог применяться и такой вид мелиорации, как внесение в почву органического удобрения (навоза), хотя основная часть навоза в смеси с соломой жителями степного Крыма, на наш взгляд, использовалась как топливо. Другим видом органических удобрений, поддерживающим плодородие почв, являлись пожнивные и другие растительные остатки (например, листья плодовых деревьев и винограда, рядами высаживаемых на поверхности наваловок).

Говоря об антропогенно обусловленной деградации почвенной структуры, следует подчеркнуть, что она возникла не сразу, но постепенно нарастала во времени. На рубеже IV и III вв. до н.э. в непосредственной близости от Китея часть сельскохозяйственных угодий была отведена под некрополь. Как уже отмечалось выше, эллинистические склепы были "врезаны" в утратившие сельскохозяйственную функцию почвы наваловок и ровиков. Участки под расширяющийся некрополь отводились и в I в. до н.э. На этих территориях длительность пахотной стадии, предшествовавшей созданию некрополя, не превышает 300–400 лет. Верхние горизонты почв, сформированных на поверхности наваловок и ровиков, здесь лишь слабо уплотнены (объемная масса 1.10–1.25 г/см^3) и обладают зернисто-комковатой структурой. На удалении от некрополя почвы использовались в сельском хозяйстве более длительный срок (вероятный возраст освоения 500–1000 лет). Они бесструктурны, характеризуются высокой плотностью сложения (объемная масса 1.35–1.50 г/см^3) и с трудом поддаются экскавации. Именно такие почвы были исследованы нами в траншее.

Результаты анализа физических, физико-химических и химических свойств почв дополняют картину исследования. Почвы, сформированные на элементах искусственного рельефа, имеют более тяжелый гранулометрический состав верхних горизонтов, что особенно характерно для почвы ровика. В погребенном черноземе наблюдается однородное по профилю распределение физической глины без явно выраженного максимума в верхних слоях (рис. 4, *а*). Своеобразие вертикального распределения физической глины в гумусовом горизонте почв на склоне и в ровике заключается в том, что на глубине 15–20 см от поверхности зафиксирован слой обеднения физической глиной, ниже которого залегает слой относительного ее накопления. Подчеркнем, что данный признак обнаружен в матрице гумусовых горизонтов, физические свойства которых в естественных условиях должны характеризоваться однородностью. Мы считаем, что перераспределение тонкодисперсных частиц нисходящими водными растворами (явление лессиважа) могло быть инициировано процессом распашки ровика. Исследование пахотных почв в различных природно-климатических зонах доказывает актуальность протекания подобных явлений (Караваева, 2000; Козловский и др., 1996; Щеглов, 1999).

Распределение общего содержания органического вещества передает тенденцию незначительной аккумуляции гумуса в верхних почвенных

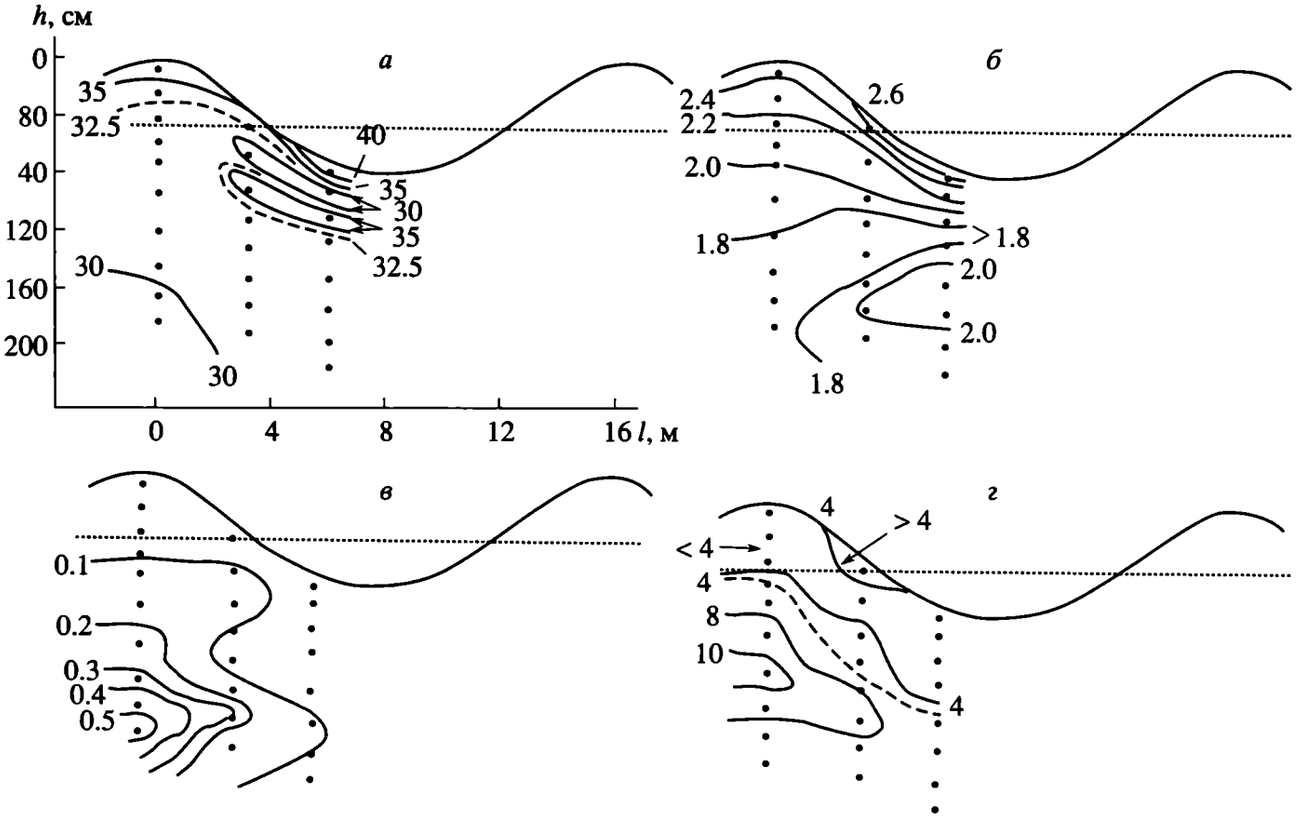

Рис. 4. Пространственное изменение некоторых почвенных признаков от вершины наваловки до ровика; *а* – физической глины (частицы < 0.01 мм), %; *б* – общего гумуса, абс. %; *в* – суммы легкорастворимых солей, %; *г* – обменного Na в почвенном поглощающем комплексе, % от суммы оснований (пунктиром отмечен нижний предел химической солонцеватости почв при содержании обменного Na 5%). Точечной линией показана поверхность почв до момента создания искусственного рельефа.

слоях, а также пространственное возрастание его содержания от почвы повышения к почвам подчиненных позиций (рис. 4, *б*). С учетом средней объемной массы (1.40–1.45 г/см^3) были рассчитаны запасы органического вещества в метровом слое почв, которые варьируют в пределах 281–311 т/га. При этом запасы гумуса возрастают от почвы вершины (281 т/га) к почве ровика (311 т/га). Почва склона занимает переходное положение (297 т/га). Согласно реконструкции, в погребенном черноземе до начала хозяйственного освоения запасы гумуса в метровом слое составляли 350–400 т/га, что значительно больше современных значений. По-видимому, эффект антропогенного воздействия на почвы в античный период землепользования был столь велик, что в течение последующих 13 веков залежного состояния исходные запасы органического вещества в почвах так и не смогли достичь значений, свойственных целинным почвам. На рис. 4, *в* хорошо заметен второй максимум аккумуляции гумуса в нижней части профилей почв ровика и склона. Этот признак возник в условиях хорошего промачивания почв понижений и, вероятно, как следствие "гумидизации" гидрологического режима пахотных черноземов в соответствии с представлениями Т.П. Коковиной и И.И. Лебедевой (1986).

Исследователями отмечается факт пространственного перераспределения воднорастворимых солей от почв естественных микропонижений к почвам микроповышений в аридной зоне (Геннадиев, 1990). Горизонтальная подтяжка солей в относительно сухие почвы повышений осуществляется в соответствии с так называемым эффектом "фитиля", когда в условиях высоких температур весеннего, летнего и осеннего периодов поверхность почвы периодически увлажняется атмосферными осадками. Аналогичные процессы происходили и в исследованных нами почвах, но уже на элементах искусственно созданного рельефа (рис. 4, *в*, *г*). Максимальное насыщение обменным натрием почвенного поглощающего комплекса зафиксировано для погребенного чернозема (рис. 4, *г*). При этом никаких признаков морфологической солончаковатости или солонцеватости профиля палеопочвы нами не было обнаружено. Хорошая оструктуренность гумусовых горизонтов погребенного чернозема и следы активной деятельности землероев (экскременты червей, ходы насекомых, кротовины) свидетельствуют об исходном отсутствии легкорастворимых солей в верхней половине профилей древних почв, а также о высоком содержании кальция в почвенном поглощающем комплексе. Поэтому солевые аккумуляции под на-

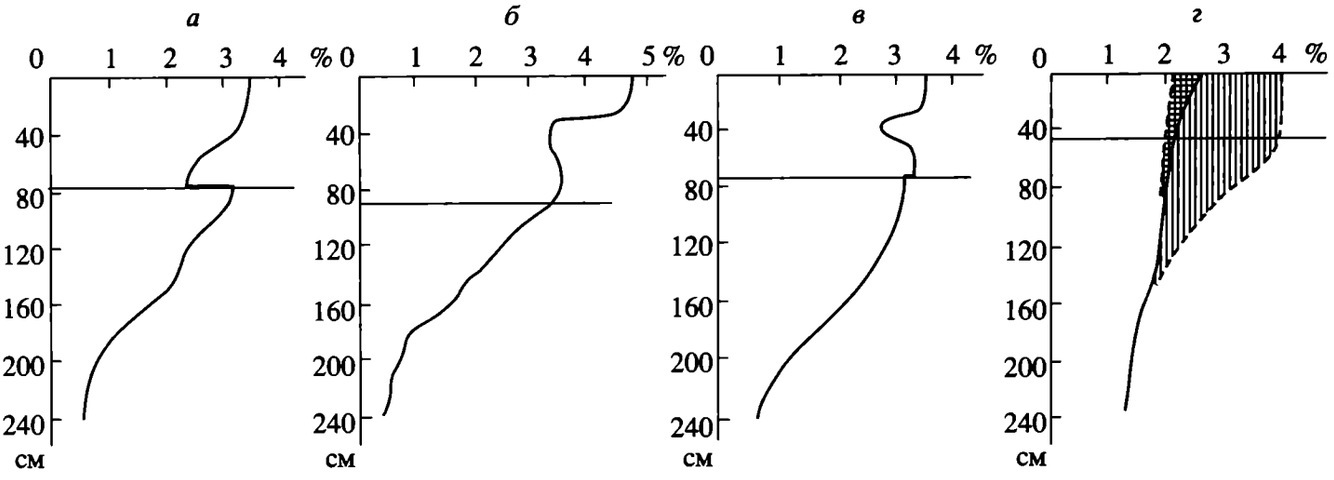

Рис. 5. Распределение гумуса (% абсолютного содержания) по профилю земляных насыпей и погребенных черноземов. *а–в* – курганные системы ровных водоразделов на территории Белгородской области: *а* – 3700–4200 л.н. (катакомбная культура, средний бронзовый век); *б* – 3000–3500 л.н. (срубная культура, поздний бронзовый век); *в* – 2200–2600 л.н. (лесостепная культура скифского времени, ранний железный век); *г* – межевая граница земельного участка (наваловка) в окрестностях Китея (около 2500 л.н.) и поля изменения содержания гумуса (реконструкция); вертикальная штриховка – за период сельскохозяйственного испольования в античное время (V в. до н.э. – V в. н.э.); горизонтальная штриховка за постантичный период природного самовосстановления почвы (VI в. н.э. – XX в. н.э.) (поверхности погребенных почв на графиках отмечены горизонтальными линиями).

валовками должны рассматриваться как признаки, возникшие на стадии геохимической эволюции почв уже после создания искусственного рельефа. По результатам анализа водной вытяжки тип засоления почв определен как кальциево-натриевый по катионам и хлоридный по анионам. По содержанию обменного натрия и особенностям его вертикального распределения почвы склона и ровика относятся к черноземам глубоко-слабосолонцеватым.

Выявленные почвенные признаки, а также закономерности их пространственного распределения являются очевидными индикаторами сельскохозяйственного освоения и последующей деградации почв периода греческой колонизации Крыма. На территории Китейской хоры к ним относятся остаточные признаки зернистости, "впаянные" в плотную текстуру гумусовых горизонтов на участках, удаленных от Китея и отсутствие глыбистости в почвах с небольшим возрастом освоения, примыкающих к некрополю рядом с городом; однородные в природных условиях, гумусовые горизонты почв на разных элементах искусственного рельефа состоят из серии подгоризонтов, различающихся по структуре. Верхний слой разуплотнения мощностью 10–13 см идентифицирован как восстанавливающийся признак периода постантичной ("залежной") эволюции почв; нижележащий глыбистый или комковато-глыбистый слой унаследовал структуру, спровоцированную антропогенными воздействиями античного периода; нижний подгоризонт A^{III} характерен только для почвы ровика и, как предполагается, отражает слабоизмененные антропогенными воздействиями, исходные признаки нижней половины гумусового горизонта данной почвы: перераспределение физической глины по элювиально-иллювиальному типу в матрице гумусовых профилей склона и ровика, которое не свойственно гомогенным гумусовым профилям почв естественного генезиса; относительно небольшие запасы гумуса в почвах на элементах искусственного рельефа (включая растянутый гумусоаккумулятивный профиль почвы на вершине наваловки) и более высокие показатели для периода, предшествовавшего античному землепользованию (реконструкция по запасам гумуса в погребенном черноземе).

Дополнительного рассмотрения требует распределение гумуса в сложном почвенном профиле, образованном на вершине наваловки. Различия между изначальным содержанием органического вещества (реконструкция) и современным распределением гумуса (рис. 5, *г*) очевидны. Снижение запасов гумуса произошло не только в погребенной почве (вследствие его минерализации в условиях изоляции от действия текущих факторов почвообразования), но и в верхних слоях насыпи, которые первоначально состояли из высоко гумусированного почвенного материала, а в дальнейшем являлись ареной интенсивного почвообразовательного процесса. На территории Белгородской области (лесостепь) Ю.Г. Чендевым были изучены почвы, сопряженные с невысокими земляными курганами времени, близкого периоду создания исследуемых наваловок и ровиков, или более древних (неопубликованные данные) рис. 5, *а*, *в*). Распашка поверхности курганов проводилась в течение последних 100 лет. До момен-

та распашки почвообразование на поверхности курганов происходило естественным путем, а сами земляные памятники были задернованы разнотравно-злаковой растительностью. Оказалось, что даже под очень древними насыпями распределение гумуса в погребенных черноземах имеет четкие отличия от характера его распределения в самих насыпях. Почва же вершины наваловки характеризуется постепенным, без скачков, снижением содержания гумуса, причем эта тенденция наблюдается в слое, превышающем мощность естественных почвенных профилей. По-видимому, здесь имел место мощный и длительно протекавший процесс, который привел к ассимиляции исходно разнородных по распределению гумуса толщ наноса и погребенной почвы. По нашему мнению, на вершинах наваловок выращивались многолетние культурные растения, обладавшие мощными корневыми системами, а именно виноградная лоза в сочетании с плодовыми деревьями. Многовековое возделывание этих культур способствовало как ассимиляции гумусовых профилей насыпи и погребенной почвы, так и равномерной потере гумуса из почвенной толщи на значительную глубину (рис. 5, *г*). Специальных исследований, доказывающих факт произрастания винограда на китейском поле в античное время нами не предпринималось. Вместе с тем известно, что наиболее ранние находки этой культуры на Боспоре относятся к V–IV вв. до н.э. На монетах города Нимфей, расположенного северо-восточнее Китея, в V в. до н.э. появляется изображение виноградной лозы, что, вероятно, связано с распространением здесь виноградарства в это время (Античные государства..., 1984). И.Т. Кругликова (1984) подчеркивает, что разведением винограда занимались главным образом на землях, расположенных поблизости от греческих городов. Предположение о выращивании виноградной лозы на вершинах гряд-наваловок находится в соответствии со складывавшимися здесь оптимальными условиями произрастания данной культуры, требования которой к плодородию субстрата (мощность гумусового горизонта искусственно увеличена в 2 раза) общеизвестны. С вероятным культивированием плодовых деревьев и винограда на вершинах наваловок можно связать и другой интересный факт, а именно преобладание ориентировки ровиков-наваловок с юга-юго-востока на север-северо-запад. В этом случае в утренние и вечерние часы, когда солнечные лучи встречали барьер из изгороди винограда и плодовых деревьев, ровики находились в тени. Таким образом, снижались непродуктивные потери влаги с поверхности ровиков, в которых, по-видимому, выращивались зерновые и зерно-бобовые культуры: пшеница, ячмень, просо, рожь (с первых веков н.э.), чечевица, вика и др. Не случайно в остатках жилых построек Китея II–IV вв. н.э. найдено большое количество зернотерок, зерновых ям, пифосов, а в слое III–IV вв. н.э. открыт комплекс, бывший мукомольней (Античные государства..., 1984). Вытянутость пахотных угодий в ровиках между наваловками определялась конструкцией и возможностями пахотных орудий. Их большая длина (1000–1500 м) была обусловлена тем, что земледельцу было неудобно часто разворачивать упряжку волов (выпрягать, перетаскивать плуг, затем снова запрягать). Ширина пахотной полосы в ровике могла составлять 10–11 м или 2/3 пространства, ограниченного вершинами наваловок. Тогда пахотная площадь одного земельного участка между наваловками была около 1.5 га. В.Д. Блаватский (1954) отмечает, что семья пахаря (5–6 человек) в условиях двупольной системы земледелия, развитой в государствах античного Причерноморья, должна была располагать не менее 6 га пахотной земли. Следовательно, в состав одного земельного надела в окрестностях Китея входило 4 полосы пахотной земли, между которыми располагались виноградники и плодовые насаждения. При общей площади земельных наделов хоры Китея в 600 га на долю пахотных угодий, согласно приведенным расчетам, приходилось 400 га. Общее же количество пахотных наделов приближалось к 70.

ВЫВОДЫ

Анализ форм искусственного рельефа (наваловок и ровиков), а также почв, сопряженных с ним, доказывает, что в окрестностях античного Китея существовала высокая культура земледелия, рассчитанная на длительное (в течение многих столетий) использование почвенных ресурсов. Применение почвосберегающих технологий могло быть основано на эмпирических знаниях греков о свойствах обрабатываемых почв, полученных задолго до создания греческих колоний в Крыму.

Новые данные в значительной степени корректируют наши представления о почвенных познаниях древних народов. Согласно сведениям из учебной литературы, до момента заложения основ почвоведения В.В. Докучаевым о почве существовали весьма примитивные представления, с ней часто идентифицировался лишь самый верхний, обогащенный органическим веществом слой земли (Глазовская, Геннадиев, 1995). Однако по результатам наших исследований, древние греки имели представление не только о смене почвенного плодородия в пространстве, но и о закономерной смене признаков по вертикали почвенных профилей.

Наряду с проблемами социально-политического характера (Болгов, 1996), в конце периода античного землепользования (II–V вв. н.э.) на Боспоре стали возникать экологические проблемы, обусловленные истощением почвенных ресурсов. Произошла деградация гумусного состояния почв,

значительно ухудшились их водно-физические свойства, в профилях почв исследованных навалок возникли признаки засоления (рис. 4, *в*, *г*). Последний фактор мог быть причиной снижения урожайности плодовых культур и виноградной лозы. Деградация почвенных ресурсов явилась неизбежным результатом длительного и непрерывного использования почв, несмотря на то, что в целом стратегия землепользования была продумана с учетом минимальных негативных трансформаций почв во времени. Проведенное исследование в очередной раз доказывает справедливость предположения, согласно которому, история развития и упадка древних цивилизаций тесным образом зависела от уровня и степени антропогенных преобразований природной среды (Баландин, Бондарев, 1988).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.

Баландин Р.К., Бондарев Л.Г. Природа и цивилизация. М., 1988.

Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах античного Причерноморья. М., 1954.

Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996.

Бурыкин А.М. Темпы эрозии почв в естественных и техногенных ландшафтах // Почвоведение. 1986. № 4.

Геннадиев А.Н. Почвы и время: модели развития. М., 1990.

Глазовская М.А., Геннадиев А.Н. География почв с основами почвоведения. М., 1995.

Золотун В.П. Развитие почв юга Украины за последние 45–50 веков. Автореф. ... докт. с.-х. наук. Киев, 1974.

Караваева Н.А. Длительная агрогенная эволюция дерново-подзолистой почвы // Почвоведение. 2000. № 2.

Кларк Д. Доисторическая Европа: экономический очерк. М., 1953.

Козловский Ф.И., Сорокина Н.П., Шубина И.Г., Афанасьева Т.Е. Генетико-гранулометрический анализ как метод изучения агрогенеза текстурно-дифференцированных почв // Минералы почв: генезис, география, значение в плодородии и экологии: Науч. труды. М., 1996.

Коковина Т.П., Лебедева И.И. Современные гидротермические режимы и генетико-географические особенности черноземов ЕТС // Успехи почвоведения. М., 1986.

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство и промыслы // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1983.

Лисецкий Ф.Н. Пространственно-временная организация агроландшафтов. Белгород, 2000.

Песочина Л.С., Гольева А.А., Зайцев С.В. Изменчивость почв и природных условий северо-восточного Приазовья в среднесарматское время // Почвоведение. 2000. № 6.

Подгородецкий П.Д. Крым. Природа. Симферополь, 1988.

Рысков Я.Г., Демкин В.А. Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене. Пущино, 1997.

Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. Симферополь, 1961.

Щеглов Д.И. Черноземы центра Русской равнины и их эволюция под влиянием естественных и антропогенных факторов. М., 1999.

Man-caused modifications of soils in the vicinity of classical Kitheion

Yu. G. Chendev, A. V. Kulikov

Summary

Complex soil and archaeological investigations have been carried out in the vicinities of the classical town Kitheion in the territory of the Bosporan kingdom. It was established that the local agriculture was on the high level of development, it was provided for long-term exploitation of soil resources. The local Greek population employed soil-protective technologies based on their empiric knowledge on the properties of the soils they tilled. The problems of social and political nature that had emerged in the Bosporus in the period of late classical antiquity were accompanied by the ecological complications. The latter were caused by the exhaustion of soil resources. Humus status of the soils had degraded, their water and physical properties had worsened essentially. In the cross-sections of the man-made small elevations (first of all, plots' boundaries) show the indications of salinisation. This factor could result in increase of fruit-bearing plants and vine diseases. The degradation of soil resources became the inevitable consequence of long-term and steady cultivation, despite the general strategy of agriculture was aimed at minimal negative transformations of soils in the course of time.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 55–67

ЯНТАРНЫЕ БУСЫ С НАРЕЗНЫМ ДЕКОРОМ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

© 2004 г. А. В. Мастыкова

Институт археологии РАН, Москва

В статье рассматривается один из типов янтарных бус, характерных для престижного костюма эпохи Великого переселения народов[1]. Это округлые, чаще всего крупные, тщательно обработанные янтарные бусы дисковидной и диско-конической формы с линейным нарезным декором по фаске[2] и/или по боковым плоскостям (рис 1, *1a, b, 2–7*).

В позднеримское время подобные янтарные бусы с нарезным декором и без него довольно широко распространяются в европейском Барбарикуме, особенно на территории современных Польши и Германии (Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 77–80. Taf. 16, 17. Typus 438–440, 451). При этом бусы с нарезным линейным декором встречаются в основном в Южной Прибалтике, в частности в бассейне Нижней Вислы, реже – в Средней Германии. Такие бусы были обнаружены, например, на территории вельбарской культуры. Наиболее ранние известны в погребениях периодов B2/C1 и C1a (160/180–200/220), а именно в могиле 210 некрополя Прущ-Гданьски – 10 и в Помелине (Pietrzak, 1997. Taf. LXXII, *14*; Hoffmann, 1996. Ryc. 10, *a*). Бусы этого типа встречены в могильнике Веклице-7, погр. 150 периода C1b или C2 (200–300/320) (Okulicz-Kozaryn, 1992. Ryc. 9, *5, 8*). Янтарные бусы с нарезным декором найдены также в погребении 238 некрополя Прущ-Гданьски – 7, относящемуся к периодам C2 и C3 (260–360/370) и в погребении 150 этого же могильника, которое датируется периодом C3 (300/320–360/370) (Pietrzak, Tuszyńska, 1988. Pl. 371(3), *63, 64, 68–72*; 370(3), *25, 28*). Как любезно указала мне Магдалена Мончинска[3], крупные янтарные бусы, позднеримского времени, с линейным нарезным декором имеются также и в некоторых других погребениях, что, к сожалению, невозможно было определить по опубликованным иллюстрациям: в погребениях 203 и 211 в Прущ-Гданьском, в погр. 71 (период B2/C1) в Любовидзе, в погр. III 1893 (период C) в Борковице на территории вельбарской культуры; в Лодзь-Редкиня, в погр. III (период C2, 260–300/320) некрополя Закшув, в погр. III/81 (период C2-C3) некрополя Цепле на памятниках пшеворской культуры, а также в погребении 8 некрополя Хасслебен, в некрополе Эмерслебен (период C2) и Брауншвейг-Довзее (C2-C3) в Средней Германии.

С начала эпохи Великого переселения народов янтарные бусы такого типа широко распространяются в Центральной Европе, и, что существенно, далеко выходят за ее пределы. Большая часть этих бус происходит из среднедунайского региона. Пожалуй, наиболее ранняя находка – это погребение периодов D1 и D2 (360/370–440/450 согласно хронологии Я. Тейрала: Tejral, 1997) в Южной Венгрии в некрополе Кишкундорожма, где крупная янтарная бусина с нарезным декором была найдена вместе с типичными для этого времени полиэдрическими серьгами (Vörös, 1984/1985. Tábla). Б. Анке считает эту бусину подвеской к мечу, но доказательств такой интерпретации не приводит (Anke, 1998. Teil 1. S. 103; Teil 2. S. 63. Taf. 74, *11*).

Подобные бусы известны и в "княжеских" женских захоронениях Унтерзибенбрунн, погр. 1 (Нижняя Австрия) и Рабапордань (Северо-Западная Венгрия) периода D2 (380/400–440/450 или "горизонт Унтерзибенбрунн") (Kubitschek, 1911. S. 58; Fig. 20. Alföldi, 1932. Taf. XII) (рис. 2, *20*). В погребении Рабапордань янтарная бусина с нарезным декором[4] входит в состав ожерелья вместе с крупными янтарными бусами без декора. Округлые бусы из янтаря с тщательно обработанной поверхностью и нарезным линейным декором были встречены в богатых женских могилах некрополей Лаа, погр. 1 (Нижняя Австрия) и Смолин, погр. 32 (Южная Моравия), датированных периодом D2/D3 (430/440–470/480 или "горизонт Смолин") (Germanen..., 1988. Taf. 53, *VII, 37. i*; Tejral, 1988. Abb. 31, 43) (рис. 1, *1a, b, 2–7*; 3, *7,8*). Эти могилы содержали типичные серебряные двупласт-

[1] Сокращенная версия этой статьи на английском языке опубликована в сборнике International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A.D. Proceedings of the international conference held in 1999 in Aszód and Nyiregyhaza. Aszód-Nyiregyhaza, 2001. Предварительные выводы о распространении и датировке янтарных бус с нарезным декором были опубликованы (Казанский, Мастыкова, 1998. С. 125, 126).

[2] Фаска – поверхность, образованная срезом ребра.

[3] Приношу глубокую благодарность профессору Лодзенского университета М. Мончинской за предоставленную инфомацию и любезные консультации.

[4] По опубликованной иллюстрации определяется один экземпляр.

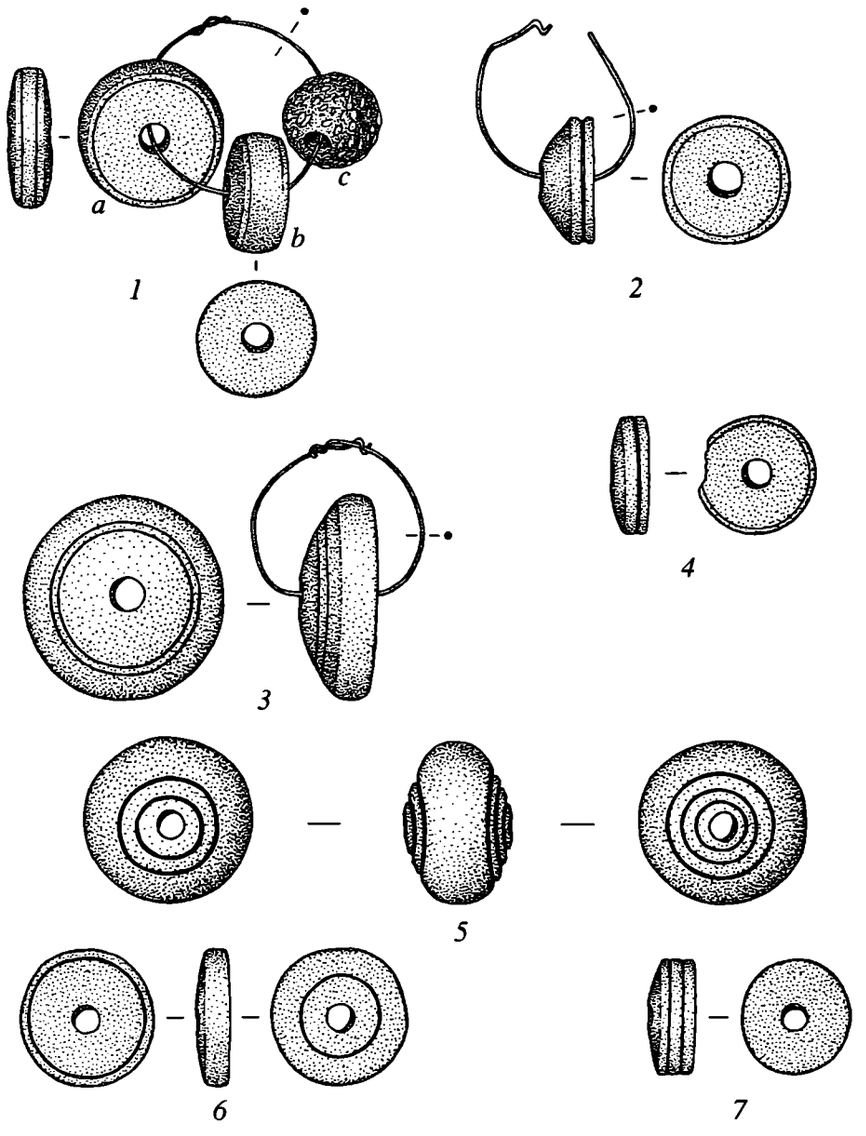

Рис. 1. Бусы из погребения 32 некрополя Смолин; *1a*, *1b*, *2–7* – янтарь; *1c* – стекло.

тинчатые фибулы с накладками в виде пальмет, большие поясные пряжки, серьги с многогранником, а также ожерелья из различных бус. В погребении некрополя Смолин изучаемые янтарные бусы помимо традиционного использования в колье были также нанизаны на кольца из металлической проволоки и, вполне возможно, носились в качестве подвесок (рис. 1, *1a*, *b*, *2*, *3*; 3, *7*, *8*).

Рассматриваемые бусы есть и в могилах рядового дунайского населения периодов D2/D3 и D3 (430/440–470/480 и 450–480/490): Вранья (рис. 4, *5*); Артанд-Кишфаркашдомб, погр. 16; Вышков, погр. 17 (рис. 5, *20*); Шлетц, погр. 1889 г. (рис. 6, *5*); Чёвар, погр. 1 (рис. 6, *14*), Хач-Бендекпуста, погр. 3, 14, 18 (Dautova-Ruševljan, 1980–1981. T. 2, *5*; Mesterházy, 1989. Abb. 5; Tejral, 1974. Abb. 4, *9*; Lippert, 1968. S. 327. Abb. 1, *10*; Kovrig, 1959. P. 210, 211. Pl. II, *6*; Kiss, 1995. Abb. 6, *3*; 11, *14,1, 2*; 12, *18,1*). На сегодняшний день находки крупных янтарных бус с нарезным декором в центральноевропейских закрытых комплексах, датированных временем после 480–490 гг., мне неизвестны.

В Южной Польше, в Швилче, найдена мастерская по изготовлению подобных бус из янтаря с нарезным декором, время ее функционирования – период D2 (380/400–440/450) (Gruszczyńska, 1984. Tabl. III, *1*, *2*; Wielowiejski, 1997. Abb. 13, *19*, *20*). Вторая мастерская, возможно, находилась в Басонии (Восточная Польша). В 1914 г. здесь был обнаружен клад янтаря общим весом более 300 кг, который содержал как куски необработанного янтаря, так и полуфабрикаты для бус (Schätze der Ostgoten, 1995. S. 194. Abb. 64. № 4901–4977; Wielowiejski, 1997. S. 305–315. Abb. 20). В состав клада входили и готовые изделия: крупные округлые янтарные бусы, в том числе и с нарезным декором. Находки в Швилче и Басонии свидетельствуют о том, что янтарь с берегов Балтики, по всей

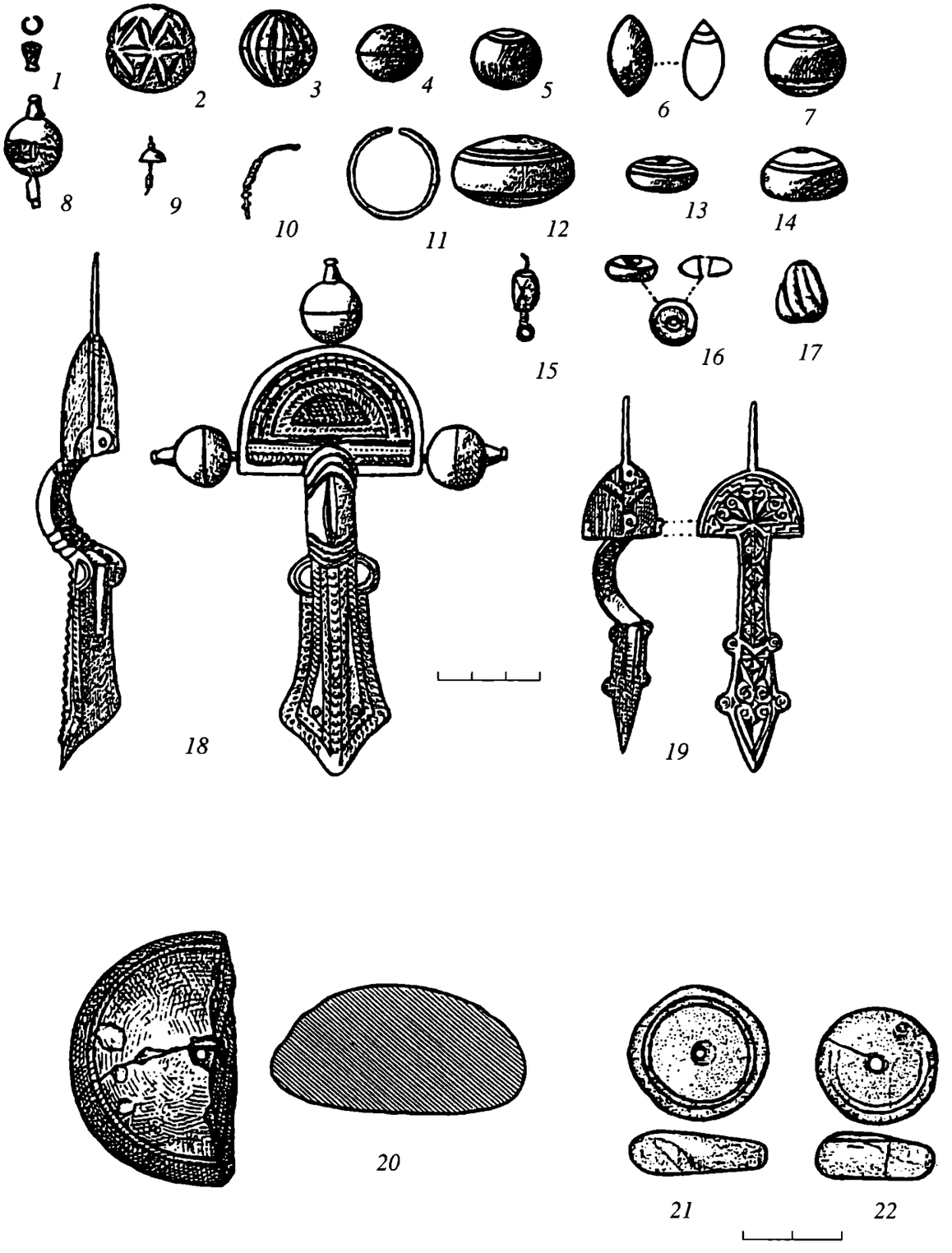

Рис. 2. *1–19* – клад из Келпина (La Baume, 1934); *20* – Унтерзибенбрунн, погр. 1 (Kubitschek, 1911); *21–22* – некрополь Иссендорф, погребение 3532 (Hässler, 1997).

видимости, часто вывозился в необработанном виде и производство бус в ряде случаев было налажено вдалеке от мест его добычи.

За пределами дунайского региона округлые янтарные бусы с нарезным линейным декором встречаются довольно редко, хотя и на достаточно широкой территории. Исключение составляет лишь Южная Прибалтика, где, как и в римскую эпоху, такие бусы хорошо представлены. Например, они были обнаружены в одном из погребений на могильнике Гребитен в Восточной Пруссии (Nowakowski, 1996. Taf. 36, *6*; 38, *7*). Погребение содержало также поясную гарнитуру с декором стиля Сёсдала и может быть отнесено к периодам D1 (360/370–400/410) или скорее D2 (380/400–440/450). Как известно, вещи стиля Сёсдала рас-

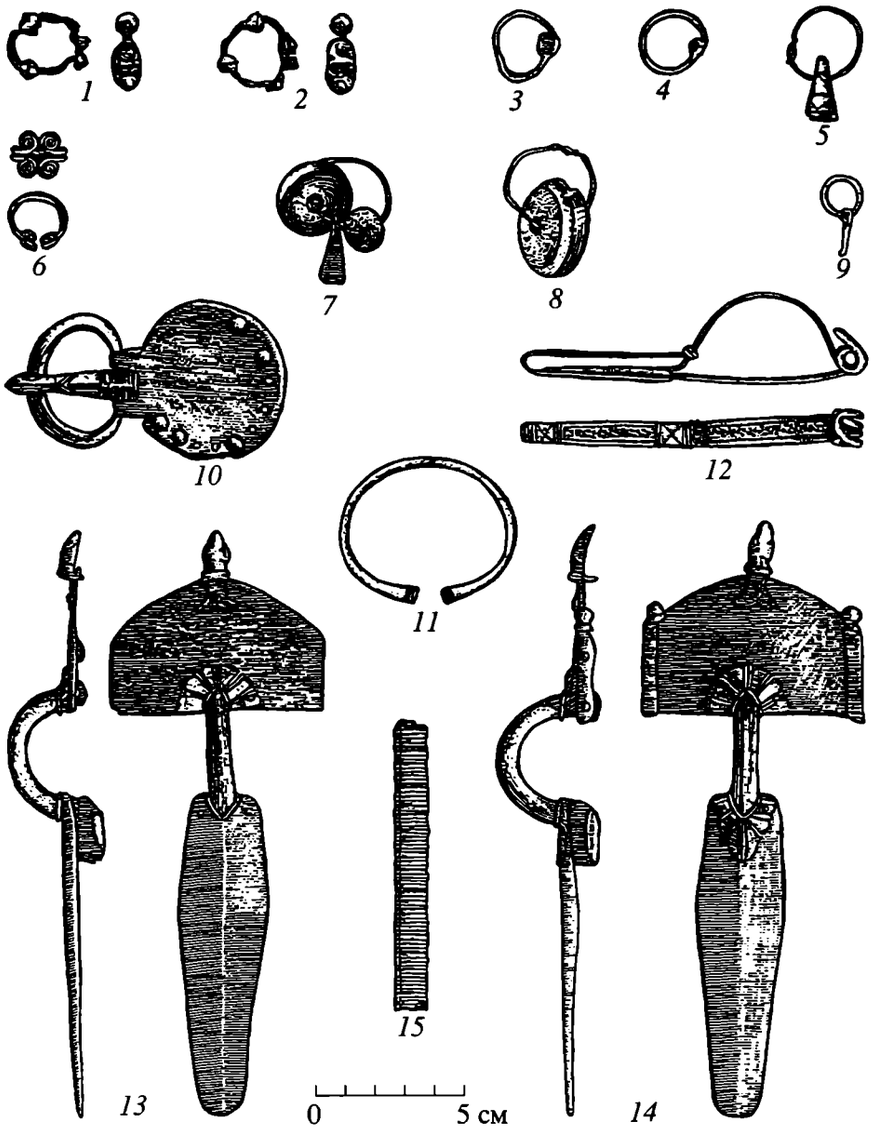

Рис. 3. Некрополь Смолин, погребение 32 (Tejral, 1973).

пространяются в Европе в 360–450-е годы в результате римского влияния (Karlsson, 1983. P. 107). В кладе из Келпина, в районе Гданьска, такие бусы (рис. 2, *7*, *12–14*) найдены вместе с фибулами периодов D2 и D2/D3 (380/400–440/450 и 430/440–470/480) (La Baume, 1934. Bild. 72) (рис. 2, *18*, *19*). Подобные бусы известны и в западнобалтском могильнике Осова, в районе Белостока (Jaskanis, 1961. Tab. 3, *2*, *3*; 1962. Tab. 2, *10*), но, к сожалению, их невозможно надежно датировать, так как в могилах они не сопровождаются выразительным погребальным инвентарем. В целом могильник Осова относится к римскому времени и эпохе Великого переселения народов.

Янтарные бусы с декором (рис. 7, *7*) из балтского могильника Плинкайгалис в Центральной Литве, судя по найденным вместе с ними фибулам, принадлежат к эпохе Великого переселения народов (Kazakevičius, 1993. Pav. 100; 102, *3*; 160, *6*; 162, *4*) (рис. 7, *8*, *9*). Однако хронология этого периода остается в Прибалтике неразработанной, поэтому сложно точнее датировать находки из Плинкайгалис. Подобные бусы происходят также и из могильника Марвяле (погр. 239, 295, 304, 323, 335, 336, 409, 532) в Центральной Литве (Bliujienė, 2001. P. 176. Fig. 2, *3–5*, *9*, *10*, *12–14*), относящегося к той же эпохе. Округлые янтарные бусы с нарезным линейным декором отмечены на могильнике Видгиряй, погр. 21, недалеко от устья Немана (Sidrys, 1994. Pav. 3, *j*, *l*, *n*, *p*, *s*), а также на могильнике Грейженай, погр. 18 (Sidrys, 1994. Pav. 3, *i*), но материалы этих двух могильников остаются неопубликованными. Трудно сказать, следует ли относить к рассматриваемому здесь типу янтарные полусферической формы полированные бусы с нарезным декором ("Pauckenperlen") из некрополей Суворово в Восточной Пруссии и Ужпелькяй в Западной Литве (Кулаков, 1990. Табл. X, *7*; Bliujienė, 2001. P. 177. Fig. 3, *1*). Они также датиру-

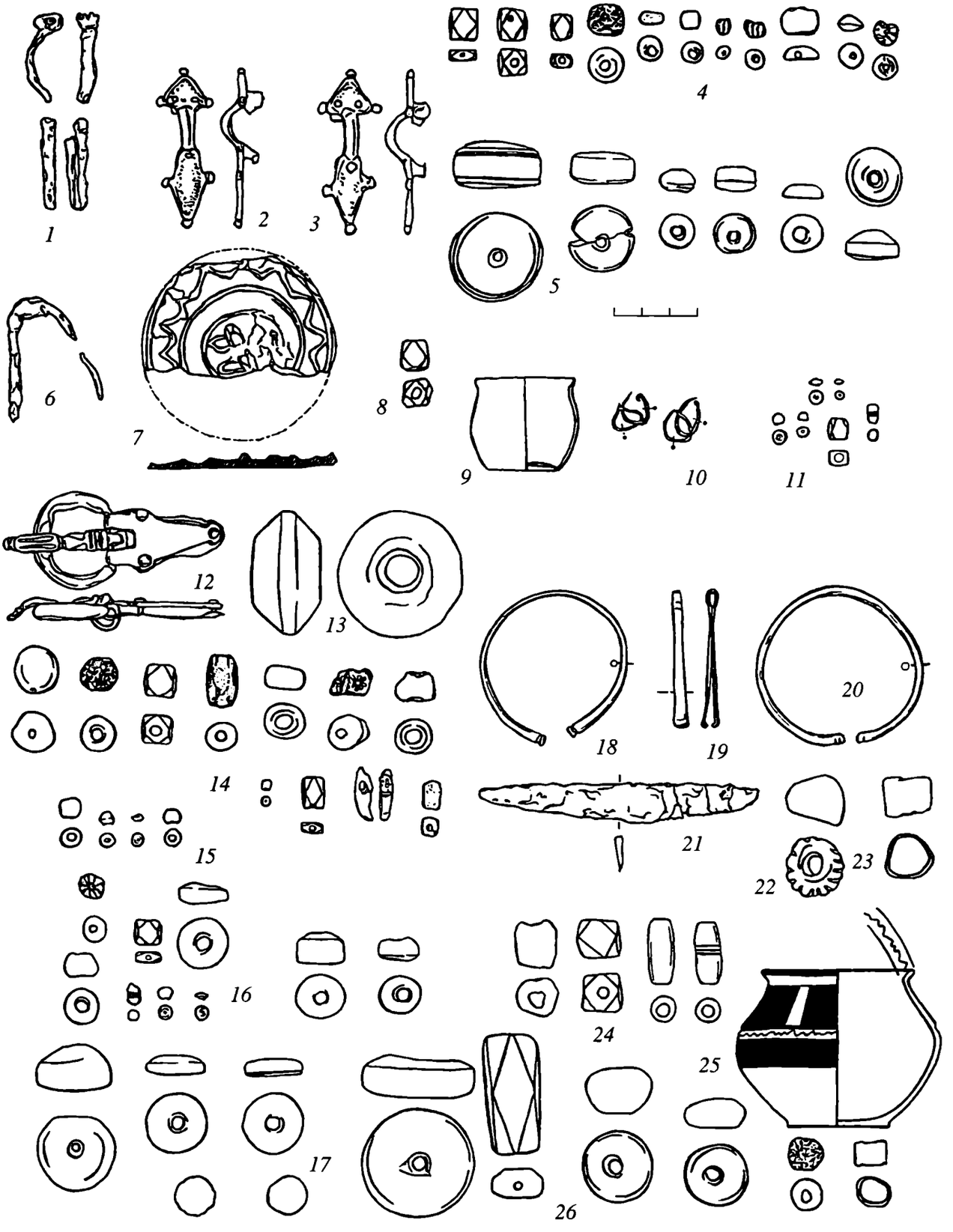

Рис. 4. Вранья, погребение (Dautova-Ruševljan, 1980–1981).

ются временем Великого переселения народов, но, возможно, их стоит выделить в отдельный тип.

Из Южной Прибалтики округлые бусы из янтаря с нарезным декором попадали, вероятней всего, морским путем в Скандинавию и в Северную Германию. Крупная янтарная бусина округлой дисковидной формы с нарезным декором (судя по цветной фотографии) имеется в материалах борнхольмского некрополя Моллебаккен, времени переселения народов (Klindt-Jensen, 1957. Pl. A, *54*).

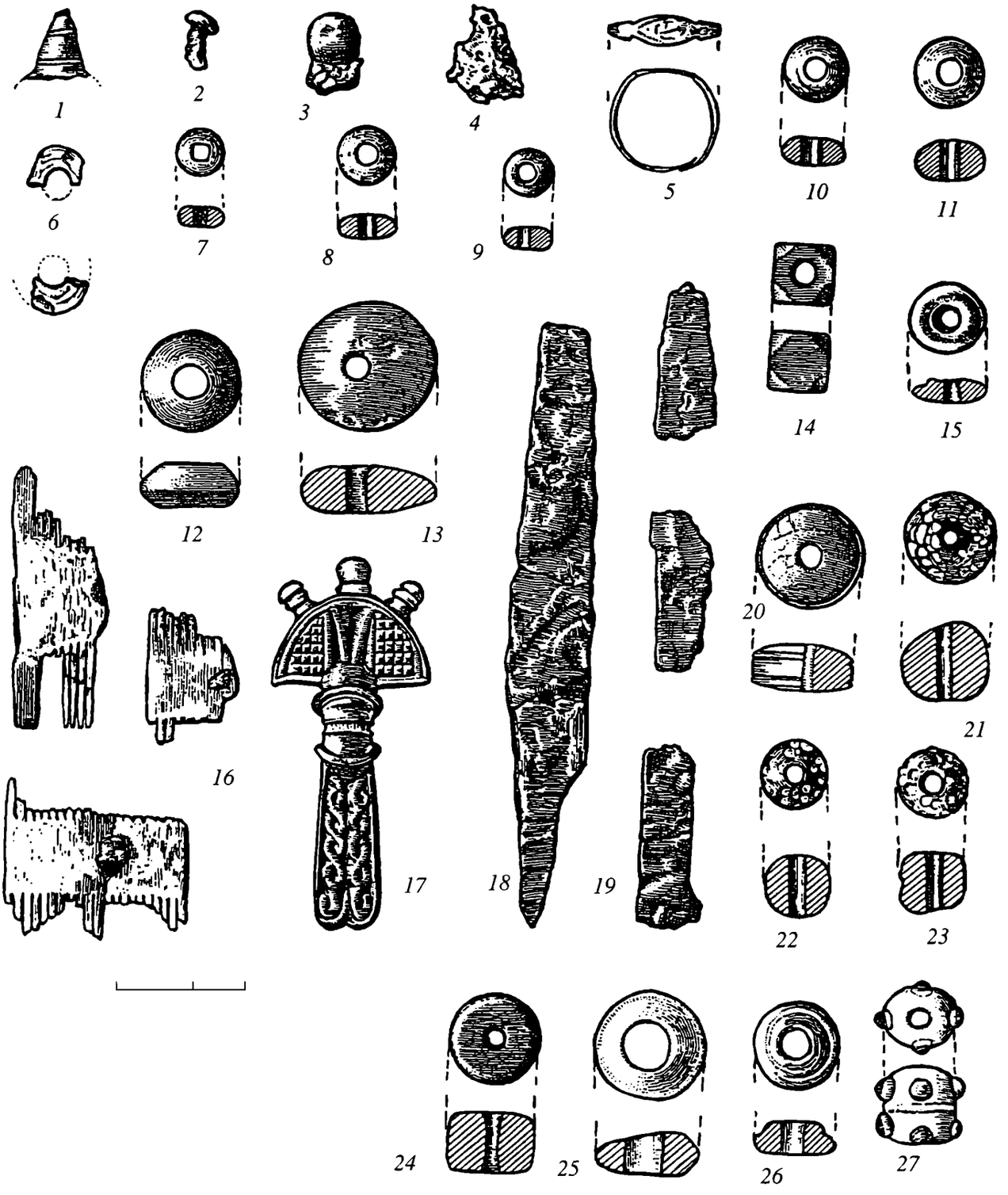

Рис. 5. Некрополь Вышков, погребение 17 (Tejral, 1974).

В этом же некрополе вместе с указанной бусиной найдены еще шесть округлых янтарных бусин разного размера без декора. Крупные бусы из янтаря с нарезным линейным декором известны на поселении в Бо (F 180) на острове Эланд. Это поселение относится к эпохе Великого переселения народов, скорее к ее началу, поскольку здесь же обнаружены янтарные грибовидные бусины-подвески (Beskow-Sjöberg, 1977. Fig. 72–80), которые бытуют до первой половины V в. включительно (Мастыкова, 1999. С.171). Янтарные бусы с нарезным декором отмечены также в богатом женском погребении 3532 некрополя Иссендорф в Нижней Саксонии. Это погребение датируется V в. (Hässler, 1997. Abb. 7c, *39*, *40*; 7d, *67*, *74*) (рис. 2, *21–22*).

Рассматриваемые бусы встречаются и в других регионах Европы. Так, например, они входят в со-

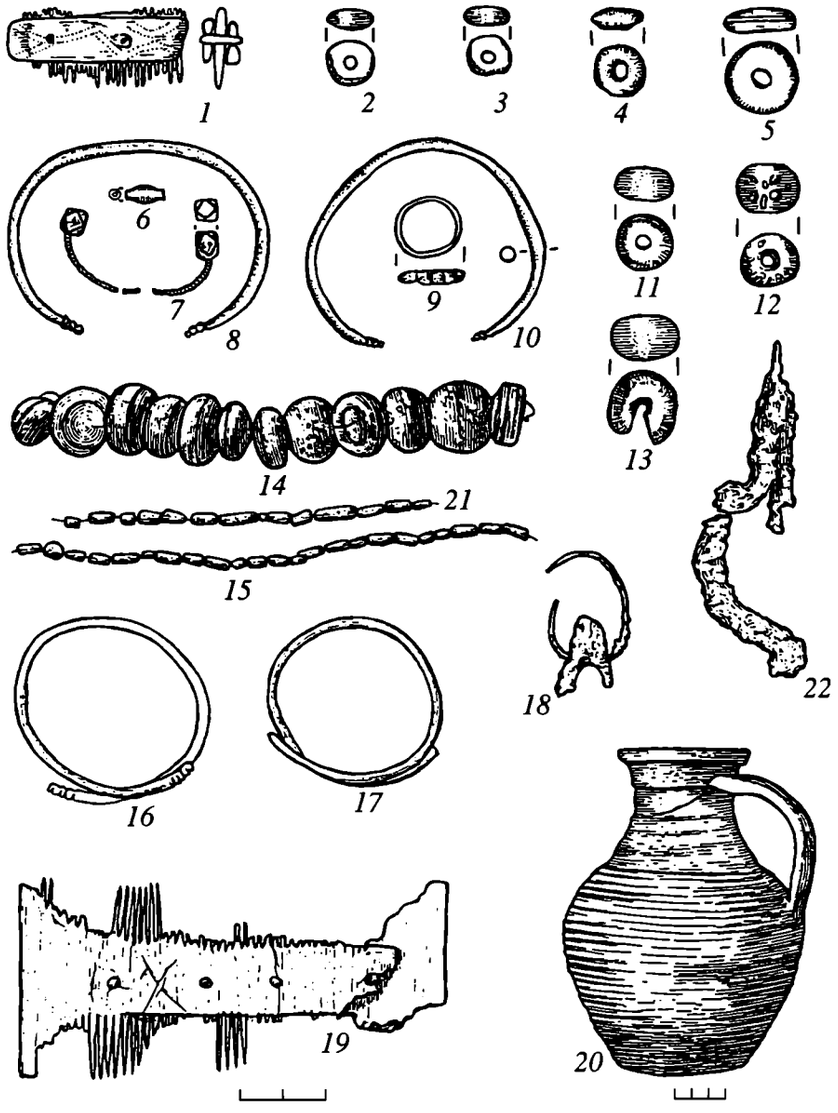

Рис. 6. *1–13* – Шлетц, погребение 1889 г.; *14–20* – некрополь Чёвар, погребение 1; *21, 22* – некрополь Чёвар, погребение 2 (Tejral, 1988).

став погребального инвентаря в могилах 306, 500 и 516 некрополя Дюрсо на Черноморском побережье Северного Кавказа (Дмитриев, 1979. Рис. 10, *27, 29* ; 1982. Рис. 6, *40*; 9, *39*). Этот некрополь принадлежит готам-тетракситам, пришедшим на Кавказ из Крыма в 450-е годы. Перечисленные выше могилы содержали элементы богатого женского убора дунайского происхождения, в частности большие серебряные двупластинчатые фибулы. Могилы 306, 500 относятся к фазе 1–2, а могила 516 – к фазе 3, которые датированы М.М. Казанским соответственно серединой–второй половиной V в. и последней третью V – первой третью VI в. (Казанский, 2001. С. 45, 46, 52, 56). Находка янтарных бус с нарезным декором на могильнике Дюрсо, как и серебряных двупластинчатых фибул центральноевропейской традиции, подчеркивает особый характер дунайских связей готов-тетракситов, которые, видимо, заимствовали престижный женский костюм от дунайских эмигрантов из германских "княжеских" фамилий, последовавших за гуннами в Восточную Европу после разгрома при Недао в 454 г. (Kazanski, 1996).

В Закавказье бусы из янтаря с линейным нарезным декором известны в Абхазии. В погребении 9 некрополя Шапка-Церковный Холм 4 (Воронов, Юшин, 1973. Рис. 9, *12*), такая бусина (рис. 8, *12*) сопровождалась крупной граненой бусиной из хрусталя IV–VI вв. (о хрустальных бусах см.: Казанский, Мастыкова, 1998. С. 126, 127), серьгами позднеримской традиции, фибулой дериватом "лебяжьинской серии", типичной для позднего IV в., а также крестообразной фибулой местной формы, что дает возможность датировать могилу в рамках первой половины V в. (время появления крестообразных фибул, см.: Гей, Бажан, 1997. С. 25) (рис. 8, *1–25*). В женском погребении Чинталук (Воронов, 1979. Рис. 35, *6*) (рис. 8, *26–33*) янтарная бусина с нарезным декором (рис. 8, *32*)

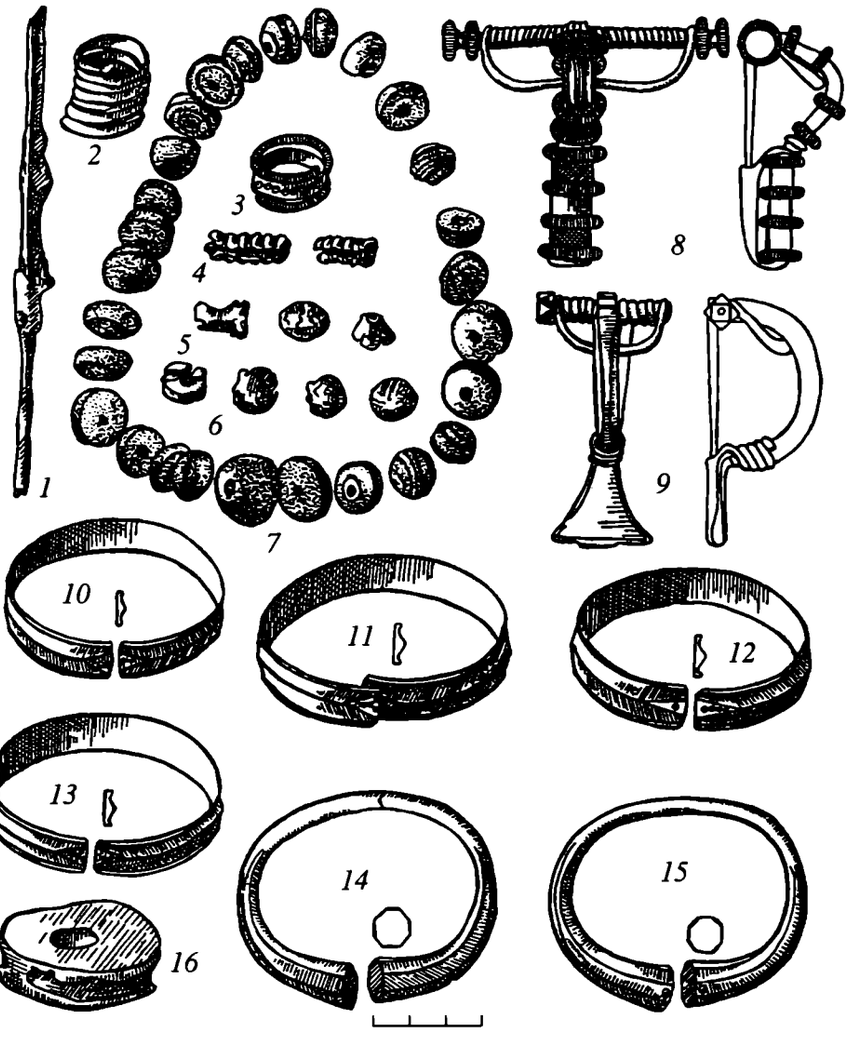

Рис. 7. Некрополь Плинкайгалис, погребение 126 (Kazakevičius, 1993).

была найдена также вместе с граненой хрустальной бусиной (рис. 8, *33*). Погребение 15 некрополя Шапка-Абгыдзраху (Трапш, 1971. Табл. IX, *17*), помимо бусины из янтаря (рис. 8, *50*) и граненых хрустальных бус содержало фибулу "лебяжьинской серии", инкрустированную камнями, типичную для Абхазии конца позднеримского времени, хотя стеклянный кубок и крестик из этой могилы могут быть датированы и более поздним временем (рис. 8, *34–56*). В Абхазию центральноевропейские янтарные бусы с нарезным декором, вероятно, попадают с семьями германских солдат позднеримской/византийской армии. Возможно, именно таким образом в Абхазии появляются и другие элементы германской материальной культуры, такие как остроконечные умбоны, боевые топоры, янтарные грибовидные бусы-подвески (Kazanski, 1994. P. 464; Мастыкова, 1999. С. 175, 176).

Также в Закавказье, в Южной Осетии янтарная бусина с линейным глубоким нарезным декором встречена в погребении 6 могильника Едыс (Дзаттиаты, 1986. Рис. 6, *28*), которое можно датировать, видимо, серединой VI в. В состав погребального инвентаря этой могилы входили также пряжки с длинным язычком, более всего типичные для V в. и элементы "геральдического" пояса, широко распространившегося начиная с эпохи Юстиниана (Bálint, 1992; 2000).

Наиболее восточной известной мне находкой является крупная янтарная бусина из могилы, которая была обнаружена на Соборной площади в г. Уфе в Башкирии (Булычев, 1902. С. 9. Табл. II, *23*). Судя по размерам этой бусины, вполне возможно, она могла служить подвеской к мечу. К сожалению, другой инвентарь из данной могилы не сохранился.

В Западной Европе, в меровингско-аламанской зоне, янтарные бусы с подобным декором крайне редки. С уверенностью можно назвать лишь три находки. Первая, наиболее ранняя, это погребение в Требур (Западная Германия) (Möller, 1987. Taf. 104, *5–10*), которое датируется периодом D1 (360/370–400/410) или ранним D2 (в целом этот период датируется 380/400–440/450). Погребение содержало "восточные" вещи, такие как цент-

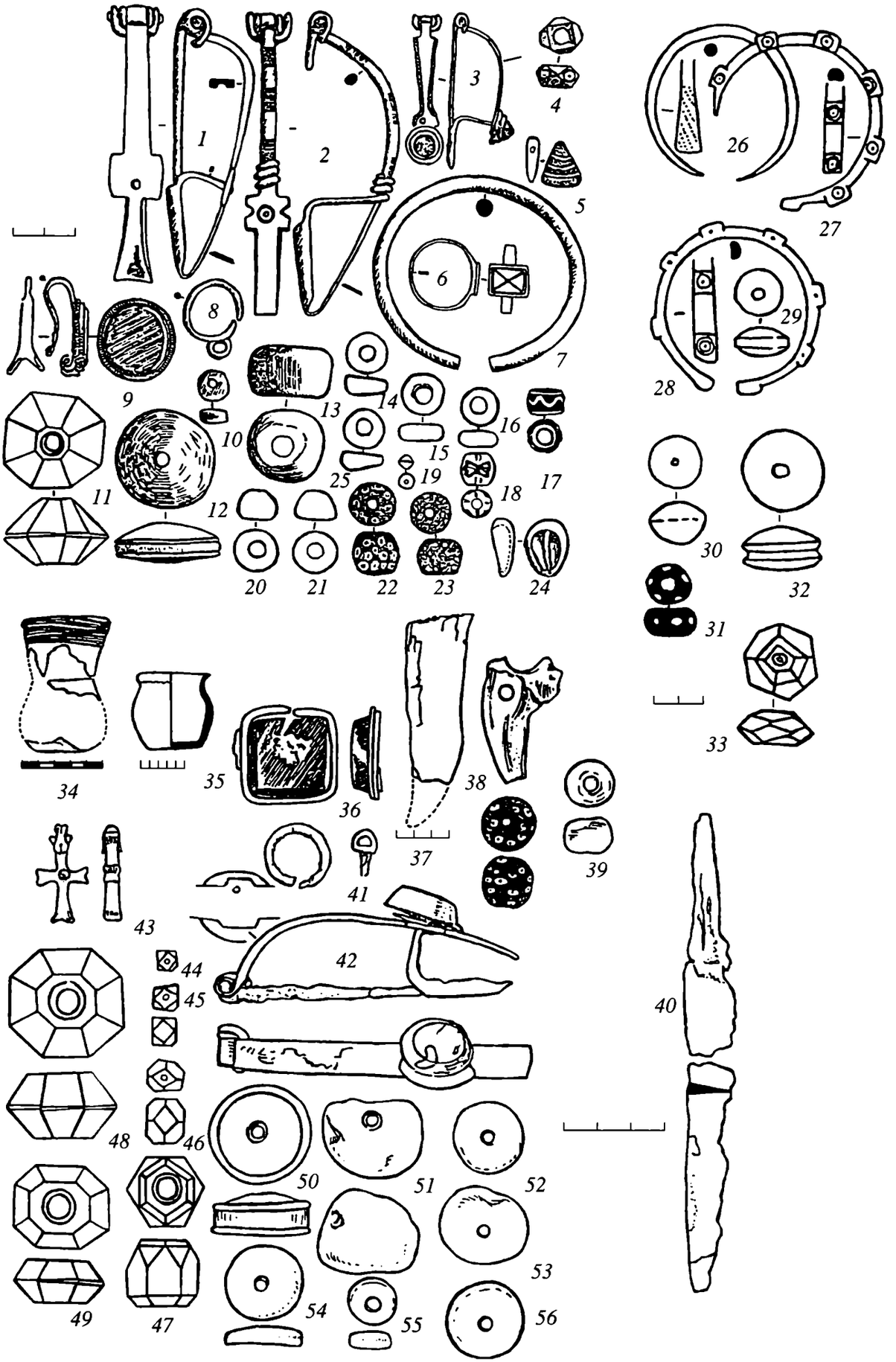

Рис. 8. *1–25* – некрополь Шапка-Церковный Холм 4, погребение 9 (Воронов, Юшин, 1973); *26–33* – некрополь Чинталук (Воронов, 1979); *34–56* – некрополь Шапка-Абгыдзраху, погребение 15 (Трапш, 1971).

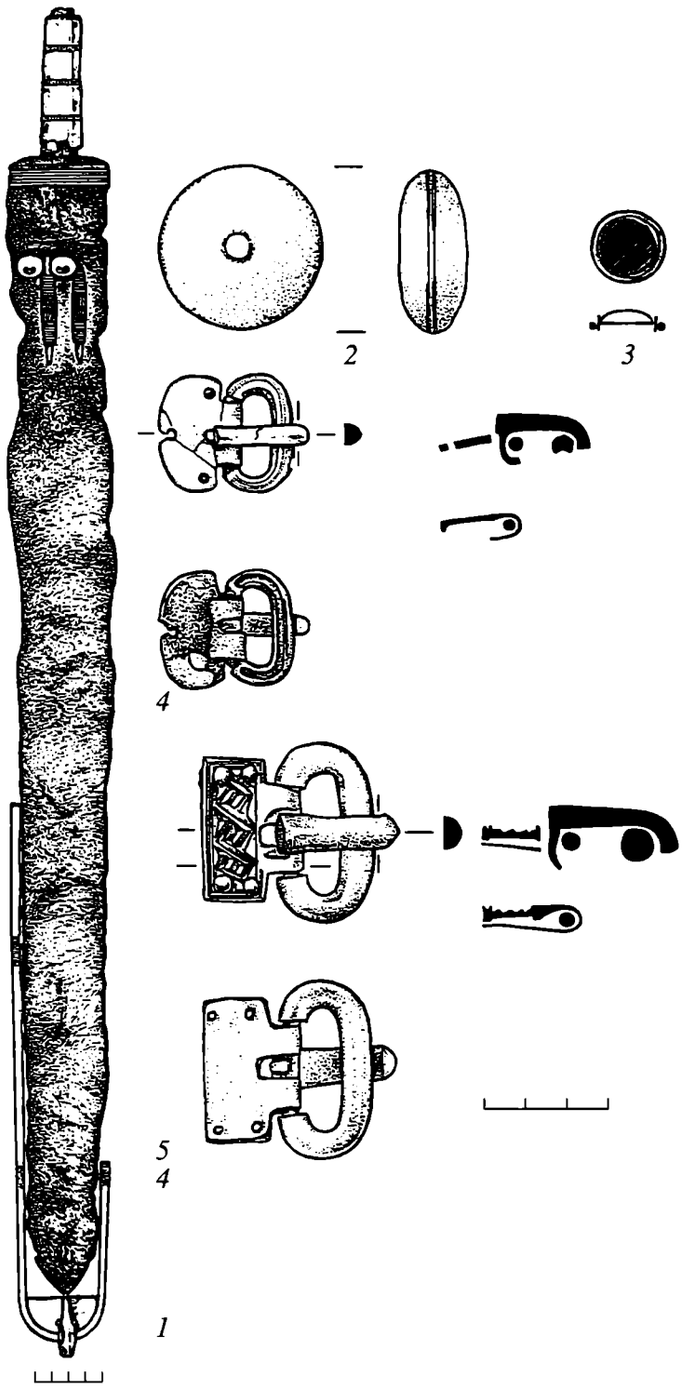

Рис. 9. Некрополь Гюльтлинген, погребение 1889 г. (Quast, 1993).

ральноевропейские фибулы и восточногерманский гребень типа Томас III. Как сообщила Магдалена Мончинска, бусы из этого погребения имеют нарезной декор. Вторая находка – это янтарная бусина-подвеска к мечу из погребения аламаннского военного предводителя, открытого в 1889 г. на могильнике Гюльтлинген в Юго-Западной Германии (Quast, 1993. Taf. 1, *6*; 21, *6*) (рис. 9, *2*). Могила относится к "горизонту мечей с золотой рукоятью" ("Goldgriffspathenhorizont") третьей четверти – второй половины V в. (соответствует хронологической группе А погребений с мечами по В. Менгину или группе Б по М. Мартину) (Menghin, 1983. S. 27–31; Martin, 1989. S. 125. Abb. 3). И, наконец, третья находка – янтарные бусы с нарезным декором, найденные в погребении 126 аламаннского могильника Базель-Кляйнхюнинген в Швейцарии (Giesler-Müller, 1992. Taf. 29, *36*, *38*). Это погребение по сопровождающему инвентарю датируется временем около 500 г. Интересно, что, по мнению М. Мартина, оно принадлежит к группе могил среднеевропейского (дунайского) происхождения, выделяемой им на некрополе Базель-Кляйнхюнинген. Присутствие центральноевропейских янтарных бус в данной могиле скорее всего объясняется миграцией небольшой группы среднедунайского населения на Запад в середине V в. Как считает М. Мартин, этими мигрантами были свевы (Martin, 2002. S. 195–224). Кстати, в погребениях 74 и 101, относящихся к этой же группе могил пришлого населения, имеются крупные бусы из халцедона эллипсоидной формы также центральноевропейского происхождения (Мастыкова, 2001. С. 35. Рис. 9, *10*; 10, *8*). Свевская принадлежность "восточной" группы могил в Базель-Кляйнхюнинген вполне возможна. Следует отметить, что в этот период в Восточной Галлии появляются и другие германские выходцы со Среднего Дуная, например гепиды, совершившие в 455 г. неудачное нападение на Галлию (Demougeot, 1979. P. 650).

В Северной Галлии крупные янтарные бусы с нарезным декором встречены в женской могиле некрополя Гревьер в Пикардии. К сожалению, других данных об этой могиле не сохранилось (Moreau, 1877–1892. Pl. 119).

Перечисленные выше янтарные бусы по большей части были найдены в составе ожерелий. Однако, как уже говорилось, в женском погребении 32 некрополя Смолин они были надеты на металлические проволочные кольца (рис. 1, *1a*, *b*, *2*, *3*; 3, *7*, *8*). Надо отметить, что крупные янтарные бусин без декора на проволочных кольцах известны у восточных германцев в дунайском регионе, у франков и у аламаннов в Галлии и Германии или у визиготов в Испании (см. например: Ivaniševi ć, 1999. P. 103–105. Fig. 4, *1–4*; Pilet et al., 1994. P. 205, 206. Pl. 35, 36; Brulet, Vilvorder, 1991. P. 151; Mączyńska, 1991. S. 146. Abb. 1, *3–5*, *7–10*). Видимо, этот способ ношения связан с восточногерманским костюмом. По крайней мере янтарные бусы-подвески на проволочных кольцах в восточногерманском Барбарикуме встречаются уже в позднеримское время (Kokowski, 1993. Cz. II. S. 71, 72. Ryc. 56).

Итак, судя по зоне распространения, округлые янтарные бусы с линейным нарезным декором являются для эпохи Великого переселения народов достаточно надежным этнокультурным признаком центральноевропейского происхождения. В римское время изучаемые бусы многочисленны в Южной Прибалтике, в первую очередь на

памятниках вельбарской культуры, и практически неизвестны за пределами данного региона. Показательно их полное отсутствие на территории черняховской культуры, очень насыщенной вельбарскими заимствованиями. Лишь в эпоху переселения народов эти бусы широко распространяются в Центральной и Северной Европе. Лучше всего в V в. янтарные бусы с декором представлены у восточных германцев на Среднем Дунае, а также, как и в предшествующую эпоху, у германского и балтского населения Южной Прибалтики. Присутствие таких бус в Западной Европе и на Кавказе, вероятно, свидетельствует о контактах этих регионов с Центральной Европой в эпоху Великого переселения народов. В Скандинавию янтарные бусы попадают по всей видимости из Юго-Восточной Прибалтики, скорее всего морским путем. Интересно отметить, что картографирование различных типов металлических украшений также выявило довольно тесные связи между Скандинавией и южным берегом Балтийского моря в V в. (Bitner-Wróblewska, 1991; 1995; Kara, 1994).

Находки янтарных бус с нарезным линейным декором в "княжеских" погребениях некрополей Унтерзибенбрунн, Рабапордань, Смолин и Лаа показывают, что они входили в состав престижного костюма. Об их особом характере свидетельствует и находка янтарной бусины-подвески к мечу в привилегированной могиле в Гюльтлинген. Таким образом, представляется, что янтарные бусы с нарезным декором являются одним из элементов "княжеской дунайской моды" V в., что и объясняет их широкое распространение в варварской Европе. Эта престижная мода пользовалась большой популярностью у варваров по всей Европе, от Пиренеев до Северного Кавказа. Исчезновение таких янтарных бус к концу V в. совпадает с радикальными изменениями в престижном европейском уборе. Во второй половине V в. у германцев исчезает "княжеский" костюм с двупластинчатыми фибулами и ему на смену приходит другой средиземноморского типа с украшениями клуазонне. В нем доминируют круглые пекторальные бляхи, как, например, в кладе Клуж-Сомешени второй половины V в. (L'Or des princes barbares..., 2000. Cat. 32, *2*); медальоны, как в Ольвийском кладе того же времени (Ross, 1965. Pl. LXXIX, *A*) и фибулы-броши, как в погребениях меровингской знати VI в. (например, могила "принцессы" в Кельнском соборе: Müller-Wille, 1996. S. 215. Abb. 153). Одновременно на Среднем Дунае формируется новый женский убор с пальчатыми фибулами, который к концу V в., становится повсеместным у восточных германцев и окончательно вытесняет моду предшествующего времени, за исключением периферийных регионов германского мира (Испания, Юго-Западный Крым).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булычев Н.И. Древности из Восточной России. Вып. I. М., 1902.

Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абазгии и Санигии (II–VII вв.) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1979.

Воронов Ю.Н., Юшин В.А. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии // СА. 1973. № 1.

Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи "готских" походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

Дзаттиаты Р.Г. Раннесредневековый могильник в селении Едыс (Южная Осетия) // СА. 1986. № 2.

Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 4.

Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982.

Казанский М.М. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах. Вып. 7. Армавир; М., 2001.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-археологический альманах. Вып. 4. Армавир; М., 1998.

Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. // САИ. 1990. Вып. Г1–9.

Мастыкова А.В. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.

Мастыкова А.В. Халцедоновые бусы эллипсоидной формы эпохи раннего средневековья: распространение, датировка, социальная атрибуция // РА. 2001. № 2.

Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей // Труды. Т. 3. Тбилиси, 1971.

Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung // Archaeologia Hungarica. IX. Budapest, 1932.

Anke B. Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Weissbach, 1998.

Bálint C. Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe. Das Grab von Üč Tepe (Sowj. Azerbajdžan) und der beschlagverzierte Gurtel im 6. und 7. Jahrhundert // Awarenforschungen. B. 1. Wien, 1992.

Bálint C. Byzantinisches zur Herkunftsfrage der vielteiligen Gurtels // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe in 6.–7. Jahrhundert. Budapest; Napoli; Roma, 2000.

Beskow-Sjöberg M. The Archaeology of Skedemosse. IV. The Iron Age Settlements of the Skedemosse Area on Öland, Sweden. Stockholm, 1977.

Bitner-Wróblewska A. Between Scania and Samland. From Studies of Stylistic Links in the Baltic Basin during the Early Migration Period // Fornvännen. Årgång 86. 1991.

Bitner-Wróblewska A. Long Distance – Close Connections. Norway and the Balt Lands during Migration Period //

Universitetets Oldsaksamling. Årbok 1993/1994. Oslo, 1995.

Bliujienė A. Lithuanian Amber Artifacts in the Middle of the First Millennium and Their Provenance within the Limits of Eastern Baltic Region // Acta Academiae Artium Vilnensis. 22. Vilnius, 2001.

Brulet R., Vilvorder F. Étude typo-chronologique du matériel archéologique // Brulet R. Les fouilles du quartier Saint-Brice à Tournai. 2. Louvain-La-Neuve, 1991.

Dautova-Ruševljan V. Ein germanischen Grab auf dem Fundort Vranja bei Hrtkovci in Syrmie // Archaeologia Jugoslavica. 1980–1981. № 20–21.

Demougeot E. La formation de l'Europe et les invasions barbares. V. 2:2. Paris, 1979.

Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg; Frankfurt, 1988.

Giesler-Müller U. Das frühmittelalterliche Gräebrfeld von Basel-Kleinhüningen. Solothurn, 1992.

Gruszczyńska A. Osada z wczesnego okresu wędrówek ludów w Świlczy, woj. Rzeszów // Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego za lata 1976–1979. Rzeszów, 1984.

Hässler H.J. Ein neues Problemstück der Brakteatenikonographie: Issendorf-B, Landkreis Stade, Niedersachsen (zur Ikonologie der Goldbrakteaten LIV) // Studien zur Sachsenforschung. 10. Oldenburg, 1997.

Hoffmann M.J. Wielokulturowy obiekt grobowy w Pomielinie, na Pojezierzu Iławskim // Concordia. Warszawa, 1996.

Ivanišević V. Le début de l'époque des Grandes Migrations dans l'Illyricum du Nord // L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations. Brno, 1999.

Jaskanis J. Wyniki badan przeprowadzonych na cmentarzysku kurhanowym w miejscowosci Osowa, pow. Suwalki w latach 1952–1959 // Rocznik Białostocki. 1. Białystok, 1961.

Jaskanis J. Wyniki badan cmentarzyska kurhanowego wo wsi Osowa, pow. Suwalki w latach 1960–1961 // Rocznik Bialostocki. 3. Białystok, 1962.

Kara M. Skandynawski skarb złotych przedmiotów z przełomu starożytności i średniowiecza z miejscowości Wapno, woj. Pilskie // Przegląd Archeologiczny. 1994. V. 42.

Karlsson I. Nordisk form om djurornamentik. Stockholm, 1983.

Kazakevičius V. Plinkaigalio kapinynas // Lietuvos Archeologija. 10. Vilnius, 1993.

Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la region pontique: origine et diffusion // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg, 1994.

Kazanski M. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. Симферополь, 1996.

Kiss A. Das germanische Gräberfeld von Hács-Béndekpuszta (Westungarn) aus dem 5.–6. Jahrhundert // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1995. XXXVI.

Klindt-Jensen O. Bornholm I Folkevandringstiden. København, 1957.

Kokowski A. Gródek nad Bugiem. Cmentarzysko grupy masłomęckiej. Cr. I–III. Lublin, 1993.

Kovrig I. Nouvelles trouvailles du Ve siècle découvertes en Hongrie (Szob, Pilismarót, Csövár, Németkér) // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1959. X.

Kubitschek W. Grabfunde in Untersiebenbrunn auf dem Marchfeld // Jahrbuch für Altertumskunde. 1911. № 5.

La Baume W. Urgeschichte der Ostgermanen. Danzig, 1934.

Lippert A. Völkerwanderungszeitliche Grabfunde aus Schletz und Sigmundsherberg in Niederösterreich // Germania. 1968. B. 46.

L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. Paris, 2000.

Mączyńska M. Westgotische Perlen. Funde vom Gräberfeld Carpio de Tajo und aus den Sammlungen in Barcelona und Nürnberg // Madrider Mitteilungen. B. 33. Mainz, 1991.

Martin M. Bemerkungen zur chronologischen Gliederung der frühen Merowingerzeit // Germania. 1989. 67/1.

Martin M. "Mixti Alamannis Suevi". Der Beitrag der alamannischen Gräberfelder am Basler Rheinknie // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum. Brno, 2002.

Menghin W. Das Schwert im Frühen Mittelalter. Chronologisch-typologische Untersuchungen zu Langschwertern aus germanischen Gräbern des 5. bis 7. Jahrhunderts n. Chr. Stuttgart, 1983.

Mesterházy K. Ethnische- und Handelsbeziehungen zwischen der Weichselmündung und der Ungarischen Tiefebene in der römische Kaiserzeit // Peregrinatio Gothica. V. VIII. Łódź, 1989.

Möller J. Katalog der Grabfunde aus Völkerwanderungszeit und Merowingerzeit in Südmainischen Hessen (Starkenburg). Stuttgart, 1987.

Moreau F. Album Caranda. Nouvelle série. Saint-Quentin, 1877–1892.

Müller-Wille M. Königtum und Adel im Spiegel der Grabfunde // Die Franken. Wegbereiter Europas. B. 1. Mainz, 1996.

Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa, 1996.

Okulicz-Kozaryn J. Centrum kulturowe z pierwszych wieków naszej ery u ujścia Wisły // Barbaricum. 2. Warszawa, 1992.

Pietrzak M. Pruszcz Gdański. Fundstelle 10. Ein Gräberfeld der Oksywie- und Wielbark-Kultur in Ostpommern. Kraków, 1997.

Pietrzak M., Tuszyńska M. Inventaria Archaeologica. Pologne. Fascicule LX : PL 369–373. Période romaine tardive (Pruszcz Gdański 7). Warszawa; Łódź, 1988.

Pilet C. La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay (Calvados). Paris, 1994.

Quast D. Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen. Stuttgart, 1993.

Ross M.C. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Volume

Two. Jewelry, Enamels and Art of the Migration Period. Washington, 1965.

Schätze der Ostgoten. Stuttgart, 1995.

Sidrys R.V. Vakarų baltų gintaro įkapės geležies amžiuje // Klaipėdos miesto ir regiono archeologijos ir istorijos problemos. Klaipėda, 1994.

Tejral J. Mähren im 5. Jahrhundert. Praha, 1973.

Tejral J. Völkerwanderungszeitliches Gräberfeld bei Vyškov (Mähren). Praha, 1974

Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austriaca. 1988. B. 72.

Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno, 1997.

Tempelmann-Mączyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. B. 43. Mainz, 1985.

Vörös G. Vszázadi leletek a kiskundorozsmai Kenyérváró dombról // Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. 1. Szeged, 1984/1985.

Wielowiejski P. Bernstein in der Przeworsk-Kultur // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1997. B. 77.

Amber beads with incised decoration of the Great Migration period

A. V. Mastykova

Summary

The author considers the spread of spherical amber beads with incised linear decoration and comes to the conclusion that the artefacts should be viewed as rather reliable cultural indication of Central European attribution of the antiquities dated to the Great Migration period. In the Roman period the beads are numerous in the South Baltic zone, especialy at the sites of Vielbark culture, beyond this region they are practically unknown. The spherical amber beads with incised ormament widely spread in the time of the Great Migration period in Central and Northerm Europe, among the Eastern Germans on the Middle Danube, and, like in the preceding period, among the German and Baltic population of the South Baltic zone. Occurrence of the discussed beads in Western Europe and in the Caucasus evidence the contacts maintained by the local population with Central Europe in the Great Migration period. To Scandinavia the amber beads most probably came from the South-Eastern Baltic region by the sea routes. The amber beads with incised decoration discovered in the princely graves of Untersiebenbrunn, Rabapordany, Smolin, and Laa show that the artefacts were the elements of the ceremonial costume. Their prestigious character is proved by the amber bead-pendant on the sword from the privileged burial in Hultlingen. Thus, the amber beads with incised decoration should be regarded as an element of the "Danubian princely fashion" of the 5th c., which makes clear their wide territorial scope in barbarous Europe. The discussed beads had ceased by the late 5th c., when radical changes in prestigious European costume took place.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 68–78

АБСОЛЮТНАЯ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ШКАЛА ТВЕРИ XI – НАЧАЛА XX вв.

© 2004 г. Н. Б. Черных, А. А. Карпухин
Институт археологии РАН, Москва

В работе 1996 г. "Абсолютные дендрохронологические шкалы Тверского региона X–XV и XVII–XIX вв." (Сергеева, Черных, 1996) впервые был поставлен вопрос о возможности построения долговременной дендрошкалы для конкретного географического региона. К тому времени в архиве лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН уже имелась значительная выборка дендроспилов из построек, открытых как на раскопах Твери, так и принадлежащих двенадцати памятникам архитектуры XVIII–XIX вв., располагавшихся на территории Тверской области.

В последующие годы тверская коллекция значительно пополнялась за счет новых поступлений, и уже к 2001 г. нам удалось сформировать абсолютную дендрошкалу Твери для отрезка XII – первой трети XV в. (Черных, Карпухин, 2001а). Тогда же было высказано пожелание соединить эту "средневековую" шкалу с теми последовательностями годичных колец, которые имелись для отдельных архитектурных объектов более позднего времени. Однако для этого требовались новые целенаправленные сборы образцов дерева сооружений из культурного слоя Твери, относящиеся к периоду XVI–XIX вв., а также пополнение коллекций "архитектурной" древесины.

На данном этапе исследований мы располагаем достаточно представительной выборкой дендрообразцов, принадлежащих "археологическим" и "историческим" постройкам: всего 1203 экземпляра. Все изученные образцы строительной древесины из раскопов в Твери условно подразделены нами на три хронологические группы.

Первая – "средневековая" – включает дендрообразцы сооружений, открытых в культурном слое XII – первой пол. XV в. Данные хронологического и территориального распределения образцов приведены в табл. 1.

Вторая – "позднесредневековая" – группа представляет материалы сооружений, датируемых археологически концом XV–XVII в. Надо отметить, что постройки этого времени значительно шире разбросаны по территории города (Загородский, Затверецкий посады, кремль), нежели более ранние, сосредоточенные преимущественно на кремлевских раскопах. Вследствие этого информация, которая обычно сопровождает дендрохронологические коллекции: данные стратиграфии, планиграфии, археологической хронологии и т.д., без чего процесс дендроанализа крайне затруднен, для этих материалов весьма скудна или трудно сопоставима. Всего мы располагаем 111 образцами дерева этого времени (табл. 2).

Наконец, третья – "поздняя" – группа объединяет материалы, относящиеся к слоям XVIII – начала XX в., Постройки эти открыты в разных частях Твери от кремля до Заволжья, всего мы имеем 94 спила (табл. 3). Именно с этой группой хорошо соотносится дерево "исторических" построек – 158 образцов, о котором коротко будет сказано ниже.

Поскольку вопросы методики построения дендрошкал вообще и тверской, в частности, неоднократно нами освещались (Черных, 1996; Сергеева, Черных, 1996; Черных, Карпухин, 2001а), по-видимому, нет необходимости возвращаться к этой теме. Напомним лишь, что по материалам первой ("средневековой") группы была построена абсолютная дендрохронологическая шкала Твери протяженностью в 377 лет (1064–1441 гг.). Базу ее составили данные погодичных приростов 420 образцов дерева, основная масса которых связана с постройками кремлевских раскопов 1993–1996 гг. Новые материалы, полученные в последующие годы, не внесли изменений в построенные ранее дендроряды. Отдельный фрагмент тверской "средневековой" шкалы представлен на рис. 1.

Значительно более сложным оказался процесс формирования поздних отрезков денрошкалы тверского дерева. Сложность эта объясняется не столько количественными и качественными характеристиками материала, хотя это тоже немаловажно, сколько отсутствием "фоновых" абсолютно датированных материалов, особенно для периода второй половины XV – рубежа XVI–XVII вв. Дело в том, что на середине XV в. практически заканчивается та четкая, проверенная на тысячах образцов дерева из десятков археологических памятников, схема, которая отражает общие закономерности развития погодичного прироста у хвойных пород из лесов северной части Восточной Европы (Колчин, Черных, 1977. С. 100). Последний микроцикл колец, который можно рас-

Таблица 1. Коллекции образцов древесины XII – первой половины XV в. из раскопов в Твери

Территория	Годы	Раскоп	Автор	Количество образцов	Количество построек	Археологические датировки
Кремль	1985	ул. Правды	Попова Л.А.	92	21	XII–XV вв.
	1988	у Реального училища	Попова Л.А.	3	1	XIII–XV вв.
	1994	7	Хохлов А.Н.	25	1	XIII–XIV вв.
	1993–1994	9	Хохлов А.Н.	78	20	XII–XIV вв.
	1993–1996	11	Лапшин В.А.	608	73	XIII–XV вв.
	1998	14	Нестерова М.Е.	22	8	XIV–XV вв.
	1998	15	Хохлов А.Н.	1		XIII–XIV вв.
Затверецкий посад	1993	5	Хохлов А.Н.	1	1	XIII–XIV вв.
	1994	ОБ-1	Хохлов А.Н.	4	1	XIV–XV вв.
Загородский посад	1994	12	Хохлов А.Н.	3	3	XIV в.
	1997	17	Нестерова М.Е.	3	3	XV в.
Всего				840	132	

Таблица 2. Коллекции образцов древесины конца XV–XVII вв. из раскопов в Твери

Территория	Годы	Раскоп	Автор	Количество образцов	Количество построек	Археологические датировки
Кремль	1994	7	Хохлов А.Н.	5	1	XVII в.
	1993–1996	11	Лапшин В.А.	5	1	XVII в.
	1998	14	Нестерова М.Е., Олейников О.М.	35	4	XVI–XVII вв.
Затверецкий посад	1994	ОБ-1	Хохлов А.Н.	7	1	XVI–XVII вв.
Загородский посад	1995	13	Хохлов А.Н.	4	1	XVI в.
	1997	19	Олейников О.М.	20		XVII в.
	1997	17	Нестерова М.Е.	8	1	XVII в.
	1997	17а	Кобозева Е.В.	14	2	XVII в.
	1999	17в	Хохлов В.Н.	2	2	XVI в.
	2000	17г	Хохлов В.Н.	1		XVI в.
Заволжье	2001	18	Кобозев Ю.М.	10	1	XVII в.
Всего				111	14	

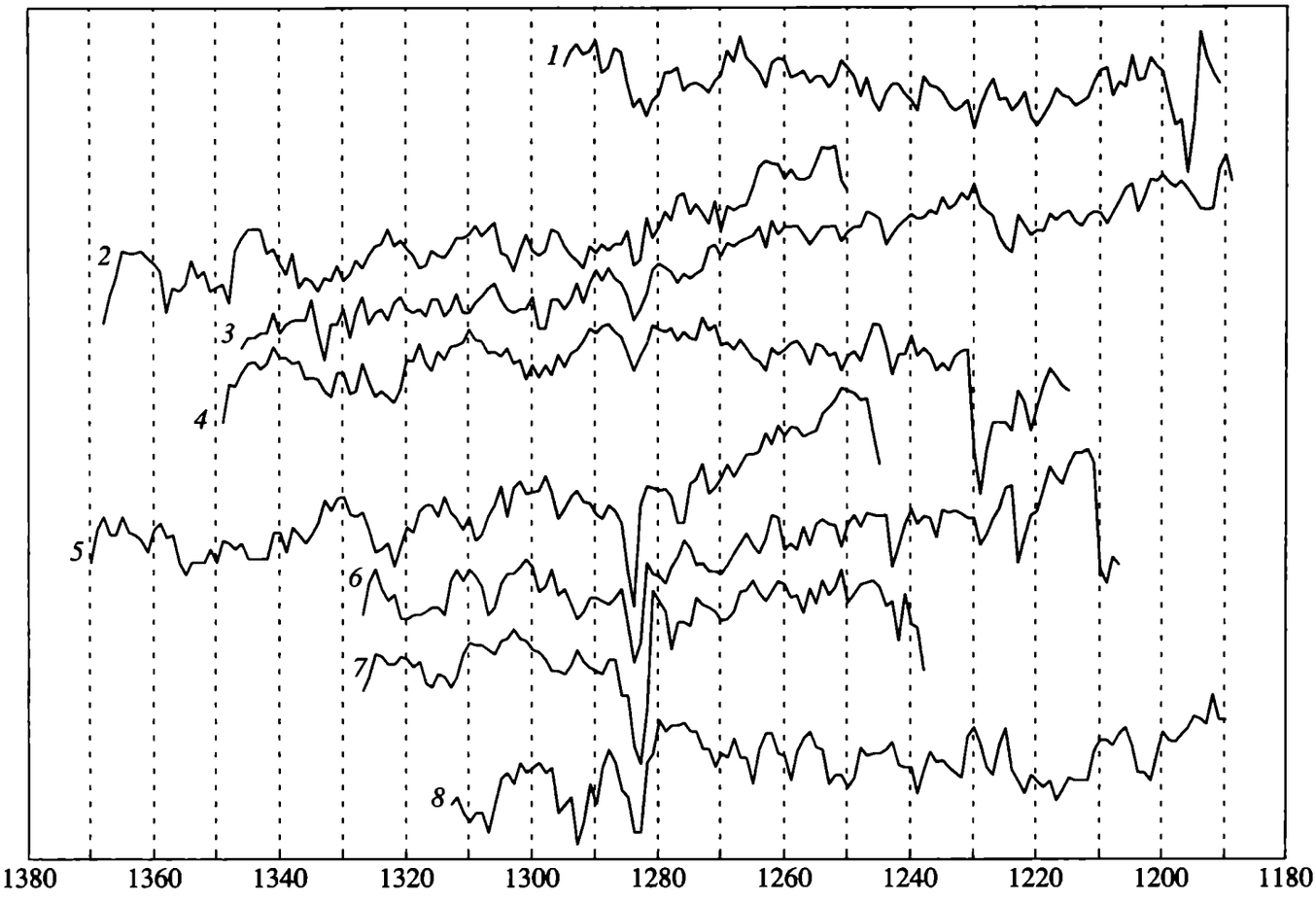

Рис. 1. Тверь, XIII – первая пол. XIV в. *1* – Кремль, раскоп 11, участок 5, 1996 г. (образец № 36 – кол частокола у сруба № 39); *2–4* – Кремль, раскоп 11, участок 1а, 1995 г. (образцы № 138, 106, 103 – столбы: кв. В–6.7, пл. 20; кв. Г-6, пл. 18; кв. Г-6, 7, пл. 18); *5, 6* – Кремль, раскоп 11, участок 1, 1995 г. (образцы № 68, 71 – столбы, кв. К-2, пл. 20; кв. И,К-6, пл. 20); *7* – Кремль, раскоп 11, участок 2, 1995 г. (образец № 106 – подкладка сруба 11); *8* – Кремль, раскоп 11, участок 3, 1995 г. (образец № 5 – яма в кв. А-28, 30).

сматривать в качестве "реперного" участка, приходится на начало 50-годов XV в. И если для "средневековых" шкал, а таковых мы имеем сейчас более сорока, перекрестное датирование базируется на четко разработанной системе последовательного чередования "микро-" и "макро-" циклов годичных колец, то для материалов второй и третей хронологических групп эта система

Таблица 3. Коллекции образцов древесины XVIII–XIX вв. из раскопов в Твери

Территория	Годы	Раскоп	Автор	Количество образцов	Количество построек	Археологические датировки
Кремль	1993–1996	11	Лашшин В.А.	37	5	XVIII–XIX вв.
	1998	14	Нестерова М.Е.	4	1	XVIII в.
Затверецкий посад	1993	5	Хохлов А.Н.	1	1	XVIII в.
Загородский посад	1994	12	Нестерова М.Е.	27	9	XVIII–XIX вв.
	1997	17	Нестерова М.Е.	2	1	XVIII в.
	1997	17а	Кобозева Е.В.	3	1	XIX–XX вв.
	2000	17г	Хохлов В.Н.	2	1	XVIII в.
Заволжье	2001	18	Кобозев Ю.А.	18	3	XVIII–XX вв.
Всего				94	22	

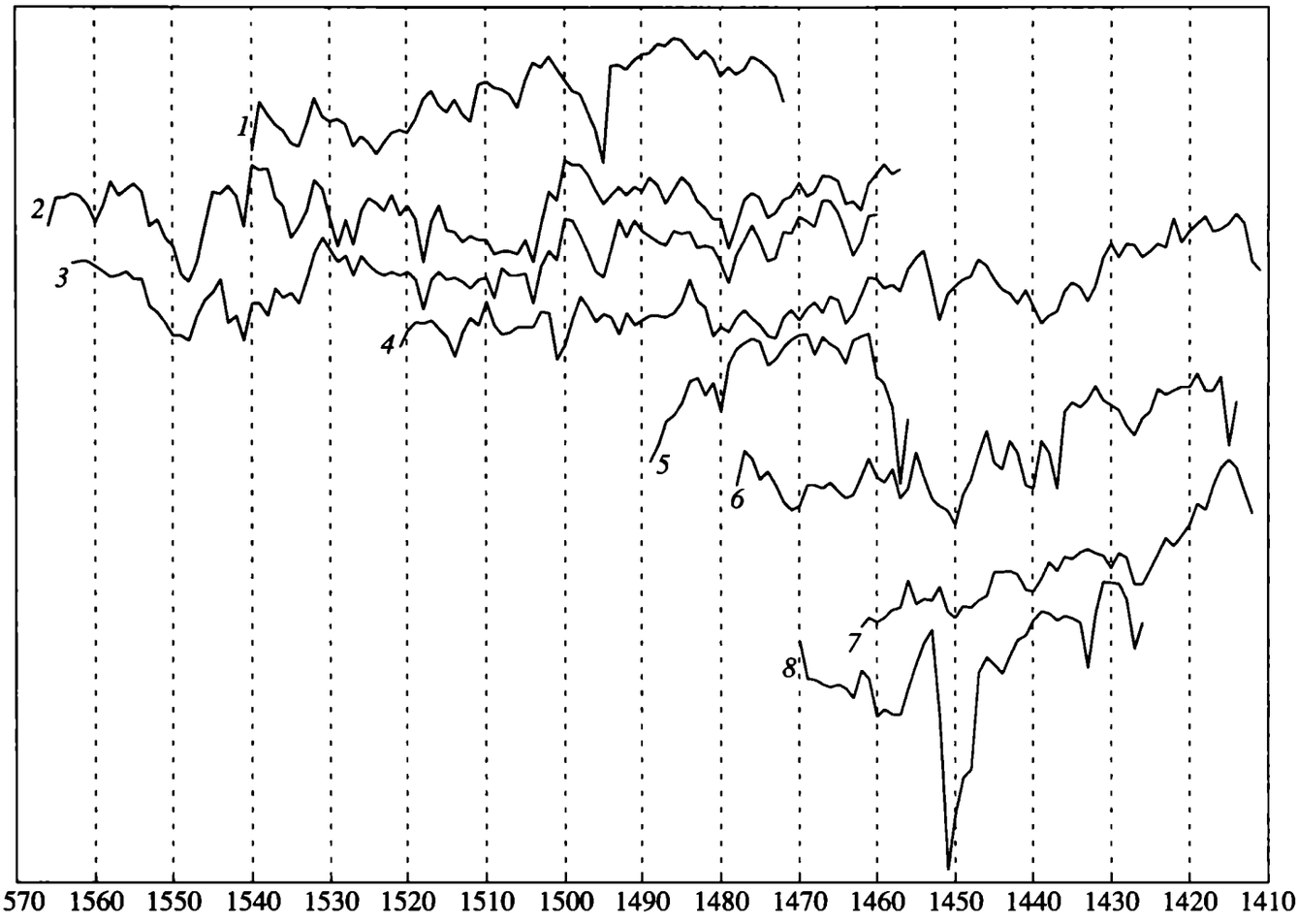

Рис. 2. Тверь, вторая пол. XV – первая пол. XVI в. *1* – Кремль, раскоп 14, участки 1–2, 1998 г. (образец № 23 – бревно из слоя); *2*, *3* – Загородский посад, раскоп 13, участок 2, 1995 г. (образцы № 2, 1 – плахи постройки); *4* – Загородский посад, раскоп 17в, участок 5, 1999 г. (образец № 1 – венец постройки 18); *5* – Кремль, раскоп 14, участок 5б, 1998 г. (образец № 12 – южный венец сооружения 16); *6* – Кремль, раскоп 14, участок 5а, 1998 г. (образец № 17 – венец 3 северный постройки 4); *7*, *8* – Кремль, раскоп 14, участок 5б, 1998 г. (образцы № 10, 15 – венец 2 западный постройки 7 и столб сооружения 16).

только формируется. Поэтому абсолютные привязки кривых роста годичных колец этого дерева могли осуществляться не столько посредством перекрестных сопоставлений с более ранними материалами, сколько с абсолютно датированными кривыми дерева архитектурных объектов с известными календарными датами строительства. Отсюда понятна и необходимость в максимальном расширении исследовательской базы за счет древесины "поздних" построек из культурного слоя Твери, а также в применении методических приемов (построение средних рядов), которые нами ранее не использовались (Урьева, Черных, 1996).

Объем статьи не позволяет сколько-нибудь подробно останавливаться на этих вопросах, поэтому далее в общих чертах будет изложена схема работ, которая в итоге позволила объединить дендроряды (последовательности годичных колец), построенные для второй и третьей хронологических групп, в единую дендрошкалу. Причем последняя получает свои абсолютные привязки как бы с двух концов: раннего – путем сопряжения со "средневековой" шкалой и позднего – за счет перекрестного датирования с ранними отрезками многолетних кривых роста бревен из архитектурных объектов с точно документированными датами строительства.

Итак в нашем распоряжении имелись образцы дерева построек, условно распределенные по двум хронологическим группам, – второй и третьей. Общее количество образцов составляет 205 экземпляров.

Характеризуя эти материалы, отметим следующее: во-первых, имеется небольшое количество строительных комплексов (сооружений), особенно для второй группы – всего 14. Несколько больше их в третьей – 22; во-вторых, малую представительность образцов по отдельным комплексам (сооружениям), особенно среди материалов конца XV–XVI в. Из шести построек этого времени три представлены единичными образцами, а остальные дают от 2 до 5 спилов. Несколько лучше об-

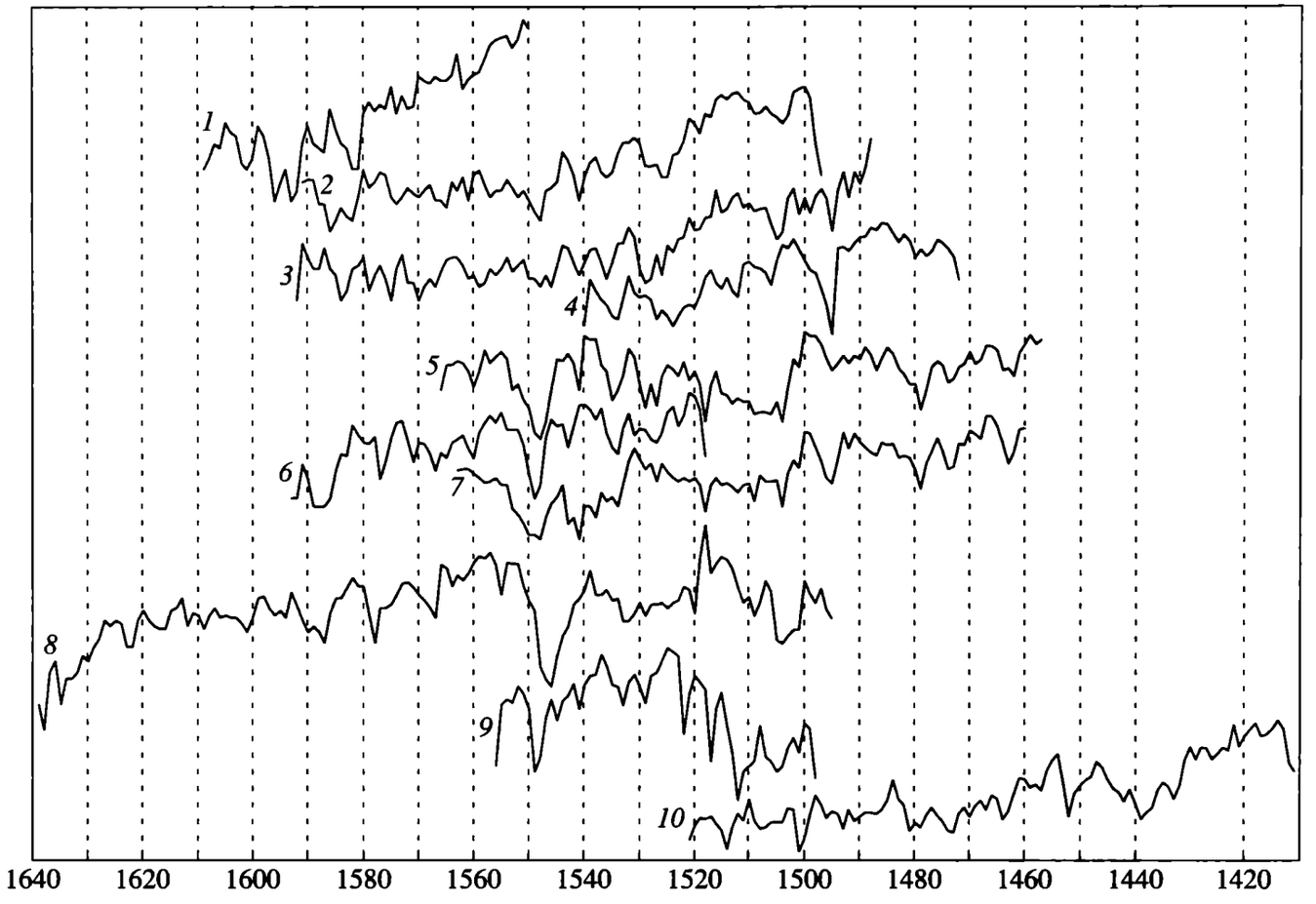

Рис. 3. Тверь XVI в. *1* – Кремль, раскоп 7, участок 4, 1994 г. (образец № 97 – венец 2 западной стены постройки 3); *2, 3* – Кремль, раскоп 11, участок 3, 1994 г. (образцы № 31, 30 – лаги фундамента); *4* – Кремль, раскоп 14, участки 1–2, 1998 г. (образец № 23 – бревно из слоя); *5* – Загородский посад, раскоп 13, участок 2, 1995 г. (образец № 2 – плаха постройки); *6* – Кремль, раскоп 14, участки 1–2, 1998 г. (образец № 22 – бревно из слоя); *7* – Загородский посад, раскоп 13, участок 2, 1995 г. (образец № 1 – плаха постройки); *8* – Кремль, раскоп 7, участок 4, 1994 г. (образец № 92 – плаха постройки 3); *9* – Затверецкий посад, раскоп ОБ–1, 1994 г. (образец № 115 – бревно погреба постройки); *10* – Загородский посад, раскоп 17в, участок 5, 1999 г. (образец № 1 – венец постройки 18).

стоит дело с материалами "поздней" группы, в которой из 17 построек, относящихся к XVIII в., только 3 представлены единичными образцами, а с 6 получено от 5 до 8 спилов; в третьих, удовлетворительный для проведения дендроанализа возрастной состав строительного леса. Так, в выборке дерева второй половины XV–XVI в. бревна с возрастом 100 и более лет составляют около 50% от общего количества. В материалах XVIII – начала XIX в. их уже около 73%. Увеличение возраста бревен значительно облегчает синхронизацию кривых погодичного прироста, так как даже при небольшом количестве образцов, а соответственно и сопоставлений, протяженность отрезков их взаимного перекрытия обеспечивает надежность сопряжений.

Очень кратко изложим основные этапы построения поздней части тверской дендрохронологической шкалы. При этом основное внимание будет уделено материалам комплексов (сооружений), так как при синхронизации рядов погодичного прироста дерева одного комплекса эти ряды, как правило, демонстрируют наибольшую степень сходства, а синхронизированные между собой комплексы формируют своего рода основу, или костяк, дендрошкалы.

Связующее звено между "средневековой" и "позднесредневековой" частями шкалы формируется материалами из культурного слоя второй пол. XV – середины XVI в. Несмотря на небольшую в количественном отношении выборку, правильность выполненных синхронизаций подтверждается средними показателями статистических величин Cx и r, рассчитанными для этих материалов (рис. 2). Они достаточно высоки: 62% и 0.33 (рис. 2, 1–4), 66% и 0.37 (рис. 2, 4–8). Микроцикл начала 50-х годов играет роль репера для всего XV в.

Образцы древесины XVI в. также немногочисленны. Среди них материалы всего трех комплексов, однако они могут быть довольно уверенно синхронизированны между собой (рис. 3). При этом кривые погодичного прироста распределя-

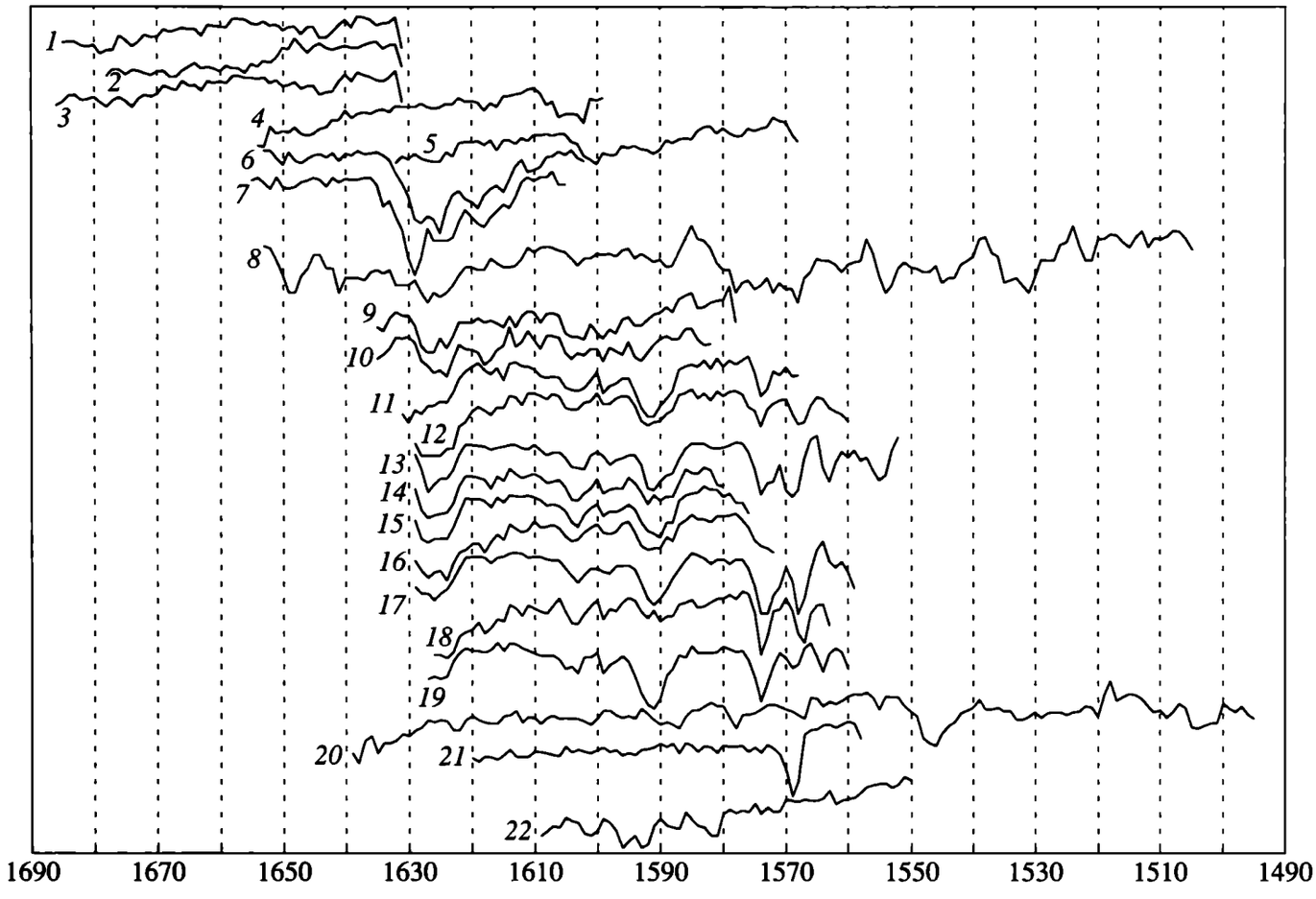

Рис. 4. Тверь, XVII в. *1–3* – Загородский посад, раскоп 19, 1997 г. (образцы № 12, 10, 13 – бревна настила, кв. 22.23-А,Б, пл. 20); *4, 5* – Кремль, раскоп 14, участок 6, 1998 г. (образцы № 29, 28 – столб западной стены и бревно перекрытия постройки 2 (погреба) в кв. Г–6, пл. 17–19); *6–19* – Загородский посад, раскоп 17А, участок 1, 1997 г. (образцы № 7, 10, 1, 14, 8, 5, 3, 4, 6, 9, 11, 13, 12, 2 – венцы колодца № 2, кв. Б,В-2.3); *20–22* – Кремль, раскоп 7, участок 4, 1994 г. (образцы № 92, 78, 97 – плаха, северный 3 и западный 2 венцы постройки 3, кв. Ж-16-15, пл. 37–41).

ются по трем дендрологическим группам, где средние величины показателей Cx и r, рассчитанные для них всех, составляют 58% и 0.19. Наиболее выразительный участок синхронизированных кривых, между 1515 и 1555 гг., демонстрирует очень четкие и единообразные циклы падений и подъемов прироста, а микроцикл 1545–1550 гг. может рассматриваться в качестве репера для XVI в.

Некоторое увеличение количества образцов древесины построек XVII в. позволяет построить жестко синхронизированную последовательность годичных колец для 4 комплексов. На таблице сопряженных кривых роста (рис. 4) отчетливо выделяются три дендролого-хронологические группы. Средние значения коэффициентов Cx и r составляют 62% и 0.33 для ранней, 54% и 0.11 для средней, 69% и 0.58 для поздней групп. Поскольку основная масса синхронизированных кривых принадлежит сравнительно молодым стволам, реперные участки целесообразнее рассматривать на фоне многолетних кривых роста дерева из построек XVIII вв.

Для XVIII в. имеется также довольно представительная выборка образцов. Последовательность годичных колец, охватывающая почти два столетия, была построена по материалам шести комплексов (рис. 5). Средние значения статистических величин для этой группы составляют Cx = 56% и r = 0.16.

Рассматривая общие закономерности погодичного прироста древесины построек XVII–XVIII вв. можно выделить для отрезка XVII в. два очень стабильных и единообразных участка кривых. Первый – с микроциклом, приходящимся на вторую половину 20-х годов XVII в. (минимальный прирост 1626–1628 гг.) с последующим резким подъемом. Второй микроцикл сороковых годов, где минимальный прирост приходится на 1642–1644 гг., а следующий за ним подъем сменяется падением прироста на рубеже 40–50-х годов.

Для первой половины XVIII в. отчетливо прослеживается микроцикл, приходящийся на конец 10-х – начало 20-х годов, и следующее за ним угнетение начала 30-х годов.

Все перечисленные реперные участки XVII – первой половины XVIII в. отмечаются как на кривых погодичного прироста дерева построек из

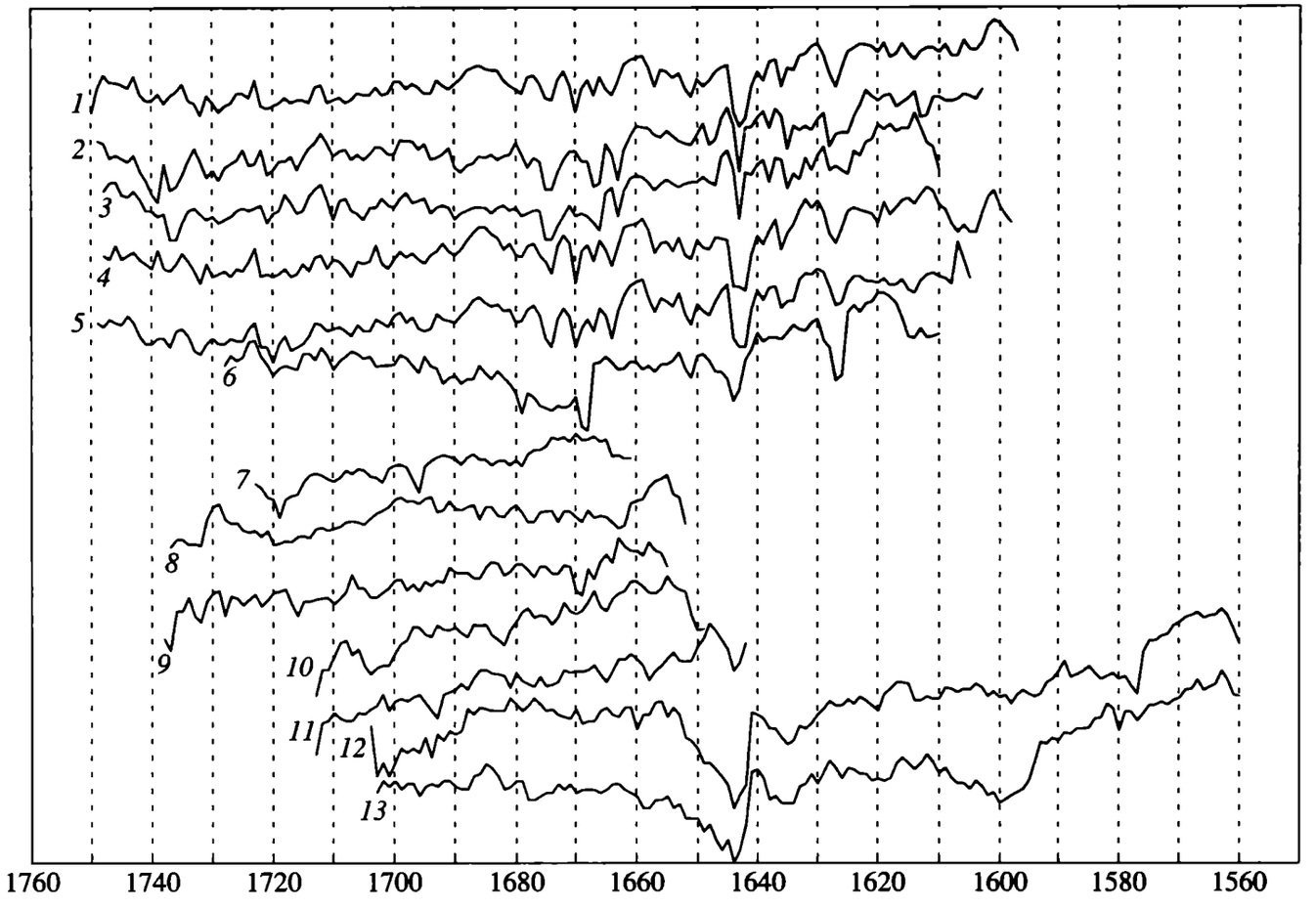

Рис. 5. Тверь, XVIII в. *1–3* – Загородский посад, раскоп 12, участок 3, 1994 г. (образцы № 33–35 – серия столбов в кв. Д-1,3, пл. 26–27); *4–5* – Загородский посад, раскоп 12, участок 1, 1994 г. (образцы № 5, 6 – стулья под окладной венец сруба постройки 2, кв. Б-1, 3, пл. 20–25); *6, 7* – Кремль, раскоп 14, участок 6, 1998 г. (образцы № 25, 27 – центральная лага и западный 2 венец постройки 1, кв. Г-2, 3, пл. 14–16); *8, 9* – Загородский посад, раскоп 17г, участок 3, 2000 г. (образцы № 2, 3 – венцы 2 западный и 2 южный обкладки материковой ямы 9, кв. М,Л-17, пл. 11–13); *10, 11* – Загородский посад, раскоп 12, участок 3, 1994 г. (образцы № 41, 42 – венцы 3 и 2 постройки 5, кв. Д-2, пл. 30–33); *12, 13* – Загородский посад, раскоп 12, участок 3, 1994 г. (образцы № 38–39 – венцы 3 и 2 постройки 6, кв. Е-4, пл. 28–33).

культурного слоя Твери, так и на графиках прироста бревен архитектурных памятников с территории Тверской области (рис. 6).

Для второй половины XVIII – первой половины XIX в. количество образцов из культурного слоя существенно уменьшается. Кроме того, в имеющейся выборке древесины имеются всего два комплекса, а остальное дерево представлено отдельными образцами из культурного слоя Твери. Однако абсолютной привязке кривых погодичного прироста этих сооружений способствуют материалы архитектурных памятников Тверского региона (рис. 7). Средние кривые, построенные для этих двух комплексов, демонстрируют приемлемую степень сходства (Cx – 56% и r – 0.17). Определяющим для кривых роста годичных колец на отрезке XVIII в. является широкий микроцикл, занимающий десятилетие между 1760 и 1770 гг.

Древесина второй половины XIX – начала XX в. в количественном отношении представлена крайне слабо. Здесь мы имеем дерево трех комплексов из культурного слоя – сваи фундамента из раскопа 11 в кремле и венцы двух колодцев из раскопа 18 в Заволжье. По типу кривых погодичного прироста эта древесина достаточно индивидуальна, однако близкая картина развития погодичного прироста на отрезке 1810–1850 гг. позволяет их синхронизировать.

Подведем итоги. В результате проделанной работы была составлена абсолютная дендрошкала Твери протяженностью в 850 лет. Конечными точками ее на сегодняшний день можно считать 1064 и 1914 г. Количественное распределение всех датированных годичных колец приведено на диаграмме (рис. 8), которая наглядно демонстрирует "слабые" и "насыщенные" участки созданной дендрошкалы.

В лучшем положении находится средневековый отрезок шкалы (материалы первой хронологической группы). Самыми слабыми звеньями являются отрезки второй половины XV – середины XVI в. и середины XIX – начала XX в. Перспекти-

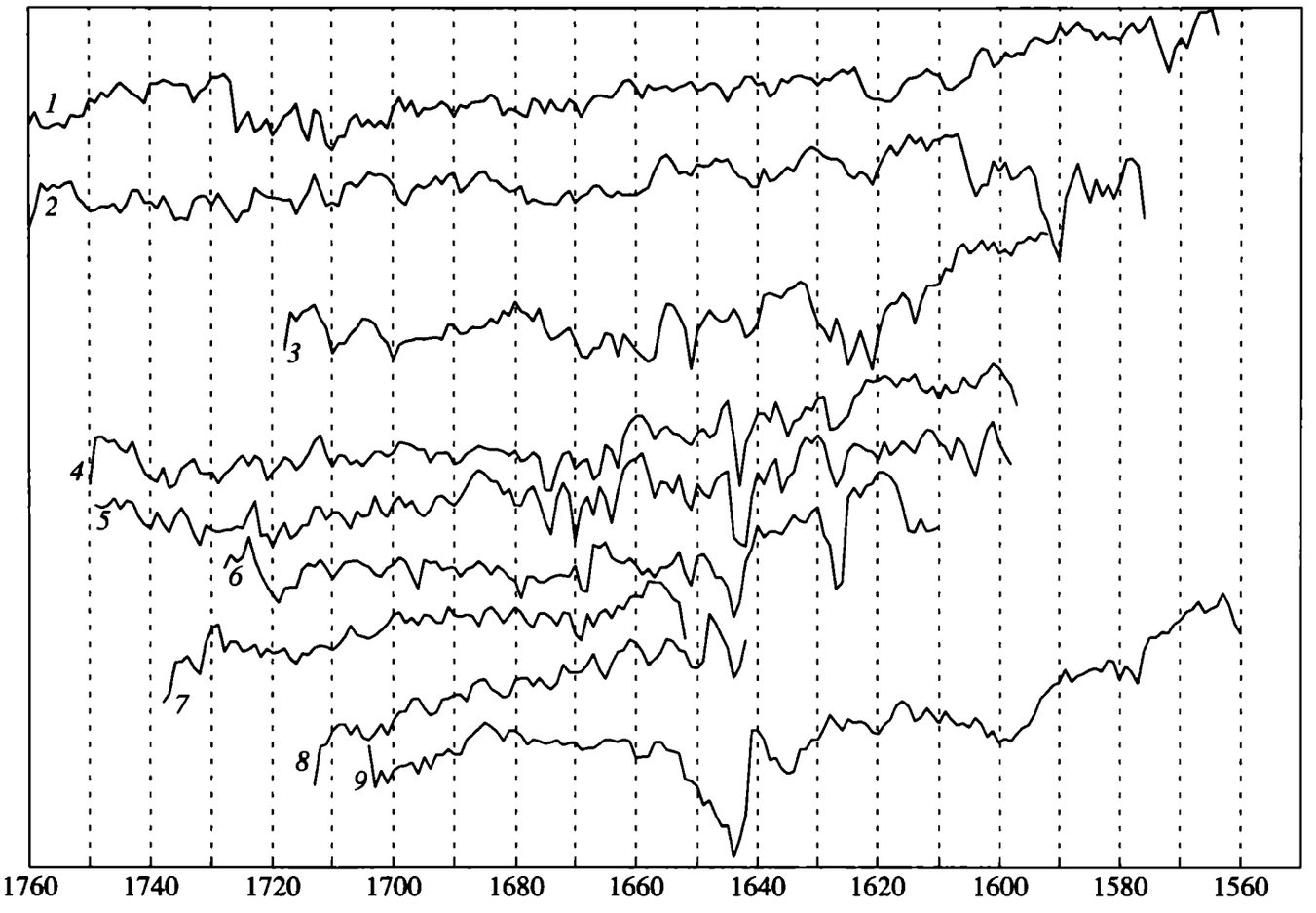

Рис. 6. Усредненные хронологии по дендрологическим комплексам из раскопов в Твери и архитектурным памятникам Тверского региона XVIII в. *1* – Преображенская (Вознесенская) ц. (погост Спас на Сози); *2* – часовня Св. Архистратига Михаила (д. Максимовское, Удомельский р-н); *3* – Вознесенская (Тихвинская) ц. (г. Торжок); *4* – Загородский посад, раскоп 12, участок 3, 1994 г. серия столбов; *5* – Загородский посад, раскоп 12, участок 1, стулья под западный окладной венец постройки 2; *6* – Кремль, раскоп 14, участок 6, венцы постройки 1; *7* – Загородский посад, раскоп 17г, участок 3, венцы обкладки материковой ямы 9; *8* – Загородский посад, раскоп 12, участок 3, венцы постройки 5; *9* – Загородский посад, раскоп 12, участок 3, венцы постройки 6.

ва дополнительной проверки и корректировки шкалы зависит целиком от возможностей получения материалов этого времени. Дополнительные сборы образцов дерева конца XIX–XX в. позволили бы не только продлить и укрепить поздний отрезок шкалы, но и связать ее с дендрорядами "живого" дерева из современных лесов Тверской обл.

Те же результаты, которые получены при разработке дендрошкалы, помогают решать самые разнообразные вопросы: хронологические, исторические и методические.

Хронологический аспект исследования: дендроанализ древесины построек из культурного слоя Твери, позволил определить порубочные даты – точные и условные для 523 бревен. Строительные даты в точных календарных числах и *terminus post quem* были установлены для 123 сооружений. Что касается архитектурных объектов, располагавшихся на территории Тверской обл., бревна которых изучались нами и привлекались для абсолютных привязок тверских материалов, то в пяти случаях получили подтверждение имеющиеся архивные датировки, в семи случаях даты строительства определялись в *terminus post quem*, недатированными остались четыре постройки (табл. 4).

"Нехронологические" результаты дендроанализа целиком зависили от археологических данных, сопровождавших изучавшиеся материалы. В этом отношении наиболее благоприятные условия имелись для материалов кремлевского раскопа 11, площадь которого составляла 1400 м^2 (Лапшин, 2001). Для этого участка города были установлены не только временные границы застройки, но и намечены семь этапов строительной деятельности для периода середины 80-х XIII – 30-х годов XV в. (Черных, Карпухин, 2001а. С. 52, 53. Рис. 7; Черных, Карпухин, 2001б. С. 27–35).

В плане методических установок, как уже упоминалось выше, при работе с тверским деревом нами впервые была применена методика построения средних дендрорядов, однако эта тема требу-

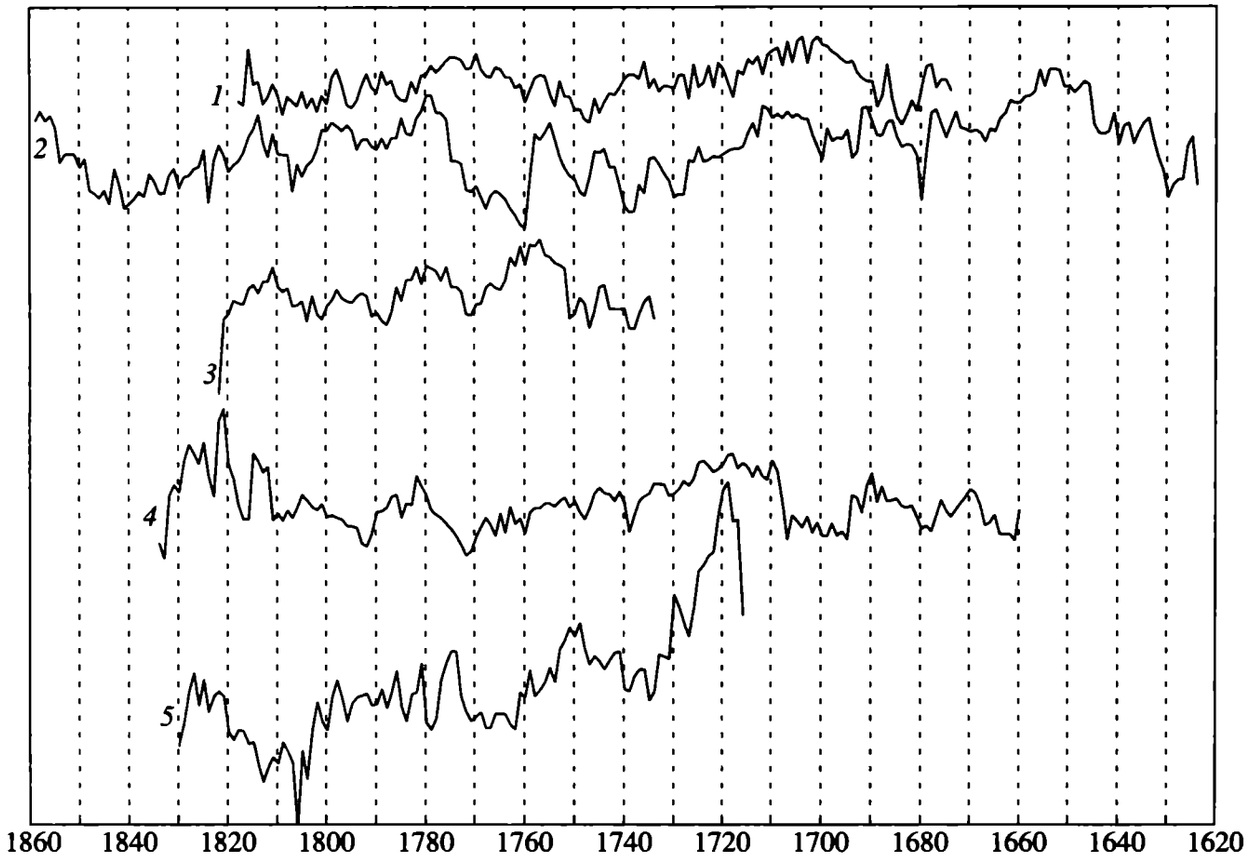

Рис. 7. Усредненные хронологии по дендрологическим комплексам из раскопов в Твери и архитектурным памятникам Тверского региона XIX в. *1* – Жилой дом (д. Куклино, Санковский р-н); *2* – Жилой дом (д. Борисовское, Лесной р-н); *3* – ч. Успения (д. Финдеряево, Лесной р-н); *4* – Кремль, раскоп 11, участок 1, 1993 г. (образцы № 35, 37, 38, 42 – лежни фундамента, кв. Е-П-2, Ж-П-7, пл. 17); *5* – Загородский посад, раскоп 12, участок 1, постройка 1 (образцы № 1, 1а, 2 –бревна под срубом постройки 1, кв. А-1, пл. 20–23).

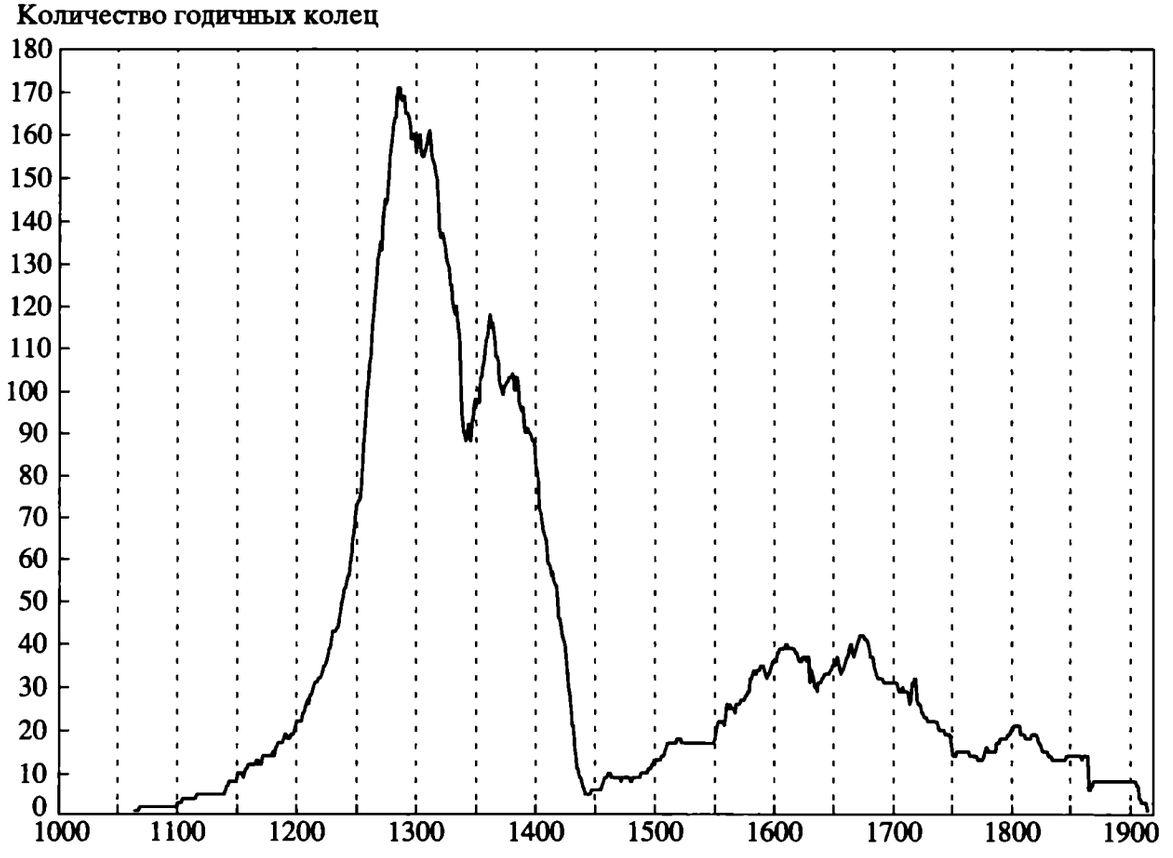

Рис. 8. Количественное распределение годичных колец Тверской дендрошкалы по годам.

Таблица 4. Датировки архитектурных памятников Тверского региона

№	Памятник	Адрес		Предварительные датировки	Датировки по результатам дендроанализа
		Район	Населенный пункт		
1	"Дом Ахматовой"	Бежецкий	Д. Слепнево*	Вторая половина XIX в.	–
2	Амбар	Рамешковский	Д. Сутоки**	XIX в.	–
3	"Дом аптекаря"	г. Тверь, б-р Радищева, д. 56		60–70-е годы XIX в.	50–60-е г. XIX
4	Часовня Св. Архистратига Михаила	Удомельский	Д. Максимовское*	Вторая половина XVIII в. крыльцо – позже	Начало 60-х г. XVIII в. крыльцо – – начало XIX в.
5	Жилой дом	Лесной	Д. Борисовское**	1860 год	1860 г.
6	Пожарное депо	Бежецкий	Д. Лаптиха**	1900–1910-е годы	Начало 1910-х г.
7	"Крестьянский дом"	Бежецкий	Пос. Градницы	40-е годы XX в.	1948 г.
8	Жилой дом	Санковский	Д. Куклино**	Середина XIX в.	1860 г.
9	Мельница-маслобойня	Бежецкий	С. Белое	XIX в.	–
10	Изба	Весьегонский	Д. Миньево**	60–е годы XIX в.	Около 1860 г.
11	Преображенская (Вознесенская) ц.	Тверской	Погост Спас на Сози**	20–30-е годы. XVIII в.	После 1725 г.
12	Часовня	Фировский	Д. Скоково	XVII–XIX вв.	–
13	Жилой дом	г. Тверь,	ул. Серебряная, 13	Конец XIX в.	После 1849 г.
14	Вознесенская (Тихвинская) ц.	Торжокский	г. Торжок	1653 г., 1717 г.	После 1715 г.
15	Часовня Успенская	Вышневолоцкий	Д. Финдеряево**	10–50-е годы XIX в.	После 1820 г.
16	Знаменская ц.	Весьегонский	Д. Пылево**	1742 г.	1742 г.

* Переведен в пос. Градницы Бежецкого р-на.
** Перевезен в Архитектурно-этнографический музей под открытым небом в д. Василево (Торжокский р-он).

ет отдельного изложения (Карпухин, Черных, в печати). Здесь же упомянем, что продолжение исследований в этом направлении может оказаться весьма перспективным для климатических реконструкций.

Работа выполнялась в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 01-05-64374).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Карпухин А.А., Черных Н.Б. Сравнительный анализ локальной дендрошкалы Твери и последовательностей годичных колец архитектурных памятников Тверского региона // Тверской археол. сб. Вып. 6. Тверь (в печати).

Колчин Б.А., Черных Н.Б. Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977.

Лапшин В.А. Строительные горизонты раскопа Тверской кремль-11 // Тверской кремль. Комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб., 2001.

Сергеева Н.Ф., Черных Н.Б. Локальные дендрохронологические шкалы Тверского региона (X–XV и XVII–XIX вв.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь, 1996.

Урьева А.Ф., Черных Н.Б. Дендрохронологические шкалы Новгорода. Опыт компьютерной обработки // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1996.

Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. М., 1996.

Черных Н.Б., Карпухин А.А. Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XII–XV вв. (по материалам раскопок в Тверском Кремле) // РА. 2001а. № 3.

Черных Н.Б., Карпухин А.А. Результаты дендрохронологического исследования дерева построек из раскопа Тверской кремль-11 // Тверской кремль. Комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб., 2001б.

The Tver' absolute dendrochronological scale in the 11th–the early 20th centuries

N. B. Chernykh, A. A. Karpukhin

Summary

In the paper there are presented the results of the work aimed at constructing the Tver' absolute dendrochronological scale. At present the chronological scale span covers 850 years. Its earliest and latest points now can be dated back to 1064 and 1914 respectively. The dendrochronological investigations of timber from the constructions discovered in the cultural deposit of Tver' has resulted in establishing felling dates (absolute and conventional) of 523 timbers. Construction dates have been established for 123 constructions, precise calendar ones and *termini post quem* as well.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 79–88

АРХЕОЛОГИЯ И ГЕОФИЗИКА: ПРИНЦИПЫ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2004 г. И. В. Журбин

Физико-технический институт УрО РАН, Ижевск

Использование геофизических методов и современной методики археогеофизических исследований позволяет получить дополнительную информацию об археологическом памятнике. Актуальность археогеофизических исследований определяется объективными ограничениями по применению методов, традиционных для полевой археологии.

В первую очередь проблемы связаны с методикой археологических исследований, которая предполагает широкомасштабные раскопки и требует значительных временных и финансовых затрат. Более того, расширение площадей раскопа зачастую не дает дополнительных данных для культурно-исторической интерпретации памятника. В данном случае геофизические исследования культурного слоя памятника, его планировки и отдельных археологических объектов позволяют получать предварительную информацию для целенаправленного выбора участка раскопок, наиболее информативного с точки зрения изучения памятника.

Традиционные археологические исследования, предполагающие разрушения памятника в процессе его изучения, не обеспечивают физическое сохранение объектов историко-культурного наследия. Информация о структуре культурного слоя, полученная с использованием оперативных неразрушающих геофизических методов, позволяет не только провести предварительную интерпретацию памятника в целом, но и выделить на его территории объекты, раскопки которых позволят уточнить предварительные выводы исследователя. Таким образом, археогеофизический подход предполагает возможность выделения эталонных для памятника объектов, локальные раскопки этих объектов и сохранение в первозданном виде всей остальной территории памятника.

Использование геофизических методов частично решает проблему охранных раскопок. Ввиду постоянного расширения инфраструктуры и территории городской застройки часто возникает проблема отвода под строительство участков, содержащих объекты археологии. Существующее законодательство предполагает археологическое согласование и выделение средств на охранные раскопки. Однако время, в течение которого возможны археологические раскопки, зачастую весьма ограничено. Единственным решением проблемы в данном случае является применение оперативных геофизических методов.

Кроме того, оперативные и неразрушающие геофизические методы являются единственным эффективным способом изучения и дальнейшего сохранения исторических и археологических объектов, которые не могут быть исследованы раскопками (исторические здания, церкви, исторические парки и территории, расположенные в пределах городской застройки).

Таким образом, основными факторами, определяющими привлекательность геофизических методов для археологии, являются их оперативность, принцип сохранения объекта исследования, возможность существенного сокращения финансовых расходов и трудозатрат. Поэтому неудивительно, что использование неразрушающих геофизических методов в археологической практике научных исследований зарубежных и отечественных специалистов имеет давнюю традицию.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АРХЕОГЕОФИЗИКИ

История становления и использования геофизических методов в отечественных и зарубежных археологических исследованиях достаточно подробно рассмотрена в научной литературе (Колчин, Шер, 1969; Слукин, 1988; Станюкович, 1997; Франтов, Пинкевич, 1966; Эйткин, 1963). Начальный этап развития археогеофизики характеризуется экспериментами по применению различных методов разведочной геофизики и обсуждением методических вопросов их применения в археологии. Анализ зарубежного опыта становления археогеофизики как научной дисциплины позволил выделить три периода ее развития: экспериментальный (1950-е годы), методический (1960-е годы) и производственный (с 1970-х годов) (Глазунов, 1985). По мнению А.К. Станюковича, данная периодизация справедлива для отечественной археогеофизики (1997).

Начальный период формирования отечественной археогеофизики (1960-е годы) был связан, в первую очередь, с расширением арсенала геофизических методов, используемых в археоло-

Рис. 1. Становление археогеофизики. Схема взаимосвязи основных направлений исследований.

гии; оценкой потенциала этих методов для изучения различных типов объектов; обсуждением методических и технических вопросов. Наиболее часто использовались различные модификации методов электрометрии и магниторазведки. Электрометрические исследования были связаны с изучением античных построек и скифских склепов (Шилик, 1967). Магниторазведка применялась при поиске, картировании и изучении гончарных печей на территории древнерусских памятников и средневековых памятников Крыма (Шилик, 1974), картировании поселения трипольской культуры и могильников. Кроме электрометрии и магниторазведки для археологической разведки были использованы и другие геофизические методы, например сейсморазведка и фосфатный анализ почв.

Характерной чертой перечисленных исследований являлось понимание того, что "перенесение в археологию геофизических методов, без соответствующего изменения конструкции приборов и методов их применения, дают, как правило, недостаточно эффективные результаты" (Грошевой и др., 1967). Уже на первом этапе комплексных исследований была показана необходимость разработки специальной методики археогеофизических измерений, обработки и интерпретации полученных данных в зависимости от вида археологического объекта (Колчин, 1979; Франтов, Пинкевич, 1966).

В соответствии с этим исследователи уделяли значительное внимание выявлению и решению методологических, методических, технологических и технических проблем археогеофизики (рис. 1). Очевидно, что все перечисленные направления взаимосвязаны.

В ходе исследований было показано, что обязательными условиями эффективного использования геофизических методов в археологии является их адаптация для исследования археологических объектов. Адаптация геофизических методов для археологии необходима, так как в рамках традиционной геофизики не решается задача исследования структуры приповерхностных слоев грунта, в которых расположены археологические объекты. Более того, влияния приповерхностных слоев грунта и археологических объектов в них рассматриваются как мешающие факторы. Необходимым условием комплексных археогеофизических исследований является формирование единой археологической и геофизической координатной сетки памятника, необходимой для проверки геофизических данных контрольными раскопками (Шилик, 1967; 1974). Проведение контрольных раскопок является обязательным этапом проверки "геофизического прогноза" (Колчин, Шер, 1969).

Принципиальным вопросом является разработка специализированной методики измерений на основе комплексирования геофизических методов (Грошевой и др., 1967; Комаров и др., 1967; Шилик, 1967). Комплексирование измерений предполагает выработку критериев выбора геофизических методов для эффективного исследования территории памятника, культурный слой которого содержит различные типы объектов. Необходимость разработки данного направления связана в первую очередь с тем, что различные по регистрируемым физическим полям геофизические методы позволяют выделять различные типы археологических объектов. С точки зрения геофизики, различие в типах археологических объектов определяется их физическими и геометрическими характеристиками: размерами, пространственным положением, внутренней структурой, условиями формирования (термическая обработка, искусственное уплотнение и пр.) и составом материалов. При формировании комплекса методов также учитывается влияние мешающих факторов, т.е. различных внешних воздействий, искажающих результаты археогеофизики (электромагнитные поля, ямы и канавы, металлический мусор пр.). Анализ условий измерений на памятнике позволяет предположить, какие из выбранных методов будут в наибольшей степени подвержены влиянию мешающих факторов, т.е. данные каких методов будут наименее достоверны. Существенным элементом методики измерений является определение принципов построения сети измерений (расстояния между смежными точками измерений и ориентация профилей измерений). Расстояние между смежными точками измерений

определяет детальность описания археологического объекта по геофизическим данным. Увеличение количества точек измерений повышает точность восстановления границ объекта, но одновременно увеличивает время исследований. При уменьшении шага измерений сокращается время исследований, но одновременно возникает опасность пропуска объектов относительно небольших размеров.

Методика археологической интерпретации результатов геофизических исследований разрабатывалась с использованием теоретического и натурного моделирования измерений и создания эталонов аномалий, вызванных различными типами археологических объектов (Грошевой и др., 1967; Комаров и др., 1967). Созданные наборы эталонов позволяли проводить первичную интерпретацию данных и соотнесение геофизических аномалий на участке исследований с археологическими объектами определенных типов.

В рассматриваемый период в общих чертах были определены требования к специализированной аппаратуре для археогеофизики, проведена апробация образцов разработанной аппаратуры и измерительной оснастки (Грошевой и др., 1967; Шилик, 1967).

С точки зрения взаимодействия археологии и геофизики, исследования развивались по экстенсивной схеме. Задача археологов и геофизиков состояла в определении типов археологических памятников, для исследования которых эффективны геофизические методы, регионов расположения этих памятников и хронологического диапазона их формирования. Обычно геофизические исследования носили локальный характер – измерения однократно проводились на относительно небольшом участке территории памятника выбранного типа. Археологическая интерпретация геофизических данных проверялась раскопками, на основании результатов которых формировалось заключение об эффективности выбранного метода для исследований определенной категории памятников.

Основные итоги первых опытов применения геофизических методов в отечественной археологической практике были подведены Б.А. Колчиным и Я.А. Шером. Ими предложена поэтапная схема, выполнение которой обеспечивает эффективность археогеофизических полевых работ: предварительные геофизические исследования – интерпретация – контрольные раскопки – корректировка методики геофизических измерений. Было подчеркнуто, что именно верификация геофизических данных в ходе контрольных раскопок позволит создать оптимальный комплекс геофизических методов, ориентированный на исследование памятников археологии (Колчин, Шер, 1969). В последующие годы эта схема являлась основой для междисциплинарных исследований в полевой археологии.

Начиная с 1970-х годов, археогеофизические исследования продолжаются совместно с крупными специализированными геофизическими учреждениями (Колчин, 1979; Станюкович, 1997). В конце 1970-х годов археогеофизика привлекала особое внимание Комиссии по применению методов естественных наук в археологии и Московского общества испытателей природы, под эгидой которых был проведен ряд конференций. Исследования этого периода характеризуются разнообразием типов исследуемых археологических объектов, датируемых в широком хронологическом диапазоне, а также расширением географии археогеофизических исследований.

Традиционно продолжались неразрушающие исследования памятников Северного Причерноморья. Основными объектами являлись преимущественно однослойные античные сельские поселения с рядовой структурой каменных построек и относительно небольшой мощностью культурных напластований (Станюкович, 1990): античные виллы и усадьбы, остатки древних агротехнических сооружений, античные и средневековые гончарные центры и гончарные печи на их территории, поселения эпохи бронзы, погребальные памятники. Развивались геофизические исследования археологических памятников центральных и северо-западных районов России. Основными объектами исследований являлись средневековые поселения, их структура, планировка и отдельные объекты и сооружения на их территории. Археогеофизические исследования проводились и в других регионах – Армении, Таджикистане, Северном Кавказе, Сибири, Украине. В последние годы российские специалисты в области археогеофизики проводили исследования и за рубежом.

Чрезвычайно интересные результаты были получены при археогеофизических исследованиях в городских условиях, задачей которых является выявление культурного слоя, определение его мощности, границ и структуры (Александровский и др., 1998; Зайцев и др., 1997), и при проведении неразрушающих исследований архитектурно-исторических объектов и территорий (Слукин, 1988). Работы на архитектурно-исторических территориях под руководством В.М. Слукина проводились в центрах, обладающих уникальным историко-культурным наследием: Ростов Великий, Вологда, Тула, Ярославль, Можайск, Новгород, Екатеринбург, Верхотурье, Невьянск, Тагил. Задача исследований заключалась в обнаружении и картировании архитектурно-археологических объектов в грунтах исторических территорий – фундаментов утраченных зданий, подземных галерей, ходов, подвалов, крипт, тайников, склепов, дренажных систем, элементов старого благоустройства.

Для решения этой задачи разработан эффективный комплекс геофизических методов (электрометрия, магниторазведка, сейсмоакустика, теплофизические методы, гравиразведка).

В рассматриваемый период появилась тенденция многолетних и многоцелевых археогеофизических исследований, позволяющих разработать и апробировать методику измерений и математической обработки, а также методы интерпретации результатов для определенных категорий памятников археологии. На базе ежегодной комплексной археолого-геофизической экспедиции на территории ряда памятников были сформированы научно-исследовательские полигоны по применению неразрушающих геофизических методов. В экспериментах принимали участие ведущие исследовательские группы России и зарубежные специалисты. В большинстве случаев исследования на территории археолого-геофизических полигонов предполагали выполнение нескольких основных этапов (рис. 2).

Геофизические исследования на археологических полигонах предполагали две основные стратегии – последовательные исследования на одном памятнике группой различных методов и комплексные исследования ряда археологических объектов, аналогичных по назначению, физическим и пространственным параметрам. Примерами последовательных исследований одного памятника являются поселение Панское-I (Тарханкутская экспедиция (Щеглов, 1985)), грунтовые могильники Северного Кавказа (Шрайбман и др., 1988), городище Чича-I (Молодин и др., 2001). Группами аналогичных археологических объектов, которые были исследованы в рассматриваемый период, являлись античные памятники Крыма (Smekalova, Maslennikov, 1993) и архитектурно-исторические объекты и территории (Слукин, 1988).

Такой подход не только обеспечивает более высокое качество археологической интерпретации геофизических данных, по сравнению с "однократными" исследованиями, но и позволяет совершенствовать геофизические методы в их археологическом применении. Необходимость и эффективность многолетних исследований на археолого-геофизических полигонах была подтверждена работами автора на средневековом городище-крепости Иднакар (Удмуртия, 1992–2000 гг.) (Иванова и др., 1998); поселении бронзового века Горный (Каргалинский горно-металлургический центр, Оренбургская область, 1996–1999, 2002 гг.) (Черных, Лебедева и др., 2002) и многослойном Зуево-Ключевском I городище (Удмуртия, 1998–2001 гг.) (Черных Е.М. и др., 2002).

Отличительной особенностью данного этапа развития археогеофизики является детальная проработка направлений, связанных с разработкой методики измерений и методов интерпретации данных, комплексным применением различных геофизических методов, расширением их диапазона, а также использованием новых аппаратных средств. Разработка этих направлений базировалась на методологических основах, разработанных на этапе становления археогеофизики.

Методика измерений формировалась при последовательном решении задач теоретических и экспериментальных этапов исследований. Обязательным условием для реализации задач каждого из этапов являлось предварительное изучение геологической структуры территории памятника. Первоначально, для разработки методики измерений использовалось математическое моделирование, при котором в качестве моделей археологических объектов (известняковые стены, катакомбные захоронения, печи и пр.) использовались тела правильной формы в однородном пространстве. Физические свойства модельных объектов определялись на основании лабораторных исследований элементов реальных археологических объектов поиска (Шрайбман и др., 1988; Мисевич, 1999). В большинстве случаев методика измерений, разработанная на этапе моделирования, являлась основой для методики измерений при натурных испытаниях и экспериментальных исследованиях. На основе натурных испытаний производилась оценка параметров измерительной установки, необходимых для достижения максимальной чувствительности к археологическим объектам, расположенным на различных глубинах, и повышения достоверности при определении их местоположения и границ (Глазунов, 1978; Слукин, Горбачев, 1987). Формировались критерии ориентации сети наблюдений относительно объекта геофизического поиска и принципы технологии уточняющих измерений (Глазунов, 1978; Шрайбман и др., 1988).

Методы математической обработки результатов измерений предполагали использование компьютерной обработки данных (Маруев, 1987; Мисевич, 1999). Кроме традиционной для геофизики качественной интерпретации данных, использовались специфические методы фильтрации археогеофизических данных (Маруев, 1987; Шевнин и др., 1977). Разрабатывались математические методы, которые позволяли за счет дополнительной математической обработки контрастно выделять археологические объекты, исключая влияние "стерильных" участков и геологической основы.

Методы археологической интерпретации результатов измерений разрабатывались в рамках двух основных подходов – интерпретация по эталонам и по статистическим характеристикам измеренных данных. В качестве эталона были использованы расчетные кривые изменения изме-

Рис. 2. Схема работ на археолого-геофизических полигонах.

ряемого физического параметра над модельными объектами правильной формы.

При комплексировании методов на базе единой сети геофизической съемки рассматривался комплекс вопросов, связанный с методикой измерений, методами обработки и интерпретации результатов измерений. Основные методы, которые использовались при геофизических исследованиях археологических памятников – это методы электрометрии и магниторазведки. Развитие методики комплексирования измерений происходило по двум основным направлениям – разработка и сравнительный анализ различных модификаций выбранного метода (Станюкович, 1997; Шевнин и др., 1977) и привлечение дополнительных методов зондирования. В качестве вспомогательных методов использовались сейсморазведка, гравиразведка, георадиолокация, фосфатный анализ, каппаметрия, биолокация.

При геофизических исследованиях на археологических памятниках была апробирована аппаратура для низкочастотных и бесконтактных электрометрических исследований, прецизионной магниторазведки, аппаратура для георадиолокации, а также металлодетекторы.

Комплексные археогеофизические исследования показали, что максимальная эффективность достигается при изучении памятников с относительно простой планировочной структурой, не осложненной напластованиями других эпох. Формирование рационального комплекса физических методов определяется физико-геологическими и археологическими условиями их применимости. К физико-геологическим условиям относятся: достаточная контрастность свойств объектов и среды, благоприятные геометрические параметры, спокойный рельеф поверхности и подстилающих пород, достаточно низкий уровень помех. Археологические условия – однослойность памятника, небольшая глубина и мощность культурного слоя, хорошая сохранность строительных остатков (Мельников, Смекалова, 1989; Станюкович, 1990).

В результате комплексных исследований было доказано, что обязательным условием любых археогеофизических работ должна быть оперативная археологическая проверка характерных для памятника аномалий. Это позволяет не только проверить справедливость геофизических построений, но и одновременно предоставляет информацию для корректировки методики измерений, математической обработки и интерпретации применительно к конкретному памятнику (Колчин, Шер, 1969; Станюкович, 1990).

Стало ясно, что все большее значение при проектировании археогеофизических исследований приобретает математическое моделирование и лабораторные исследования. Следовательно, дальнейшее совершенствование геофизических методов, применительно к полевым археологическим исследованиям, должно идти по линии теоретических разработок (Шрайбман и др., 1988).

Таким образом, в этот период изменился подход к археогеофизике. Анализ особенностей развития этого научного направления, проведенный А.К. Станюковичем, позволил выделить качественно новый этап в развитии археогеофизики, который характеризуется многоцелевым исследованием памятников с получением не только археологических, но и количественных геофизических данных об объектах (с точки зрения изучения физических свойств, количественных реконструкций и методов интерпретации, моделирования) (Станюкович, 1997).

ЗАДАЧИ АРХЕОГЕОФИЗИКИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Анализ отечественных и зарубежных публикаций показывает, что первоначально археогеофизические исследования проводились в основном с целью решения задач полевой археологии – поиск археологических памятников, определение их границ, восстановление структуры и планировки. Такая постановка задачи связана с необходимостью планирования раскопок, минимизации финансовых, временных и трудовых затрат.

В последние годы археогеофизику рассматривают как метод решения ряда прикладных задач. Во-первых, при проведении спасательных работ на памятниках археологии геофизика позволяет выявлять наиболее перспективные участки для охранных раскопок и получение информации об участках, которые из-за ограниченности времени не будут раскопаны и погибнут в процессе строительства. Во-вторых, при создании историко-архитектурных и археологических музеев-заповедников геофизические методы используются при поиске и картировании объектов историко-культурного наследия на исторических территориях, оценке их состояния, определении охранных зон. Кроме того, с целью охраны и управления археологическим наследием формируются специализированные базы данных, содержащие картографическую и атрибутивную информацию по памятникам археологии и карты планировок, полученные с использованием геофизических методов (например, MONARCH (National Monuments Record), English Heritage Geophysical Survey Database, Surrey Archaeological Society (SAS), Royal Commission on Historical Monuments of England (RCHME), Monument Protection Program). К сожалению, в отечественной практике управления, охраны и музеефикации объектов историко-культурного наследия геофизические методы практически не используются.

ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В АРХЕОЛОГИИ: КРИТЕРИИ ВЫБОРА

Геофизические методы исследования грунтов различаются по виду изучаемых физических полей. Существуют следующие группы геофизических методов: электрометрические, магнитометрические, гравиметрические, сейсмоакустические, ядерно-физические, термометрические. Эффективность применения каждого из этих методов зависит от многих условий, связанных с характером данного участка местности, изучаемым объектом, влиянием мешающих факторов и применяемой аппаратурой.

Наилучшие результаты для археологических исследований дает применение магнитной и электрометрической разведки. Гравиметрические, сейсмоакустические, ядерно-физические и термометрические методы для полевых археологических исследований применяются достаточно редко и только в комплексе с электроразведкой или магниторазведкой. Это вызвано дороговизной аппаратуры, сложностью методики исследований, ограниченным кругом объектов, на которые реагирует аппаратура. Например, при гравиметрических исследованиях эффективно фиксируются только геологическая подоснова, исторические эколанд-

шафтные формы, выявляются элементы палеорельефа, подземные пустоты большого размера, имеющие развитие по площади. Сейсморазведка эффективна при изучении внутреннего строения оборонительных сооружений, локализации подземных пустот и погребенных архитектурных объектов (Слукин, 1988).

Сравнительная характеристика возможностей основных геофизических методов для определения местоположения различных типов археологических объектов в грунте, а также оценка эффективности использования методов для исследования объектов в различных геологических и природных условиях рассмотрены в ряде работ (Смекалова и др., 2000; Станюкович, 1997; Geophysical survey..., 1995).

Эффективность магниторазведки и электрометрии определяется в первую очередь тем, что археологические объекты хорошо контрастируют по электрическим и магнитным свойствам с вмещающим грунтом. Это подтверждается результатами исследования физических свойств объектов и компонентов культурного слоя археологических памятников в лабораторных и полевых условиях (Слукин, 1988). Кроме того, для проведения электрической и магнитной разведки требуется минимальное привлечение специального и сложного оборудования.

Магниторазведка основана на измерении магнитного поля Земли и выявлении его аномальной составляющей, которая определяется изменением естественной структуры верхних слоев грунта ввиду наличия в них объектов археологии. Археологические объекты характеризуются магнитными свойствами, отличающимися от магнитных свойств вмещающей среды. В соответствии с этим, магниторазведка однозначно фиксирует местоположение объектов, которые подвергались термическому воздействию в древности (каменные стены сгоревших построек, остатки древних печей, горнов), а также остатков кузнечного производства (железная окалина в слое, развалы шлака, очаги, зольники) и перекопов в материковом слое (ямы различного назначения, дренажные системы, рвы, котлованы). Менее уверенно фиксируются стены, дороги, траншеи, деревянные конструкции, канавы, шахты, "пятна" жилищ без каменной кладки (Geophysical survey..., 1995).

Электроразведка основана на изучении электрических свойств археологических объектов в среде, вмещающей эти объекты. Возможность практического применения электрометрических методов для изучения грунта обусловлена тем, что вмещающие грунты и объект, погруженный в них, различаются по удельному электрическому сопротивлению. При зондировании грунта методами электрометрии чаще всего применяются методы постоянного тока и низкочастотного электромагнитного поля.

Метод электрометрии позволяет исследовать практически все категории объектов – оборонительные сооружения, объекты в культурном слое (цоколь стен, отдельные камни, их скопления, нарушения и уплотненности почвенного слоя, котлованы жилищ, перекопы), архитектурные остатки и фундаменты, подземные пустоты, печи и очаги. Существенные трудности возникают при поиске методом электрометрии погребенных деревянных объектов и грунтовых погребений без конструкций.

Универсальность обоих описанных методов лишь кажущаяся. Эффективность применения геофизических методов для поиска определенных археологических категорий объектов на каждом из памятников во многом определяется составом и заполнением искомых объектов поиска, а также влиянием мешающих факторов геологического, физического, техногенного и антропогенного происхождения, которые искажают результаты измерений. К техногенным факторам, мешающим электро- и магниторазведке, относятся линии электропередач, крупные промышленные предприятия, современные постройки, расположенные вблизи или на территории археологических памятников и являющиеся причиной электромагнитных наводок. Антропогенные факторы включают в себя строительный и бытовой мусор в верхней части культурного слоя, современные траншеи, канавы, остатки фундаментов современных сооружений.

Мешающими факторами геологического и физического происхождения для магнитометрии являются изменение глубины кровли материкового слоя, рельеф и микрорельеф на территории памятника, неоднородность намагничивания почвы, вариации геомагнитного поля, значительные изменения магнитных свойств подстилающих пород. Мешающие факторы антропогенного и техногенного происхождения: линейные аномалии-помехи, связанные с погребенными оврагами, современными проселочными дорогами и бровками вспаханных полей; современный металлический мусор; строительные остатки; влияние водопроводов, люков коллекторов и железных ограждений, механизмов, работающих на постоянном токе. Следовательно, проведение магнитометрических исследований практически затруднено в городских условиях, в районах, расположенных вблизи предприятий, железных и грунтовых дорог, линий электропередач (Мисевич, 1999).

Кроме того, интерпретация данных магнитометрии осложняется рядом специфических проблем: результат измерений во многом зависит от корректного выбора расстояния от датчика до поверхности; влияние на форму аномалии ориентации объекта в широтном или меридиональном направ-

Рис. 3. Схема взаимодействия археологии и геофизики.

лении. Существенный недостаток магнитометрии состоит в том, что интерпретация результатов измерений не дает информации о распределении по глубине археологических объектов с различной магнитной проницаемостью. Исходя из этих ограничений и высокой скорости измерений, некоторые исследователи рассматривают магнитометрию как метод предварительного поиска (Comney et al., 1994).

Перечисленные факторы в меньшей степени оказывают мешающее воздействие на результаты электроразведки. Однако данные электроразведки в значительной степени зависят от погодных условий и влажности грунта (высокий уровень грунтовых вод), локального изменения рельефа поверхности (близость к установке канав, рвов, раскопов) и неоднородности подстилающего геологического слоя. Значительное влияние на результаты электрометрических измерений оказывают объекты малого размера (фрагменты керамики, кости, мелкие камни, единичные находки), расположенные в приповерхностном слое грунта, которые оказываются в непосредственной близости от электродов. Объекты такого рода вызывают локальные аномалии. Кроме того, по сравнению с магниторазведкой, электрометрические измерения требуют больше затрат времени, аппаратура для электрометрии менее мобильна.

Приведенный анализ показывает, что не существует универсального метода для геофизических исследований в археологии. Следовательно, эффективность применения геофизических методов во многом определяется соблюдением оптимального баланса желаемого (постановка исследовательской археологической задачи) и действительного (возможности метода при исследованиях культурного слоя конкретного памятника), т.е. разумным компромиссом между археологией и геофизикой (рис. 3).

Разработка комплексной методики измерений должна базироваться на процедуре математического моделирования и последующей экспериментальной проверке при натурных испытаниях на участке исследований. Исходными данными при построении модели археологического памятника являются сведения о геологическом строении участка грунта, на котором расположен памятник, данные о физических свойствах и геометрических характеристиках объектов и среды, а также о рельефе поверхности и мощности культурного слоя. Вариация параметров измерительных установок позволяет при компьютерном моделировании измерений разработать методику, обладающую максимальной чувствительностью к существующим типам археологических объектов в заданных условиях измерений. Использование описанного подхода позволяет на базе модели создавать алгоритмы и технологии измерений, ориентированные на решение различных исследовательских задач – поисковое картирование территории археологического памятника с использованием ускоренных методов измерений и детальное изучение выделенных археологических объектов. Задача первого этапа состоит в оперативном поиске и территориальной локализации археологических объектов. По результатам геофизических исследований определяется планировка памятника. Задачей детализирующих исследований является восстановления пространственных характеристик отдельных археологических объектов и уточнение их границ. На каждом этапе адаптивно выбирается конфигурация, ориентация и параметры сети измерений для определения границ объекта поиска с заданной точностью.

Предварительная проработка методики измерений на базе пространственных моделей обеспечивает повышение надежности методов математической обработки и достоверности интерпретации археогеофизических данных при определении местоположения и границ археологических объектов. Использование в рамках пространственной модели характеристик среды обеспечивает адаптивность разрабатываемой методики к реальным условиям измерений. Кроме того, адаптивность методики достигается за счет возможности корректировки модели и алгоритмов измерений по результатам натурных испытаний. Таким обра-

зом, за счет моделирования измерений при разработке комплексной методики производится оценка физико-геологических и археологических условий применимости выбранных геофизических методов и потенциала каждого из них при существующих мешающих факторах на каждом участке измерений.

Следовательно, на современном этапе моделирование археогеофизических измерений является новым методическим направлением, обеспечивающим решение методологической проблемы взаимодействия археологии и геофизики. Развитие данного направления предполагает решение ряда взаимосвязанных задач при участии археологов и специалистов-естественников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский А.Л., Бойцов И.А., Кренке Н.А. и др. Раскопки во дворе Московского университета: опыт комплексного подхода к изучению городского культурного слоя // Естественно-научные методы в полевой археологии. Вып. 2. М., 1998.

Глазунов В.В. Опыт выявления детального плана постройки методом электроразведки // КСИА. 1978. Вып. 152.

Глазунов В.В. Геофизические методы исследования археологических памятников. Автореф. дис... канд. геол.-минерал. наук. М., 1985.

Грошевой Г.В., Галкин Л.Л., Зайончковский М.А. Археологическая разведка магнитометром направленного действия // СА. 1967. № 3.

Зайцев А.С., Костюкова Т.А., Аронзон М.Э. и др. Использование геофизики при поиске и исследованиях археологических объектов в Москве // Тр. VI Междунар. конгр. славянской археологии. Т. 2. М., 1997.

Иванова М.Г., Журбин И.В., Зелинский А.В. Исследование планировки городища Иднакар методом электрометрии (1991–1997 гг.) // Естественно-научные методы в полевой археологии. М., 1998.

Колчин Б.А. Физико-математические методы в археологии // Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979.

Колчин Б.А., Шер Я.А. Некоторые итоги применения естественнонаучных методов в археологии // КСИА. 1969. Вып. 118.

Комаров В.А., Фокин А.Ф., Франтов Г.С. О применении метода вызванной поляризации при археологических поисках кострищ с углем // СА. 1967. № 1.

Маруев С.А. Электроразведочные работы на поселении Затон // Методы естественных наук в археологии. М., 1987.

Мельников А.В., Смекалова Т.Н. Физико-археологическая модель античных сельских поселений Крыма // Комплексные методы исследования археологических источников. Ч. II. М., 1989.

Мисевич К. Геофизическая разведка для спасательных археологических раскопок // Донская археология. 1999. № 2.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др. Археолого-геофизические исследования городища переходного от бронзы к железу времени Чича-I в Барабинской лесостепи. Первые результаты Российско-Германской экспедиции // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3(7).

Слукин В.М. Неразрушающие методы исследования памятников архитектуры. Свердловск, 1988.

Слукин В.М., Горбачев М.Ю. Метод симметричного электропрофилирования при исследованиях антропогенных объектов // Методы естественных наук в археологии. М., 1987.

Смекалова Т.Н., Мельников А.В., Мыц В.Л., Беван Б.В. Магнитометрическое изучение гончарных печей средневековой Таврики. СПб., 2000.

Станюкович А.К. Геофизические методы в архитектурно-археологических исследованиях // Вопросы исследования памятников архитектуры. М., 1990.

Станюкович А.К. Основные методы полевой археологической геофизики // Естественно-научные методы в полевой археологии. Вып. 1. М., 1997.

Франтов Г.С., Пинкевич А.А. Геофизика в археологии. Л., 1966.

Черных Е.М., Журбин И.В., Сергеев А.В., Туганаев А.В. Использование междисциплинарного подхода к изучению многослойных археологических памятников в Удмуртском Прикамье: предварительные итоги исследования // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск, 2002.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Журбин И.В. и др. Каргалы, Т. II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. М., 2002.

Шевнин В.А., Перекалин С.О., Сватикова О.В. и др. Возможности электроразведки при поисках склепов в Херсонесе // Региональная геология некоторых районов СССР. Вып. 2. М., 1977.

Шилик К.К. Опыт электроразведки методом симметричного электропрофилирования // СА. 1967. № 3.

Шилик К.К. О магниторазведке гончарных печей у Чабан-Куле // КСИА. 1974. Вып. 140.

Шрайбман В.И., Серкеров С.А., Сидельникова Т.А., Флеров В.С. Новое в применении магниторазведки и электроразведки при исследовании грунтовых погребений на Северном Кавказе // СА. 1988. № 1.

Щеглов А.Н. 25 лет работы Тарханкутской экспедиции: итоги и перспективы // КСИА. 1985. Вып. 182.

Эйткин М.Дж. Физика и археология. М., 1963.

Cornney M., Gaffney C.F., Gater J.A. Geophysical Investigations at the Charlton Villa, Wiltshire (England) // Archaeological Prospection. 1994. V. 1.

Geophysical survey in archaeological field evaluation. Research and Professional Servies Guideline № 1. Ancient Monuments Laboratory. English Heritage, 1995.

Smekalova T.N., Maslennikov A.A. Cadaster of Geophysical Maps of Bospor Sites in the Coast of Asov Sea // Geophysical Exploration of Archaeological Sites. Series: Theory and Practice of Applied Geophysics / Eds A. Vogel, G.N. Tsokas. V. 7. Braunschweig; Wiesbaden, 1993.

Archaeology and geophysics: principles of complex investigation

I. V. Zhurbin

Summary

Basic tendencies and results of geophysical investigations carried out in Russian archaeology are considered in the paper. The author has shown that at present the development of the effective methods of archaeological investigations is based on the techniques of measurements (mathematical simulation of measurements, experimental investigations); methods of mathematic processing and interpretation of measurements' results; complex application of geophysical methods and specialised equipment as well. Basic principles of the effectiveness of the complex archaeometric researches, including physical-geological and archaeological conditions of geophysical methods' application, impediments and the prospects of the geophysical methods used are formulated and the main methodological problems discussed.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 89–98

ФУНКЦИИ СТРЕЛ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ИНВЕНТАРЕ "ДРУЖИННЫХ КУРГАНОВ"

© 2004 г. А. А. Фетисов

Российский Государственный Гуманитарный Университет, Москва

Вопросы, связанные с кругом дружинных древностей, в отечественной науке сегодня очень актуальны в силу неразрешенности многих из них. Одной из важных задач остается выделение критериев "дружинных курганов". При том, что круг этих памятников уже определен и материалы "дружинных курганов" используются исследователями, их устойчивые признаки не ясны. Те или иные курганы относят к кругу "дружинных", как правило, из–за присутствия оружия или элементов "дружинной культуры" (детали поясной гарнитуры, торговый инвентарь, вещи скандинавского происхождения и др.) в погребальном инвентаре.

Оружие в инвентаре погребения – один из самых ярких социальных индикаторов. Именно поэтому предметам вооружения при определении "дружинного" погребения традиционно отводится ключевая роль.

Говоря о социоинформативности погребального памятника, необходимо отметить, что погребальная обрядность отражает не столько объективную реальность, существующую в обществе, сколько представление общества об этой реальности (Ольховский, 1995. С. 91; Петрухин, Раевский, 1980. С. 31).

Среди дифференцирующих признаков, характеризующих погребальные комплексы, можно выделить такие элементы, которые трактовались самим обществом в качестве социальных индикаторов, призванных отразить существующие социальные концепции (Петрухин, Раевский, 1980. С. 32). Предметы вооружения в погребении показывают то место, которое занимал погребенный в социальной концепции общества, члены которого сочли необходимым сопроводить погребение оружием. Оружие здесь выступает как некий "символ", социальный маркер "дружинного" погребения.

Не род занятий, а именно *место, занимаемое в социальной концепции общества*, определяют присутствие оружия в "дружинном" погребении. При этом остается ряд вопросов, требующих разрешения: любые ли предметы вооружения в погребении определяют его как "дружинное", и можно ли выделить какой-то набор предметов вооружения, достоверно маркирующий "дружинное" погребение?

В данной работе будут рассмотрены возможные функции стрел в погребальном инвентаре "дружинных курганов".

Выделение погребений, в которых из оружия присутствуют только стрелы, в отдельную условную группу продиктовано тем положением, которое сложилось в отношении критериев "дружинных курганов". Присутствие предметов вооружения в инвентаре, как уже было сказано, традиционно дает исследователям основание определять погребение как "дружинное". Стрелы же являются самым спорным элементом при таком определении: можно ли относить к "дружинным" погребение, содержащее в инвентаре из предметов вооружения только стрелы? Если стрелы в таких погребениях не маркируют захоронение дружинника (или человека относящегося к дружинной среде), то какое значение они здесь имеют? Являются стрелы в данном случае социальным индикатором или же выполняют иные функции?

При исследовании "дружинных" погребений эти вопросы достаточно важны, так как погребения с одиночными стрелами составляют большой процент от общего количества погребений с оружием.

В историографии неоднократно высказывалось мнение, что такая категория оружия, как стрелы, не является сама по себе признаком "дружинного" погребения. Об этом говорил А.А.Горский, отметив, что если находки в погребениях мечей, копий, топоров и других определенно указывают на принадлежность погребенного к дружине, то "менее обосновано отнесение к дружинным погребений, в которых обнаружен такой тип оружия, как стрелы (если наконечники стрел не сочетаются с другими видами вооружения)" (Горский, 1989. С. 28).

Подобную точку зрения сформулировала и Т.А. Пушкина. Рассматривая случаи сочетания торгового инвентаря и предметов вооружения в погребениях Гнездова, она отметила, что при таком сочетании большинство погребений нельзя атрибутировать как воинские, поскольку комплекс вооружения чаще всего представлен 1–2 стрелами (Пушкина, 1990. С. 234).

В отечественной историографии существовал и противоположный взгляд на стрелы в погребальном инвентаре. О большом значении стрел при выделении "дружинных курганов" говорил еще в 1960-х годах М.Х. Алешковский, привлекая для этого текст договора с греками 944 г., где стрелы упоминаются в клятве руси. Он также отмечал, что "часто стрелы являются единственным видом оружия в дружинном погребении..." (Алешковский, 1960. С. 88–90).

Д.И. Блифельд также, вероятно, считал, что стрелы могут являться единственным видом оружия в инвентаре дружинного погребения в том случае, если они сочетаются с предметами "дружинной культуры". Судя по всему, именно на этом основании он относил в Шестовицком могильнике к дружинным те погребения, которые из предметов вооружения содержали только стрелы (Бліфельд, 1977) (как правило, по две) и предметы "дружинной культуры" (кург. № 10, 15, 18, 38/2, 40, 102, 144).

При рассмотрении погребальных комплексов, содержащих из предметов вооружения только стрелы, удалось составить выборку как по материалам "дружинных центров", так и по материалам менее представительных дружинных памятников на различных территориях.

Необходимо отметить хронологический разрыв между группами выделенных нами памятников. Если материалы "дружинных центров" (Гнездово, Шестовицы, Киев и др.) относятся к периоду конца IX в. (Плакун) конца X в., то представленные в нашей выборке погребения "сельских" могильников (на территории древлян, Волыни, Северо-Западной Руси) и курганы Приладожья относятся к XI в. (реже – к концу X в.). Эта хронологическая разница подразумевает не только разные этапы социально-политического развития, но и разные этапы развития курганных древностей.

В Гнездово из 101 кургана, содержащего погребения с предметами вооружения, 49 курганов содержат в инвентаре из оружия только стрелы (Каинов, 1996). В нашей выборке использованы только опубликованные комплексы (Сизов, 1902; Спицын, 1905; Авдусин, 1952; 1957; 1970; Каменецкая, 1991; Ширинский, 1999).

В Шестовицах известно 7 погребений интересующего нас характера, из 30 курганов, определенных Д.И. Блифельдом как "дружинные" (3 из них являются кенотафами, два из которых содержат захоронения коня) (Бліфельд, 1977. С. 92–99).

В Киеве, по материалам М.К.Каргера, известны 3 погребения из 22, содержащих оружие в инвентаре или содержащих камеру (Каргер, 1958) (погребения № 37, 106, 121). На правобережье Днепра известны 6 погребений, содержащих в инвентаре из предметов вооружения только стрелы (Быково, Белев, Теремно, Горка Полонная) (Мельник, 1902. С. 527–532, 553, 563, 564; Антонович, 1893. С. 43, 44).

Одно погребение, содержащее стрелу, известно на могильнике Плакун (Назаренко, 1985. С. 165–169), и 14 курганов со стрелами известны в Юго-Восточном Приладожье (см. Приложение; нумерация приладожских курганов дана по С.И. Кочкуркиной), где насчитывается 72 кургана, содержащих предметы вооружения (Кочкуркина, Линевский, 1985; Кочкуркина, 1989).

В могильниках Ярославского Поволжья известны 19 погребений с одиночными стрелами (Ярославское Поволжье..., 1963). В некрополе Пскова известны два интересующих нас кургана (Лабутина и др., 1981. С. 74; Милютина, 1996. С. 159).

Также в нашей выборке представлены погребения "сельских" могильников, лежащих в стороне от торговых путей и раннегородских центров (Грехов Ручей, Павлов Погост, Калихновщина, Демьянка, Гущин (см. Приложение)). При анализе материалов погребений выборки, естественно, необходимо будет учитывать их хронологическую, региональную и социальную специфику.

В рассматриваемой выборке (103 захоронения в 102 курганах) представлены погребения конца IX–XII в.

По обряду захоронения в большинстве случаев погребения со стрелами – это кремации (63%), ингумации составляют 31% (в 6% случаев способ захоронения неопределим либо информация о нем отсутствует). Половозрастная принадлежность погребенных принимается на основании указаний авторов раскопок или в тех случаях, когда о ней однозначно свидетельствует погребальный инвентарь. В связи с этим важно отметить, что восемь погребений со стрелами в нашей выборке являются женскими (Горка Полонная № 7; Белев № 33; Плакун № 6 (Стальсберг, 1998. С. 279); Ганьково № 448; Вахрушево-2 № 608; Тимерево № 302 (предположительно); Петровское № 73/2, Михайловское № 12/1938), причем только в одном случае женщина похоронена вместе с мужчиной (Петровское № 73/2); и два погребения предположительно являются детскими (Гнездово Поль-6 и Поль-18).

Характер сопутствующего инвентаря в интересующих нас погребениях далеко не всегда способен помочь атрибутировать их как воинские или какие-либо другие. Одиночные стрелы сочетаются с самыми разнообразными категориями предметов. Это и предметы "дружинной культуры" и разнообразные бытовые предметы.

В Гнездово по материалам нашей выборки одиночные стрелы чаще всего сочетаются с такими категориями предметов как гирьки (8 случаев сочетания), ледоходные шипы (8 случаев), ножи (8), детали поясной гарнитуры – бляшки (7), пряжки (8), наконечники пояса (4), поясные кольца (3), гвоз-

ди (8), пуговицы (6), кресала (5), оселки (4), фрагменты костяных гребней (4), подковообразные фибулы (4). Реже (от 1 до 3 случаев сочетания) встречаются различного рода оковки и обоймицы, фрагменты дирхемов, железные заклепки, костяные острия, фрагменты цепочек, игральные шашки, оковка ларца, бубенчик, ключ, ручка от шкатулки.

В Шестовицах преобладает сочетание стрел с деталями поясной гарнитуры – поясные бляшки (4 случая), наконечники пояса (3); из других категорий предметов встречаются гирьки (2), оселки (2), пуговицы (2), ножи (2), части конской сбруи (удила (1) и фрагмент уздечки (1)), а также (по одному случаю): височное кольцо и лунница (в парном погребении), кресало, ножницы, серебряное кольцо, бусина, фрагменты костяной орнаментированной пластины, ушко от ведра. Материал трех погребений Киева (№ 37, 106, 121) малоинформативен, поскольку происходит из разрушенных курганов.

Погребения со стрелами Волыни в большинстве своем безынвентарны (см. ниже) и более поздние (XI в.).

В интересующих нас курганах Приладожья (включая Плакун) стрелы сочетаются с ножами (8 случаев), кресалами (3), браслетами (3) и перстнями (3), встречаются также (1–2 случая сочетания) гривны, монеты и монеты-подвески, бубенчики, подковообразные фибулы и фрагменты костяных гребней, лунница, ладейная заклепка, височное кольцо, бисер, фрагменты цепочки, наконечник пояса, пряжка, поясные кольца, бусы, щитообразная подвеска.

В могильниках Ярославского Поволжья стрелы в погребениях сочетаются с ледоходными шипами (7 случаев), ножами (6), фрагментами костяных гребней (6), бусами (в парных погребениях) (6), глиняными лапами (5), ключами (4), деталями поясной гарнитуры – поясные бляшки (2), наконечник пояса (1), пряжки (3), гвоздями (3), гирьками (3). Встречаются также (от 1 до 2 случаев сочетания) пуговицы, фрагменты замков, лодочные заклепки, астрагалы бобра, бубенчики, оселок, ножницы, обломок косы, фрагменты обоймы и оковок, фибула с длинной иглой, женские украшения (шумящие привески, височное кольцо, овальная фибула).

В связи с подавляющим преобладанием кремаций не удается выявить какие-либо закономерности в расположении стрел относительно погребенных или предметов погребального инвентаря.

Для решения поставленной задачи необходимо определить, каким образом стрела входила в символическую систему раннего средневековья, могла ли она выполнять какие-либо обрядовые функции и каково было ее знаковое содержание[1]. Для освещения этих сюжетов необходимо обратиться в первую очередь к письменным и этнографическим источникам, которые дают возможность разделить знаковое содержание стрелы на два крупных блока:

1. Стрела как элемент мифологических языческих обрядов.

2. Стрела как "социальный" символ, входящий в качестве предмета вооружения в общую символику "дружинной культуры".

Мифологическое, обрядовое содержание стрелы связано в первую очередь с языческими представлениями о магических функциях острых железных предметов.

Языческий обряд с использованием стрел описывает Константин Багрянородный в 9-й главе "Об управлении империей" у росов, спускающихся по Днепру до острова Хортица: "На этом острове они совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют и стрелы они вокруг [дуба], а другие – кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай" (Константин Багрянородный, 1989. С. 49). В данном случае стрелы, втыкавшиеся по кругу, ограждали сакральную территорию, на которой совершался ритуал. Важно также отметить, что дуб традиционно считается деревом громовника Перуна, а стрелы – его основным атрибутом и оружием (Иванов, Топоров, 1974. С. 85, 86).

Традиционно в обрядах в качестве основных носителей магических свойств выступают металлические предметы, имеющие какие-то острые или режущие части (топоры, серпы, косы, сошники, ножи). Их использование в обрядах связано с представлениями о символической "железной ограде", которая образовывается путем каких-либо действий с острыми металлическими предметами. Формируется пространство, ограниченное "железной оградой" и ставшее вследствие этого недоступным для проникновения враждебных человеку сил.

Н.А. Макаров показал, что подобный обряд использовался на Руси при сокрытии клада (Макаров, 1981). Во многих кладах на древнерусской территории помимо собственно серебра находятся различные "посторонние" предметы. В качестве примера Н.А. Макаров называет гнездовский клад 1867 г., в который был помещен клинок меча[2], в киевском кладе горшок с вещами стоял на топоре, в клад у дер. Терехово Болховского уезда был помещен железный сошник (Макаров, 1981.

[1] Методика изучения знаковых аспектов предметов в культуре разработана в этнографической литературе (Байбурин, 1981; Топорков, 1989).

[2] Как показала Т.А. Пушкина, меч не входил в состав клада (Пушкина, 1998. С. 372–374). Однако необходимо отметить, что в состав гнездовского клада 1993 г. входил нож. (Клад был плотно уложен и, вероятно, завернут в бересту. Нож был воткнут в этот сверток сверху (Пушкина, 1996. С. 171).)

С. 262, 263). Использование этих предметов при сокрытии клада, по предположению Н.А. Макарова, происходило следующим образом: укрываемое имущество очерчивалось топором, ножом или сошником, в результате чего клад заключался в магический круг, недоступный либо посторонним людям, либо враждебным потусторонним силам. Причем, что особенно важно, этот же предмет помещался затем и в сам клад.

Как показывают этнографические материалы, подобная символическая защитная "железная ограда" использовалась и во многих других обрядах. Еще в XIX в. она применялась при борьбе с болезнями в Вологодской губ. Вокруг дома, где жил больной, обходили трижды с железной сохой, бороздя землю. При этом считалось, что болезнь не сможет перейти за черту обхода (Иваницкий, 1890. С. 113).

Феномен "железной ограды" использовался в XIX в. и в погребальном обряде. В той же Вологодской губ. при прощании с покойником один из родственников обходил три раза гроб с топором в руках, держа его лезвием вперед (Иваницкий, 1890. С. 115) и создавая таким образом замкнутое магическое пространство.

Так же "железную ограду" использовали карелы, чтобы обезопасить себя во время святочных гаданий: вокруг себя они очерчивали замкнутую окружность косой, топором или ножом (Лавонен, 1977. С. 76).

Этнографический материал народов азиатской части России, где семиотический статус стрелы был гораздо выше и как бытовой предмет они существовали дольше, дает нам множество примеров использования стрелы в обрядовой сфере.

Алтайцы, чтобы отгонять нечистые силы, похищающие младенцев, кладут в люльку плеть, стрелу и колючее растение. С этой же целью в люльку часто помещают и другие острые предметы, например нож или ножницы. Буряты кладут овечьи ножницы и в пустую люльку – в этом случае злой дух не может занять люльку младенца, как бы "вместив" его (Веселовский, 1921. С. 277). Н.И. Веселовский предполагал, что на Руси также клали острые железные предметы в люльки к младенцам для защиты от нечистой силы (Веселовский, 1921. С. 278).

Стрела в Северо-Восточной Азии также использовалась при похоронных обрядах. Когда покойника у северных бурят доставляли к месту сожжения, одну стрелу из его колчана выстреливали назад; по возвращении эту стрелу брали с собой в дом. "Едва ли можно сомневаться, – пишет Н.И. Веселовский, – что в переднем пути стреляют назад с целью отогнать злого духа, который... следует за похоронной процессией сзади" (Веселовский, 1921. С. 287).

Стрела также активно используется в свадебных защитных обрядах. На свадьбе у северных бурят в столб юрты, где проходит торжество, втыкается стрела для защиты новобрачных от потусторонних сил. Иногда в этом ритуале стрела заменяется ножом (Хангалов, 1891. С. 164).

Большинство защитных действий со стрелой в свадебных обрядах производится с невестой. В случае отсутствия жениха на свадьбе его место занимает стрела; невеста в свадебном шествии в этом случае несет стрелу, поскольку она мешает злым духам занять место жениха (что перекликается с обычаем помещать в пустую люльку ножницы для "закрепления" этого места за младенцем).

Обилие сходных, зачастую практически идентичных обрядовых действий, имеющих одну основу (защита от потусторонних сил с помощью острых металлических предметов), позволяет говорить о единстве и общих корнях этих представлений у разных народов, что делает приводимые аналогии вполне правомерными.

"Социальная" (условно) символика стрел гораздо менее разнообразна. Это обусловлено тем, что "социальный" аспект значения стрелы можно проследить только по аутентичным письменным источникам и данные этнографии здесь неприменимы. По письменным источникам удалось проследить несколько случаев, когда стрела выступает как знак.

В первую очередь – это "ратная стрела", которая упоминается в скандинавских источниках и является символом войны. "Ратная стрела" упоминается в "Саге об Эгиле" и в "Саге о Йомсвикингах", а также дважды в "Круге Земном" в сагах о Хаконе Добром и об Олаве сыне Трюггви. "Ратная стрела", вероятно, представляла собой стрелообразную палочку, которая рассылалась по землям для оповещения о начале войны и для сбора войск.

Судя по всему, "ратная стрела" появилась еще в родовом скандинавском обществе и рассылалась бондами как знак созыва на тинг (Гуревич, 1999. Т. 1. С. 93), а позже перешла в раннегосударственную символику как знак для сбора войск.

Сложно сказать, насколько символика "ратной стрелы" может соотноситься с древнерусским материалом, но, учитывая активный скандинавский компонент в "дружинной культуре" Древней Руси, "ратную стрелу" как социальный символ необходимо учесть.

Присутствие стрел в собственно древнерусской дружинной символике можно проследить по материалам русско-византийских договоров X в. В формуле "клятвы русов" неоднократно упоминается оружие, на основе которого осуществляется сама клятва. Среди этого оружия присутствуют и стрелы.

Клятва Руси, приведенная в Повести временных лет, судя по всему, имела устойчивую формулу, которую Русь использовала при заключении договоров. Один из элементов этой клятвы – предметы вооружения – были представлены определенным и всегда последовательным набором: щиты, мечи, стрелы ("и иное оружье"). Естественно, выделение именно этих предметов вооружения не было случайнм: участвуя в клятве, они "легитимизировали" ее вместе с Перуном и Волосом (другими обязательными элементами клятвы Руси). Оружие в клятве имеет своеобразные карательные функции. Смысл клятвы оружием заключается в том, что Русь в случае нарушения договора признает для себя в качестве наказания смерть от собственного оружия (т.е. – от оружия, перечисленного в клятве). "....Да не ущитятся щиты своими, и да посъчени будут мечи своими, от стрѣлъ и от иного оружья своего..." (Повесть временных лет, 1996. С. 24).

Учитывая тот факт, что первоисточником наказания в клятве является в первую очередь Перун, к авторитету которого обращается Русь, то набор оружия, которым могут быть наказаны клятвопреступники, так же приобретает сакральный характер, т.е. можно предполагать определенную сакрализацию стрел (боевого оружия) как одной из частей языческой клятвы.

Говоря о "социальной" символике стрел, можно отметить, что в большинстве случаев они не выступают как самостоятельный символ и всегда связаны с различного рода ритуалами стрельбы из лука. Такие ритуалы связаны с властной элитой и имеют определенный "политический контекст" (коронационный ритуал, утверждение сакрального могущества и др.). Подобные ритуалы отмечает Д.С. Раевский, интерпретируя изображения лучников на бляшках из Куль-Обы (Раевский, 1981. С. 46). В.Я. Петрухин видит отражение подобного ритуала в изображении на ритоне из Черной могилы, которое он интерпретирует как эпический мотив борьбы кагана с соперником (Петрухин, 1995. С. 181–193).

Вероятнее всего, можно согласиться с атрибуцией погребений со стрелами как "дружинных" при условии сочетания стрел с предметами "дружинной культуры". Это предположение подтверждают два обстоятельства:

1. Сочетание в погребальном инвентаре одиночных стрел с предметами "дружинной культуры" встречается только на крупных "дружинных" или принадлежащих раннегородским центрам могильниках (Гнездово, Шестовицы, Ярославское Поволжье). Погребения, содержащие в инвентаре из предметов вооружения только стрелы, и включающие также детали поясной гарнитуры или торговый инвентарь, не встречаются за пределами указанных могильников, т.е., в стороне от Днепровско-Балтийского и Волжско-Балтийского торгово-коммуникационных путей. Такого сочетания нет даже в богатом на воинские погребения Юго-Восточном Приладожье[3].

2. В тех случаях когда одиночные стрелы сочетаются с деталями поясной гарнитуры, в инвентаре погребений содержится как правило две и более стрел. В Гнездово из 11 случаев такого сочетания только в двух курганах (Ц-40 и Абр. 1905/12) содержится по одной стреле; в остальных случаях – от двух до пяти (для Гнездово В.В. Мурашева отмечает, что наборные пояса в целом коррелируют в первую очередь именно со стрелами (Мурашева, 1993. С. 33–35)). В Шестовицах из 6 случаев такого сочетания одна стрела присутствует лишь в кург. № 40; в остальных случаях – по две. В Ярославском Поволжье случаев подобного сочетания практически нет, поскольку там интересующие нас курганы содержат в основном по одной стреле. На материалах Киева каких-либо закономерностей в этом отношении проследить не удается.

В связи с указанными особенностями, вероятно, вполне возможно отнести те погребения Гнездова, Шестовиц и Ярославского Поволжья, в которых помимо стрел содержатся предметы "дружинной культуры", к дружинной среде. В этих случаях стрелы, как отмечено выше, выполняют роль социальных индикаторов, указывая то место, которое занимал погребенный в социальной концепции общества.

В остальных случаях атрибутировать погребения с одиночными стрелами как воинские бывает довольно трудно (если эти погребения не содержат предметы "дружинной культуры"). Безусловно, каждый такой комплекс необходимо рассматривать индивидуально, исходя из региональных особенностей расположения могильников и их внутренней социальной топографии.

Из общего массива погребений со стрелами можно выделить ряд курганов, в которых присутствие стрел продиктовано не социальной принадлежностью умерших, а определенными мифологическими представлениями и защитными ритуалами. Защитная функция стрел (и острых металлических предметов в целом) уже была рассмотрена выше на этнографических материалах и в сообщениях письменных источников. В рассматриваемой выборке погребений можно выделить несколько случаев, в которых стрелы несут именно такую семиотическую нагрузку.

Эти погребения всегда лежат в стороне от торговых путей и раннегородских центров. Почти во всех случаях они малоинвентарны или безынвентарны. Большая часть их относится к XI в., но при

[3] В нашей выборке исключение составляет только могильник Балдино кург. № 495, содержащий помимо наконечника стрелы два бронзовых наконечника пояса, пряжки и два бронзовых поясных кольца (Кочкуркина, 1989. С. 108).

этом в некоторых случаях защитную функцию металлических предметов можно проследить и на материале погребений X в. (хотя эту роль не всегда выполняют именно стрелы).

Интересующие нас погребения находятся на могильниках правобережья Днепра, в междуречье Стыри и Горыни (Горка Полонная, Теремно, Белев), левобережья Днепра (Демьянка (Гомельская обл.)), а так же, возможно, Тимерево, Петровское, Вахрушево-2 (Юго-Восточное Приладожье) и Гнездово (Поль-6 и Поль-18).

Могильники Горка Полонная, Теремно и Белев были раскопаны Е.Н. Мельник в 1890-х годах. В Горке Полонной в кург. № 7 – женское погребение, ингумация без гроба, в инвентаре присутствовали две бусины у шеи и ромбовидный наконечник стрелы на груди (Мельник, 1902. С. 553). В Теремно в кург. № 5 – ингумация без гроба (выше уровня горизонта) (Мельник, 1902. С. 564), посыпанная углем, в инвентаре – тонкий железный стержень и наконечник стрелы[4]. В Белеве три кургана (№ 13, 19, 33) содержат захоронения в гробу без инвентаря (Мельник, 1902. С. 527, 532). В каждом из погребений находилось по одному наконечнику стрелы. Кург. № 33 содержал женское захоронение.

В могильнике у с. Демьянки Гомельской обл. интересующий нас кург. № 15 содержал ингумацию в могильной яме (2.3 м × 1.1 м × 0.14 м). На костяке, ориентированном головой на запад, сохранилось много древесной трухи, видимо остатки гробовища. Справа от умершего на уровне таза в дно ямы была воткнута наконечником вниз ромбовидная железная стрела (Соловьева, 1967. С. 196).

В Гнездово к интересующим нас курганам с большой долей вероятности можно отнести Поль-6 и Поль-18, содержащие, по предположению Е.В. Каменецкой, погребения детей. Поль-6 – трупосожжение на месте с двумя урнами кальцинированных костей, между которыми находился ромбовидный наконечник стрелы. В погребальный инвентарь входили также нож, железный трехконечный ледоходный шип и неопределенный железный предмет (Каменецкая, 1991. С. 164, 165). Поль-18 – трупосожжение на месте с урной и погребальным инвентарем: ромбовидный наконечник стрелы, железный ключ, ручка от шкатулки, костыльковая цепочка, неопределенные железный и бронзовый предметы (Каменецкая, 1991. С. 166). Так же как и предыдущий, курган содержал захоронение ребенка.

В Тимерево кург. 302, содержавший, вероятно, женское захоронение (кремация), имел в инвентаре помимо ланцетовидного наконечника стрелы, две стеклянные и одну сердоликовую бусины, железный гвоздь и лепной неорнаментированный сосуд (Ярославское Поволжье..., 1963. С. 117). В Петровском в интересующем нас кургане № 73 находилось парное захоронение мужчины и женщины (кремация). Мужское захоронение малоинвентарно (венчик лепного сосуда и фрагмент бронзового предмета), женское, помимо наконечника стрелы содержало четыре железных шипа, железное прямоугольное в сечении кольцо, бронзовую шумящую привеску, состоящую из трех касательных окружностей, с подвешенными к ней двумя бутылкообразными привесками, фрагмент еще одной такой же привески, бронзовый бубенчик с крестообразной прорезью, бронзовую овальную фибулу, четыре привески из астрагалов бобра, семь хрустальных бусин и др. (Ярославское Поволжье..., 1963. С. 130). В Михайловском могильнике в кург. № 12/1938 – ингумация женщины 40–50 лет, инвентарь составлял проволочное кольцо с заходящими концами и два железных крюка у черепа и наконечник стрелы-срезня у ног (Ярославское Поволжье..., 1963. С. 139).

В Юго-Восточном Приладожье кург. № 608 (по: Бранденбург, 1895. С. 131. – CXVII) курганной группы Вахрушево-2 содержал два женских и мужское погребения, два слоя кальцинированных костей и очаг с сосудом и наконечником копья. Мужское погребение, содержавшее в инвентаре топор, можно отнести к воинским. Интересующее нас женское погребение (определенное С.И. Кочкуркиной как скандинавское) помимо стрелы содержало так же серебряную пластинчатую гривну, ожерелье из бус и монет, три маленькие подковообразные фибулы, четыре бубенчика, пластинчатый серебряный браслет, серебряный перстень, нож, овальную фибулу (117 ЯП) и остатки ткани (Кочкуркина, 1989. С. 180–182).

Стрелы в инвентаре рассмотренных курганов, вероятно, можно связать с защитными ритуалами. Здесь могло иметь место описанное выше явление "магической ограды" – защита умершего от потусторонних сил при помощи острых железных предметов, когда "магическая ограда" создавалась путем очерчивания стрелой круга вокруг погребенного и помещения затем этой стрелы в погребение.

Наиболее ярко это выражено в погребениях Днепровского Правобережья, на Волыни (Горка Полонная, Теремно, Белев). Выделенные на этих территориях погребения со стрелами определенно не могут являться воинскими: они не содержат никакого другого вооружения, кроме стрел, они малоинвентарны или безынвентарны, а в двух случаях женские.

Использование острых железных предметов в защитных целях можно предположить для гораздо более широкого круга памятников правобережья

[4] К сожалению, Е.Н. Мельник не всегда указывает точное расположение предметов погребального инвентаря.

Приложение. Анализируемая выборка курганов

Могильник	№ в курганной группе	Обряд	Пол/возраст	Количество стрел
Гнездово	Сок. 1882\4	тс		1
	Сок. 1882\28	тс		3
	Сок. 1882\32	тс		1
	Сок. 1882\84	тс		1
	Сок. 1882\95	тс		1
	Сок. 1882\101	тс		3
	Сок. 1882\97	тс		2
	Сок. 1882\103	тс		7
	Сок. 1882\112	тс		2
	Сиз. 1896\8	тс		4
	Сиз. 1896\21	тс		1–2
	Л-33	тс		2
	Л-44	тс		1
	Л-46	тс		3
	Л-80	тс		5
	Сиз. 1896\18	тс		2
	Сиз. 1896\49	тс		1
	Сиз. 1896\57	тс		1
	Сиз. 1896\64	тс		1
	Сиз. 1896\71	тс		1
	Сер. 1899\12	тс		1
	Сер. 1899\21	тс		2
	Сер. 1899\26	тс		3
	Сер. 1899\28	тс		2
	Сер. 1900\80	тс		3
	Ц-3	тс		3
	Ц-40	тс		1
	Поль-6	тс	реб.(?)	1
	Поль-18	тс	реб.(?)	1
	Поль-60	тс		1
	Поль-83	тп		1
	Сер. 1901\91	тс		1
	Абр. 1905\12	тс		1
Шестовицы	№ 10	тсм		неск.
	№ 15	тс		
	№ 18\1		м/ж	2
	№ 38\2	тп	ж/м	2
	№ 40	тсм	м	1
	№ 102			
	№ 144	тсм	м	2
Киев	№ 37	тп	м	1
	№ 106	тп		1
	№ 121	тс		1
Горка Полонная	№ 7 (Е.Н. Мельник)	тп	ж	1
Теремно	№ 5 (Е.Н. Мельник)	тп		1
Белев	№ 13 (Е.Н. Мельник)	тп		1
	№ 19 (Е.Н. Мельник)	тп		1
	№ 33 (Е.Н. Мельник)	тп	ж	1
Гочево	№ 1 (П.С. Рыков)	тп		1
	№ 56 (П.С. Рыков)	тп		1
	№ 16 (Д.Я. Самоквасов)	тп		1
	№ 17 (Д.Я. Самоквасов)	тп		1

Приложение. Окончание

Могильник	№ в курганной группе	Обряд	Пол/возраст	Количество стрел
	№ 18 (Д.Я. Самоквасов)	тп		2
	№ 19 (Д.Я. Самоквасов)	тп		1
	№ 20 (Д.Я. Самоквасов)	тп		1
	№ 21 (Д.Я. Самоквасов)	тп		1
	№ 22 (Д.Я. Самоквасов)	тп		1
	№ 128 (Д.Я. Самоквасов)	тп		1
Плакун	№ 6 (В.А. Назаренко)	тп(?)	ж	1
Грехов Ручей	№10 (И.А. Тихомиров)			1
Ясень	(В.З. Завитневич)			1
Павлов Погост	№ 220\1 (В.Н. Глазов)	тп	м/ж	1
Калихновщина	№ 310 (В.Н. Глазов)	тс		1
	№ 312 (В.Н. Глазов)	тс		1
Карлуха-1	№ 33	тс		1
Чемихино	№ 327	тс		1
Ганьково-3	№ 448	тп	ж	1
Рочевщина	№ 484	тп		
Балдино	№ 495	тп	м	1
Сязнега-1	№ 521	тп		1
Сязнега-2	№ 524	тс		1
Сязнега-11	№ 552	тп	м	1
Вихмязь	№ 566/1.3	тс	м	7
	№ 567	тс	м	1
Кучевский ручей	№ 576	тс		1
	№ 577			2
Кирилино	№ 582	тп		1
Вахрушево-2	№ 608	тп	ж	1
Псков	№ 9	тс		1
	№ 63	тс		1
Тимерево	№ 46	тсм	м	1
	№ 54	тсм	м	1
	№ 171	тсм		1
	№ 208	тсс		1
	№ 302	тсм	ж(?)	1
	№ 304	тсм	м	1
	№ 325/1	тсм	м/ж	1
	№ 360	тсм		1
	№ 374	тсм		2
	№ 383	тсм	м	1
Петровское	№ 59/1	тсм	м	3
	№ 69а	тп		1
	№ 73/2	тсм	м/ж	1
	№ 76	тсм		1
	№ 111	тсм		1
Михайловское	№ 2/1897	тсс		1
	№ 11/1898	тсм	м/ж	2
	№ 12/1938	тп	ж	1
	№ 3/1961	тсм		1
	№ 216/1961	тсм	м	1
Демьянка	№ 15 (Г.Ф. Соловьева)	тп		1
Гущин		тп		1

Примечание. Сок. – раскопки В.Д. Соколова, Сиз. – раскопки В.И. Сизова, Сер. – раскопки С.И. Сергеева, тс – трупосожжение, тсс – трупосожжение на стороне, тсм – трупосожжение на месте, тп – трупоположение, м – мужское захоронение, ж – женское захоронение, реб. – захоронение ребенка.

Днепра. Е.Н. Мельник для Волыни и В.В. Хвойко для древлянских и киевских территорий указывали в качестве распространенной черты погребального обряда "втыкание" гвоздей в землю рядом с погребенными. Е.Н. Мельник отдельно отмечала, что в некоторых погребениях Волыни помещены гвозди по контурам тела погребенного (у локтей и кистей рук, у колен) (Мельник, 1902. С. 532 – 540). Отмечая подобную особенность для древлянских территорий и имея в виду особенность положения гвоздей, В.В. Хвойко предположил, что ими прибивали к земле какую-то рогожку над телом погребенного (Каргер, 1958. С. 156). Отсутствие точных указаний на расположение гвоздей не дает нам возможности уверенно сказать были гвозди в данном случае остатками гробовища или же выполняли защитную функцию.

Дополнительные подтверждения высказанному предположению о защитной функции стрел можно увидеть на материалах могильника у с. Демьянки. В кург. № 4 (женское погребение), в центре кострища в землю был воткнут железный серп (Соловьева, 1967. С. 189, 190). Погребение датировано автором раскопок X в. В кургане № 23 того же могильника в дно могильной ямы, где была похоронена девочка, были воткнуты два железных ножа (Соловьева, 1967. С. 197). Здесь острые железные предметы в сочетании с ритуалом втыкания их в землю могут быть предположительно определены как защитные.

В связи с последними примерами необходимо учесть в целом роль ритуала втыкания в общеславянских мифологических представлениях. Согласно этим представлениям, "с помощью втыкания в землю определенный участок культурного пространства ограждают от проникновения злых сил" (Славянские древности..., 1995. С. 458).

Подобные ритуалы дожили и до последнего времени. Во Фракии болгары заколачивают гвоздь в доме на месте, где находилась голова покойника. В Западной Болгарии, после выноса лежавшего на полу мертвеца, заколачивали гвоздь туда, где была голова покойника, а на шляпку гвоздя клали топор. У сербов, македонцев и украинцев отмечен обычай забивать гвоздь в доме после выноса покойника на том месте, где он лежал (Славянские древности..., 1995. С. 493, 494).

Использование острых железных предметов в качестве оберегов отмечено на некоторых катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989. С. 192; Аксенов, 2002. С. 99).

При попытке определить субъекты воздействия защитных функций острых металлических предметов особенно интересны два случая с погребениями детей на могильнике у с. Демьянки (кург. № 11, 23), поскольку они имеют смысловые аналогии с курганами Поль-6 и Поль-18, где также погребены дети и где стрелы в погребальном инвентаре тоже могут иметь защитную функцию. Здесь уместно будет вспомнить описанные выше этнографические наблюдения конца XIX в. (защита младенцев от злых сил при помощи острых предметов).

Можно предположить, что наиболее часто железные предметы (в частности, стрелы) в их защитной функции использованы также в женских погребениях (женские погребения Горки Полонной и Теремно, Тимерева, Петровского, Михайловского, Вахрушево-2, Демьянки). Обращаясь к этнографическим параллелям, в связи с этим можно вспомнить, что при свадебных обрядах магические действия стрелой производились прежде всего с невестой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусин Д.А. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 г. // МИСО. 1952. Вып. 1.

Авдусин Д.А. Отчет о раскопках гнездовских курганов // МИСО. 1957. Вып. 2.

Авдусин Д.А. Отчет о раскопках в Гнездове в 1957–1960 гг. // МИСО. 1970. Вып. 7.

Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. 2002. № 3.

Алешковский М.Х. Курганы русских дружинников XI – XIII вв. // СА. 1960. № 1.

Антонович В.Б. Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян // МАР. 1893. № 11.

Байбурин А.К. Семиотический статус вещей // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1981. Вып. XXXVII.

Бліфельд Д.І. Давньоруськи пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977. № 18.

Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья // МАР. 1895.

Веселовский Н.И. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение // ЗВОРАО. 1921. Т. 25. Вып. 1–4. Пб., 1921.

Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989.

Гуревич А.Я. Избранные труды. Т. 1. М.; СПб., 1999.

Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губ. // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. II. М., 1890.

Иванов В.В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Каинов С.Ю. Оружие Гнездовского археологического комплекса. Дипломная работа. Кафедра археологии МГУ. М., 1996.

Каменецкая Е.В. Заольшанская курганная группа Гнездова // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М., 1991.

Каргер М.К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

Кочкуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси X–XI вв. Петрозаводск, 1985.

Кочкуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.

Лабутина И.К., Кильдюшевский В.И., Урьева А.Ф. Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.) // КСИА. 1981. № 166.

Лавонен Н.А. О древних магических оберегах // Фольклор и этнография. Л., 1977.

Макаров Н.А. Магические обряды при сокрытии клада на Руси // СА. 1981. № 4.

Мельник Е.Н. Раскопки в земле лучан. // Тр. XI АС. Т. 1. М., 1902.

Милютина Н.Н. О погребениях древнерусского некрополя Пскова // РА. 1996. № 3.

Мурашева В.В. Семиотический статус пояса в средневековой Руси // Средневековые древности Восточной Европы. Тр. ГИМ. 1993. Вып. 82.

Назаренко В.А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. № 2.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М., 1995.

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Социальная реальность – идеология – погребальный комплекс (к проблеме соотношения) // Конференция "Идеологические представления древних обществ". Тез. докл. М., 1980.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

Повесть временных лет. СПб, 1996.

Пушкина Т.А. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнездово. М., 1990.

Пушкина Т.А. Новый гнездовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. М., 1996.

Пушкина Т.А. Первые гнездовские клады: история открытия и состав // Историческая археология. М., 1998.

Рыков П.С. Отчет о раскопках, произведенных близ с. Гочево Курской губ. Обоянского уезда // Архив ИИМК. 1912. Ф. 1. № 116.

Раевский Д.С. Куль-обские лучники // СА. 1981. № 3.

Самоквасов Д.Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской обл. М., 1915.

Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии // МАР. 1902. № 28.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995.

Соловьева Г.Ф. Славянские курганы близ с. Демьянки // СА. 1967. № 1.

Спицын А.А. Гдовские курганы в раскопках Глазова // МАР. 1903. № 29.

Спицын А.А. Гнездовские курганы в раскопках И.С. Сергеева // ИАК. 1905. № 15.

Стальсберг А. О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.

Тихомиров М.А. Дневник роскопок, произведенных в Угличском уезде на Греховом ручье // Архив ИИМК. 1900. Ф. 1. № 82.

Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.

Хангалов М.Н. Несколько данных для характеристики быта северных бурят // ЭО. 1891. № 3.

Ширинский С.С. Указатель материалов курганов, исследованных В.И. Сизовым у д. Гнездово в 1881–1901 гг. // Гнездовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Ч. 1. М., 1999.

Ярославское Поволжье в IX–X вв. М., 1963.

Arrows in the "druzhina barrows" and their function as grave goods

A. A. Fetisov

Summary

The burials furnished with pieces of weaponry are traditionally interpreted as the graves of "druzhina" (the prince's guard) members, or, more generally, warriors. In the paper the author considers probable functions of one of the categories of grave goods – arrows. The artefacts are regarded in the mythological context of burial rite. Having drawn broad parallels from ethnographic materials and written sources, the author suggests a preliminary characteristic of the group of burials where arrows played the role of social indication, and those where arrows functioned as purely mythological objects endowed with protective function.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 99–102

ВРЕМЯ АКТИВНОСТИ ЛЮДЕЙ НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПО ДАННЫМ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ

© 2004 г. Д. Д. Соколов*, Л. Д. Сулержицкий**, В. Н. Тутубалин***

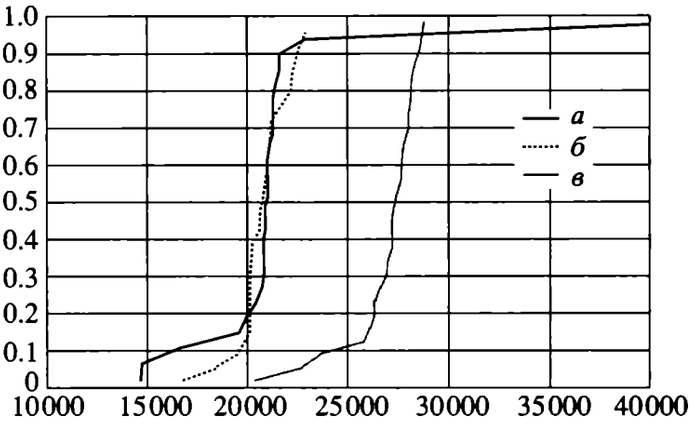
*Физический факультет МГУ, Москва
**Геологический институт РАН, Москва
***Механико-математический факультет МГУ, Москва

Со времени создания радиоуглеродного метода накоплен большой объем различных датировок палеолитических памятников (см., например: Радиоуглеродная хронология..., 1997; Праслов, Сулержицкий, 1999. С. 236), который позволил сформировать представления об их абсолютной периодизации. По мере накопления хронологического материала возникла проблема его рационального использования. Дело в том, что встречаются радиоуглеродные датировки, относящиеся к одному памятнику, расходящиеся существенно больше, чем это возможно с точки зрения погрешностей измерений, приписываемых индивидуальным цифрам возраста датируемых образцов. В то же время укоренившееся понимание археологической природы памятника, например известной стоянки Сунгирь (Позднепалеолитическое поселение Сунгирь..., 1998), противоречит представлению о длительном непрерывном обитании здесь людей. Объяснить это противоречие трудно в первую очередь потому, что до настоящего времени объекты радиоуглеродного датирования совершенно недостаточно соотнесены со структурой и стратиграфией памятника. Например, несколько десятков имеющихся радиоуглеродных датировок Сунгиря не удается локализовать на имеющихся планах и детально связать их с археологическим описанием памятника. С этими датировками приходится работать как с таблицей чисел, снабженной самыми скудными комментариями и почти не введенными в археологический контекст. В сравнительно немногих случаях публикация сводок датировок все же сохранила хотя бы некоторые детали археологического описания, и к имеющемуся материалу удается применить элементарные приемы исторической критики, т.е. селектировать плохо описанный материал, сгруппировать датировки по принадлежности к отдельным объектам и т.п. Тогда, например, для стоянки Авдеево с помощью критерия χ^2 удается выделить набор практически синхронных датировок, отвечающих времени существования поселения в виде нескольких частей жилого комплекса (Dolukhanov et al., 2001. P. 699). Несомненно, что будущее развитие приложений радиоуглеродного метода в археологии лежит на пути соотнесения индивидуальных датировок с археологическим контекстом. Однако сейчас речь идет о том, как эффективно извлечь информацию из уже полученных дат.

Проблема усугубляется тем, что в накопленной базе датировок заведомо имеется некоторое количество случайных оценок возраста, не относящихся непосредственно к данному памятнику. Эти датировки хотелось бы выделить и отбросить с помощью какого-то объективного статистического критерия (а не просто оставить те датировки, которые больше соответствуют устоявшимся археологическим концепциям) и в то же время не предполагать заранее кратковременность существования памятника.

Мы предлагаем воспользоваться следующим приемом. Будем считать, что исследуемый памятник характеризуется не только временем расцвета ("акме"), когда на нем существовали жилища, делались захоронения и т.п., но и существенно более длительным временем активности людей (далее – время активности), когда люди посещали конкретные стоянки и оставляли на них следы своего пребывания. Если некоторые археологические соображения и заставляют нас полагать, что время расцвета должно быть очень кратким сравнительно с инструментальной неточностью датировок, которая часто сравнима со столетием, а большей частью и существенно выше, то время активности может быть заметно более продолжительным. Принимая подобную модель, мы существенно расширяем наши возможности для интерпретации имеющихся датировок.

Мы намерены проанализировать результаты датирования ряда палеолитических памятников, проведенных начиная с 1970 г., по мере поступления материала из раскопок и коллекций в лаборатории геохимии изотопов и геохронологии ГИН РАН (Сулержицкий, 2004). Объекты радиоуглеродного датирования костные остатки млекопитающих (мегафауны), связанные с позднепалеолитически-

Эмпирические функции распределения. *а* – Мальта; *б* – Авдеево; *в* – Сунгирь. По горизонтальной оси указан некалиброванный возраст.

ми стоянками. Мы изучаем датировки трех памятников в числе прочих, содержащихся в этой базе данных, а именно стоянок Сунгирь, Мальта и Авдеево. Отметим, что в таблице (Сулержицкий, 2004) приведена стандартная погрешность определения возраста. Полная ошибка измерения не сводится лишь к лабораторной ошибке измерения, а может включать и неопределенности, связанные, скажем, с привносом чужеродного и как правило более молодого углерода. Наши данные не позволяют оценить этот вклад в ошибки датировок, однако в работе (Dolukhanov et al., 2001. P. 699) по наборам датировок, имитирующим параллельные измерения, показано, что этот вклад не кардинально увеличивает ошибки, так что он не меняет сделанных ниже выводов.

Использованная нами выборка данных достаточно однородна, в пользу чего говорят следующие соображения. Процесс получения радиоуглеродных датировок делался по сходному материалу и по единой методике. Освобождение органического углерода кости от загрязнений проводилось его вымачиванием и отмывкой в соляной кислоте различных концентраций в фазе коллагена. Процесс подводил к растворению очищенного коллагена, центрифугированию раствора, фильтрованию, высушиванию, обугливанию и переведению освобожденного углерода в фазу бензола. Отмывка последнего в серной кислоте и сублимация завершались приготовлением счетного вещества и определением возраста. Надежность получаемых дат контролировалась постоянно при повторном датировании того же материала, его частей разной сохранности и т.п.

На анализ обычно бралась одна кость достаточной величины из опасения получить усредненный возраст по нескольким небольшим разновозрастным костям. Однако и даты, вынужденно полученные по ряду мелких костей предположительно одновозрастных кухонных отбросов, не выпадают из ряда других результатов. Кости, десятки лет находящиеся на дневной поверхности, деструктируются, так что можно не различать возраст кости и время ее захоронения. Многократное датирование костей одного животного маловероятно, поскольку на стоянках большей частью встречаются разрозненные кости большого числа животных, различающихся как видовой принадлежностью, так и индивидуальными характеристиками (возраст, размер; по возможности брались одноименные кости). Таким образом, изучение кости хорошей сохранности дает радиоуглеродный возраст времени ее захоронения или втаптывания.

Для количественной оценки времени активности людей на данном памятнике мы воспользуемся методом (см. о нем подробнее, например: Тутубалин, 1992. С. 311–313) эмпирической функции распределения $F(t)$, которая строится следующим образом. Пусть мы располагаем для данного памятника N датировками t_i, $i = 1, \ldots, N$. Будем считать, что эти датировки упорядочены по возрастанию. Положим $F(t) = 0$ для $t < t_1$ и пусть $F(t)$ имеет скачок $1/N$ в каждой из точек t_i (если две датировки случайно в точности совпадают, то скачок, разумеется, удваивается, а если их еще больше, то так же пропорционально увеличивается). Очевидно, что $F(t) = 1$ для $t > t_N$. Опыт показывает, что достаточно устойчивую эмпирическую функцию распределения можно построить уже по паре десятков датировок. На рисунке такая функция распределения построена для изучаемых стоянок. Поскольку настоящая функция распределения, как представляется, не должна иметь скачков, которые при построении эмпирической функции распределения возникают из-за конечности изучаемой выборки, мы слегка сгладили кривые рисунка, соединив наклонными прямолинейными отрезками значения в точках последовательных скачков. Количество датировок, имеющихся для других стоянок, приведенных в работе Сулержицкого (2004), все же недостаточно для построения эмпирической функции распределения, однако общий характер данных для этих стоянок напоминает их характер для Мальты, Сунгиря и Авдеева. Поэтому мы ожидаем, что на них можно с разумной степенью достоверности экстраполировать выводы, которые мы получим на основании анализа рисунка.

Этот анализ опирается на сравнение эмпирической функции распределения датировок изучаемого памятника с функцией распределения $f(t)$ гауссовой случайной величины с заданным средним значением T и среднеквадратичным отклонением δT. Функция $f(t) \to 0$ при $t \to -\infty$ и $f(t) \to 1$ при $t \to \infty$, вблизи точки $t = T$ функция $f(t)$ возрастает от 0 до 1, и ширина этого перехода составляет несколько единиц δT. Если же рассматриваемая случайная величина является, скажем, смесью не-

скольких независимых гауссовских слагаемых, то f(t) содержит несколько подобных ступенек.

На рисунке видно, что полученные нами эмпирические функции распределения для всех трех случаев, когда имеющиеся в наличии данные позволяют построить эти функции, действительно имеют вид ступенек, соединяющих 0 и 1, причем местоположение этих ступенек без особых проблем локализуется на всех трех частях рисунка. Мы отождествляем область локализации ступеньки со временем активности на данном памятнике, поскольку у нас нет оснований настаивать на том, что изученные костные остатки были погребены обязательно во время расцвета.

Итак, мы получаем следующие периоды активности для изучаемых палеолитических памятников: Сунгирь – 26000 – 29000, Мальта – 20800 – 21700, Авдеево – 20100–21200 лет. Поскольку мы расположили все эмпирические функции распределения на одном графике, хорошо заметно, что ступеньки этих функций для Мальты и Авдеева практически совпадают. Другими словами, эти стоянки практически одновременны. Отметим, что мы приводим здесь некалиброванные датировки, поскольку проблема калибровки независима от интересующего нас вопроса и приведенные выше значения начала и конца периода активности можно калибровать так же, как и индивидуальные датировки. В принципе мы могли бы выразить полученный результат через среднее значение и стандартное отклонение, но это не имеет особого смысла, поскольку среднее значение не обязано совпадать с моментом расцвета.

Отметим также, что ступеньки эмпирических функций распределения в ряде случаев не доходят до соответствующих предельных значений, и только гораздо дальше, далеко за пределами гауссовского разброса, эти предельные значения достигаются. Этот факт мы интерпретируем как наличие нерелевантных датировок, относящихся к случайным находкам, не связанным с памятником. Отметим, что применяемый нами графический метод обработки результатов измерений в самых общих чертах сводится к тому, что мы селектируем указанные нерелевантные измерения и после этого определяем время активности как интервал между самой древней и самой молодой датировками. Важно подчеркнуть, однако, что подобную селекцию трудно уверенно выполнить, не опираясь на построение эмпирической функции распределения, а без такой селекции небольшое количество нерелевантных датировок может кардинально исказить наши представления о периоде активности (например, для Мальты самая древняя датировка составляет 41100 лет).

Имеющийся в нашем распоряжении корпус датировок для Сунгиря и Мальты не дает (в силу скудности сопутствующей археологической информации) оснований для оценок времени расцвета. Иначе обстоит дело для Авдеева, для которого в работе (Dolukhanov et al., 2001. P. 699) удалось, используя не только датировки, полученные в лаборатории ГИН РАН, и некоторые имеющиеся топографические привязки, оценить время расцвета, которое оказалось равным 20720 лет (калиброванная дата 24 100 ± 900). Отметим, что для Авдеева (в отличие от Сунгиря и Мальты) время активности достаточно близко к оценке аналитических ошибок датировки, и мы не можем настаивать на том, что период активности существенно не совпадает с фазой расцвета.

Полученный нами период активности для Мальты несколько короче, чем период активности для Авдеева, однако и оценки ошибок для датировок Мальты ниже, чем для Авдеева. Поэтому для Мальты удается настаивать на том, что период активности существенно превосходит величину ошибки измерения. Отметим также, что для Авдеева большая часть датировок произведена по горелым костям. Этот материал в силу своей неоднородности должен давать несколько большую неточность определения возраста, но оказывается лучше привязанным к археологическому контексту.

Итак, проведенный анализ радиоуглеродных датировок палеолитических памятников приводит нас к выводу о том, что для них следует различать сравнительно длительное время активности и период расцвета. По-видимому, по крайней мере иногда время активности бывает существенно длиннее времени расцвета.

Д.Д. Соколов благодарен за поддержку РФФИ по проекту 03-05-64074 и фонду INTAS по проекту 03-51-5807.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда) / Ред. Н.О. Бадер, Ю.А. Лаврушин. М., 1998.

Праслов Н.Д., Сулержицкий Л.Д. Новые данные по хронологии палеолитических стоянок в Костенках на Дону // Докл. РАН. 1999. Т. 365. № 2.

Радиоуглеродная хронология палеолита в Восточной Европе и Северной Азии / Ред. А.А. Синицын, Н.Д. Праслов. СПб., 1997.

Сулержицкий Л.Д. Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датировании костей мегафауны // РА. 2004. № 3.

Тутубалин В.Н. Теория вероятностей и случайных процессов. М., 1992.

Dolukhanov P., Sokoloff D., Shukurov A. Radiocarbon chronology of upper paleolithic sites in Eastern Europe at improved resolution // J. Archeolog. Sci. 2001. V. 28.

Chronological span of human activity at the Palaeolithic sites according to the radiocarbon dating

D. D. Sokoloff, L. D. Sulerzhitsky, V. N. Tutubalin

Summary

The method of statistical evaluation of the chronological span of human activity at an archaeological site is suggested. As a result, the periods of human activity at some Palaeolithic sites have been established. At the station Sungir' this period is estimated from 29000 to 26000, at Malta – 21700–20800, and at Avdeevo – 21200–20100, according to non-calibrated dates.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 103–112

ДИСКУССИИ

ВРЕМЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПО ДАННЫМ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ КОСТЕЙ МЕГАФАУНЫ

© 2004 г. Л. Д. Сулержицкий

Геологический институт РАН, Москва

Кости мегафауны (крупных млекопитающих) оказываются одним из лучших материалов для надежного радиоуглеродного датирования времени жизни животных и связанных с ними явлений, если используется только углерод хотя бы частично сохранившегося, не деструктированного коллагена кости. Многочисленные проверки этого проведены и проводятся постоянно в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН (Сулержицкий, 1997). Они показывают прекрасную сходимость параллельных дат как по частям одной кости, по разным костям одного животного, так и по частям одной кости, имеющим существенно различную сохранность. А закономерное получение "запредельных" дат по костям из различных регионов, т.е. отсутствие в них контаминации углерода, указывает, что датирование одинаково надежно как для костей из многолетнемерзлых осадков, так и из осадков, оттаявших в голоцене или не бывших многолетнемерзлыми вообще.

Достоинством этого материала является устойчивое положение изначального углерода в составе структуры коллагена. Последний представляет собой химически достаточно прочную белковую конструкцию, которая не достраивается в диагенезе и может быть выделена отмывкой растворами соляной кислоты различной концентрации в относительно чистом виде. При этом удается освободиться как от большей части минеральной составляющей кости, так и от новообразованных продуктов апатитизации и карбонатизации, а также, видимо, и от всех иных загрязняющих агентов. К последним относятся различные вещества (в том числе белки): порождаемые деятельностью микробов, перемещаемые при разного рода биотурбациях, привнесенные в составе грунтовых вод и др. При отмывке сам коллаген теряется незначительно.

Окончательное выделение фракций, содержащих только изначальный углерод для датирования, завершается центрифугированием растворяемого при 100°С очищенного коллагена (для освобождения от взвесей, не растворившихся при отмывке HCl) и его фильтрованием. Полученный слабо кислый раствор коллагена и родственных ему веществ высушивается и обугливается. Он идет на синтез бензола, приготовление счетного препарата и получение даты сцинтилляционным бета-счетом.

С использованием описанной методики (что важно) в нашей лаборатории начиная с 1970-х годов получены многие сотни дат по остаткам позднеплейстоценовой и голоценовой фауны и человека. Они дали хронологические ряды динамики как геологических процессов, так и иных природных явлений: популяций животных, сообществ человека, состава растительности, климата и т.п. Среди этих дат сделано более 250 определений по углероду костей мегафауны, сопряженных с деятельностью позднепалеолитического человека (см. Приложение). Имеется ввиду костяной материал со стоянок, т.е. участков толщ позднеплейстоценовых отложений, атрибутированных артефактами. Здесь количество костей мегафауны благодаря деятельности древнего человека как минимум на два порядка больше, чем на окружающих территориях, являющихся фоновыми. Ничтожное число фоновых костей, могущих попасть на территории стоянок, не может реально исказить достаточно многочисленные выборки с объектов, датированных в представленной работе, и мы, видимо, вправе считать практически все полученные даты, характеризующими деятельность человека. Фоновые кости обнаруживают себя диссонирующими датами.

Итак, датировались куски, иногда целые кости животных мамонтовой фауны из культурных слоев, каждый из которых, возможно, нередко вправе считаться самостоятельной стоянкой, совмещенной с другими по территории. Среди датированных фитофагов преобладали остатки мамонтов. Сохранность коллагена в костях часто оказывалась весьма низкой, что требовало значительного увеличения количества анализировавшегося исходного материала. Из некоторых образцов не удавалось собрать необходимого для анализа количества углерода.

При отборе костей для датирования предпочтение отдавалось одному, достаточному для ана-

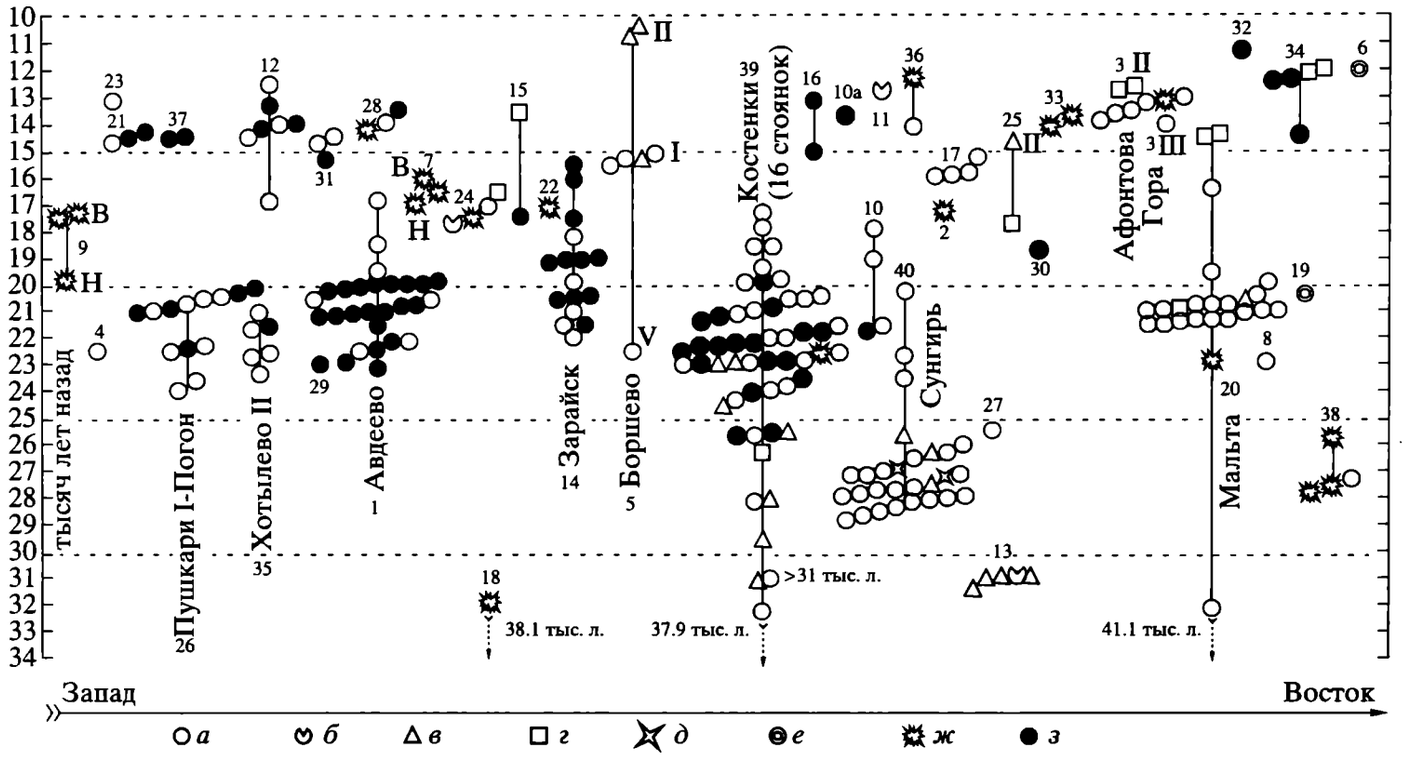

Рис. 1. Динамика заселения некоторых позднепалеолитических стоянок (радиоуглеродные даты ГИН по костяному материалу). Для наглядности при построении графика знаки, изображающие возраст датированного образца, сделаны одного размера, диаметр близок к величине одной сигмы статистической погрешности измерения возраста. Условные обозначения: *а* – мамонт; *б* – носорог; *в* – лошадь; *г* – бык, бизон; *д* – северный олень; *е* – снежный баран; *ж* – мегафауна (битые кости); *з* – горелая кость (костяный уголь и копоть). Номера соответствуют порядковым номерам памятников, приведенных в таблице. В – верхний слой; Н – нижний слой.

лиза куску, дабы не получить усредненную дату по разновозрастным частям образца. Так же для этой группы археологических образцов использовался жженый костяной материал как из очагов, так и рассеянный в культурном слое. Элементарный углерод из этих образцов, жженых еще древними людьми и к тому же содержащих часто значительное количество углерода в виде сажи, извлекался растворением образца в концентрированной соляной кислоте, отмучиванием, просеиванием и последующей очисткой щелочью. Далее анализ шел стандартно.

Судя по всему, даты по костяному материалу представительны для хронометрии археологических объектов, учитывая, что индивидуальный возраст животного к моменту его гибели не превышает первых десятков лет, а за счет постоянного обмена углерода в костях при жизни животного радиоуглеродный возраст его еще значительно короче. Время пребывания кости на поверхности до захоронения так же не может быть длительным, так как кость на дневной поверхности быстро деструктируется. Сохранность исследованных костей большей частью была без поверхностной деструкции. Древние люди, видимо, и жгли более доступную свежую кость, к тому же в ней содержится больше горючего материала, чем в ископаемой, быстро теряющей жиры в захоронении. Учитывая значительную статистическую погрешность измерения возраста, для построения общего графика (рис. 1), по-видимому, условно можно принять дату, полученную по кости, как время захоронения ее в культурном слое, т.е. за дату этапа формирования последнего. Однако это так только для костей как продукта охоты, а если на стоянку приносились ископаемые кости, то значения их возраста будут резко выпадать из значений такового для культурного горизонта в сторону удревнения.

Если принять соответствие между 1) интенсивностью деятельности человека на стоянке и 2) количеством оставленных им следов (в нашем случае – костей), то при подобном случайному отборе образцов со стоянки для этапов интенсивной жизнедеятельности дат будет больше, а для остального времени даты будут редки. Также, при достаточном количестве дат, они будут характеризовать скорость осадконакопления вмещающих отложений или его отсутствие. В последнем случае один горизонт будет иметь набор (или наборы) дат определенного возраста, отвечающего этапам интенсификации деятельности человека на территории стоянки.

Весь массив обсуждаемых дат (см. Приложение), относящихся более чем к сорока стоянкам (таблица), расположенным на обширной территории (рис. 2), приведен без исключений. Отбро-

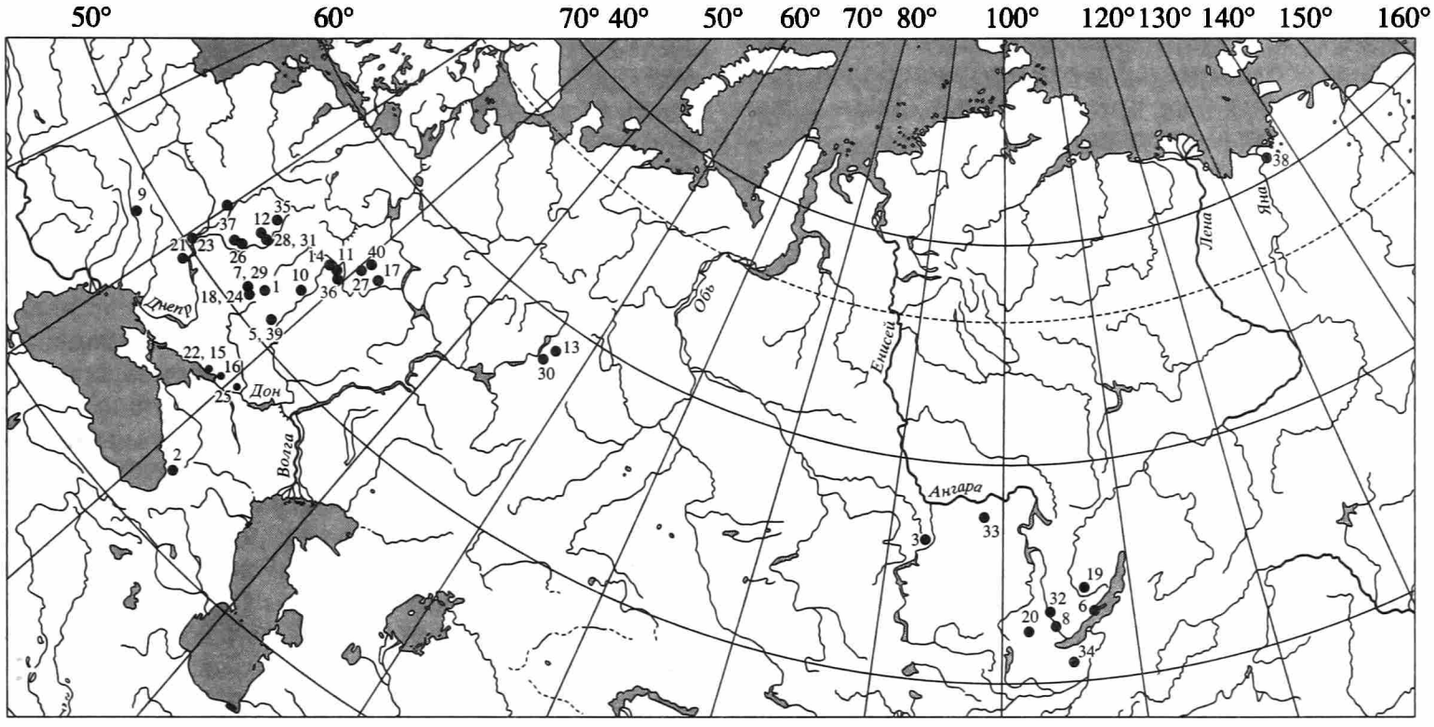

Рис. 2. Расположение позднепалеолитических памятников. Номера пунктов на карте соответствуют порядковым номерам памятников в таблице.

шены только даты, полученные до начала использования указанных методик подготовки углерода. Массив накапливался датированием порций образцов, поступавших в лабораторию разными путями в течение более 20 лет. Материалы приходили как непосредственно от раскопщиков, так и из различных коллекций, начиная с первых российских раскопок. Приведенные даты отобраны и сверены по лабораторным журналам химической подготовки, радиометрических измерений концентрации ^{14}C и обсчета последних.

Как уже говорилось, в лабораторных экспериментах наблюдается хорошая воспроизводимость дат по кости. Также она может быть проверена на массивах дат сравнением с относительными хронологическими реперами и распределением дат на отдельных стоянках. Чтобы это показать, попытаемся сначала кратко описать процесс накопления некоторых групп дат массива.

Материал по Боршевским стоянкам (рис. 1, стоянка 5) поступал от Н.Д. Праслова. Даты первого поступления из Боршево-I и Боршево-II дали якобы "замоложенные" значения радиоуглеродного возраста 15 и 10 тыс. л. соответственно. Однако следующая дата Боршево-II повторила первую, по лошади же. Последующие три даты из Боршево-I (по лошади и мамонту), практически повторили первую дату, а возраст мамонта из Боршево-V оказался 22.5 тыс. л. Представляется, что даты отражают хронологию периодов интенсификации деятельности людей на стоянках.

Список позднепалеолитических стоянок, датированных ^{14}C-методом по костям мегафауны в Геологическом институте РАН

1	Авдеево (27:9)	21	Межиричи (3)
2	Апианча (1)	22	Мураловка (1)
3	Афонтова гора II, III (9:3)	23	Обухово (1)
4	Бердыж (1)	24	Пены II (4:2)
5	Боршево I, II, V (7:4)	25	Похлебино I, II (2)
6	Бурхан (мыс) (1)	26	Пушкари I – Погон (13:6)
7	Быки VII (3)	27	Русаниха (1)
8	Военный госпиталь (1)	28	Супонево (3:3)
9	Врублевцы (3)	29	Сучкино II (1)
10	Гагарино (4:2);	30	Талицкого (1)
10а	Гонцы (1)		
11	Дядьково (1)	31	Тимоновка I (3:2)
12	Елисеевичи I (7:3)	32	Усть-Белая (1)
13	Заозерье (5)	33	Усть-Бирюса (2)
14	Зарайск (16:8)	34	Усть-Кяхта XVII (5:2)
15	Золотовка (2:2)	35	Хотылево II (6:3)
16	Каменная Балка II (2:2)	36	Шатрищи (2:2)
17	Карачарово (4:3)	37	Юдиново I (2:2)
18	Малая Локотня (1)	38	р. Яна (4)
19	Макарово III (1)	39	Костенки/16 стоянок/ (54:n)
20	Мальта (24:7)	40	Сунгирь (28:6)

Примечание. В скобках указано количество полученных дат и число поступлений материала.

Быки-VII (рис. 1, ст. 7) – материалы недавних сборов Н.Б. Ахметгалиевой, по ним более молодая дата соответствует верхнему, а наиболее древняя – нижнему горизонтам стоянки. Здесь совпадение дат с относительной хронологией.

Материал по Елисеевичам-I (рис. 1, ст. 12) представлен Л.В. Греховой. Из семи дат по трем поступлениям четыре совпадающих, но одна из них – по зубу мамонта из ямы, откуда был датирован еще один зуб. Последний оказался почти на 3000 лет древнее дат подгруппы. Представляется, что это один из редких случаев нахождения на стоянке перезахороненного материала. Подтверждением тому может служить необычная сохранность последнего – сильная карбонатизированность, что было отмечено при первичной лабораторной обработке, хотя визуально зубы не отличались. Более молодые две даты Елисеевичей-I, возможно, указывают на "вялое" использование территории в более позднее время.

Коллекционный материал из Карачарово (рис. 1, ст. 17) поступал благодаря инициативе Н.Д. Праслова. Первая дата получена по мамонту из раскопок Полякова 1868 г. Последующие две даты получены по материалу из ГИМа, они идентичны по возрасту. Оттуда же, из раскопок Уварова 1872 г., получен материал и для четвертой даты, статистически не отличимой от остальных с этого памятника.

Пены II (рис. 1, ст. 24): материал получен через С.Н. Алексеева в два приема по четырем различным зверям. Растяжка времени существования стоянки на 1000 лет от 17.64 до 16.6 тыс. л. н., видимо, реальна, учитывая небольшие стандартные погрешности дат.

Супонево (рис. 1, ст. 28) – полностью коллекционный разнородный материал раскопок двадцатых годов, датировавшийся в разное время. Получены близкие даты.

Даты по Гагарино (рис. 1, ст. 10) получены в два приема, сначала по костяному углю, значительно позже – по трем образцам мамонтовых бивней, представленных Л.М. Тарасовым. Из последних дат с углем совпала только одна, самая древняя. Видимо, территория стоянки посещалась длительное время, когда вблизи миграционных путей мамонтов люди уже не жили, а только приходили на момент охоты.

Близко расположенные стоянки Пушкари-I и Погон (рис. 1, ст. 26) датировались почти в одно время и дали две, а вероятнее три хронологические ступени. Одна тысяча лет (от 21.1 до 20.16 тыс. л. н.) заполнена восемью датами по разнородному материалу Пушкарей-I; им предшествовал более 1000-летний перерыв в датах; до того имеются три идентичные даты. В общей ретроспективной последовательности событий перед ними еще более 1000 лет перерыва и еще две даты, не различимые между собой. На средней хронологической ступени между двумя датами Погона одна дата по костяному углю из Пушкарей-I – возможно, это сожженная кость из соседнего Погона, принесенная в Пушкари? Четыре даты Погона получены по нежженой кости. Вероятно, стоянки два раза посещались и один раз заселялись?

Авдеево (рис. 1, ст. 1) датировалось много лет, начиная с 1976 г. благодаря инициативе М.Д. Гвоздовер. Отсутствие коллагена в большей части анализировавшихся костей обусловлено, видимо, тафономическими причинами, что привело к преобладанию для этой стоянки дат по лучше сохранившемуся углероду жженой кости. Первыми были получены даты по костяному углю. Наиболее древние из них, совместно с двумя датами по кости, образуют группу из шести дат, отделенную перерывом в несколько сот лет от основной группы дат стоянки. Последняя состоит из 18 дат, преимущественно жженой кости, в середине которой две даты по кости. Видимо, это время наиболее интенсивного использования территории для отапливаемых жилищ. Этот отрезок времени, вероятно, может быть разделен на две (или более ?) части. Однако большие статистические погрешности дат не позволяют сделать это сколько-нибудь уверенно. Завершается Авдеевский массив дат тремя отдельными датами по кости, видимо, указывающими на то, что люди иногда посещали это место, но здесь не жили последующие 2.5 тыс. лет. Да и коллаген этих костей лучше сохранился при наступившем более холодном климате. Такие же поздние даты есть и на рис. 1, ст. 10, 12, 20, 40, имеющих достаточное количество дат для сопоставления.

Зарайск (рис. 1, ст. 14) не имеет такой концентрации дат на какой-либо из хронологических ступеней, как Пушкари и Авдеево. Его 16 дат мало для выделения возможных четырех-пяти или более хронологических ступеней. Все же две-три ступени можно наметить. На сегодня это, видимо, одна из наиболее долго обживавшихся стоянок во всем нашем массиве, имеющая жженую кость на протяжении более 6 тыс. л.

Переданный Н.Д. Прасловым материал дал более 50 дат по 16 стоянкам Костенок. Они уже разбирались в статье по хронологии палеолитических стоянок в Костенках (Праслов, Сулержицкий, 1999) и здесь приводятся суммарно на рис. 1, ст. 39.

Сунгирь (рис. 1, ст. 40) по костям датировался с 1989 г., а собиралась основная коллекция В.И. Громовым во время раскопок О.Н. Бадера в 1950–1960 гг. Для датирования был использован только этикетированный во время раскопок материал, так что привязка дат к раскопкам ждет своего часа. Из 28 дат сделаны по костям мамонта – 23, лошади – 3, северного оленя – 2. Основной массив, начинающийся с 28.8 тыс. л. н. содержит 24 даты и занимает объем времени 2700 лет. Это

и есть, видимо, время интенсивного использования территории стоянки. Характерно, что и здесь выпадающих древних дат нет, что опять же указывает на отсутствие или редкость в культурном слое ископаемых костей, как и в большинстве других стоянок. Коллекция, к сожалению, не содержит жженой кости, хотя в культурном слое последняя присутствовала. Судя по датам, при формировании сунгирского разреза сначала здесь долгое время очень медленно шла седиментация – от начала накопления вместившей позже культурный слой почвы (более 30 тыс. л. н., когда здесь еще не жил человек) и до времени последних дат по мамонтам (20 тыс. л. н.) всего значительно менее метра. Зато позже накопилось сразу более двух метров осадков, перекрывших культурный слой. По материалам Сунгиря была сделана попытка восстановить хронологию колебаний условий существования древнего человека за время образования культурного слоя. Для этого, по оригинальной методике Е.А. Спиридоновой, из датированных костей были извлечены и изучены пыльца и споры, показавшие изменчивость природной среды того времени (Лаврушин и др., 2000).

Материал по Мальте (рис. 1, ст. 24) поступал большей частью от Г.И. Медведева и только три образца из коллекции В.И. Громова по раскопкам 1940-х годов М.М. Герасимова. Наиболее древняя дата – 41.1 тыс. л. н. по лопатке мамонта с базального галечника, залегавшего значительно ниже по разрезу культурного слоя, а дата 22.9 тыс. л. н. по кости из подстилающего культурный слой "солифлюксия". Проверка хода измерений даты 19.9 тыс. л. н. (ГИН-7705) показала ее невалидность (дата не рассматривается). Остальные более молодые даты находятся в отложениях, перекрывающих основной культурный слой. Соответственно время накопления материала последнего близко к 900 годам, т.е. это время наиболее плотно стоящих в ряду 16 дат (от 21.6 до 20.7 тыс. л. н.). Сюда же попадают две даты из коллекции В.И. Громова. Так же, как и в Сунгире, даты собственно культурного слоя начинаются с ряда близких между собой значений. Отдельные более молодые даты относятся к поздней истории заселения территории – времени эпизодических ее посещений людьми. Возможно, однако, что из них две близкие даты 14.680 и 14.720 тыс. л. н., для одной из которых в этикетке написано "Мальта, мост 1", фиксируют реальный момент более позднего активного заселения этих мест.

На Афонтовой горе-II (рис. 1, ст. 3) Н.И. Дроздов в 1992 г. возобновил раскопки и представил из пяти культурных горизонтов стоянки пять образцов кости, которые дали идеальную последовательность дат по слоям. М.Д. Гвоздовер из коллекций 1930-х годов представила по образцу из Афонтовой горы-II и III. Первый дал полностью согласующуюся с полученной ранее последовательностью дату, а второй оказался немного древнее дат Афонтовой горы-II. Желая свериться с коллекциями В.И. Громова, в ГИНе нами были просмотрены остеологические материалы Афонтовой горы, но мамонтов в ней не оказалось, а только быки. Так же в статье В.И. Громова о фауне Афонтовой горы-II (Громов, 1932) указано, что в верхних слоях этой стоянки отсутствуют мамонты, но много быков. Даты по этим быкам дали соответствующий возраст 12.7 и 12.85 тыс. л. н. Видимо, время существования стоянки близко к 1200 годам, от 13.95 до 12.7 тыс. л. н.

Интересное совпадение дат обнаружилось для Усть-Кяхты-XVII (рис. 1, ст. 34), когда в журналах были найдены три даты по жженой кости, представленной еще А.П. Окладниковым в 1978 г. Две из них совпали с двумя датами 1995 г., полученными по костям быков, представленных Ф.И. Хензыхеновой, но третья оказалась более чем на 2000 лет древнее (другой горизонт ?).

Шурфовавшаяся П.Ю. Павловым на р. Кама в 2001 г. стоянка Заозерье (рис. 1, ст. 13) дала материал для четырех полностью совпадающих дат. Пятая, более молодая, была признана (после проверки хода длительных нестабильных измерений) невалидной, но при интегрировании всех измерений этого образца получается возраст 31.1 тыс. л. н. Такое единообразие возраста для образцов из разных шурфов, по-видимому, указывает на кратковременность пребывания людей на стоянке в устье р. Чусовая, вероятно, связанного с климатическим экстремумом.

То же, возможно, характерно для времени существования стоянки, недавно открытой в глубоком Заполярье на р. Яна (рис. 1, ст. 38) вблизи 70° с.ш. Там были собраны из-под тающей толщи льдистых отложений отмытые речной водой три образца кусочков битой кости мегафауны и один обломок черепа мамонта. Получены три совпадающих даты и одна, по-видимому, омоложенная, вероятно, за счет попадания постороннего материала в образец при отборе на пабереге. Однако уже совпадение трех дат "сунгирского" возраста может указывать еще на один краткий климатический экстремум, позволивший древним людям при потеплении проникнуть на Крайний Север.

Приведенное краткое рассмотрение хода и результатов датирования по некоторым из стоянок помогает увидеть на графике (рис. 1) специфичность распределения полученных хронологических данных.

Наиболее существенно, что по мере накопления даты отдельных стоянок начинают распределяться на свои хронологические ступени. Так, для стоянок с одним культурным горизонтом, имеющих по две–четыре даты, последние большей частью близки и часто статистически не различимы. Также даты весьма близки по возрасту на хроно-

логических ступенях обильно датированных стоянок, на которых прочие (разбросанные даты) составляют меньшинство. Видимо, эти даты так же подчиняются некоторым закономерностям. Иногда это, как уже говорилось, отдельные даты по костям мамонтов хорошей сохранности, растянувшиеся после основного массива на тысячи лет, а иногда в конце существования стоянки появляются даты по быкам (рис. 1, ст. 34, 20, 3, 24). В этом случае, вероятно, смена ориентации в охоте связана с исчезновением мамонтов при нарушении баланса системы человек–мамонт, тогда быки занимают освободившуюся экологическую нишу мамонтов. Это приводит вскоре и к прекращению функционирования самой стоянки.

Примечательно, что кость наравне со жженой костью (на стоянках, где последняя отбиралась) легко укладывается на одни и те же хронологические ступени (рис. 1, ст. 21, 26, 12, 1, 28, 39, 10, 34), что указывает на их общий источник, которым, видимо, является охота. Так же удивляет, что среди дат по жженой кости нет систематических выбросов возраста, за исключением одного в Пушкарях. Это, видимо, указывает на чистоту отбора по свежести сжигаемого материала (возможно, имевшего сакральный смысл?), а не уничтожение помоек. Хочется обратить внимание и на то, что имеющиеся в археологическом контексте стратиграфические последовательности строго выдерживаются и в датах. Все это, видимо, указывает на надежность проведенного датирования.

Интересно, что большая часть предметов пластического творчества приурочена ко времени 22–20 тыс. л. н., независимо от удаленности некоторых стоянок друг от друга.

Представляется, что в массиве могли бы присутствовать невалидные даты, полученные по образцам, спутанным при отборе, хранении, на стадиях прохождения лабораторной подготовки, измерения и т.п. Однако обнаружить их пока не удается, кроме двух упоминавшихся, видимо, "спутанных" еще древними людьми (рис. 1, ст. 12, 26).

Несмотря на невысокую разрешающую способность датирования (некоторые измерения имеют весьма значительные статистические погрешности – см. Приложение), получаются достаточно детальные хронологические построения.

Компактные во времени последовательности дат (рис. 1, ст. 26, 1, 40, 20) культурных горизонтов не подчиняются закону нормального распределения, что имело бы место, будь они изначально одновозрастны. Даты в них произвольно разбросаны, и, очевидно, длительность этих отрезков не может быть сокращена по статистическим соображениям о случайном разбросе.

Судя по датам, видимо, можно уверенно говорить о границах времени интенсивного заселения территории стоянок Авдеево, Сунгирь, Афонтова Гора-II, Мальта (рис. 1, ст. 1, 40, 3 II, 20), и отчасти стоянок Межиричи, Пушкари 1 – Погон, Хотылево-II, Елисеевичи-I, Супонево, Пены-II, Зарайск, Боршево-I, Карачарово, Заозерье, стоянки на р. Яна (рис. 1, ст. 21, 26, 35, 12, 28, 24, 14, 5 I, 17, 13, 38). Единственные даты стоянок, вероятно, большей частью находятся на отрезках времени формирования основного культурного слоя стоянки.

Реально получение дат, видимо, по действительно свежим костям, как бы "из рук человека", ценно еще и тем, что мы получаем время человеческой деятельности, тогда как последующая стратиграфическая позиция кости в культурном слое может оказаться и в яме, и в перекопе, кость может быть по-разному "затоптана" в культурных отложениях, перемещена солифлюкцией, криотурбацией и т.п..

Исходя из дат представляется, что стоянки сильно различаются по количеству и длительности этапов заселения. Возможно, что длительные этапы заселения являются неравномерно прерывистыми. Люди с легкостью приходили, уходили и возвращались на приоритетные для них площади.

Возможность интерпретации представленного массива радиоуглеродных дат как для проверки надежности самих дат, так и для получения возрастной информации и понимания механизмов археологических, стратиграфических и иных природных явлений датированных объектов далеко не исчерпана в этой статье.

В целом прихотливый хронологический рисунок всего массива (рис. 1) несовместим с представлением о случайном наборе цифр. Эта, непреднамеренно собранная сводка дат оказалась весьма информативной во многих планах и, видимо, на канве радиоуглеродного времени может служить составной частью хронологии позднего палеолита охваченной части Северной Евразии. Желательно продолжить работы по детальной интерпретации уже имеющихся, видимо, достоверных дат по костям и вести их с привлечением смежных, в первую очередь археологических материалов (которыми наша лаборатория не располагает). Также продолжить датирование для получения массивов, могущих дать временны́е рамки существования стоянок, которые имеют пока единичные даты. И, конечно, определить место в хронологии для еще не датированных стоянок.

Автор глубоко благодарен Э.А. Вангенгейм, контролировавшей весь остеологический материал, и Е.В. Леоновой, помогшей довести написание статьи до желанного конца. Также за неоценимую поддержку РФФИ, гранты № 96-05-65311, № 99-05-64954 и № 02-05-6499, и, конечно, за проявленный интерес и материалы для датирования упоминавшихся и не упоминавшихся в тексте коллег.

Приложение. Список дат по стоянкам

№	Дата ^{14}C (1 сигма)	Лабораторный номер ГИН	Материал (зверь)
	1 Авдеево (27:9)[1]		
1	16.800 ± 1200	9863а	м
2	18.500 ± 600	9863	м
3	19.500 ± 500	7727	м
4	19.900 ± 400	7723	кг
5	20.100 ± 200	6593	кг
6	20.100 ± 300	6592	кг
7	20.100 ± 400	6594	кг
8	20.100 ± 500	1747	кг
9	20.150 ± 350	11470	кг
10	20.200 ± 160	7725г	кг
11	20.240 ± 100	11471	кг
12	20.600 ± 700	9861	м
13	20.600 ± 800	9862	м
14	20.750 ± 350	7727а	кг
15	20.800 ± 200	1746	кг
16	21.000 ± 200	1748	кг
17	21.000 ± 800	2535	кг
18	21.100 ± 700	7726	кг
19	21.200 ± 200	1569г	кг
20	21.250 ± 600	7725	кг
21	21.600 ± 400	4693	кг
22	22.200 ± 700	7729	м
23	22.200 ± 700	1970	кг
24	22.400 ± 500	1969	кг
25	22.500 ± 900	9860	м
26	22.800 ± 160	7724	кг
27	23.140 ± 430	7728а	кг
	2 Аппианча (1)		
28	17.300 ± 500	2565	мф
	3 Афонтова гора II (8:3)		
29	12.740 ± 160	7671*	б
30	12.850 ± 160	7670*	б
31	13.260 ± 250	7538	м
32	13.310 ± 140	7542	мф
33	13.350 ± 60	7539	м
34	13.600 ± 200	7730	м
35	13.650 ± 70	7540	м
36	13.950 ± 80	7541	м
	3 Афонтова гора III (1)		
37	14.200 ± 130	7731	м
	4 Бердыж (1)		
38	22.500 ± 200	3695	м
	5 Боршево I (4:2)		
39	15.140 ± 100	11197	м
40	15.200 ± 100	11198	л
41	15.200 ± 200	11199	м
42	15.600 ± 70	8086	м
	5 Боршево II (2:2)		
43	10.400 ± 200	8084	л
44	10.900 ± 300	8415	л
	5 Боршево V (2:2)		
45	22.500 ± 700	10293	м
	6 Бурхан (мыс) (1)		
46	12.150 ± 70	8890	сб
	7 Быки VII (3)		
47	16.000 ± 130	11755	мф
48	16.600 ± 140	11754	мф
49	17.000 ± 90	11753	мф
	8 Военный госпиталь (1)		
50	22.900 ± 450	9512	м
	9 Врублевцы (3)		
51	17.300 ± 200	4022б	мф
52	17.470 ± 120	4022а	мф
53	19.850 ± 180	4023	мф
	10 Гагарино (4:2)		
54	17.900 ± 120	7991	м
55	19.160 ± 130	7990	м
56	21.600 ± 140	7989	м
57	21.800 ± 300	1872	кг
	10а Гонцы (1)		
58	13.700 ± 100	8410	кг
	11 Дядьково (1)		
59	12.750 ± 60	9503	н
	12 Елисеевичи (7:3)		
60	12.630 ± 360	4137	м
61	13.300 ± 300	1999	кг
62	14.080 ± 70	4135	кг
63	14.100 ± 400	4139	м
64	14.240 ± 120	5475	кг
65	14.590 ± 140	4136	м
66	16.850 ± 120	4138	м
	13 Заозерье (5)		
67	29.500 ± 1000	11498	л+
	Σ31.100 ± 400		
68	31.000 ± 400	11499	л+
69	31.000 ± 500	11500	н+л
70	31.000 ± 700	11501	л+
71	31.500 ± 500	11497	л+
	14 Зарайск (16:8)		
72	15.600 ± 300	6035	кг
73	16.200 ± 1000	8489	кг
74	17.600 ± 200	9865	кг
75	18.300 ± 200	3727	м
76	19.000 ± 200	8487	кг
77	19.100 ± 200	8397	кг
78	19.100 ± 260	8975	кг
79	19.200 ± 300	8396	кг
80	19.900 ± 260	8486	м
81	20.400 ± 600	9506	кг
82	20.500 ± 300	9505	кг
83	20.600 ± 750	9507	кг
84	21.000 ± 430	8484	м
85	21.400 ± 500	8488	кг
86	21.600 ± 300	8485	м
87	22.000 ± 300	3698	м
	15 Золотовка (2:2)		
88	13.600 ± 1000	8002	б
89	17.400 ± 700	1998	кг

Приложение. Продолжение

№	Дата ^{14}C (1 сигма)	Лабораторный номер ГИН	Материал (зверь)
	16 Каменная Балка II (2:2)		
90	13.200 ± 500	2940	кг
91	15.100 ± 700	3472	кг
	17 Карачарово (4:3)		
92	15.250 ± 400	8567	м
93	15.800 ± 150	8412	м
94	15.850 ± 150	8018	м
95	15.900 ± 150	8411	м
	18 Малая Локотня (1)		
96	38.100 ± 1800	4680	мф
	19 Макарово III (1)		
97	20.340 ± 150	8889	сб
	20 Мальта (24:7)		
98	14.680 ± 100	9511	б
99	14.720 ± 130	8476	б
100	16.510 ± 150	7709а*	л
101	19.600 ± 300	10931	м
102	19.900 ± 800	7705	м
103	20.440 ± 240	8887	м
104	20.700 ± 150	7709	л
105	20.800 ± 120	9508	м
106	20.800 ± 140	7710	м
107	20.800 ± 200	7769*	м
108	20.900 ± 160	8475а1	б
109	20.900 ± 200	7668*	м
110	21.000 ± 110	9510	м
111	21.000 ± 140	7706	м
112	21.000 ± 250	10927	м
113	21.110 ± 150	7703	м
114	21.300 ± 110	7702	м
115	21.300 ± 200	8475а2	м
116	21.300 ± 300	7704	м
117	21.400 ± 110	9509	м
118	21.600 ± 170	8475	м
119	21.600 ± 200	7708	м
120	22.900 ± 240	8888	мф
121	41.100 ± 1500	7707	м
	21 Межиричи (3)		
122	14.300 ± 300	2596	кг
123	14.500 ± 300	2595	кг
124	14.700 ± 500	2593	м
	22 Мураловка (1)		
125	17.100 ± 300	8001	б+л
	23 Обухово		
126	13.200 ± 100	11200	м
	24 Пены II (4:2)		
127	16.600 ± 180	8409а	б
128	17.200 ± 300	8408а	м
129	17.570 ± 120	8408	мф
130	17.640 ± 130	8409	н
	25 Похлебино I (1)		
131	17.700 ± 260	8569	б
	25 Похлебино II (1)		
132	14.800 ± 140	8568	л
	26 Пушкари (9:4)		
133	20.160 ± 180	11310	кг
134	20.350 ± 180	10195	кг
135	20.500 ± 500	11311в	м
136	20.600 ± 1300	8529	м
137	20.700 ± 500	8529а	м
138	20.840 ± 190	11309	кг
139	20.900 ± 600	11311а	м
140	21.100 ± 400	3381	кг
141	22.350 ± 150	11307	кг
	26 Погон (4:2)		
142	22.300 ± 300	10193	м
143	22.500 ± 500	10194	м
144	23.800 ± 700	11315	м
145	24.000 ± 1200	11312	м
	27 Русаниха (1)		
146	25.500 ± 300	3700	м
	28 Супонево (3:3)		
147	13.500 ± 100	3381	кг
148	13.920 ± 140	7729а	м
149	14.260 ± 120	3719	мф
	29 Сучкино II (1)		
150	23.000 ± 300	5869	кг
	30 Талицкого (1)		
151	18.700 ± 200	1997	кг
	31 Тимоновка (3:2)		
152	14.530 ± 120	8414	м
153	14.750 ± 120	8413	м
154	15.300 ± 700	2003	кг
	32 Усть-Белая (1)		
155	11.300 ± 600	9514	кг
	33 Усть-Бирюса (2)		
156	13.840 ± 90	8078	мф
157	14.200 ± 70	8077	мф
	34 Усть-Кяхта XVII (5:2)		
158	12.100 ± 80	8493б	б
159	12.230 ± 110	8493а	б
160	12.300 ± 300	1614	кг
161	12.400 ± 500	1612	кг
162	14.600 ± 1000	1613	кг
	35 Хотылево II (6:3)		
163	21.170 ± 260	8497	м
164	21.680 ± 160	8886	кг
165	21.720 ± 170	8495	м
166	22.600 ± 120	8496	м
167	22.700 ± 200	8406	м
168	23.300 ± 260	8497а	м
	36 Шатрищи (2:2)		
169	12.270 ± 120	3753	мф
170	14.360 ± 150	2913	м
	37 Юдиново I (2:2)		
171	14.500 ± 200	5588	кг
172	14.610 ± 60	5661	кг
	38 р. Яна (4)		
173	25.800 ± 600	11465	мф
174	27.400 ± 600	11466	м
175	27.600 ± 500	11467	мф
176	27.800 ± 500	11464	мф

Приложение. Окончание

№	Дата ^{14}C (1 сигма)	Лабораторный номер ГИН	Материал (зверь)
	39 Костенки (53:n)		
	39 Костенки I, верхний к. с. (16)		
177	20.800 ± 300	4851	кг
178	21.150 ± 200	4231	кг
179	21.300 ± 400	2534	кг
180	21.800 ± 300	4230	кг
181	22.000 ± 300	8041	м
182	22.200 ± 500	4903	кг
183	22.200 ± 300	3634	кг
184	22.300 ± 230	1870	кг
185	22.300 ± 200	2533	кг
186	22.600 ± 300	3633	кг
187	22.600 ± 300	6249	м
188	22.800 ± 200	2530	кг
189	22.800 ± 300	3632	кг
190	23.000 ± 500	2528	кг
191	23.500 ± 200	2527	кг
192	24.100 ± 500	2529	кг
	39 Костенки I, III к. с. (2)		
193	25.600 ± 1000	4852	кг
194	25.700 ± 600	4902	кг
	39 Костенки II (3)		
195	17.300 ± 160	8570	м
196	23.800 ± 150	7992	м
197	37.900 ± 900	7993	м
	39 Костенки III (1)		
198	19.800 ± 210	8022	м
	39 Костенки IV (2)		
199	22.800 ± 120	7995	м
200	23.000 ± 300	7994	л
	39 Костенки V, II к. с. (3)		
201	20.600 ± 140	7996	м
202	20.900 ± 100	8029	м
203	22.920 ± 140	8571	л
	39 Костенки VI (2)		
204	21.100 ± 200	8023	м
205	31.200 ± 500	8572	л
	39 Костенки VIII, верхний к. с. (2)		
206	22.000 ± 160	7998	м
207	22.900 ± 120	7997	м
	39 Костенки VIII, II к. с. (1)		
208	24.500 ± 450	7999	л
	39 Костенки X (2)		
209	22.600 ± 1000	8573	м+б
210	28.250 ± 300	8027	м
	39 Костенки XI, Ia к. с. (2)		
211	18.700 ± 80	8079	м
212	19.900 ± 350	2532	кг
	39 Костенки XI, II к. с. (1)		
213	21.800 ± 200	2531	кг
	39 Костенки XI, III к. с. (1)		
214	20.500 ± 300	8080	м
	39 Костенки XII, верхний к. с. (2)		
215	24.000 ± 800	8019	м
216	26.300 ± 300	8574	б
	39 Костенки XIV, верхний к. с. (1)		
217	19.900 ± 850	8024	м
	39 Костенки XIV II к. с. (1)		
218	25.600 ± 400	8030	л
	39 Костенки XIV, IV к. с. (1)		
219	29.700 ± 400	8025	л
	39 Костенки XV (1)		
220	25.700 ± 250	8020	б
	39 Костенки XVI, верхний горизонт (1)		
221	26.800 ± 600	8033	л
	39 Костенки XVI, нижний горизонт (1)		
222	28.200 ± 500	8031	л
	39 Костенки XVII (3)		
223	21.600 ± 600	8076	м
224	23.000 ± 800	8074	м
225	24.300 ± 500	8075	м
	39 Костенки XVIII (3)		
226	17.900 ± 300	8028	м
227	19.300 ± 200	8576	м
228	20.600 ± 140	8032	м
	39 Костенки XIX (1)		
229	18.700 ± 600	8577	м
	40 Сунгирь (28:n)		
230	20.360 ± 900	9585*	м
231	22.700 ± 600	10887*	м
232	23.600 ± 500	8998*	м
233	25.740 ± 600	9001*	л
234	26.100 ± 1000	10886*	м
235	26.300 ± 260	8995*	м
236	26.300 ± 300	9034*	л
237	26.600 ± 300	9030*	м
238	26.900 ± 260	9035*	со
239	27.000 ± 320	9591*	м
240	27.200 ± 400	9027*	м
241	27.200 ± 500	9586*	м
242	27.200 ± 700	10885*	м
243	27.260 ± 500	9036*	со
244	27.400 ± 600	9033*	л
245	27.630 ± 280	9031*	м
246	27.700 ± 500	5880	м
247	27.700 ± 600	10888*	м
248	27.800 ± 600	9588*	м
249	28.000 ± 250	8997*	м
250	28.000 ± 300	9029*	м
251	28.120 ± 170	8999*	м
252	28.130 ± 370	8996*	м
253	28.200 ± 800	10883*	м
254	28.350 ± 200	9032*	м
255	28.600 ± 600	10884*	м
256	28.700 ± 1000	10889*	м
257	28.800 ± 240	9028*	м

Условные обозначения: м – мамонт; н – носорог; л – лошадь; б – бык, бизон; со – северный олень; сб – снежный баран; мф – мегафауна (битые кости); кг – кость горелая (костный уголь и копоть).

[1] Номера стоянок соответствуют номерам в таблице и на рис. 1. В скобках указано количество дат : количество поступлений.

* Отмечает материалы из коллекций В.И. Громова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Громов В.И. Геология и фауна палеолитической стоянки Афонтова Гора II // Тр. комиссии по изучению четвертичного периода. Вып. 1. М., 1932.

Лаврушин Ю.А., Сулержицкий Л.Д., Спиридонова Е.А. Возраст археологического памятника Сунгирь и особенности природной среды времени обитания первобытного человека // Homo Sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000.

Праслов Н.Д., Сулержицкий Л.Д. Новые данные по хронологии палеолитических стоянок в Костенках на Дону // Докл. АН. 1999. Т. 365. № 2.

Сулержицкий Л.Д. Черты радиоуглеродной хронологии мамонтов Сибири и Севера Восточной Европы // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М., 1997.

The chronological span of some Late Palaeolithic sites according to the radiocarbon dating of the bones of megafauna

L. D. Sulerzhitsky

Summary

In the article the series of radiocarbon dates obtained from over 40 Upper Palaeolithic sites of Eastern Europe and Siberia is represented. The material processed in Geological Institute, RAS, comprised exclusively the bones of megafauna. Totally over 250 dates have been obtained. An attempt is made to demonstrate the reliability of bone material both from the standpoint of synchronism of its formation with the studied phenomena, and the possibility of repeatability of the obtained dates. The analysis of distribution of the dates at the sites gives the opportunity to single out the chronological stages of the cultural horizons' formation as far as well-dated objects are concerned, to evaluate the probability of broken character of this process, and to establish the radiocarbon age of some sites. Repeatability of the dates obtained from different materials (bone, charred bone, sooth) within the same chronological stages permits to postulate that all of them originated from the same source – hunted animals. Generally, the period of cultural remains' accumulation turns out to be more protracted than it was usually assumed. The author suggests the published data to be included into the system of the radiocarbon chronology of the Late Palaeolithic in North Eurasia.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 113–119

ДИСКУССИИ

ОБ УЧАСТИИ ЕВРОПЕЙСКИХ НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ В ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

© 2004 г. М. Б. Медникова

Институт археологии РАН, Москва

"Неандертальцы" – группа гоминид с большим объемом головного мозга, обладавшая достаточно выразительными анатомическими особенностями и населявшая Европу и Западную Азию 200–30 тыс. л.н. Они резко отличаются от современных людей по целому ряду признаков строения черепа и посткраниального скелета. Неандертальцы продолжительное время господствовали на обширной территории, но ситуация резко изменилась с появлением в Европе первых людей современного облика: после десяти тысячелетий возможного сосуществования архаические Homo исчезли.

Спустя 147 лет после открытия черепа в долине р. Неандер, отношение антропологов к таксономическому положению неандертальцев трудно назвать согласованным. Поздних гоминид архаического облика некоторые исследователи причисляют к виду *Homo neanderthalensis*, другие склонны рассматривать этих, несомненно в высшей степени разумных, существ в качестве представителей исчезнувшей расы *Homo sapiens*.

Разнообразны критерии неандерталоидности. К ним относят традиционные морфологические особенности строения черепа и посткраниального скелета и, в последнее время, – характеристики молекул древней ДНК. Остановимся подробнее на самых последних публикациях, затрагивающих таксономический статус европейских неандертальцев. Недавнее исследование краниальных вариаций рассматривало две модели: неандертальцы находились в пределах изменчивости современного человека; неандертальцы имели статус вида (Harvati, 2003). К. Харвати провела подробный статистический анализ, что позволяет ей утверждать: морфологические расстояния между неандертальцами и современными людьми, а также между неандертальцами и населением позднего палеолита существенно превышают различия между популяциями человека, и даже *больше* – расхождений между двумя видами шимпанзе. Следовательно, морфология черепа не дает доказательств генетического участия неандертальцев в происхождении современных европейцев.

Первая последовательность митохондриальной ДНК европейских неандертальцев была определена в 1997 г. (Krings et al., 1997). Это исследование, подтвержденное последующими экспериментальными работами с другими образцами (Krings et al., 2000; Ovchinnikov et al., 2000), установило, что ДНК у неандертальцев значительно отличается от таковой у современных людей.

Как отмечали Ф.А. Кэстле и К.А. Хорсбург (Kaestle, Horsburgh, 2002. P. 103) таксономический статус неандертальцев, по данным исследования митохондриальной ДНК, до конца неясен, и неизвестно, соответствует ли он видовому уровню, однако относительно высокий уровень дивергенции очевиден. А. Найт (Knight, 2003) обращает внимание на то, что участки мтДНК, отличающие неандертальцев от современных людей, относятся к стабильным, т.е. обладают относительной устойчивостью к мутациям. Это говорит в пользу давнего расхождения человеческой и неандертальской линий и против концепции метисации.

Согласно постулатам эволюционной биологии, если уровень различий между неандертальцами и кроманьонцами достигал видового порога, они не могли иметь плодовитое потомство и должны были находиться в брачной изоляции. В противном случае можно предполагать, что представители современной анатомии "растворили" в своем составе автохтонное европейское население предшествующих эпох. По меткому замечанию Я. Тэттерсолла и Дж. Швартца (Tattersall, Schwartz, 1999. P. 7117), "проблема, однако, заключается в том, что никто не знает, как мог выглядеть гибрид неандертальца и современного человека". Поэтому столь пристальное внимание исследователей привлечено к антропологическим находкам, демонстрирующим мозаичные, т.е. и неандертальские, и современные анатомические особенности. Немногочисленные скелеты гоминид, населявших Европу в переходный период 40–30 тыс. л.н., подвергались тщательному антропологическому изучению.

Сен-Сезер 1

В 1979 г. в ассоциации с шательперронским материальным комплексом был открыт фрагментарный скелет в Ла Роше (Сен-Сезер, Франция). Позднее в Гротт дю Ренн Арси-сюр-Кур в шательперронском уровне Xb найдена ювенильная височная кость, классифицированная как неандертальц-

ская. Обсуждались три основных сценария ассоциации шательперронской индустрии со скелетными останками архаического облика.

Первый сценарий предполагает признание нормального эволюционного развития мустьерской технологии, приведшей к формированию верхнепалеолитической традиции на территории Франции. Второй и третий сценарии базируются на допущении одновременного существования шательперронской и раннеориньякской традиции и на предположении о создании раннеориньякской индустрии людьми современного облика. Согласно второй гипотезе, шательперрон был продуктом аккультурации, в результате которой неандертальцы восприняли технологические достижения и социальную организацию соседствующих ориньякских племен. Исходя из третьего сценария, шательперрон был итогом экологической конкуренции между среднепалеолитическими неандертальцами и современными людьми раннего верхнего палеолита, когда испытавшие новое селективное давление неандертальцы выработали прогрессивные технологические способы эксплуатации природных ресурсов.

Исследователей останков из Сен-Сезера интересовал вопрос, насколько изменившийся характер поведения неандертальцев в связи с использованием верхнепалеолитической культурной традиции отразился в их морфологии (Trinkaus et al., 1998; 1999). Манипуляторное поведение и локомоция шательперронцев были реконструированы путем изучения геометрии поперечного сечения трубчатых костей индивидуума Сен-Сезер 1.

Он оказался сходен с другими европейскими неандертальцами благодаря округлому сечению бедренной кости в проксимальной ее части, отсутствию пилястра, округлым очертаниям гребня большеберцовой кости, но отличается от неандертальцев выраженностью дельтовидной бугристости плечевой кости и дорзальным выступанием медиального контрфорса бедренной кости. В других диафизарных сечениях Сен-Сезер 1 сходен с представителями как неандертальской, так и анатомически современной выборок. В строении нижней конечности Сен-Сезер 1 сходен с обеими группами по степени массивности, если брать за основу неандертальские пропорции, но он выглядит гипермассивным, если использовать пропорции, типичные для верхнего палеолита. Строение в срединной части бедренной кости Сен-Сезер 1 демонстрирует бóльшую степень развития медиолатеральных стенок, но вместе с тем он сходен с ранними представителями современной морфологии благодаря усилению передне-задних стенок диафиза.

Форма диафиза бедренной кости наиболее адекватно соответствует неандертальской модели пропорций таза и бедра, сочетаясь с анатомически прогрессивной передне-задней гипертрофией в середине диафиза. Последняя особенность отражает возросший уровень двигательной активности, характерный для людей верхнего палеолита и нетипичный для классических неандертальцев, однако примечательно, что структурное усиление осуществляется "на базе неандертальской морфологии", без развития пилястра, характерного для современной анатомии. В строении верхней конечности площадь кортикального слоя вновь сближает Сен-Сезер 1 с неандертальцами, но форма диафиза в проксимальной части имеет смешанные черты.

Антропологи подчеркивают (Trinkaus et al., 1999), что остается неясным, являются ли гиперарктические неандертальские пропорции тела шательперронца из Сен-Сезера филогенетическим наследием или продолжавшейся анатомической адаптацией к температурным стрессам ледниковой Европы. Предположительно, Сен-Сезер 1, унаследовав базовые пропорции и строение тела большинства неандертальцев Европы, демонстрирует некоторые функциональные анатомические особенности, отражающие изменения в использовании верхних конечностей и общем уровне физических нагрузок. В поведенческом отношении он близок людям раннего верхнего палеолита.

Фогельхерд 3 (Штеттен)

Пещера Фогельхерд принадлежит холмистой гряде в восточной части долины реки Лоне на юго-западе Германии (48°, 34' N, 10°, 12'E). Поскольку она находится в 1 км от маленького городка Штеттен, памятник иногда называют по имени этого населенного пункта. Раскопки пещеры производились с 1931 г. под руководством Густава Рика из Института преистории Тюбингенского университета. Протяженность пещеры составляет 23 м, ее ширина варьирует в разных местах от 3 до 6 м. Существуют два главных входа в пещеру. Первый обращен к югу, второй – на юго-запад. Археологические находки были ассоциированы с обоими входами. Толщина отложений варьировала от 2 до 4 м. Г. Рик открыл стратифицированные культурные слои, охватывающие очень продолжительный период – от ашеля до неолита.

Наиболее значимые артефакты были представлены каменными и костяными орудиями. Кроме того, удалось обнаружить характерные для ориньяка небольшие фигурки, изображавшие животных и человека. Рик выделил три фазы ориньяка в пещере Фогельхерда, которые он обозначил как нижний, средний и верхний ориньяк. "Нижний ориньяк" был представлен немногочисленными каменными и двумя костяными орудиями. Х. Мюллер-Бек (Sammlerinnen..., 1983) отметил, что эта индустрия в своих основных чертах более характерна для мустье, а не для ориньяка, и

предложил считать этот слой позднемустьерским. "Средний ориньяк" по Рику теперь обозначается как горизонт V и представляет собственно ранний ориньяк на памятнике, тогда как позднему ориньяку соответствует горизонт IV. Типичный для ориньякской культуры инвентарь и костяные изделия происходят из этих двух горизонтов.

Фрагменты по меньшей мере трех человеческих скелетов встречены в пещере Фогельхерда. Первый индивидуум Фогельхерд (Штеттен) 1 представлен черепной крышкой современного облика. Большая часть лицевого скелета отсутствовала. Части нижней челюсти, обнаруженные в 0.15 м к востоку от краниума на глубине 0.33 м от него, так же как и крышка черепа, находились в так называемом сожженном слое прямо перед юго-западным входом в пещеру (профиль 1). В 2–3 м восточнее черепа в том же слое открыты два поясничных позвонка, соответствующие по цвету основной находке и, после Г. Рика, относимые к одному и тому же индивидууму. Как отмечают С. Черчилл и Ф. Смит (Churchill, Smith, 2000. P. 254), в литературе была некоторая путаница по поводу того, в каком горизонте найден череп. В 1937 г. антрополог Гизелер написал, что череп и сожженный слой находились между "средним и верхним ориньяком", т.е. сверху горизонта V. Однако Г. Рик еще в 1934 г. ясно указал, что фрагменты скелета обнаружены в основании горизонта V.

Останки второго индивидуума Фогельхерд (Штеттен) 2 были обнаружены в профиле 9 внутри второго, южного прохода в пещеру. Таким образом, кости Фогельхерд 1 и 2 разделены между собой всей протяженностью пещеры. Согласно Г.Рику, скелет Фогельхерд 2 был найден над верхним ориньякским слоем (теперь это уровень IV), и его "запечатали" более поздние отложения мелко расколотого бело-желтого известняка, без признаков культурного воздействия. На основании стратиграфии, представленной Г. Риком, В. Гизелер (Gieseler, 1937) преположил, что череп Фогельхерд 2 принадлежал поздней мадленской эпохе.

С точки зрения морфологии, оба черепа, несомненно, принадлежат современным людям, несмотря на некоторые архаичные особенности. Эти находки были особенно значимы для германской науки 1930-х годов, поскольку "дотягивали" верхний палеолит в этой стране до уже известных находок во Франции и Моравии. Черепа обладали большой ценностью для Г. Рика, ведь, как он полагал, они позволяли реконструировать сложное ритуальное поведение, связанное с культом головы и, возможно, каннибализмом у ориньякцев Фогельхерда (Riek, 1934. P. 302–308).

Останки третьего индивидуума из Фогельхерда ранее не привлекали особого внимания. Фогельхерд 3 представляет собой массивную правую плечевую кость с разрушенным проксимальным эпифизом. По В. Гизелеру, кость происходит из центральной части пещеры, из основания "среднего ориньякского слоя" (теперь ранний ориньяк, горизонт V). Указанный фрагмент скелета частично помещался в этом слое, а частично в подстилающем стерильном уровне, образованном грубым известняковым щебнем. По-видимому, локализация Фогельхерд 3 должна быть между отмеченными Г. Риком профилями 3 и 6. В. Гизелер (Gieseler, 1937. P. 43), ссылаясь на мнение Г. Рика, замечает, что плечевая кость должна быть древнее черепа Штеттен 1.

Согласно радиоуглеродным анализам (Sammlerinnen..., 1983), горизонт IV Фогельхерда относится к позднему ориньяку давностью 30730 л.н. (ошибка 750 лет) и соответствует холодному, сухому климату. Для горизонта V получены даты 30 162 ± 1 340 и 31 900 ± 1 100 л.н. Климат в это время еще был холодным и влажным. К влажному периоду раннего ориньяка относят датировки другого памятника Гайсенклостерле, горизонт 3 которого ложится в промежуток 34 тыс. –36 500 л.н. Если он соотносится с горизонтом V Фогельхерда, то основание этого слоя, где была найдена плечевая кость, соответствует концу вюрмского интерстадиала II/III (34–36.5 тыс. л.н.). Это делает плечевую кость Фогельхерд 3 одной из самых ранних скелетных находок носителей ориньякской культуры.

С. Черчилл и Ф. Смит (Churchill, Smith, 2000) посвятили специальное исследование поиску неандерталоидных особенностей штеттенской плечевой кости, ведь первый ее исследователь В. Гизелер, отметив массивность и сильное развитие костно-мускульного рельефа, причислил Фогельхерд 3 к числу неандертальских форм. Согласно новейшей реконструкции, при помощи двух уравнений регрессии длина плечевой кости составляла порядка 338 мм. На основании общих размеров и рельефности мест прикрепления мышц было сделано заключение о принадлежности останков мужчине. Большие продольные размеры, редукция площади кортикального слоя в середине и в верхней трети диафиза, морфология дельтовидной бугристости, медиальной и латеральной дорзальных поверхностей дистального эпифиза позволяют идентифицировать плечевую кость как морфологически современную.

Массивность посткраниального скелета не является надежным таксономическим индикатором при разграничении архаических и современных форм (Pearson, Grine, 1996; Churchill et al., 1996). Хотя выявлена генеральная тенденция снижения диафизарной массивности и ранние представители современного человека в Европе в целом демонстрируют менее массивные диафизы по сравнению с европейскими неандертальцами, высо-

кий уровень внутригрупповых вариаций делает эти признаки ненадежными индикаторами таксономических различий. Как отмечают исследователи, немногие признаки, сближающие плечевую кость Фогельхерд 3 с неандертальцами, пластичны по отношению к внешним воздействиям и не могут быть использованы для классификации. Размеры и степень развития мест прикрепления мышц формируются под воздействием постоянной физической нагрузки. Область прикрепления большой грудной мышцы (m.pectoralis major) на кости Фогельхерд 3 развита сильнее по сравнению со средними значениями для мужчин раннего верхнего палеолита, но, по данным Смита, в неолитической выборке с территории Германии 24% мужчин демонстрировали уровень развития этой мышцы равный или превышавший неандертальские значения.

Итак, находка времен раннего ориньяка не дает оснований говорить о "мозаичной" морфологии филогенетического свойства, она лишь демонстрирует высокий уровень физических нагрузок на верхнюю конечность у конкретного мужчины Фогельхерд 3, сопоставимую с усиленными нагрузками у неандертальцев Европы. Мы можем также реконструировать тип движения, способствовавшего гипертрофированному развитию мускулатуры – опускание поднятой вверх руки и приведение ее к туловищу с одновременным поворотом вовнутрь (Медникова, 1998. С. 154).

Так называемая мозаичность морфологии посткраниального скелета гоминид переходного периода пока не дает прямых доказательств в пользу генетического смешения между мустьерскими неандертальцами Европы и носителями современного анатомического облика. Подчеркнем, что культурная традиция шательперронцев привела к изменениям в двигательной активности и сопутствующим функционально-анатомическим изменениям, но сумма пластических ответов костной ткани реализовывалась на основе "классической" неандертальской конституции, например без формирования наружного пилястра бедренной кости. С другой стороны, гипертрофированное развитие мускулатуры у раннего ориньякца Фогельхерда, отражающее сопоставимый с неандертальцами ледниковой Европы уровень физических нагрузок на верхнюю конечность, целиком входит в вариации современного человечества и может свидетельствовать о некотором совпадении "стиля жизни", формировавшегося в сходных условиях воздействия социальной и природной среды.

Лагар Вельо

Дискуссия о возможности генетического смешения неандертальского и кроманьонского населения, а также о связи морфогенетических особенностей с климатическими изменениями оживилась с открытием в Португалии в Абриго до Лагар Вельо (Abrigo do Lagar Velho) останков 3.5–5-летнего ребенка, скончавшегося приблизительно 24.5 тыс. л.н. (Duarte et al., 1999). На Иберийском полуострове встречены следы наиболее поздних неандертальцев (памятник Зафаррайя в южной Испании имеет датировку порядка 27 тыс. лет), поэтому антропологические свидетельства возможной гибридизации архаических и современных Homo чрезвычайно важны. Скелет Лагар Вельо 1 был погребен в соответствии с верхнепалеолитическими традициями граветта, в сопровождении орнамента из раковин и охры. Однако, согласно оценке Э. Тринкауса, тибио-феморальный указатель соответствует "арктическому" варианту пропорций и наряду с такими признаками, как сильное развитие мускулатуры плечевого пояса, свидетельствует в пользу неандерталоидности индивидуума. Обстоятельная монографическая публикация, посвященная детскому скелету из Лагар Вельо (Portrait..., 2002), по замыслу Ж. Зильао и Э. Тринкауса, была призвана обосновать принадлежность граветтийского ребенка из Португалии к кругу метисных форм. Учитывая научный авторитет этих исследователей, можно не сомневаться, что предлагаемая ими интерпретация получит самое широкое распространение.

Однако уже первая публикация останков Лагар Вельо вызвала критические замечания некоторых антропологов. Я. Тэттерсолл и Дж. Швартц (Tattersall, Schwartz, 1999. P. 7118) заметили, что в строении черепа, нижней челюсти и зубов лагарского ребенка нет ничего нетипичного для представителя Homo sapiens такого юного возраста. Касаясь пропорций скелета, они подчеркивали вариабельность этих показателей среди современного человечества. Другие признаки посткраниальной морфологии, например длина ветви лобковой кости, классический дискриминатор неандертальской и кроманьонской морфологии, у лагарского ребенка имеет современные значения. Морфология лучевой кости также целиком современна.

Сложность скелетной диагностики сопряжена с тем, что нам ничего неизвестно о морфологии неандертальских и кроманьонских детей четырехлетнего возраста. Поэтому интерпретация скелетных пропорций Лагар Вельо 1 представляется небесспорной (Homo sungirensis..., 2000. С. 380, 381). Во-первых, существует закономерность роста, выражающаяся в первоначально ускоренном развитии бедренной кости по сравнению с большеберцовой, во-вторых, рост голени в возрасте 3–5 лет мог быть приостановлен под воздействием физиологических стрессов. Но, например, по нашим наблюдениям, у сунгирских детей в 10 и в 13 лет также можно говорить о некотором замедлении продольного развития голени, однако отставание успешно компенсируется в пропорциях и размерах взрослой формы, демон-

стрирующей типично кроманьонские линейные пропорции. Скелет Лагар Вельо 1 обнаруживает близкие подростку Сунгирь 2 линейные пропорции верхней конечности и соотношение длины руки к длине ноги (Homo sungirensis..., 2000). Будучи сопоставлен с ровесниками из числа современных арктических монголоидов, Лагар Вельо 1 характеризуется относительным удлинением предплечья и некоторым снижением интермембрального указателя, т.е чертами, которыми мог обладать потомок мигрантов из тропических широт. Таким образом, на мой взгляд, португальская сенсация на данный момент не опровергает аргументы сторонников концепции замещения и даже может послужить новым примером морфологической адаптации человека современного вида к климату ледникового периода. К сожалению, сохранность коллагена в костной ткани не позволила исследователям применить методы молекулярно-генетического анализа, которые могли бы дать более определенный ответ об участии неандертальского субстрата (Э. Тринкаус, личное сообщение). Заметим, что новые антропологические находки граветта с территории Испании (детская затылочная кость со стоянки Малладетес в Валенсии, 25120 ± 240 л.н.) не подтверждают генетического влияния неандертальцев (Arsuaga et al., 2003).

Сунгирь

Как представляется А.Г. Козинцеву (1997. С. 112), люди из Сунгиря родственны не ориньякцам и их потомкам (т.е., мигрантам), а "шательперронцам и прочим верхнепалеолитическим неандертальцам, как о том и свидетельствует археология". Публикация новой коллективной монографии, посвященной антропологии сунгирских находок (Homo sungirensis..., 2000), побудила А.Г. Козинцева (2003) вновь обратиться к аргументам, доказывающим происхождение этой группы верхнепалеолитического населения от неандертальцев Европы. Рассмотрим имеющиеся данные сквозь призму возможного неандертальского субстрата, лежащего, по А.Г. Козинцеву, в основе сунгирской палеопопуляции.

Итак, предварительные итоги молекулярно-генетического анализа, во-первых, свидетельствуют о бесспорной принадлежности сунгирцев к виду *Homo sapiens sapiens*, причем структура их митохондриальной ДНК принадлежит к числу наиболее распространенных по сей день. Последний результат отчасти контрастирует с мнением, высказывавшимся ранее В.М. Харитоновым, который оценивал таксономические отличия кроманьонцев и современного человека достаточно высоко, на уровне подвида (Харитонов, 1991. С. 73), но, как известно, уровень генотипического и фенотипического полиморфизма может сильно отличаться.

Во-вторых, строение митохондриальной ДНК представителей сунгирской палеопопуляции не представляет доказательств в пользу их происхождения от европейских неандертальцев.

Краниология мужского черепа Сунгирь 1, подробно исследованная еще корифеями отечественной антропологии Г.Ф. Дебецем и В.В. Бунаком, подверглась дальнейшей детализации в коллективной монографии "Homo sungirensis" (2000). Как отмечает соавтор В.В. Бунака по первой сунгирской монографии М.М. Герасимова (Homo sungirensis..., 2000. С. 158), по прошествии 15 лет некоторые моменты требуют определенного переосмысления. Характеризуя особенности черепа Сунгирь 1 и его место в ряду других верхнепалеолитических черепов, М.М. Герасимова подчеркивает своеобразие данного краниума, тем не менее входящего в круг форм верхнепалеолитических черепов Европы (Homo sungirensis..., 2000. С. 171). Итоги краниотригонометрического обследования, выполненного С.В. Васильевым (Homo sungirensis..., 2000. С. 177), говорят о принадлежности черепа Сунгирь 1 к виду *Homo sapiens*, причем по разным системам признаков наблюдается сближение с индивидуумами Пшедмости 3, Младеч Лауч 1, Кро-Маньон 1, Комб Капель, Фиш Хук, Шандидунь. Т.И. Алексеева (Homo sungirensis..., 2000. С. 182–190) рассмотрела результаты пяти канонических анализов верхнепалеолитических черепов. Согласно ее заключению, сунгирский череп, безусловно, включается в круг европейских, точнее западноевропейских верхнепалеолитических находок, сохраняя при этом некоторые специфические черты, проявляющиеся в его крупных лицевых размерах, которые могут быть трактованы как индивидуальная особенность. По итогам многомерного анализа в верхнепалеолитической Европе выделилось три краниологических варианта, не имеющих очерченных территорий. Первый представлен находками Кро-Маньон 1, Костенки 2, другой вариант – находкой Солютре. Сунгирь 1 скорее всего включается в наиболее многочисленный вариант, представленный Шанселяд, Комб-Капель, Пшедмости 3 и 9, Младеч 1, Уртьяга В1, и, возможно, Сан-Теодоро 1, 3, Барма Гранде 5. Итак, заметим, что верхнепалеолитические черепа демонстрируют значительный полиморфизм. Вместе с тем данные краниологии свидетельствуют об отсутствии неандерталоидных особенностей у сунгирского мужчины.

Подробно характеризуя посткраниальный скелет сунгирского мужчины, Е.Н. Хрисанфова отметила, что рост, пропорции конечностей, некоторые черты морфологии плечевой кости, длинные, умеренно массивные кости предплечья, длинное бедро с широким верхним эпифизом, крупной циркулярной головкой, опущенной шейкой, сильным пилястром, специфическим характером рельефа верхнего конца кости, платикнемия, повышенный

торзион и сильная ретроверсия большеберцовой кости образуют многочисленные признаки сходства с переднеазиатскими сапиентными мустьерцами группы Схул. Сходство между сунгирцем и Схул 4 по признакам строения кисти и стопы, которые находятся под генетическим контролем, признано поразительным (Homo sungirensis..., 2000. С. 346).

Что же поистине архаического, не считая морфологической близости палестинским "прогрессивным" мустьерцам, наблюдается в облике сунгирца? Это исключительная плотность телосложения, резкая брахиморфия верхней части туловища, сильное развитие мезоморфного компонента, внешне массивный скелет. Соотношение P/S (вес к поверхности тела) соответствует групповому максимуму современного человека и близко к величине у классических неандертальцев.

Указанные признаки сами по себе не являются видоспецифичными и характерны не только для европейских неандертальцев, но и для современных арктических монголоидов (например, алеутов и эскимосов). "Все выше названные признаки рассматриваются – по аналогии с адаптивными особенностями современного человека – в качестве приспособительных к условиям холодового стресса; они возникают конвергентно в популяциях, которые могут быть не связаны родством, но жить в одной и той же экологической нише." (Homo sungirensis..., 2000. С. 453).

Если вернуться к обсуждению морфологических деталей, нельзя не отметить отсутствия в морфологии сунгирцев некоторых важных анатомических особенностей "классических" неандертальцев. Так, у неандертальца Сен-Сезера, несмотря на "верхнепалеолитические" физические нагрузки и локомоцию, связанную с более прогрессивной деятельностью, так и не происходит формирования наружного пилястра бедренной кости, т.е., по-видимому, это признак находился под генетическим контролем. У индивидуумов Сунгирь 1 и 4 пилястр присутствует, а особенности формы поперечного сечения бедренной кости не имеют ничего общего с известными для неандертальцев и целиком соответствуют современным анатомическим формам (Homo sungirensis..., 2000. С. 324; Mednikova, Trinkaus, 2001).

Данные молекулярной генетики, морфологии черепа и посткраниального скелета не предоставляют доказательств участия "классических" европейских неандертальцев в происхождении сунгирской группы верхнепалеолитического населения. Изучение изменения облика населения при переходе от среднего к верхнему палеолиту в Европе остается актуальной проблемой. Пристального внимания заслуживают скелеты представителей верхнего палеолита, возможно, несущие следы воздействия неандертальского субстрата. Однако фрагментарность находок, неодинаковый возрастной статус всегда будут способствовать дискуссиям вокруг выдвигаемых концепций. Морфологические критерии, используемые для разграничения архаических и современных анатомических вариантов, весьма неравнозначны, и этот факт следует учитывать представителям смежных научных дисциплин, использующих данные палеоантропологии в своих построениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Козинцев А.Г. Переход от неандертальцев к людям современного типа в Европе: эволюция путем полового отбора? // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М., 1997.

Козинцев А.Г. От среднего палеолита к верхнему: адаптация и асимиляция (сунгирская проблема на новом этапе изучения) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1 (13).

Медникова М.Б. Описательная программа балловой оценки степени развития рельефа длинных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.

Харитонов В.М. Онтогенез структурных компонентов стадиальных типов гоминид // ВА. 1991. Вып. 85.

Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования / Ред. Т.И. Алексеева, Н.О. Бадер, М., 2000.

Arsuaga J.L., Villaverede V., Quam R. et al. The Gravettian occipital bone from the site Malladetes (Barx, Valencia, Spain) // J. Human Evolution. 2002. V. 43.

Churchill S.E., Pearson O.M., Grine F.E. et al. Morphological affinities of the proximal ulna from Kasies River main site: archaic or modern? // J. Human Evolution. 1996. V. 31.

Churchill S.E., Smith F.H. A modern human humerus from the early Aurignacian of Vogelherdhohle (Stetten, Germany) // Amer. J. Phys. Anthropol. 2000. V. 112.

Duarte C., Mauricio J., Pettitt P.B. et al. The early Upper Paleolithic skeleton from the Abrigo do Lagar Velho (Portugal) and modern human emergence in Iberia // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 1999. V. 96.

Gieseler W. Bericht über jungpaläolitischen Skelettrest von Stetten ob Lontal bei Ulm // Verh. Gesellschaft Phys. Anthrop. 1937. Bd. 8.

Harvati K. The Neanderthal taxonimic position: models of intra- and inter-specific craniofacial variation // J. Human Evolution. 2003. V. 44.

Kaestle F.A., Horsbugh H.A. Ancient DNA in anthropology: Methods, Applications and Ethics // Yearbook of Physical Anthropology, supplement 35. 2002. V. 45.

Knight A. The phylogenetic relationships of Neandertal and modern human mitochondrial DNAs based on informative nucleotide sites // J. Human Evolution. 2003. V. 44.

Krings M., Capelli C., Tschentscher F. et al. A view of Neandertal genetic diversity // Nature Genetics. London. V. 26. London, 2000.

Krings M., Stone A., Schmitz R.W. et al. Neandertal DNA sequences and the origin of modern humans // Cell, Cambridge. 1997. V. 90.

Mednikova M., Trinkaus E. Femoral midshaft diaphyseal cross-sectional geometry of the Sunghir 1 and 4 Gravettian human remains // Anthropologie (Brno). 2001. V. XXXIX/2–3.

Ovchinnikov I., Gotherstrom A., Romanova G.P. et al. Molecular analysis of Neandertal DNA from the Northern Caucasus // Nature. 2000. V. 404.

Pearson O.M., Grine F.E. Morphology of the Border Cave ulna and humerus // South African J. Sci. 1996. V. 92.

Portrait of the artist as a child. The Gravettian human skeleton from the Abrigo do Lagar Velho and its archeological context. // Eds J. Zilhao, E. Trinkaus Lisboa, 2002.

Riek G. Die Eiszeijagerstation am Vogelherd. Bd. 1. Die Kulturen. Leipzig, 1934.

Sammlerinnen und Jager von des Anfangen bis vor 35000 Jahren // Urgeschichte in Baden-Wurtenberg / Ed. Müller-Beck H. Stuttgart, 1983.

Tattersall I., Schwartz J. Hominids and hybrids: The place of Neanderthals in human evolution // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 1999. V. 96.

Trinkaus E., Churchill S.E., Ruff C.B., Vandermeersch B. Long bone shaft robusticity and body proportions of the Saint-Cesaire 1 Chatelperronian Neanderthal // J. Archaeol. Sci. 1999. V. 26.

Trinkaus E., Ruff C.B., Churchill S.E., Vandermeersh B. Locomotion and body propotions in the Saint-Cesaire 1 Chatelperronian Neandertal // Proceedings of the National Academy of Sciences USA. 1998. V. 95.

Concerning the role of European Homo neanderthalensis in the origin of man of contemporary physical type

M. B. Mednikova

Summary

Anthropologists' views on the taxonomic position of Neanderthal man are far from being conformed. Some investigators attribute the late hominids of archaic appearance to the species *Homo neanderthalensis*, while other scholars are inclined to regard these undoubtedly highly rational beings as the representatives of the disappeared race *Homo sapiens*. If the differences characterising Neanderthal and Cro-Magnon men reached the species level, they were not able to produce fecund posterity, otherwise we may suppose that the bearers of contemporary anatomic features had assimilated the autochthonous Europeans of the earlier epochs. Anyway, the problem is that nobody knows what could the hydrid of Neanderthal man and contemporary man look like. Recently some specialists resume considetraions of the anthropological finds attested to the transitional period from the Early to the Middle Upper Palaeolithic in search of so-called hybrid forms. In the paper are discussed debatable finds that some authors regard as the examples of inconformity of anthropological indications. Critical analysis of some investigations is suggested, and the problem is raised if the criteria of neanderthaloidness are of diagnostic value.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 120–129

ДИСКУССИИ

ДИАЛОГ О ГЕНЕЗИСЕ КУЛЬТУРЫ КУНДА

© 2004 г. А. Н. Сорокин

Институт археологии РАН, Москва

Проблема начала или начало проблем?

Проблеме происхождения культуры кунда посвящено столько исследований, что добавить к этому, казалось бы, уже нечего. Тем не менее появление за последние пять лет серии работ по данной проблематике (Залізняк, 1999; Кольцов, Жилин, 1999; Butrimas, Ostrauskas, 1999; Sorokin, 1999; Sulgostowska, 1999; Жилин, 2000; 2001; Ostrauskas, 2000; Ксензов, 2001) показывает, что тема эта далеко не исчерпана. Очевидно и другое: дело не в происхождении конкретной археологической культуры, а в общетеоретической неразработанности этого понятия. Автор далек от мысли поставить точку в дискуссии, но считает своевременным напомнить свои представления на этот счет.

В литературе доминирует гипотеза о происхождении культуры кунда на основе свидерской культуры. Я считаю, что среди предков кундского населения следует назвать обитателей Центра Русской равнины – население рессетинской культуры (Сорокин, 1987; 1989; 1994; 2002; Sorokin, 1999). Поскольку свидерская гипотеза кундского генезиса в последнее время наиболее обстоятельно изложена М.Г. Жилиным (2000), то логично сравнить позиции в форме диалога.

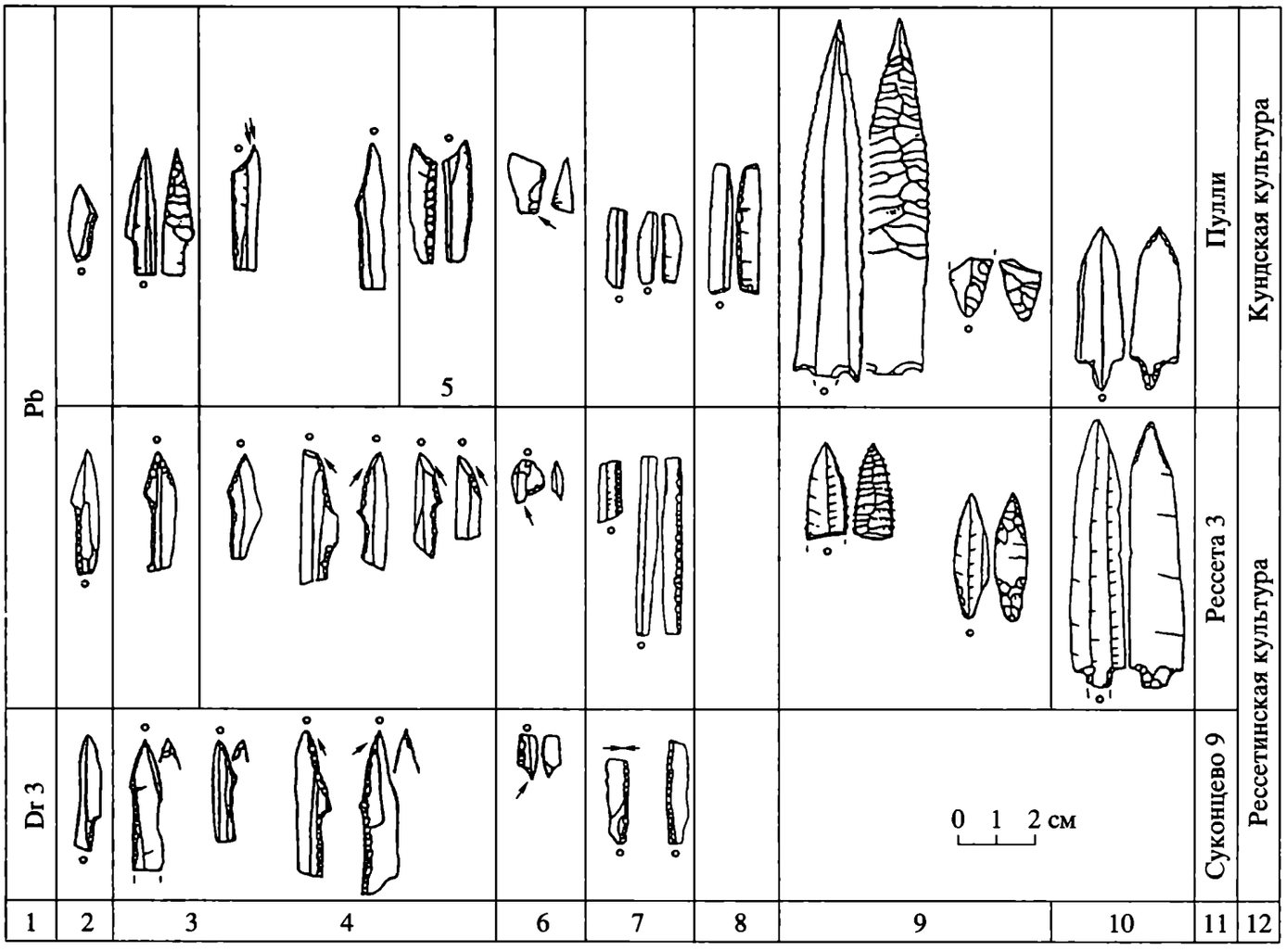
Компоненты индустрии или индустрия компонентов?

Стоянка Пулли (Jaanits, 1981) является самым древним кундским памятником, поэтому вопрос ее происхождения напрямую связан с проблемой генезиса пуллийской индустрии. М.Г. Жилин считает, что "*материал памятника един*"[1], но доказательств этому не приводит (Жилин, 2000). Имеющиеся данные позволяют поставить под сомнение этот тезис. Анализ охотничьего вооружения, которое считается основным при выделении археологических культур эпохи мезолита (Формозов, 1959), показывает его бинарность. Коллекция Пулли включает пять типов колющих наконечников стрел: 1) асимметричные с боковой выемкой без плоской ретуши на брюшке (рисунок, *2*); 2) такие же с плоской ретушью на брюшке (рисунок, *3*); 3) симметричные черешковые с плоской ретушью на брюшке (рисунок, *9*); 4) такие же с полукрутой ретушью на брюшке (рисунок, *10*) и 5) шиповидные острия (рисунок, *4*); кроме того три типа микролитов: 6) с затупленным ретушью краем (рисунок, *7*); 7) с затупленным ретушью краем и основанием (рисунок, *5*) и 8) прямоугольники (рисунок, *8*).

Резко доминируют наконечники типов 1, 2, 5 и микролиты типов 6–8, которые совершенно не известны в свидерской культуре, но составляют основу рессетинского охотничьего вооружения (Сорокин, 1989). Подчиненное положение занимают наконечники типов 3 и 4, традиционно называемые "постсвидерскими". Несмотря на такое их устойчивое обозначение, аналогов в свидерской культуре они не имеют (Taute, 1968; Kozlowsky J. and S., 1975; Prahistoria..., 1975; Зализняк, 1989; Залізняк, 1999). В то же время все восемь типов охотничьего вооружения Пулли, включая "постсвидерские", имеются в материалах позднего этапа рессетинской культуры и аналогичны изделиям ее эпонимной стоянки Рессеты 3 (Sorokin, 1999; Сорокин, 2002). Из-за того что в Пулли та же техника первичного расщепления и вторичной отделки, включая микрорезцовую технику, одинаковый типологический состав, присутствуют те же типы охотничьего вооружения, но все они выглядят поздними на фоне рессетинских материалов, можно говорить об их тождестве и развитии в Пулли рессетинских традиций. Предположение о предшествовании Пулли рессетинским материалам и миграции пуллийского населения в Волго-Окский бассейн не снимает вопроса истоков пуллийской индустрии, прототипов которой в Прибалтике нет. Как нет их в материалах исконных свидерских земель (Taute, 1968; Prahistoria..., 1975; Палеолит..., 1984; Kozlowski, 1972; 1989; Kozlowski J. and S., 1975; Зализняк, 1989; Залізняк, 1999; Копытин, 1991). Напротив, Рессете 3 предшествуют такие финально-палеолитические памятники, как Суконцево 8, 9 и Таруса 1, которые в свою очередь развивают традиции восточного граветта (Сорокин, 1989; 2002; Восточный граветт, 1998).

К тому же выводу об отсутствии сходства пуллийского и свидерского вооружения, кроме единственного приема вторичной обработки – плоской вентральной ретуши на наконечниках, пришла и польская исследовательница С. Сулгостовска (Sulgostowska, 1999). Следовательно, тезис о сви-

[1] Здесь и далее курсив мой – *А.С.*

Охотничье вооружение рессетинской и кундской культур. 1 – период; 2 – асимметричные наконечники с боковой выемкой; 3 – асимметричные наконечники с боковой выемкой и вентральной ретушью; 4 – шиповидные острия; 5 – микролиты с затупленным ретушью краем и основанием; 6 – микрорезцы; 7 – микролиты с затупленным ретушью краем; 8 – прямоугольники; 9 – симметричные черешковые и иволистные наконечники с вентральной ретушью; 10 – симметричные черешковые наконечники с полукрутой ретушью на брюшке; 11 – памятники; 12 – культуры.

дерских истоках пуллийского охотничьего вооружения (и индустрии в целом) неверен и от него следует отказаться. Вывод о неоднородности материала Пулли подтверждают и его даты.

Даты памятника или памятник датам?

Для памятника получено пять радиокарбоновых дат. Пребореальный возраст Пулли подтверждает и пыльцевая диаграмма (Яанитс, 1989; Loze, Liiva, 1990). Комментируя эти сведения, М.Г. Жилин пишет, что "*памятник однослойный.., даты соответствуют друг другу, а последняя из них 9350 ± 60 (ТА–949), взятая из очага в верхней части слоя, наиболее точно соответствует времени заселения стоянки*" (2000. С. 72). Вынесение дат на полигон показывает, что они четко распадаются надвое. Интервал первой группы составляет 9480–9690 л.н. или 210 лет, второй – соответствует 9290–9375 л.н. или 85 годам, а интервал между обеими группами в 105 лет вполне ощутим на фоне общих для выборок интервалов образцов. Следовательно, было не менее двух разных заселений стоянки. Это еще раз ставит под сомнение тезис о единстве материала. Конечно, заманчиво отождествить первый эпизод с рессетинским комплексом, а второй – с "постсвидерским", однако памятник раскапывался без трехмерной фиксации находок, поэтому строгих оснований для этого нет. Косвенным подтверждением смешанности материала Пулли служит стоянка Лепакозе, в нижнем слое которой есть пуллийский (=рессетинский) наконечник с боковой выемкой, но отсутствуют постсвидерские (Jaanits, 1978). Таким образом, бинарность коллекции Пулли, перерыв в его радиокарбоновых датах на фоне "чистоты" нижнего слоя Лепакозе дают основание для сомнения в единстве коллекции Пулли. Если генезис "рессетинского

компонента" Пулли очевиден, то вопрос о свидерских истоках "постсвидера" значительно сложнее.

"Постсвидер" или пост Свидера?

Имеющиеся в настоящее время данные позволяют утверждать, что прием плоского вентрального ретуширования колющих наконечников распространен гораздо шире, чем территория и хронологические рамки свидерской культуры. Он имеется как в материалах более древних, включая рессетинскую культуру (Палеолит..., 1982; 1984; Восточный граветт, 1998), так и синхронных, но значительно удаленных от Восточной Европы (Neolithic in Turkey, 1997; Слободин, 1999; Хлобыстин, 1998; Мочанов, Федосеева, 2002). При этом говорить о связях населения Аравийского и Анатолийского полуостровов, Европейских равнин, Восточной Сибири и Дальнего Востока, где подобные изделия встречаются, никакого основания нет. Очень многое изменилось с 1950–1970-х годов в представлениях о мезолите Восточной Европы, когда формировалась идея о постсвидерских индустриях, значительно расширился круг источников, поэтому вряд ли теперь можно всерьез полагать, что один-два элемента обработки или формы достаточны для отождествления между собой каких бы то ни было индустрий. Вот почему увязывать их появление в кундской культуре со свидерским наследием по принципу территориально-хронологической близости достаточного основания нет. Характерно, что и сам С. Козловский, предложивший на рубеже 1960–1970-х годов термин "постсвидер" (Kozlowski, 1972), еще в 1989 г. писал, что "*у нас нет сведений, позволяющих датировать этап свидерской дисинтеграции и его перехода в постсвидер*" (Kozlowski, 1989. С. 166).

Традиция трансформаций или трансформация традиций?

Тем не менее М.Г. Жилин утверждает что "*трансформация индустрии свидерских памятников типа Саласпилс Лаукскола в индустрию ранней кундской культуры в течение первой половины пребореала органично вписывается в развитие наиболее ранних постсвидерских индустрий*" (2000. С. 72). Не останавливаясь на терминах, замечу, что отсутствие радиокарбоновых дат этой стоянки со всей очевидностью свидетельствует, что такое утверждение голословно.

Сравнение свидерских комплексов с Пулли приводит меня к противоположному выводу: эти индустрии имеют качественные различия в технике первичного расщепления, вторичной отделки, а также составе обрабатывающих орудий и охотничьего вооружения. В свидерской культуре господствует торцевой принцип расщепления челновидных ядрищ, в Пулли – круговое раскалывание призматических и конических нуклеусов. В них не просто разный принцип расщепления, крепления, но и вращения ядрищ в ходе раскалывания. Не лишним будет отметить отсутствие в Пулли и других "постсвидерских" индустриях челновидных свидерских нуклеусов, присутствие которых было бы логично в случае их генетического родства.

В свидерской индустрии целью расщепления служит получение пластинчатых сколов, в пуллийской – микропластин. В первом случае вкладышевая техника неизвестна. Даже в Яново и других свидерских стоянках Посожья, где микролитизм заготовок вызван размерами сырья, не происходит ее изобретения (Копытин, 1991). В Пулли, напротив, это основа индустрии и охотничьего вооружения.

В свидерских памятниках неизвестна микрорезцовая техника, в Пулли она маркируется микрорезцами. В свидерских материалах не используется крутое краевое ретуширование, в Пулли это наиболее характерный прием вторичной обработки.

Значительно различается орудийный набор двух культур, причем состав небольшой коллекции Пулли разнообразнее набора любой самой крупной свидерской коллекции. Среди обрабатывающих орудий Пулли нет срединных резцов, характерных для свидерских стоянок, многообразнее формы скребков и нет топоров с перехватом, зато есть тесла подтрапециевидных и подовальных очертаний. В свидерской культуре отсутствует вкладышевое охотничье вооружение, напротив, в Пулли оно доминирует над колющими наконечниками.

М.Г. Жилин полагает, однако, что "*единственной инновацией, которую, невозможно вывести из свидерской культуры, является распространение различных микролитов с затупленным краем*" (2000. С. 72, 73). Характерно, что всего за год до этого вместе с Л.В. Кольцовым он утверждал, что эти микролиты в ней имеются (Кольцов, Жилин, 1999). Оба раза он ошибался, это, как отмечено выше, далеко не единственное нововведение.

"*Для решения этого вопроса* – продолжает он дальше – *очень интересны материалы поселения Милуки в Северо-Восточной Польше, где в слое 8 вместе с типичными пуллийскими кремневыми изделиями встречены микролиты с затупленным краем (острия типа Ставинога), характерные для коморницкой культуры. Условия залегания исключают возможность попадания в этот культурный слой посторонних примесей*" (Жилин, 2000. С. 73). Действительно, для коморницкой культуры характерны острия типа Ставинога, но в Пулли их нет, как нет там коморницких треугольников и прочего, характерного для этой культуры вооружения (Kozlowski, 1972, 1989;

Kozlowski J. and S., 1975; Prahistoria..., 1975). В то же время механическое смешение материалов – это закономерная ситуация, причем природа смешивает всё вне зависимости от культурной принадлежности и возраста изделий (Сорокин, 2002). Безосновательно полагать, что свидерская и коморницкая культуры в этом отношении представляли исключение.

Не кажется убедительной и фактологическая база в три микролита из двух слоев и одного наконечника, которой оперирует М.Г. Жилин для доказательства свидерско-коморницкого взаимодействия. Как не является аргументом "*кундского влияния на бутовскую культуру*" упоминаемые им сортированная коллекция Прислона или фактически подъемный материал раскопок Бутово и Заборовья 2 (Кольцов, Жилин, 1999). Напротив, М.Г. Жилин уверен, что "*стоянка Милуки отмечает контакт пуллийского населения с коморницким. В результате таких контактов население раннего этапа кундской культуры и воспринимает от носителей коморницкой культуры микролиты с затупленным краем, которые по мере распространения дальше на восток изготовляются в пуллийской технологии и быстро трансформируются в микропластинки и острия, характерные для раннего этапа культуры кунда*" (2000. С. 73). Даже если не касаться "скорости трансформации" и роли "восточной ориентации" в генезисе пуллийской индустрии, возникает законное сомнение: с чего бы это люди, заимствовав острия типа Ставинога, начали изготавливать их в пуллийской технологии, которой пока еще нет, а, тем более, активно трансформировать? Любое усвоение начинается с копирования заимствованного, но копий нет, а есть изделия, абсолютно не похожие на коморницкие. Тот факт, что заимствования не было, подтверждает и сам М.Г. Жилин, когда в том же абзаце пишет: "*Пулли и нижний слой Звейниеки 2 дали выразительные серии изделий из кости и рога раннего этапа культуры кунда*. Примечательно, что *стоянка Милуки, где встречено большое количество фаунистических остатков, почти не дала изделий из кости и рога*... Вероятно, *роль подобных изделий, особенно предназначенных для оснащения метательного вооружения, в коморницкой культуре была незначительной*" (2000. С. 73). При этом сам он не замечает никакого противоречия в сказанном. Между тем, отсутствие аналогов в костяном вооружении свидетельствует о невозможности заимствования пуллийским населением микролитов и вкладышевых наконечников в коморницкой среде, где всего этого нет. Следовательно, попытка М.Г. Жилина увязать коморницкие острия со свидерскими наконечниками, явно неудачна.

Чтобы изменять что-либо, нужно это иметь и веские на то причины. Нет, однако, ни одного, ни другого. Точнее, образцы есть, но не в коморницкой, а в рессетинской культуре. В этой связи обращу внимание на наконечники копий из нижнего слоя Минино 2, датированного по радиоуглероду возрастом 10–10.5 тыс. л. н., оснащенных микролитами с затупленным краем, прямоугольником и микролитами с затупленным краем и основанием (Сорокин и др., 2002). По возрасту слой синхронен материалам свидерской культуры, древнее стоянок коморницкой культуры и значительно древнее Пулли. Не вызывает сомнения, что микролиты и вкладышевое вооружение были хорошо известны в Волго-Окском бассейне еще до появления Пулли.

На прочих аспектах сравнения свидерских и "постсвидерских" материалов останавливаться нет необходимости: они достаточно подробно рассмотрены ранее (Сорокин, 2001).

Ошибка сложения или сложение ошибок?

Традиционная для литературы модель образования археологических культур, базирующаяся на идее контактов населения и известная как "контактная", в мезолитоведении сформулирована Л.В. Кольцовым. Выведенная им "*закономерность образования мезолитических культур как результат сложения их комплексов*", подкрепленная – по верной оценке самого Л.В. Кольцова – "*далеко не математической формулой*" (1979. С. 24), сводится к обычному суммированию составляющих элементов. При таком примитивном понимании генезиса археологических культур эта "материализация" идеи является стандартным отражением механического смешения разнородных материалов, а никак не механизмом возникновения археологических культур.

Доказательство слияния индустрий должно базироваться не на присутствии находок разных культур в одном месте, а на наличии в комплексах "метисных" изделий и технологий, о которых ни Л.В. Кольцов, ни М.Г. Жилин ничего не говорят. Характерно, что подъемный материал, который и послужил Л.В. Кольцову (1979), основой "*закономерности сложения археологических культур*", действительно часто обладает синкретическими признаками, и эти "комплексы" повторяются в массовом порядке. Но материал их содержит потому, что он смешанный и подъемный. Неважно, что часть его получена путем раскопок. Любой раскопочный материал, полученный без его пространственной фиксации традиционным способом – по условным горизонтам, литологическим слоям или вертикальными зачистками, а иначе до начала 1980-х годов не копалось, все равно является подъемным, так как его структура уничтожена в ходе этих раскопок.

Смешение материалов происходит и по объективным причинам – из-за воздействия глобальных почвенных процессов. Поскольку приоритеты выбора мест жительства в каменном веке у всех были одинаковы, то артефакты всех живших в разное время на одной и той же территории людей неизбежно в той или иной мере смешивались. Так происходила не только "метисация", но и дублирование материалов. Следовательно, закономерность состоит не в "*сложении признаков разных культур вместе при доминанте одной из них*" (1979. С. 24), а в объективности механического смешения артефактов под воздействием природных процессов и археологов (Сорокин, 2002).

Совершенно очевидно, что возникновение новых признаков, и как итог – образование новой археологической культуры, происходит и без заимствования извне, в результате внутренней эволюции. Эта "трансформационная" (эволюционная) модель как нельзя лучше подходит к объяснению генезиса кундской, бутовской и других "постсвидерских" индустрий.

Орудийный набор любого первобытного коллектива (археологической культуры), складывался не в результате того, что кто-то где-то у кого-то заимствовал те или иные вещи и начинал их использовать. Это итог наследования, усвоения и развития вековых традиций конкретных обществ каждым новым поколением у своих родителей и через них опосредовано – всех предков. Сказанное не исключает возможности заимствования от соседей тех или иных предметов и навыков их изготовления, а означает вспомогательную функцию подобных контактов.

Этнография, дающая примеры контактов и заимствований, не является доказательством их реального существования в мезолите, так как все они относятся к обществам, хоть и "диким", с точки зрения европейской цивилизации, но на самом деле находящимся на достаточно высокой ступени общественного развития. Разветвленные системы обмена австралийских аборигенов (Берндт Р. и К., 1981) к мезолиту не применимы потому, что плотность населения в Австралии, служившая там основой "института обмена", значительно выше той, которая была в европейском мезолите. Вот почему "контактная гипотеза" не может быть "нормой генезиса археологических культур" эпохи каменного века.

Первобытное собирательство или первобытность "собирательства"?

Когда М.Г. Жилин или Л.В. Кольцов говорят о заимствовании изделий, создается впечатление, что древние люди занимались своеобразным собирательством и то там, то тут подбирали микролиты, наконечники стрел и другие предметы и включали их в собственный обиход. Это более чем странно само по себе, во-первых, и логически не объяснимо, во-вторых. Если что-то заимствовалось, то не в виде микролита, наконечника или клинка топора, рукоятки, оправы или муфты. Все эти чудеса с "собиранием" возникают в голове археолога, который общается не с "живой" материальной культурой, а с объектами, существенно трансформированными временем, с фрагментами, по которым можно лишь приблизительно догадываться о некогда существовавшем артефакте и его функции. Здесь достаточно вспомнить два эпизода, первый – с костенковскими наконечниками, которые выдающийся отечественный трасолог С.А. Семенов интерпретировал как проколки (1957). А второй – с 222 трапециями Гиржево, 82.6% которых – по мнению Г.Ф. Коробковой – использовались "*в домашнем производстве для разделки мяса, обработки дерева, кости и рога, первичной выделки шкур и их прокалывания, срезания дикорастущих трав и злаков*", а не в качестве наконечников стрел (Сапожникова, Сапожников, 1986. С. 36). Из-за того, что мы имеем дело с частями реальных вещей, и создается иллюзия, будто древние жители обменивались чем-то вроде вкладышей или наконечников. На самом деле они могли заимствовать друг у друга только целые предметы в виде костяных, деревянных и роговых оправ с полным набором вставленных в них вкладышей. И если мы не находим их комплектно, то не было и заимствований. К настоящему времени раскопано достаточное число торфяниковых стоянок, чтобы говорить об этом со всей очевидностью. Реальность такова, что достоверных фактов заимствований археологический материал не дает. А дает он многочисленные примеры того, как мезолитические изделия встречаются вместе с керамикой, и исследователи упорно твердят о переживании традиций, хотя речь должна идти о простом механическом смешении разновременных материалов. Но даже если заимствования были, они не могли из-за их эпизодичности привести к радикальному изменению облика культуры, тем более, постоянному сложению любых новых.

Когда М.Г. Жилин говорит, что микролиты с затупленным краем, отсутствующие в свидерской культуре, заимствованы в коморницкой культуре, это могло бы соответствовать действительности, если бы речь шла о комплектных типах изделий, но этого нет. В Пулли по сравнению со свидерским и коморницким оказалось иным все охотничье вооружение, техника первичной и вторичной обработки, состав обрабатывающих орудий, что весьма странно при их гипотетическом родстве. В то же время в Рессете 3 присутствуют все типы, найденные в Пулли, но не в пережиточном виде, поэтому речь и идет о наследовании в Пулли рес-

сетинских традиций, на которые нужно смотреть в контексте образа жизни хозяйственно-культурного типа (ХКТ) охотников-собирателей тундровой и лесной зон. В этом случае стоянка Пулли, по крайней мере, ее рессетинский компонент, – это результат сезонного хозяйственного цикла рессетинских охотников на северного оленя и лося. Да, в Пулли северного оленя уже нет, а есть лишь лесные виды животных "во главе" с лосем (Яанитс, 1989), но Пулли по всем технико-типологическим показателям моложе Рессеты 3, и подобная трансформация индустрии объективна и по времени, и по мотивации.

Данные позволяют говорить не просто о родстве рессетинского и пуллийского населения, а о том, что это было одно и то же население: предки и их потомки. Возможность сезонных миграций из Волго-Окского бассейна на северо-запад и обратно определялась, во-первых, геоморфологической ситуацией конца ледникового – начала голоценового времени (Долуханов, 1969; Квасов, 1975; Сейбутис, 1980; Палеогеография..., 1982), а во-вторых, характером хозяйственной деятельности. Западная Двина при этом была той единой водной системой, по которой осуществлялась связь Верхнего Поволжья и Прибалтики. Археологически это фиксируется находками рессетинских острий от Верхневолжских озер (Ланино, Нижние Котицы, Торг, Золотилово) через территорию Белоруссии (Крумплево, Замошье) до Пулли и Лепакозе в Эстонии. Интересно, что тот же маршрут, но в одну сторону, упоминает и М.Г. Жилин, когда пишет, что "*один из путей контактов ... вел из Прибалтики по Западной Двине через верховья Волги на ее левые притоки и вглубь Волго-Окского междуречья*" (2000. С. 78), при этом, по-видимому, всерьез полагая, что отметил это первым.

Обмен сырьем или "сырье" обмена?

Общеизвестно "импортное" происхождение кремня в Пулли, однако М.Г. Жилин в качестве аргумента кундского влияния на мезолит Волго-Окского междуречья использует это обстоятельство весьма странным образом, говоря, что часть кремня черного цвета в Верхнем Поволжье, включая Суконцево 3, появилась "*благодаря пуллийскому населению*" (Жилин, 2000. С. 77, 78). Все это не может не вызвать естественного недоумения. Во-первых, не был произведен естественнонаучный анализ кремня, подтверждающий идентичность сырья. Во-вторых, собственного черного кремня, как и любого другого качественного сырья в Эстонии нет, а вот в Суконцево 3 и в других Верхневолжских памятниках есть. Можно понять древних людей, которые несли качественный кремень в Пулли, но Верхнее Поволжье не Эстония, и носить туда черный кремень – абсурд. В-третьих, именно черный кремень различных оттенков и прозрачности, вопреки утверждению М.Г. Жилина, в изобилии имеется в том же Суконцево 3. Для подтверждения сошлюсь даже не на данные собственных раскопок этого памятника 1985 г., а на Л.В. Кольцова, копавшего памятник годом позднее: "Коллекция... Суконцево 3 составляет 6954 каменных предмета... Для производства орудий использовался меловой валунный и галечный *кремень различных цветов, при преобладании черного кремня довольно высокого качества*" (Кольцов, 1986. С. 4).

Более того, спектральный анализ образцов кремня ряда кундских и неолитических памятников Восточной Прибалтики, включая Эстонию, со всей очевидностью показал, что все они происходят из Селижаровского и Ржевского месторождений Волговерховья (Галибин, Тимофеев, 1993). Значит, и этот тезис М.Г. Жилина не состоятелен.

В связи с проблемой "импорта сырья" возникает вопрос: а почему черный кремень надо было нести из Эстонии, где его нет, в Верхнее Поволжье, где он в изобилии, и почему польский свидерский "шоколадный" кремень не несли ни в Эстонию, ни в Верхневолжский регион? Вероятно, потому, что свидерского населения в них не было. Или потому, что качественное сырье, если нужно было осваивать новые земли, не носили туда, где оно есть. Ибо заселение новых территорий не было авантюрой, случайностью, а было процессом их хозяйственного освоения, который осуществлялся перманентно по мере освобождения от ледникового покрова приледниковых земель, когда для этого созревали предпосылки. Так, судя по всему, и было, когда рессетинское население стало осваивать территорию нынешней Эстонии.

Потребность "естества" или естество потребностей?

М.Г. Жилин, однако, всерьез полагает, что "*необходимость регулярных экзогамных брачных связей ... в условиях сильной разреженности раннемезолитического населения вела к вовлечению в эти связи обширных территорий*" (2000. С. 76). Оставим в стороне литературную сторону цитаты, но спросим: о какой реконструкции экзогамных браков по каменным изделиям можно, вообще, говорить всерьез?! Совершенно очевидно, если сходство могло возникнуть, то как отражение реалий хозяйственной деятельности человека – основы его жизнеобеспечения. Система хозяйства, при которой в орбиту были вовлечены удаленные друг от друга участки Восточной Европы и жизненно необходимы длительные сезонные миграции, могла возникнуть и существовать лишь при охоте на северного оленя – единственное животное Средней полосы, для которого такие кочевья являются видовой нормой (Крупные

хищники..., 1978; Сыроечковский, 1986). И если есть люди, способные на него охотиться, археологически может возникнуть "общность удаленных территорий", ибо охотники на северного оленя вынуждены передвигаться на значительные расстояния вслед за его стадами (Симченко, 1976; Сыроечковский, 1986) и неминуемо маркируют эти маршруты материальными признаками своего присутствия.

Напротив, лось – животное слабо кочующее (Крупные хищники..., 1978), поэтому его экология определяет отсутствие экономической мотивации длительных кочевок и у человека, на него охотящегося. В то время, когда лось стал основным объектом охоты, сходство инвентаря в памятниках, удаленных друг от друга на 1000 км, возникнуть не могло. И раз оно есть, то это результат традиции. Воспроизводство тех же технологических цепочек и форм наследовалось в качестве стереотипа, освященной традицией нормы, поэтому могло сохраняться, пока шла адаптация к новой экологической нише и непривычным объектам охоты. Но само это сходство при охоте на лося, как результат экономически целесообразной модели поведения, возникнуть не могло. Все это означает, что истоки сходства Пулли и Рессеты 3 возникли не в пребореале, а еще в конце плейстоцена. В то время, когда территория Прибалтики, освободившаяся вслед за Верхним Поволжьем от ледника, стала экологической нишей для северного оленя, а ХКТ охотников на северного оленя был естественным укладом приледниковой Европы. Экология лося не могла заставить человека кочевать на большие расстояния, но стереотип материального производства, освященный традицией, мог существовать и позднее, когда сложилась лесная зона, лось стал основой существования и отпала необходимость длительных сезонных миграций.

Очевидно и другое: территория археологической культуры – это абстракция, гносеологическая категория, как и само понятие "археологическая культура" (Захарук, 1976), а не ареал с жесткими границами. Ее нужно воспринимать как географическое пространство, в пределах которого популяция жила по сезонному циклу. Поэтому правдоподобна ситуация, когда некая группа обитала на летней стоянке, зимнего стойбища не было, и наоборот. Фактически это "временная последовательность разных форм пространственной организации производственного коллектива". Границы археологических культур этого времени, следовательно, должны неизбежно совпадать с ареалами годичных циклов. Причем археологическая картина – это результат наложения друг на друга изменявшихся во времени маршрутов кочевого населения. Фактически, это спроецированная на карту история, спрессованная последовательность разновременных событий, а не отражение одновременной заселенности территории и параллельно бытовавших групп населения. Таким образом, ареал археологической культуры каменного века – это размах пространственного колебания популяции в пределах кормовой территории, который мог перекрываться ареалом другой популяции, но в целом никак не мог контролироваться. Этого просто некому было делать. Данное обстоятельство со всей очевидностью приводит к пониманию археологической культуры каменного века как гносеологической категории пространственно-временной связи ископаемых материалов.

В тех случаях, когда ареалы пересекались, а из-за малочисленности обитателей окраины ойкумены и необъятных пространств Восточной Европы это было крайне редко, люди скорее всего воевали друг с другом, а не кидались в объятия (Поршнев, 1979). Наличие документальных свидетельств военных столкновений подтверждает вывод о специфике реального взаимодействия людей. Поэтому многочисленные реконструкции контактных зон и метисных памятников, базирующиеся на случаях совместного залегания находок, чаще всего результат массового природного механического смешения вещей, а не "продукт" взаимодействия этносов, хотя абсолютной изоляции людей быть, безусловно, не могло.

В этой связи хочется обратить внимание на следующее. В литературе миграции населения традиционно иллюстрируются стрелками, идущими в одном направлении. Так обозначается не только их вектор, но и предполагается, что территория заселяется постоянно или на длительное время. Аналогичную схему передвижения и воздействия подразумевает и М.Г. Жилин, говоря о "*влиянии кундской культуры на мезолит Волго-Окского бассейна*" и указывая западно-двинский путь (2000). Не следует думать, что Прибалтика в конце плейстоцена была центром вселенной, она была глухой периферией, которая только освободилась от ледникового покрова (Квасов, 1975; Палеогеография..., 1982). Напротив, Волго-Окское междуречье хотя и находилось тоже на краю ойкумены, было давно обжитым местом. Следовательно, его коренное рессетинское население могло, используя экологические условия рубежа плейстоцена–голоцена, наряду с другими группами начать осваивать новые земли. Для кундского населения эта потенциальная возможность возникла значительно позже. Вместе с тем, если реконструкция ХКТ этого времени верна, образ жизни охотников на северного оленя мог реализовываться лишь в виде челночных возвратно-поступательных миграций. Следовательно, однонаправленное изображение передвижений первобытного населения формирует неточную картину миграций в каменном веке. Конечно, переселение людей на новые земли происходило и в мезолите,

но не это определяло суть эпохи, ибо для нее было присуще не переселение людей на новые территории, а расширение ойкумены путем сезонных, возвратно-поступательных миграций. При этом глобальные, положительные изменения природной среды, а мезолит именно это время, неизбежно вели к расширению территории и создавали потенциальные возможности для ее освоения. Это не значит, что они постоянно реализовывались, это означает, что возникала возможность их реализации.

Малочисленность первобытных коллективов, живущих на краю ойкумены, и особенность хозяйственного цикла охотников на северного оленя определяли и образ их жизни. Когда северный олень был в теплое время года в тундре на пастбищах Прибалтики, все рессетинское население было, вероятно, там, а в холодное время вслед за северным оленем оно откочевывало южнее, на возвышенности Центральной России, где проще было перезимовать и оленям, и людям. Таким образом, сходство пуллийских и рессетинских изделий фиксирует результат реальных сезонных кочевий рессетинско-пуллийского населения, а конкретные памятники указывают на крайние точки маршрутов их передвижения.

Переход от позднего ледниковья к голоцену не был стремителен (на жизни одного поколения) и катастрофичен, чему способствовала общая тенденция потепления климата. Лесная разновидность северного оленя малочисленнее тундровой – это и потребовало активизации механизмов адаптации. Те, кто не хотел менять прежний уклад, откочевывали вслед за тундровым оленем севернее, те, кто остался, неизбежно переориентировались на слабо кочующего лося и других лесных животных. Люди, жившие в Пулли, адаптировались к лесному окружению, и надобность в длительных кочевьях отпала, но навыки изготовления привычных рессетинских форм освящались и поддерживались к жизни традицией. Пережиточность пуллийских изделий по сравнению с рессетинскими служит тому ярким подтверждением.

Доминирование лося в составе фауны в голоцене происходило по мере становления лесной зоны на протяжении пребореала и бореала. Это и определило, с одной стороны, плавный дрейф в приоритетах охоты, с другой – сохранение связей населения Прибалтики и Центральной России в раннем мезолите, которые археологически фиксируются материалами кундской и бутовской культур. Вместе с тем природные изменения были достаточно радикальны, чтобы привести к смене форм адаптации человека и вызвать в конечном итоге трансформацию материальной культуры. Это, а не экзогамные браки, стало главной причиной первоначального сходства и все усиливающего различия инвентаря названных археологических культур.

Генезис культуры или культура генезиса?

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что аргументы сторонников свидерской гипотезы как не убеждали, так и не убеждают ни теоретическими посылками, ни механизмами их реализации. Гипотеза генезиса археологических культур в результате сложения их компонентов (Кольцов, 1979) исходит из постулата всеобщности контактов разных групп населения, но, как и все постулаты, этот остается не доказанным. Повсеместный синкретизм не подкрепляется ничем, кроме случаев сочетания находок разных культур в одном месте, он недостаточен для образования новой культуры, хотя избыточен для механического смешения материалов и массовых археологических мифов о контактах населения, контактных зонах и пр.

Традиционные методики раскопок неизбежно приводят к уничтожению структуры и механическому смешению материала. Такие рукотворные "комплексы" не дают гибридных находок и технологий, что подтверждает их механический генезис, а никак не результат аккультурации. Трансформацию источников вызывают и глобальные природные процессы. Своеобразный "природный замысел", итог которого внешне сходен с плодами контактов людей, происходит без их непосредственного участия и называется натурацией. Непредвзятый анализ источников показывает, что натурация, а не аккультурация служит основным механизмом образования синкретических "комплексов" – "кривого зеркала этнокультурных процессов" мезолита (Сорокин, 2002).

Модель "сложения" археологических культур в изложении Л.В. Кольцова и его последователей не верна по своей сути. Эволюционная модель соответствует историческим реалиям, отражает экономический базис древнего общества, а значит, ближе к объяснению прошлой действительности. Она корректнее раскрывает и генезис пуллийской индустрии.

Таким образом, в дискуссии о генезисе культуры кунда пора поставить если не точку, то повернуть ее в русло теоретического осмысления стандартных археологических понятий. И делать это нужно, опираясь не на "правило сложения культур", "влияния кундской культуры Прибалтики на мезолит Верхнего Поволжья" или регламентацию "экзогамных брачных связей", а исключительно на экономику древних обществ и данные надежных источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981.

Восточный граветт. М., 1998.

Галибин В.А., Тимофеев В.И. Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики // Археологические вести. СПб., 1993. Вып. 2.

Долуханов П.М. История Балтики. М., 1969.

Жилин М.Г. О связях населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.

Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита Восточной Европы. М., 2001.

Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.

Залізняк Л.Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Европи. Київ, 1999.

Захарук Ю.Н. Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.

Квасов Д.Д. Приледниковые озера и внутренние моря Восточной Европы. Л., 1975.

Кольцов Л.В. О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы // СА. 1979. № 4.

Кольцов Л.В. Отчет о полевых работах первого отряда Калининской экспедиции в Ржевской районе Калининской области в 1986 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 11750.

Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М., 1999.

Копытин В.Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев, 1991.

Крупные хищники и копытные звери. М. 1978.

Ксензов В.П. Культура кунда // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2001. Вып. 16.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Археология, палеолит северо-восточной Азии, внетропическая прародина человечества и древнейшие этапы заселения человеком Америки. Якутск, 2002.

Палеогеография Европы за последние 100 тысяч лет. М., 1982.

Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Некоторые итоги полевых исследований 1879–1979 гг. Л., 1982.

Палеолит СССР. Сер. Археология СССР. М., 1984.

Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.

Сапожникова Г.В., Сапожников И.В. О функциях геометрических микролитов (по материалам стоянки Гиржево) // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев., 1986.

Сейбутис А.А. Проблема этногенеза балтов и славян в свете палеогеографии // Природа. 1980. № 11.

Семенов С.А. Первобытная техника // МИА. 1957. № 54.

Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976.

Слободин С.Б. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан, 1999.

Сорокин А.Н. О происхождении кундской культуры // Вопросы древнейшей истории Верхнего Поочья. Калуга, 1987.

Сорокин А.Н. Рессетинская культура // Мезолит СССР. Сер. Археология СССР. М., 1989.

Сорокин А.Н. Еще раз о происхождении кундской культуры // Междунар. конф. "К 100-летию В.И. Равдоникаса". Тез. докл. СПб., 1994.

Сорокин А.Н. Рец.: Л.В. Кольцов, М.Г. Жилин. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М., 1999 // РА. 2001. № 3.

Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М., 2002.

Сорокин А.Н., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Исследования на Заболотском палеоозере // АО-2001. 2002.

Сыроечковский Е.Е. Северный олень. М., 1986.

Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб., 1998.

Яанитс К.Л. Кремневый инвентарь стоянок кундасской культуры. Дис. ... канд. ист. наук. Таллин, 1989 // Архив ИА РАН. Р-2. № 2450.

Butrimas A., Ostrauskas T. Tanged points cultures in Lithuania // Tanged points cultures in Europe. Lublin, 1999.

Jaanits K. Neue ausgrabungen in Lepakose // Изв. АН ЭССР. Таллин, 1978. № 27/4.

Jaanits K. Die mesolitischen Siedlungsplatz mit Feuersteininventar in Estland // Mesoliticum in Europa. Berlin, 1981.

Kozlowski S.K. Pradzije ziem polskich od IX do V tysiaclecia p.n.e. Warszawa, 1972.

Kozlowski S.K. Mesolithic in Poland. A new approach. Warszawa, 1989.

Kozlowski J.K., Kozlowski S.K. Pradzieje Europy od XL do IV tysiaclecia p.n.e. Warsawa, 1975.

Loze I., Liiva A. Radiocarbon datings of the Mesolithic of Eastern Baltic (after materials of habitation sites) // Latvijas zinatnu akademijas vestis. Riga, 1990. № 10.

Neolithic in Turkey. The crandle of civilazation. New discoveries. Istambul. 1997 / Eds M. Ozdogan, N. Basgelen.

Ostrauskas T. Mesolithic Kunda culture. A glimpse from Lithuania // De temporibus antiqissimis ad honorem Lembit Jaanits. Tallinn, 2000.

Prahistoria ziem Polskich. Paleolit i mezolit. T. 1. Wroclaw, 1975.

Sorokin A.N. On the problem of influence of Volga-Oka mesolithic to the origine of Kunda culture // L'Europe des derniers chasseurs: epipaleolithique et mesolithique. Actes du 5-e colloque international UISPP, commission XII, Grenoble, 18–23 septembre 1995. Paris, 1999.

Sulgostowska S. Final palaeolithic Masovian Cycle end Mesolithic Kunda culture relations // Tanged points cultures in Europe. Lublin, 1999.

Taute W. Die Stielspitzen-Gruppen in Nordlichen Mitteleuropa. Köln, 1968.

Dialogue on Kunda culture genesis

A. N. Sorokin

Summary

The author concentrates on the criticism of the so-called "contact" hypothesis of formation of archaeological cultures, and based on in "Swiderian concept" of Kunda culutre genesis. Formation of archaeological cultures as a result of composing their associations (Koltsov, 1979; Zhilin, 2000) is, in the author's view, the manifestation of the standard pattern of mechanical mixing materials of different origin, but not the model of archaeological cultures' formation. Kunda industry represents developed during the Holocene traditions of the final Palaeolithic population of the Russian plain known from the Resseta culture stations. The conclusion is based on similarity of artefacts and the recent palaeogeographic reconstruction of the Central Russia and the Baltic zone at the turn of Pleistocene and Holocene. In that period human subsistence was based on hunting reindeer. Identical character of distant sites is caused by the seasonal migrations, since reindeer hunters had to move a long distance following the animals' troops. The routes of their migrations are inevitably marked by the traces of their material culture. The evolutional hypothesis of genesis of archaeological cultures suggested by the author takes into account the economic base of the primitive society, and, consequently, gives more adequate explanations of past. This model also highlights the genesis of Kunda culture more correctly.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 130–135

ПУБЛИКАЦИИ

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ПАРЧ 1 И ПАРЧ 2 НА р. ВЫЧЕГДЕ: ПЕТРОГРАФИЯ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ

© 2004 г. А. В. Волокитин*, Т. П. Майорова**

* Институт языка литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

** Институт геологии Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

В мезолитических индустриях при подавляющем преобладании кремня (или подобных ему пород, используемых для расщепления) роль некремневого каменного инвентаря достаточно заметна. Как правило, это – так называемые, орудия для производства орудий (отбойники, ретушеры и абразивы), а также крупные рубящие орудия, изготовленные как при помощи оббивки, так и шлифовки. Отчасти именно этим объясняется повышенный интерес исследователей к данной группе изделий. Так, присутствие на ряде мезолитических памятников Европейского Северо-Востока рубящих орудий из кристаллических пород или даже отходов их производства послужило одним из главных культуроопределяющих признаков средневычегодской мезолитической культуры (Буров, 1986. С. 5).

В ходе исследования минерально-сырьевой базы древних производств региона были изучены коллекции мезолитических памятников Парч 1, 2, 3 и предполагаемые источники минерального сырья на прилегающей территории. Выполнена также геоморфологическая и ландшафтная характеристика долины реки на участке расположения стоянок, что позволило реконструировать природное окружение во время их существования. Стоянки находятся на левобережье Вычегды, в 2, 5 км от с. Парч Усть-Куломского района Республики Коми (рис. 1). Их культурные остатки залегают на значительной глубине (Парч 1 – до 1 м; Парч 2 – до 2.5 м) в суглинистых отложениях поймы. Исследование памятников проводилось с небольшими перерывами в 1984–1999 гг.[1] Полученные материалы, датирующиеся началом бореального периода, дали основания для выделения парчевской археологической культуры (Волокитин, 1997. С. 91–145). В свою очередь, по содержанию (технико-типологическим характеристикам) и происхождению эта культура сопоставима с бутовской мезолитической культурой Волго-Окского междуречья (Сорокин, 1990; 1994).

Выходы природного сырья, расположенные на противоположном стоянкам, правом берегу реки, представляют собой валунно-галечные россыпи на пологих осушенных отмелях – крупнообломочные остатки размываемых рекой морен и лежащих под ними коренных пород. На участке в 5 км было детально описано несколько таких выходов, расположенных как строго напротив стоянок, так и выше и ниже их по течению реки. Отмечается чрезвычайно высокая встречаемость кремня. Выявлено несомненное сходство сырья кремневых инвентарей стоянок и природного кремня правобережья (Майорова и др., 2000). На данном этапе исследований можно с уверенностью предполагать, что древние обитатели стоянок Парч 1 и Парч 2 использовали для изготовления орудий кремень из косовых отложений противоположного берега реки.

Некремневый инвентарь стоянок в среднем составляет 0.5% от общего числа находок. В коллекции стоянки Парч 1 это куски гальки,[2] гальки без следов обработки и использования, десять галечных орудий: семь галек-отбойников (рис. 2, *2–3*), кусок гальки с подработкой по краю – чоппер (рис. 2, *6*), обломок галечного орудия с выемкой (рис. 2, *1*), крупный чоппинг (рис. 2, *7*), а также стерженек-подвеска (рис. 3, *1*) и абразив. Концы абразива образованы несколькими ровными поверхностями, находящимися под углом друг к другу, что, очевидно, указывает на использование его для растирания (рис. 3, *4*). В коллекции Парча 3 помимо галек-отбойников имеются обломки шлифованного орудия (рис. 3, *2*) и орудие из удлиненноовальной гальки, у которой концы забиты как у отбойников, а на плоской стороне выбито округлое углубление (рис. 3, *5*). Следует отметить, что в углублении нет следов от вращательного движения, и данное изделие вряд ли могло служить подпяточным камнем сверлильного устройства. В числе находок со стоянки Парч 2 –

[1] Памятник Парч 3, исследовавшийся в 1986–1988 гг., по всей видимости, представляет собой один из объектов стоянки Парч 2. На этой стоянке выявлены остатки шести легких наземных жилищ. К сожалению, лишь два из них раскопаны полностью, остальные же были частично или полностью разрушены в результате боковой эрозии реки. Таким же процессам разрушения подверглась и стоянка Парч 1.

[2] Куски гальки не имеют следов термического воздействия.

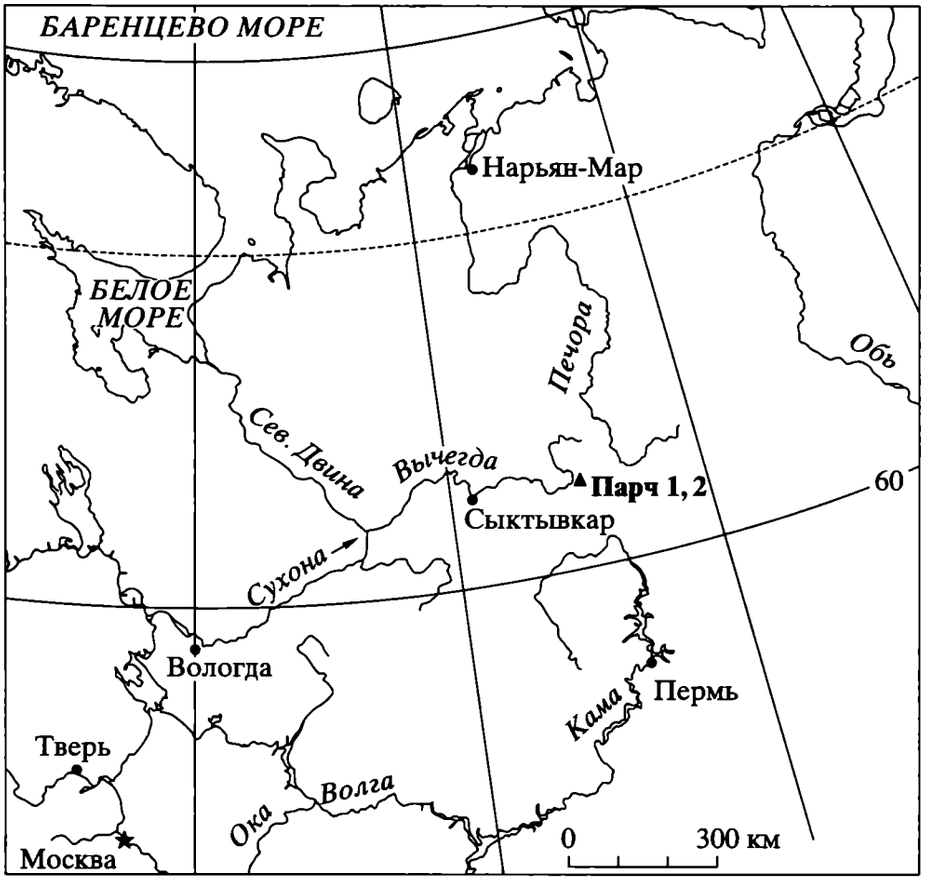

Рис. 1. Место расположения стоянок Парч 1, 2.

гальки-отбойники (3 экз., домашняя мастерская в жилище 6; рис. 2, *4*), обломок плитки с негативами снятий и пришлифовкой (жилище 6), абразив (рис. 3, *3*), использовавшийся, вероятно, для выпрямления древков стрел (жилище 4), а также осколки, отщепы и куски, в основном из жилища 2. У одного из отбойников (рис. 2, *5*), происходящего из подъемного материала, на обоих концах, помимо обычной "забитости", наблюдаются царапины и короткие бороздки. Направление и протяженность узких царапин соответствуют длине концов, как скругленного, так и слегка вогнутого. Бороздки же располагаются поперек и слегка заходят на плоскую сторону орудия. Возможно, что данные следы – результат подработки рабочей кромки нуклеусов: перебор карниза (редуцирование) – бороздки; абразивная обработка – царапины. Вес отбойников, обнаруженных на памятниках, колеблется от 40 до 290 г.

Для петрографического анализа были использованы все каменные некремневые артефакты (53 экз.) данных стоянок. Еще одним образцом, галькой с бечевника правобережья Вычегды, представлен предполагаемый источник минерального сырья. В качестве сравнительного материала изучены отдельные некремневые орудия и изделия других мезолитических стоянок Вычегодского бассейна – Курьядор 1, Ульяново (Буров, 1967а), Висский 1 торфяник (Буров, 1967б), всего пять предметов.

Для каждого образца проведено макроскопическое описание горной породы и для большинства из них (33 шлифа) – микроскопическое изучение минерального состава, что позволило дать точную диагностику пород каменного инвентаря.

В результате проведенного исследования среди горных пород некремневого инвентаря памятников Парч 1, 2 и 3 установлено семь петрографических разновидностей (таблица), которые относятся к группам осадочных (песчаники, алевролиты, силициты), метаморфических (фтаниты, кварциты) и магматических образований (долерит, андезит, лавобрекчия, условно – жильный кварц). В коллекции присутствуют 35 артефактов (65%) из разнообразных песчаников, в том числе кварцевых – 23 экз. (43%), 7 артефактов из алевролитов (13%) и по 1–3 артефактам из других типов горных пород (по 2–6%).

В качестве отбойников (14 экз.) использовались исключительно твердые породы – песчаники (10 экз. – 72%), вулканиты (2 экз. – 14%), кварцит (1 экз. – 7%) и жильный кварц (1 экз. – 7%). Абразивы (3 экз., включая проблематичные) представлены песчаниками. Взятые для сравне-

Таблица. Состав пород каменного инвентаря памятников Парч 1, 2 и 3

Название породы	Изделия	Памятник	Масса, г
Кварцевый песчаник	Обломок	Парч 1	
	»	»	
	Галька-отбойник	»	172
	»	»	39
	Обломок гальки (отбойник?)	»	
	Первичный отщеп	»	
	Фрагмент (отщеп?) гальки	Парч 2, жилище 2	
	Фрагмент гальки	»	
	Фрагмент (осколок)	»	
	Отщеп (?)	»	
	Отщеп	»	
	»	»	
	Осколок	»	
	Первичный отщеп (?)	»	
	Отщеп	»	
	Кусок гальки со следами сколов	»	
	Отщеп	»	
	Осколок (отщеп ?)	»	
	Отщеп	»	
	Абразив (рис. 3, *3*)	Парч 2, жилище 4	
	Галька-отбойник	Парч 2, жилище 6	260
	»	»	235
	Галька-отбойник (рис. 2, *4*)	»	275
	Рубящее орудие (Буров 1967а. Рис. 18, *6*)	Ульяново	
Аркозовый песчаник	Галька-абразив (рис. 3, *4*)	Парч 1	
	Чоппер на сколе (рис. 2, *6*)	»	
	Обломок галечного орудия (рис. 2, *1*)	»	
	Первичный отщеп	Парч 2, жилище 4	
	Отщеп	Парч 2	
	Обломок гальки	Парч 2, жилище 3	
Граувакковый песчаник	Отбойник (три фрагмента)	Парч 1	68 (80–90)*
	Плитка (абразив ?)	»	
	Галька-отбойник (рис. 2, *3*)	»	164
	Галька-отбойник (рис. 2, *2*)	»	61
	Обломок шлифованного изделия (рис. 3, *2*)	Парч 3	
	Мелкий фрагмент того же изделия	»	
	Галечное орудие с округлым углублением (рис. 3, *5*)	»	
	Топор (Буров, 1962. Рис. 3)	Курьядор 1	
Алевролит глинистый	Галька	Парч 1	
	Обломок тонкой плитки	»	
	Стерженек-подвеска (рис. 3, *1*)	»	
	Обломок породы	Парч 2, жилище 2	
	Мелкие осколки (2 экз.)	»	
	Обломок плитки	Парч 2, жилище 6	
	Рубящее шлифованное орудие (Буров, 1967б. Табл. II, 2)	Висский I торфяник	
	Топор шлифованный (Буров, 1967б. Табл. II, 6)	»	

Таблица. Окончание

Название породы	Изделия	Памятник	Масса, г
Силицит глинистый	Фрагмент тонкой плитки	Парч 2, жилище 2	
	Галька	Правобережье р. Вычегды	
	Топор шлифованный (Буров, 1967б. Табл. II, 3)	Висский I торфяник	
Фтанит	Фрагмент гальки	Парч 2, жилище 2	
	»	»	
	Тонкая пластинка	Парч 2, жилище 3	
Кварц жильный	Галька	Парч 1	
	Галька-отбойник	Парч 3	291
Кварцит	»	Парч 1	120
	Галечное орудие – чоппинг (рис. 2, *7*)	»	
Вулканогенные породы:			
долерит	Галька-отбойник (рис. 2, *5*)	Парч 2	77
андезит	»	Парч 1	126
лавобрекчия андезитового состава	Галька	Парч 2, жилище 6	

* В скобках предполагаемый вес (масса) фрагментированных (нецелых) изделий, которые, однако, сохранили две трети и более своей массы.

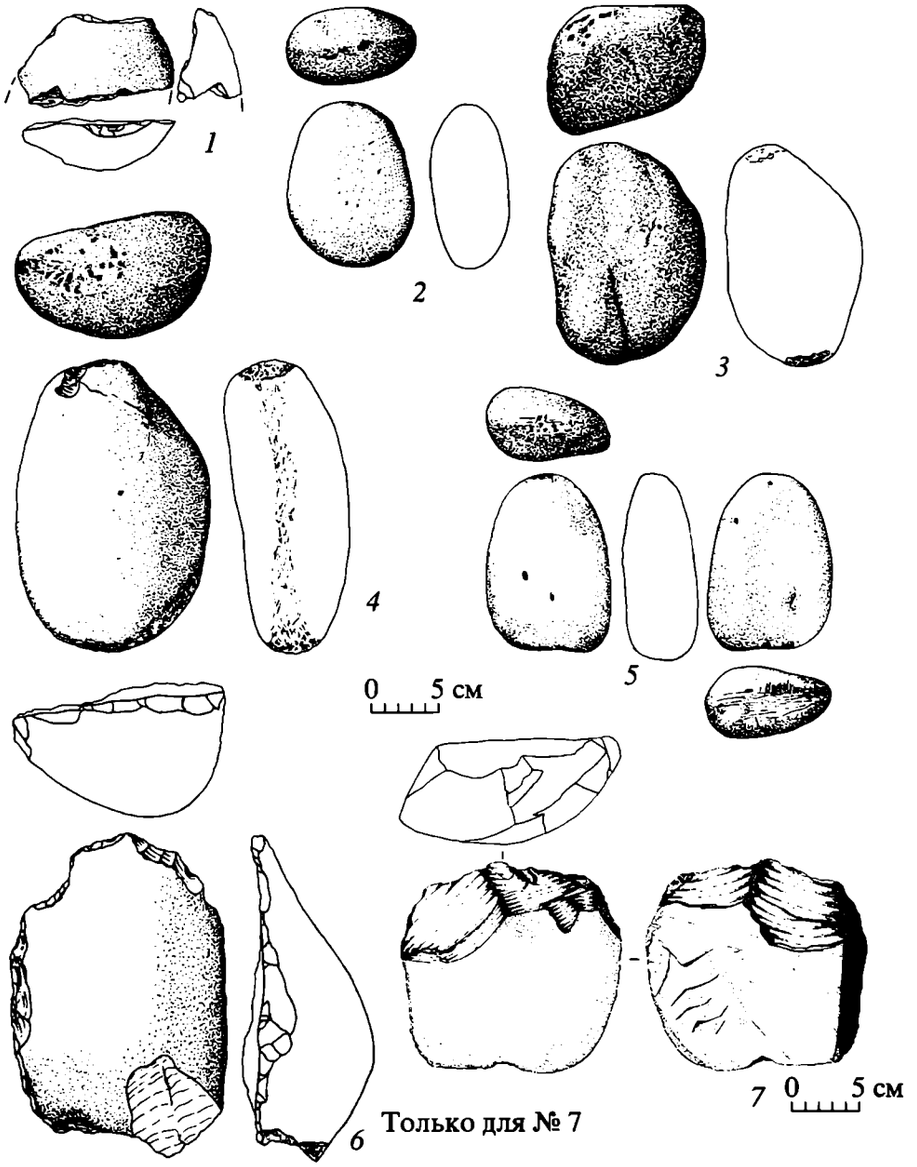

Рис. 2. Орудия из галек. Стоянка Парч 1 (*1–3*, *6–7*); Парч 2, жилище 6 (*4*); Парч 2, подъемный материал (*5*).

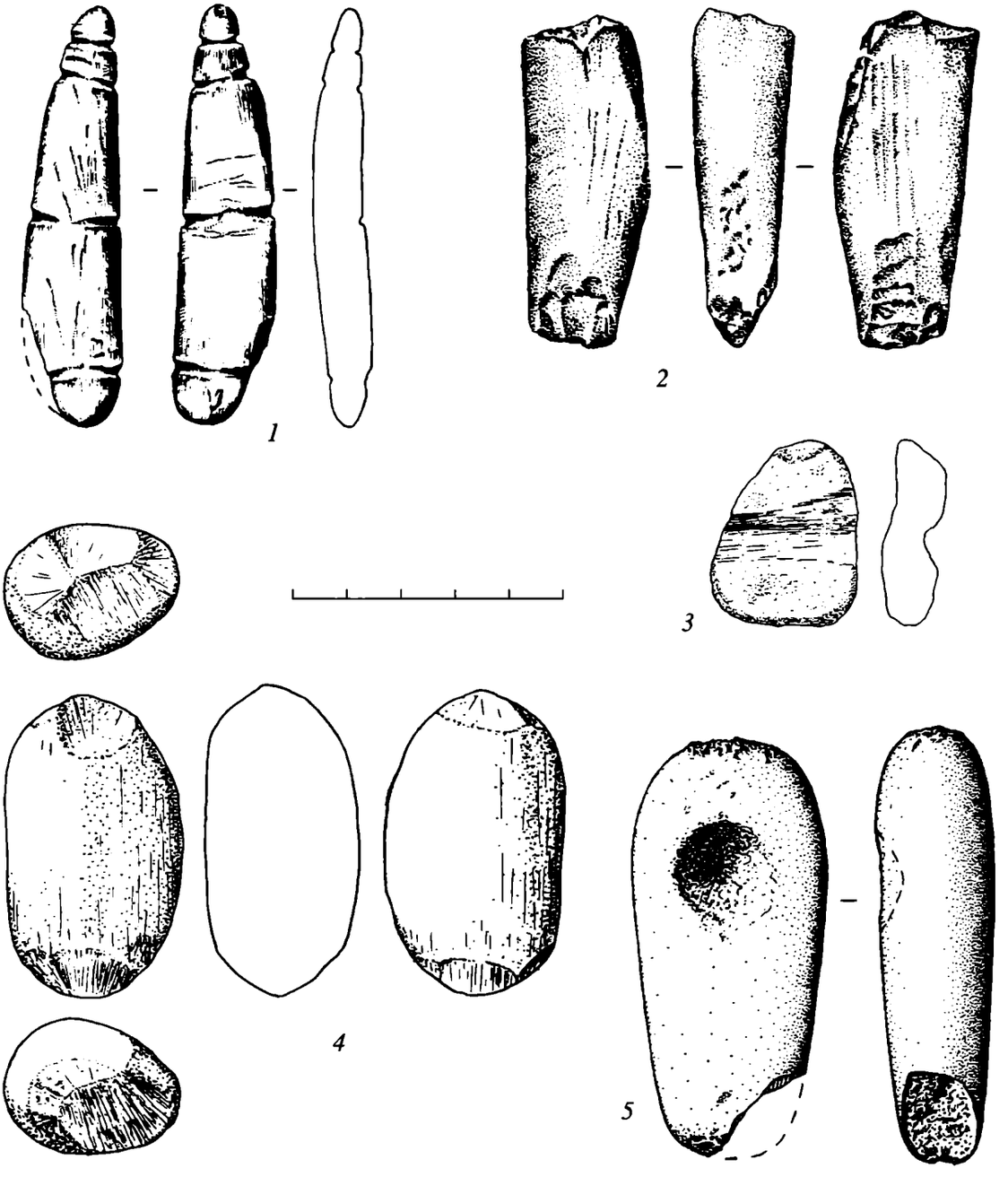

Рис. 3. Орудия и изделия из некремневых пород. Стоянка Парч 1 (*1*, *4*); Парч 3 (*2*, *5*); Парч 2, жилище 4 (*3*).

ния из других мезолитических памятников рубящие орудия оказались изготовленными из песчаников (Ульяново, Курьядор 1), алевролитов и глинистого силицита (Висский 1 торфяник), т.е. из осадочных пород.

Нужно отметить, что в коллекции некремневого инвентаря памятников Парч 1, 2 и 3 выявлено меньшее разнообразие типов горных пород по сравнению с памятниками эпохи бронзы в бассейне р. Вымь (Волокитин, Майорова, 2002), которые находятся в сходных геологических условиях, и их коллекции изучены по той же методике, что и в данном исследовании. Вместе с тем петрографический состав горных пород в коллекции памятников Парч 1, 2 и 3 довольно полно отражает состав валунно-галечного материала на бечевниках противоположного берега Вычегды, где нужное каменное, как и кремневое сырье, вероятнее всего, и добывалось. Следует полагать, что для достижения выходов сырья существовали средства водного транспорта. Таким образом, разнообразие горных пород, расстояние до источников сырья и пути их достижения позволяют более полно представить адаптивную деятельность древнего мезолитического населения Вычегды.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 01-01-50006 а/С.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буров Г.М. Новые материалы по археологии бассейна р. Вычегды // Изв. Коми филиала Всероссийского географического общества. Сыктывкар, 1962. Вып. 7.

Буров Г.М. Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар, 1967а.

Буров Г.М. Древний Синдор. М., 1967б.

Буров Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1986.

Волокитин А.В. Мезолит // Археология Республики Коми. М., 1997.

Волокитин А.В., Майорова Т.П. Адаптивные процессы в первобытности в Северном Приуралье: освоение источников минерального сырья // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Матер. междунар. научн. конф. Ижевск, 2002.

Майорова Т.П., Несанелене В.М., Волокитин А.В. Сырьевая база древних технологий на Европейском Северо-Востоке как адаптационный механизм // Коренные этносы севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Матер. междунар. научн. конф. Сыктывкар, 2000.

Сорокин Н.А. Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции). М., 1990.

Сорокин Н.А. Еще раз о происхождении кундской культуры // Междунар. конф. к 100-летию проф. В.И. Равдоникаса. Тез. докл. СПб., 1994.

The Mesolithic Sites Parch 1 and Parch 2 on the Vychegda River: Stone artefacts petrography

A. V. Volokitin, T. P. Maiorova

Summary

In the paper are published the results of investigation of stone, exactly, non-flint industry originating from the Mesolithic stations of Parch group. The sites are situated on the Upper Vychegda River, on its left bank. As a result of studying implements and artefacts it was established that the inhabitants of the sites used seven petrographic varieties of raw material. Special artefact-lists comprise such characteristics as: category of tools, rock used, location within the site territory (for instance, in a dwelling). It was established that the raw material could have been obtained from the outcrops on the opposite bank of the river. The authors come to the conclusion that the local population had water transport at their disposal.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 136–143

ПУБЛИКАЦИИ

ГЛИНЯНЫЕ ПЕЧАТИ-ШТАМПЫ МОГИЛЬНИКА МАНДЖИКИНЫ-1 В КАЛМЫКИИ

© 2004 г. Н. И. Шишлина

Государственный Исторический музей, Москва

Могильник Манджикины-1 располагался в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия (координатная точка привязки: северная широта – 45°41′35.5″, восточная долгота – 044°42′40.1″). Он состоял из 20 насыпей. Курган 14 высотой 2 м и диаметром 40 м находился в северной части могильника.

Интересна стратиграфия кургана: основное погребение относится к майкопской культуре, два последующих впускных захоронения – к ямной, в эпоху раннекатакомбной культуры было впущено погребение 6 (в Т-катакомбе, с костяной молоточковидной булавкой), позже было сооружено погребение 1 (в северо-западном секторе). Анализ планиграфии и стратиграфии кургана позволил установить, что последнее захоронение сопровождалось досыпкой и сооружением нескольких жертвенников. Большинство из них располагалось по кругу (видимо, очерчивая насыпь 1, диаметром около 20 м), скорее всего, у подошвы древнего кургана. Рассмотрим материалы из насыпи (рис. 1–4).

Описание комплексов. В восточной половине насыпи было сооружено четыре жертвенника. В северо-восточном секторе, скорее всего в древнем ровике, на глубине 215–220 см лежал развал глиняного лепного сосуда. Горшок был разбит в древности и брошен. Стенки горшка утолщенные. Вероятно, это был большой кухонный сосуд. Примерно, на таком же расстоянии от осевой линии кургана восток-запад, в юго-восточном секторе, на глубине 186 см найдена глиняная жаровня, для которой использовали верхнюю часть большой неорнаментированной корчаги. Венчик слегка отогнут, на стенке просверленное отверстие, размеры: диаметр горла 23.9 см, диаметр тулова 31.8 см, толщина стенки 0.9 см (рис. 4, 3).

Между ними по центру кургана на расстоянии 11.6 м к востоку от центра, на глубине 147–153 см на костях ног, отрубленных до колен, по линии запад–восток лежало два черепа барана (две шкуры). Черепа занимали площадку размером 32 × 25 см, северный – зубами вверх, южный – зубами вниз (рис. 1, *2*). К югу от третьего жертвенника был обнаружен сложный ритуальный комплекс (рис. 1, *1*). На глубине 182 см стояла глиняная курильница в виде округлой чаши, с отделением, на поддоне в виде четырехлепесткового основания с четырьмя глубокими выемками. Основание поддона окружено лепным бортиком. Внешняя поверхность чаши и бортики украшены треугольными шевронами, образованными оттисками шнура и полой трубочки (рис. 2, *1*). Размеры: диаметр чаши – 17.5 см, высота чаши – 6.4 см, толщина стенок чаши – 0.9 см, толщина бортика – 0.6–0.8 см, размеры поддона – 9.8 × 9.6 см, высота поддона – 5.1 см, размеры отделения: внешние: 7.3 × 6.8 см , внутренние – 5.7 × 4.2 см. С юго-восточной стороны находилось скопление бараньих астрагалов (21 экз.). На расстоянии 40 см к югу от курильницы лежала низка бронзовых бочонковидных, сердоликовых, гешировых, фаянсовых цилиндрической формы бусин размерами 0.3–0.35 см (рис. 2, *2*). Под юго-восточной стороной чаши находилось два глиняных штампа (рис. 2, *3*; 3).

Штампы представляли собой четырехугольные штандарты с округлыми ручками-уступами. На рабочую внешнюю поверхность нанесена прямоугольная сетка, образованная не тканью или сеткой, а отдельными шнурами. Нити укладывались сначала в одном направлении, а затем в другом. Это хорошо видно в узлах сетки, где перекрытия проходят по всем нитям одного ряда. Использовались нити второго порядка с S-круткой (шаг крутки 4–5 мм), состоящие из двух нитей первого порядка с Z-круткой. Толщина нити – 2–3 мм. Предположительно для изготовления нитей использовали классическое волокнистое сырье, возможно, растительного происхождения[1]. Внутри каждой клетки, образованной отпечатками шнура, – овально-округлые ямки. Они сделаны скорее всего уже после обжига предметов, путем просверливания каким-то твердым предметом поверхности штандартов. Размеры печатей: первого – длина – 6.6 × 5.8 см, высота – 4.3 см; второго – длина – 6.8 × 6 см, высота – 4.2 см.

В восточной половине кургана также найден жертвенник, скорее всего связанный с древним ровиком: на глубине 180 см лежал череп барана на задних конечностях: в насыпь кургана была положена шкура животного.

Еще два жертвоприношения, как полагаем, также связанных с впускным погребением 1, было совершено на вершине древнего кургана: на пло-

[1] Характеристика типа отпечатка и нитей дана О.В.Орфинской.

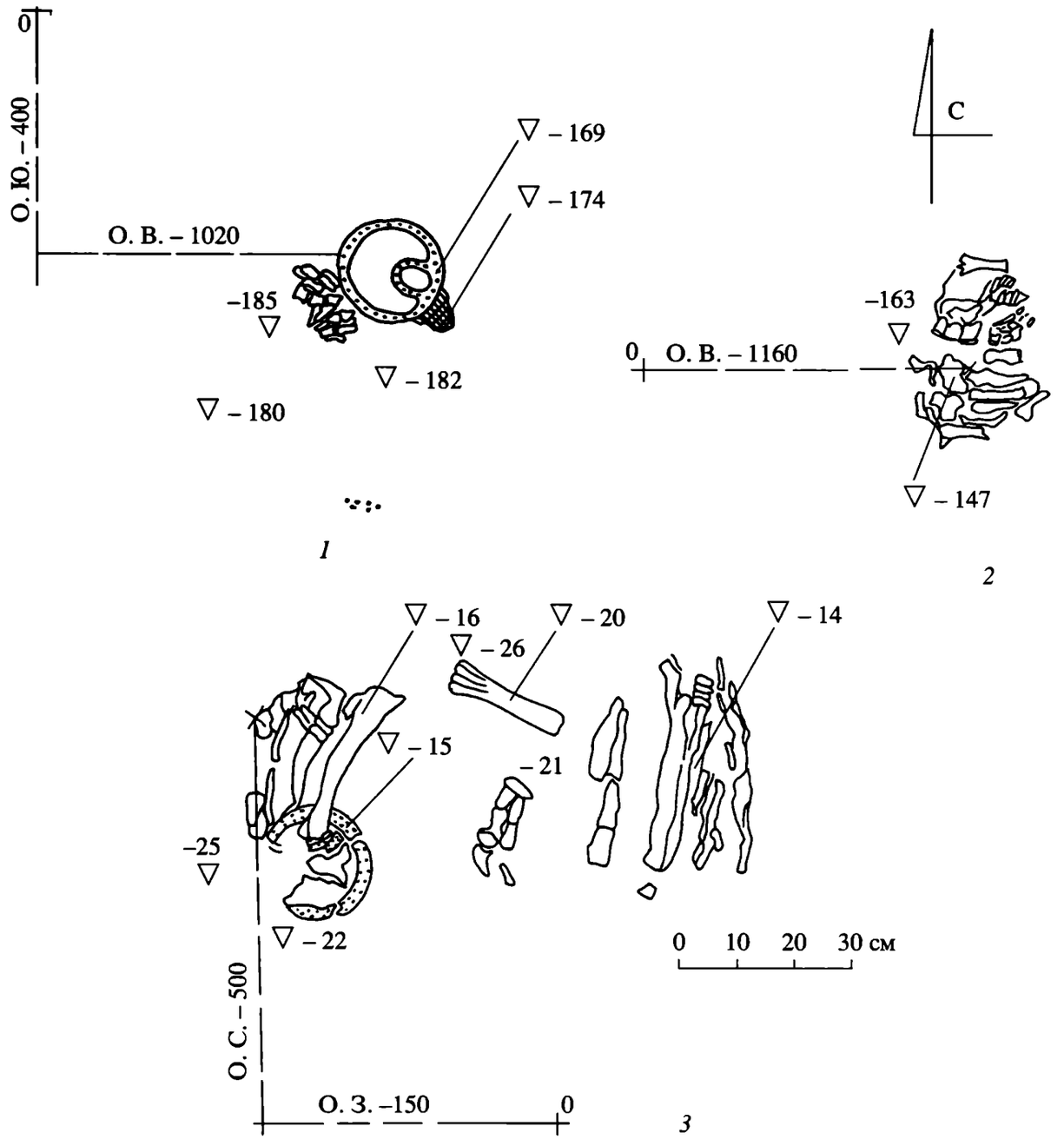

Рис. 1. Могильник Манджикины-1, к. 14: *1–3* – жертвенники в насыпи кургана.

щадке размерами 50 × 40 см, на глубине 29–36 см лежали компактно кости животного; к северо-западу от них на глубине 16–25 см – два черепа быка, положенные на отрубленные до колен кости ног (две шкуры, расстояние между ними – 20 см). Западная шкура перекрывала глиняную курильницу: чашу с отделением, на четырех (одна утеряна) отдельных округлых ножках (рис. 1, *3*). Внешняя поверхность украшена треугольными шевронами, образованными отпечатками шнура, спирального штампа, прочерченными линиями. Бортик курильницы украшен тройной линией отпечатков шнура и двумя линиями отпечатков спирального штампа. Размеры курильницы: диаметр чаши – 19.2 см, высота – 7.7 см, диаметр ножек – 2.1 см, высота ножек – 3.7 см (рис. 4, *1*).

К юго-западу от погребения 1 на глубине 204 см был найден фрагмент керамики: стенка лепного сосуда (рис. 4, *2*). Орнамент представлял собой сетку, образованную прочерченными линиями, внутри квадратов – отпечаток круглого штампа. Узор по типу близок орнаменту глиняных штампов.

Жертвоприношения, скорее всего, совершены одновременно при сооружении насыпи над погребением 1: жертвенные животные были убиты весной – в первой половине лета[2].

[2] Дентиновый и цементный анализ зубов животных из жертвенников проведен А. Соколовым.

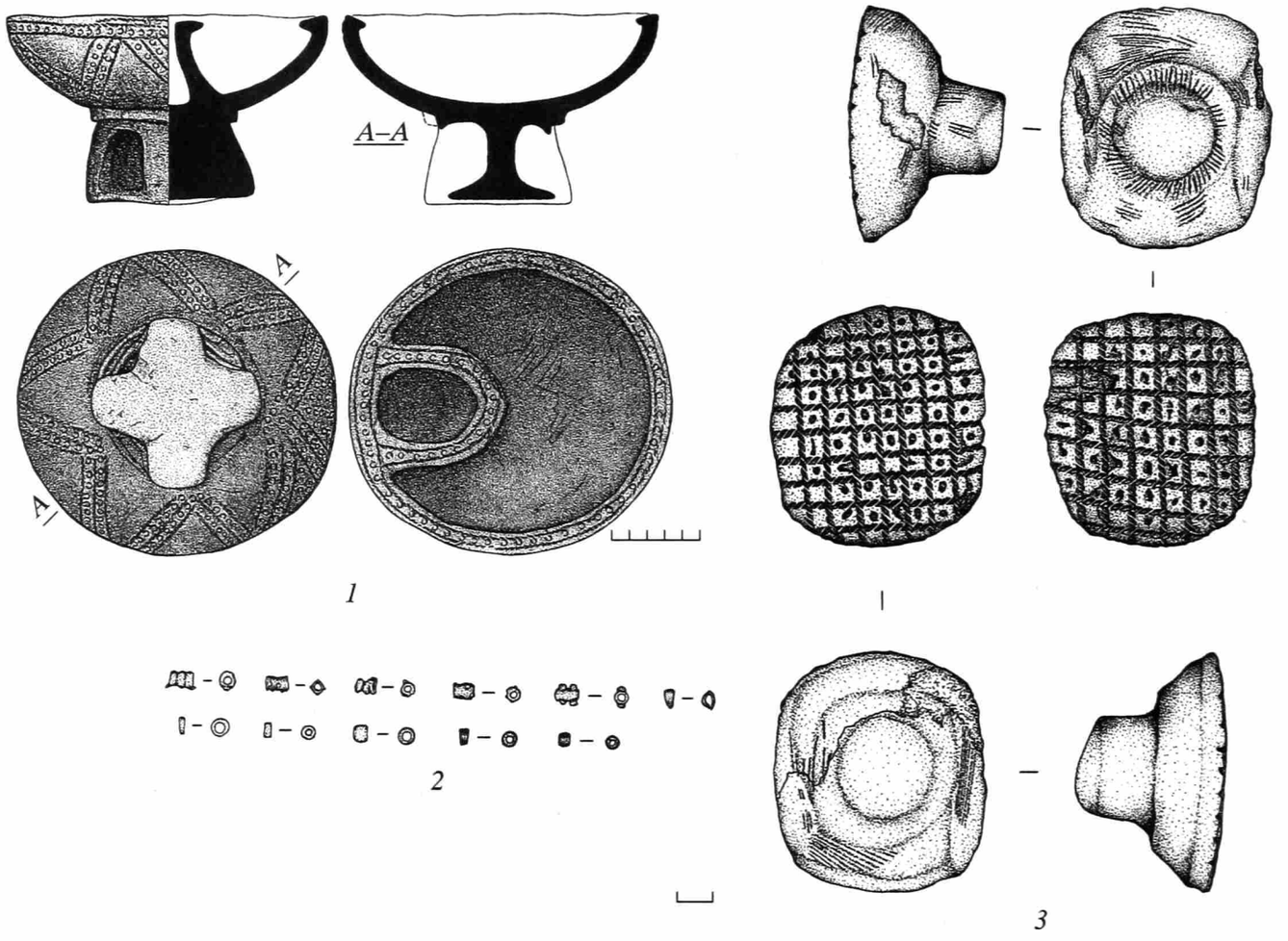

Рис. 2. Могильник Манджикины-1, к. 14. Материалы из жертвенника: *1* – курильница; *2* – бусы; *3* – штампы. *1*, *3* – глина; *2* – бронза, фаянс, сердолик, гешир.

Само погребение 1 в большой фигурной яме перекрыто деревянным настилом и несколькими слоями растительной циновки. На дне, на подиуме, лежал скорченный на спине скелет взрослого человека, ориентированный черепом на юг. Его сопровождал богатый инвентарь, включающий набор бронзовых предметов: нож, шило, долото, четыре глиняных сосуда, ожерелье из фаянсовых бусин и каменный брусок без следов обработки. Неординарность погребального обряда этого захоронения, целая серия жертвенников, располагавшихся по кругу и досыпка насыпи – свидетельство особого погребального обряда. 14С дата, полученная по костям скелета: 3890 ± 70, cal. 2488–2148 до н.э. (ИГАН–2493), соотносится с интервалом существования в регионе катакомбных памятников: cal. 2500–2000 гг. до н.э.

Особый интерес среди сопровождающего инвентаря погребения и жертвенников представляют два глиняных штампа. Задача исследования – определить круг возможных аналогов и функцию уникальных предметов.

Печати-штампы являются одним из самых ярких символов древнего Переднего Востока и Балкан. Обычно они изготавливались из камня, но также из кости животных, слоновой кости, фаянса, стекла, метала, дерева, реже – глины. Печати были округлыми, овальными, квадратными, фигурными и всегда на внешней стороне имели изображение, которое, как полагают, оттискивалось на внешней поверхности каких-то более мягких материалов, скорее всего необожженной глины, воска. Самые древние глиняные штампы известны в Турции и Ираке. Они датируются концом V тыс. до н.э. Это печати-штампы из Тепе-Гавра, Ниневия. Основные сюжеты на них – люди и звери (Collon, 1990; Goff, 1963. Fig. 497). Глиняные штампы с геометрическими изображениями, с ручками и петельками на оборотной стороне известны в Чатал-Хуюке (Антонова, 1984). Причем, для многих древних передневосточных иранских печатей характерен именно геометрический орнамент (Bennett, 1989; Berghe, 1987), который, по мнению Е.В.Антоновой, является ранним признаком. В III тыс. до н.э. появляются цилиндрические печати с многочисленными знаками и многофигурными изображениями (Collon, 1990). Существуют они и в более позднее время и характеризуются

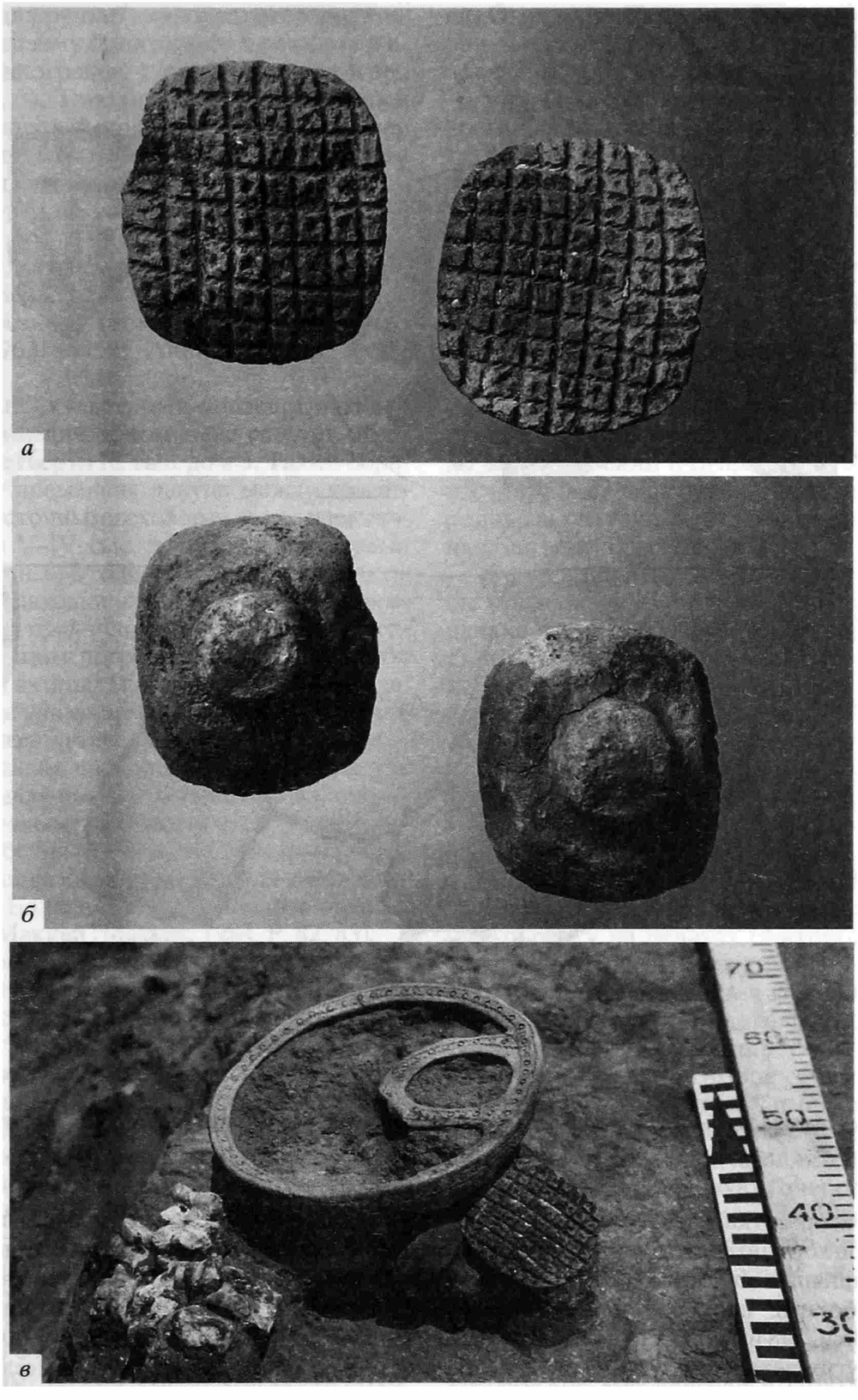

Рис. 3. Могильник Манджикины-1, к. 14. Глиняные штампы.

разнообразными орнаментальными мотивами и формами. Большое количество глиняных штампов-печатей найдено в неолитических и энеолитических культурах юго-восточной Европы (Makkey, 1984), в Индии (Zabern, 1987).

Таким образом, хотя печати довольно широко были распространены на Переднем Востоке и Балканах, поиск близких аналогов глиняным штампам из Калмыкии пока не увенчался успехом. Нигде на Переднем Востоке или Балканах не

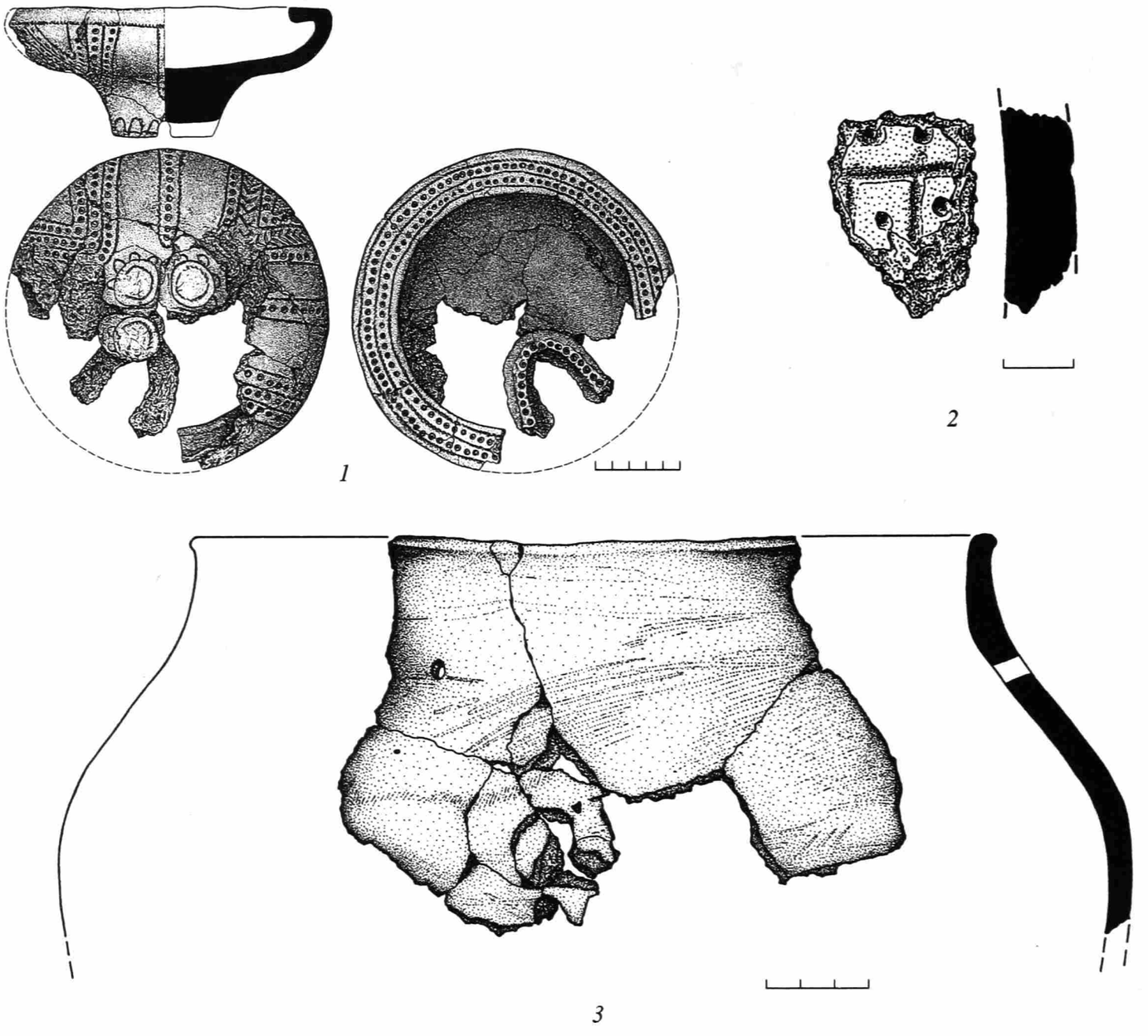

Рис. 4. Могильник Манджикины-1, к. 14. Материалы из жертвенников: *1* – курильница; *2* – фрагмент керамики; *3* – жаровня. Глина.

встречена на печатях сетка, изготовленная при помощи отпечатков хорошо свитого шнура. Сетка на большинстве глиняных штампов в этих регионах образована глубокими прочерченными линиями (например: Makkey, 1984. Tab. XXIII), внутри ячеек нет никаких других деталей. Хотя в Тепе Гисаре встречены печати, округлая внешняя поверхность которых украшена прочерченной сеткой, внутри – округлые и геометрические вдавления (Bennett, 1989. Fig.1), и часть из них сделана из обоженной глины, но они значительно меньшего размера и имеют ручку-петельку, да и по датировкам относятся к более раннему времени. Шнуровой орнамент традиционно считается элементом степного орнаментального искусства. Использование шнура, многорядной тесьмы, фрагментов ткани характерно для украшения многих сосудов катакомбной культуры, в том числе такой узор встречен и на курильнице, найденной вместе со штампами. Форма многих глиняных передневосточных печатей также иная: они заканчиваются петелькой для подвешивания (Массон, 1989. Рис. 24). Известные в энеолитических (Массон, 1989. Рис. 37) и эпохи бронзы (Сарианиди, 1976) памятниках Средней Азии печати типологически иные, меньших размеров, сделаны из металла или камня.

Наиболее близкие найденным предметам аналоги оказались в коллекции закавказских глиняных и костяных пинтадеров – "глиняных и костяных штампов в виде круглых и прямоугольных

печатей, имеющих ручки", которые исследователи относят к позднему бронзовому и раннему железному веку (Виноградов, 1963; Рамишвили и др., 1991. Табл. 223, 3). Типологически очень близок калмыцкому глиняный прямоугольный пинтадер из Абхазии, украшенный на внешней поверхности рельефом в виде свастики (Виноградов, 1963. Рис. 2, *б*). Он крупного размера, но происходит из случайных находок и не имеет, таким образом, временной и культурной привязки. Однако и на этих изделиях не встречен шнуровой орнамент: преобладает резной геометрический рельеф (Виноградов, 1963. Рис. 2; Анакидзе и др., 1991. Табл. 20, *2*, *7*).

"Катакомбный" культурный контекст находок не вызывает сомнения, и комплекс следует относить к третьей четверти III тыс. до н.э. Таким образом, существует временная лакуна между известными передневосточными схожими, но не идентичными, печатями V–IV тыс. до н.э. и пинтадерами Кавказа I тыс. до н. э. Это либо является указанием на уникальность находки из Манджикин, либо позволяет высказать предположение, что такие предметы не участвовали в погребальном ритуале, либо изготавливались из иных материалов, например дерева. Косвенным указанием на такую вероятность может служить изящно сделанная деревянная пуговица с грибовидным навершием и выступом для крепления, внешняя поверхность которой украшена сложным резным орнаментом из раннекатакомбного погребения могильника Манджикины-2. О вероятном использовании дерева для изготовления штампов на Балканах в эпоху неолита-энеолита указывает и Маккей (Makkey, 1984. P. 82, 83).

Каково же могло быть функциональное назначение печатей-штампов? На Переднем Востоке в течение многих тысячелетий такие предметы связывались с гарантией подлинности предмета, запечатанного ими, маркировкой собственности, указывали на участие в законных сделках или, даже, предохраняли товары от возможного воровства. До недавнего времени кусок воска с оттиском печати являлся законным "замком" любой собственности (Collon, 1990). Печати из Двуречья III тыс. до н.э. служили знаками собственности, в Средней Азии пришивались к головным уборам или поясам и принадлежали к ритуальным комплексам. Например, в погребениях эпохи Намазга V они входили в состав погребальных украшений, могли служить амулетами (Антонова, 1984). Пуговицевидные штампы из Гисара 1 могли быть и штампами, и амулетами.

Как правило, печати найдены на поселениях, на полу в помещениях (Анакидзе и др., 1991. С. 79–84). Можно предположить, что они были просто обронены владельцами. Такие изделия входили и в погребальный набор. Парные печати-штампы находят крайне редко, к примеру происходят из погребения эпохи бронзы в Сапаллитепа. Однако на Переднем Востоке известны захоронения, где число печатей достигало 30 (Антонова, 1984. С. 28, 29).

Тем не менее трудно пока связывать найденные в Калмыкии печати со знаками собственности, хотя мы можем говорить о сложной социальной структуре ряда культур эпохи бронзы и катакомбной, в частности. Находок слишком мало. Но увязать штампы с ритуальным контекстом возможно: они найдены в погребальном жертвеннике, в наборе с 21 астрагалами барана (а именно астрагалам придается особая знаковая функция) и с ожерельем из бусин. Здесь же стояла глиняная курильница, особая роль которой в погребальном ритуале катакомбной культуры очевидна. На Переднем Востоке многие печати происходят именно из погребений (Антонова, 1984), что, вероятно, позволяет связать их с определенными похоронными ритуалами. Хотя в повседневной жизни их роль могла быть и иной.

Функциональное назначение предмета вроде бы предполагает его использование как штампа, однако оттиски на глине в катакомбной или иных степных и кавказских культурах (к примеру, на керамике), аналогичные рисунку на внешней поверхности штампов, не известны. Исключение составляет глиняный фрагмент неизвестного предмета (сосуда?) из этого же кургана. Не известны отпечатки на балканской керамике, рисунок которых был бы аналогичен рисунку на внешней поверхности рабочей части штампов-печатей (Makkey, 1984. P. 94). Но в Иране и Средней Азии имеются изображения на сосудах, аналогичные рисунку на печатях (Антонова, 1984. С. 29). Исследователи высказали предположение, что они могли использоваться для нанесения рисунка на кожу или ткань (Виноградов, 1963; Антонова, 1984; Makkey, 1984). Интересным является точка зрения, согласно которой печати-штампы использовались для оттиска изображений на ритуальные хлебцы: исследователи приводят многочисленные примеры штампования хлеба и моделей хлебцев, в первую очередь на Кавказе (Виноградов, 1963; Антонова, 1984). Большие деревянные штампы до сих пор используются для нанесения ритуального узора на хлеб в Сирии и Греции[3].

Глиняные лепешки, изготовленные, как правило, из необожженной глины и густо окрашенные красной краской, найдены в памятниках ямной, новотиторовской, катакомбной культур (Гей, 2000). Однако на них изображения встречаются очень редко. Например, в могильнике Лакедомоновка на

[3] Выражаю огромную благодарность Д. Коллон, хранителю коллекции передневосточных печатей в Британском музее, за комментарии к тексту и указание на существующую традицию украшения хлеба орнаментом при помощи деревянных штампов, основным элементом которых является сетка.

Миусском полуострове в катакомбном погребении 15 кургана Ш/2 лепешка из охры была украшена пальцевыми вмятинами (Ильюков, Казакова, 1988. Рис. 11, 7). Специальные исследования содержания сосудов и желудков носителей ямной и катакомбной культур показали активное использование в диете диких зерновых культур: овса, овсеца, амаранта. Известны находки пшеницы и в катакомбных погребениях Украины (Корпусова, Ляшко, 1990). Эти данные указывают на вероятное использование хлебных изделий в системе питания. Но наносили ли на них оттиски, мы не знаем.

Вероятно, ритуальная раскраска покойника при помощи штампов также могла быть частью погребальной церемонии: косвенно об этом свидетельствуют фрагменты рисунка на глиняной маске ямной культуры из могильника Керемен-Толга (Шишлина, 1989), раскраска красной краской черепов новотиторовской культуры (Гей, 2000). В катакомбных погребениях Калмыкии зафиксирована раскраска стоп умершего. Отдаленная аналогия – фигурные татуировки на масках из погребений раннего железного века в Сибири (История Сибири, 1968. С. 260). Иногда на дне могильных ям катакомбной культуры в Калмыкии мы встречали фрагменты фигурных "росписей". Однако на поверхности штампов из Манджикин не найдено никакой краски (например, охры), что пока не позволяет связать эти предметы со штампами для нанесения рисунка на кожу или иные материалы.

Позволим предположить еще одну вероятную функцию степных печатей. Они довольно крупного размера, в несколько раз больше, нежели известные на Переднем Востоке и на Балканах. Может быть, это были штандарты, которые держались в обеих руках.

Таким образом, глиняные штампы-печати из могильника Манджикины являются уникальными предметами материальной и духовной культуры носителей катакомбной культуры Северо-западного Прикаспия. Скорее всего, они были сделаны в степи местными мастерами, использовавшими подручные материалы: глину и шнуры, которые были обычными при изготовлении и сосудов. Насколько такие предметы были связаны с передневосточными традициями изготовления печатей, пока сказать трудно – там в Ш тыс. до н.э. использовались иные формы и орнаментальные мотивы, преобладающим типом материала был камень, а позже металл. На фоне таких типов печатей степные кажутся архаичными, скорее всего связанными с более древними экземплярами, разделенными с ними географическими пространствами и, главное, большими временными интервалами. Как уже упоминалось, ближайшие аналогии происходят из памятников конца II–I тыс. до н.э. Кавказа. Поэтому решить вопрос о происхождении печатей пока затруднительно.

Были ли они знаками собственности, кому принадлежали, мы тоже не знаем – ведь они найдены не в погребении, а в жертвеннике. Это, видимо, может указывать на их вероятную связь с погребальными ритуалами, символическую и знаковую функцию которых нам еще придется разгадывать. Единичность таких предметов, может быть, указывает на использование и других материалов для их изготовления, например дерева. Найдены предметы на жертвенной площадке, сооруженной, как и другие, весной – в первой половине лета, при строительстве курганной насыпи над впускным погребением 1. Неординарность погребального инвентаря, сопровождавшего умершего мужчину, возможно, указывает на его особую роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анакидзе А.М., Николайшвили В.В., Гжунашвили Г.Д. и др. Мцхетская экспедиция // Полевые архео-логические исследования в 1986 г. (Краткие сообщения).Тбилиси, 1991.

Антонова Е.В. К проблеме функций печатей ранних земледельцев Востока // СА. 1984. № 4.

Виноградов В.Б. Глиняный штамп с городища Алхан-Кала // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. М., 2000.

Ильюков Л.С., Казакова Л.М. Курганы Миусского полуострова. Ростов-на-Дону, 1988.

История Сибири. Т. 1. Л., 1968.

Корпусова В.Н., Ляшко С.Н. Катакомбное погребение с пшеницей в Крыму // СА. 1990. № 3.

Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989.

Рамишвили Р.М., Джорбенадзе В.А., Чиковани Г.Ч. и др. Археологическая экспедиция горного региона Восточной Грузии // Полевые археологические исследования в 1986 г. (Краткие сообщения).Тбилиси, 1991.

Сариниди В.И. Печати-амулеты мургабского стиля // СА. 1976. № 1.

Шишлина Н.И. Погребение эпохи бронзы с глиняной маской из Калмыкии // СА. 1989. № 3.

Bennett L. The seals of Tappen Hesar, 1931–1932 // Tappen Hesar. Reports of the Restudy Project, 1976 / Eds R.H. Dyson, Jr. and S.M. Howard 1989.

Berghe L.V. Luristan, Pusht-I Kuh au Chalcolotique Moyen (Les Necropoles de Parchinnah et de Hakalan) // Prehistoire de la Mesopotamie. La Mesopotamie prehistorique et l'exploration recent du djebel Hamrin. Editions du centre National de la Recherche Scientifique. Paris, 1987.

Collon D. Near Eastern seals. L., 1990.

Goff B.L. Symbols of Prehistoric Mesopotamia. New Haven; L., 1963.

Makkey J. Early Stamp Seals in South-East Europe. Budapest, 1984.

Zabern von. Ph. Vergessene Städte am Indus. Frühe Kulturen in Pakistan vom 8.–2. Jahrtausend v. Chr. Mainz am Rhein, 1987.

Clay stamp-seals from the burial mound Mandjikiny in Kalmykia

N. I. Shishlina

Summary

Two clay stamp-seals have been found in an offering place of Mandjikiny burial mound in Kalmykia. The kurgan dates back to the Maikop culture (the early 4th mill. BC). The youngest grave is attributed to the Catacomb culture. It was accompanied by several offering places, one of them contained a clay brazier, sheep astragali, string of beads, and two unique stamp-seals. The latter were shaped as rectangular with round handles at the backsides. The working surface was covered with cord impressions forming rectangular grid pattern with a small pit in each square. The earliest stamp-seals are known from the Near East (the late 5th mill. BC), and in the Balkan region. No analogies to the discussed steppe seals, both to their shape and patterns, can be pointed out in these regions. The closest finds are known from the Transcaucasus, these are clay pinthaderes of the Late Bronze and the Early Iron Ages. As for the finds' function, they could have been used as property marks, amulets, stamps for decoration skin or textiles, or to impress patterns on the ritual bread. Thus, the Kalmykian stamp-seals should be considered unique artefacts of the Catacomb culture (the mid 3rd mill. BC) made by local people of the material available and designed for some important but yet unclear ritual function.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 144–146

ПУБЛИКАЦИИ

БУЛЛА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДВУГОРБОГО ВЕРБЛЮДА С ГОРОДИЩА ГЕБЕКЛЫ

© 2004 г. Г. А. Кошеленко

Институт археологии РАН, Москва

В ходе раскопок городища Гебеклы, находящегося на северо-западной окраине Мервского оазиса (Туркменистан), было выяснено, что этот населенный пункт существовал на протяжении трех исторических периодов: ахеменидского (время культуры ЯзIII) (Новиков и др., 1994), парфянского и раннесасанидского, вплоть до конца IV в. н.э. (Кошеленко, Никитин, 1991. С. 5–18). Между первым и вторым периодом обживания имелся значительный временной разрыв. В это время вся северная часть оазиса была покинута людьми. Жизнь здесь возродилась, видимо, только в I в. н.э., когда парфянские власти предприняли огромные усилия по новому освоению этой части оазиса. В это время здесь было основано значительное число новых населенных пунктов.

Именно в это время на руинах укрепленной усадьбы периода Яз III был построен большой дом, а пространство вокруг было окружено крепостной стеной с четырьмя башнями по углам и одной башней у входа, расположенного в середине южной стены.

Не входя сейчас в подробности описания центрального здания, отметим только, что оно представляло собой сочетание жилых покоев его хозяев, складских помещений и комнат, где обитал обслуживающий персонал. При раскопках в ряде помещений и в коридорах было найдено значительное число глиняных булл, несущих оттиски печатей. Каждая булла имела от одного до шести оттисков. С помощью булл опечатывались сосуды различных размеров, тюки, коробки и т.д., что делало невозможным несанкционированный доступ к ним. При вскрытии этих объектов, естественно, буллы ломались и их остатки бросались на пол. Во все время существования парфянского здания в него постоянно поступали различные товары и контейнеры вскрывались. На двух уровнях полов были найдены фрагменты более 3 тыс. булл (Bader et al., 1991). Можно полагать, что поступавшие сюда товары отправлялись из столицы Маргианы, города Антиохия Маргианская (городище Гяур-кала). Они при этом опечатывались представителями локальной администрации (Koshelenko, 1997).

Буллы дают значительную новую информацию по большому кругу вопросов, включая, например, официальную идеологию, поскольку изображения на печатях, использовавшихся чиновниками, не могли быть случайными. Нами зафиксировано несколько десятков сюжетов, которые были использованы парфянскими должностными лицами.

Среди этих сюжетов имеются чрезвычайно популярные, например изображение сидящей на троне богини, но имеются и такие, которые встречаются чрезвычайно редко. К числу последних принадлежит и булла с изображением двугорбого верблюда-бактриана. Подобно подавляющему большинству данная булла выполнена из плохо отмученной глины серого цвета. Она фрагментирована. Сохранившиеся размеры ее: 6.2 × 5.3 см, толщина – 2 см. На данном фрагменте сохранилось два оттиска: один – практически целиком, второй – только в небольшой части. Первый из них имеет круглую форму, его диаметр – 2.7 см (рисунок).

На нем изображен идущий влево двугорбый верблюд, у которого стерто изображение нижней части одной из задних ног. Изображение животного достаточно профессиональное. Над горбами плохо различимые знаки – остатки надписи, перед передними ногами – тамга. Второй оттиск практически не сохранился, но можно думать, что он также имел круглую форму, видна частично только аналогичная тамга. Можно полагать, что этот оттиск был выполнен той же самой печатью.

Данный оттиск заслуживает особого внимания исследователей вследствие трех обстоятельств. Во-первых, само изображение верблюда-бактриана – уникальный сюжет на буллах Гебеклы, во-вторых, наличие следов надписи – также явление достаточно редкое в этой коллекции. До настоящего времени надписи были встречены только на оттисках одной печати, на которой представлена сцена жертвоприношения (они еще не опубликованы). Наконец, третье обстоятельство – наличие тамги на оттиске. До сего времени тамги также в сфрагистике Маргианы не встречались.

Изображение двугорбого верблюда-бактриана на официальной печати парфянского чиновника вызывает определенный интерес. Обычно считается, что образ верблюда был широко популярен в фольклоре и верованиях народов Востока Ирана и Средней Азии (Кузьмина, 1963). Однако это утверждение нуждается в некоторых коррективах.

Тезис о важной роли верблюда в этой сфере культуры, в применении к собственно Ирану, в сущности базируется только на одном свидетельстве Авесты – на упоминании верблюда в Варахраняште (Бахрам-яште), как одной из инкарнаций бога Веретрагны. В отношении же кочевых народов восточной части пояса евразийских степей это утверждение, видимо, справедливо (помимо упомянутой выше работы Е.Е. Кузьминой см. также Вайнберг, 1977. С. 23–25; Обельченко, 1968; 1992. С. 182–186; Смирнов, 1964. С. 238–241).

Соответственно в изобразительном искусстве собственно парфянских территорий это животное представлено слабо[1]. В одной из более ранних работ мы отмечали то обстоятельство, что имеется некоторая "перекличка" в сюжетах между парфянскими монетами и печатями Гебеклы (Кошеленко и др., 1995). Однако на парфянских монетах изображения верблюда, кажется, не встречаются. В греко-бактрийской и греко-индийской нумизматике нам известно только одно изображение верблюда – на бронзовых монетах только одной серии (№ 30), выпускавшихся царем Менандром I Сотером (Спасителем), царствовавшим примерно в 155–130 гг. до н.э. (Bopearachchi, 1991. P. 243. Pl. 32 E). В более позднее время бактриан в репертуаре типов монетного чекана не присутствует вплоть до кушанской эпохи, когда он появляется, в частности на оборотной стороне бронзовых монет царя Куджулы Кадфиза (Mitchiner, 1976. P. 690. Type 1055; Зеймаль, 1967. С. 56. Рис. 11).

Очень трудно судить о том, имели ли какое-либо сакральное значение изображения верблюда-бактриана на только что упомянутых монетах. Однако имеется одна область в среднеазиатской нумизматике, где подобное значение изображений этого животного не вызывает сомнений. Мы имеем в виду монеты древнего Хорезма (Вайнберг, 1973). На ряде монет голова царя украшена короной в виде лежащего двугорбого верблюда (корона типа KV). Появление этого типа корон относится к концу III в. н.э. Продолжает он использоваться и позднее, но точная дата отмирания типа неизвестна (Вайнберг, 1977. С. 23). После некоторого перерыва аналогичные короны появляются в начале VIII в. н.э. в чекане одного из удельных правителей Кердера Хусрава (Гудкова, 1964. С. 112–116; Вайнберг, 1977. С. 23). В Бухарском Согде в последней четверти VII – начале VIII вв. чеканятся монеты с изображением верблюда (Зеймаль, 1999. С. 191). Важно отметить, что примерно в это же время зафиксированы в ряде областей Средней Азии троны в виде верблюдов (Беленицкий, 1962. С. 14–16; Шишкин, 1963. С. 232).

Булла с изображением верблюда. Прорисовка.

Таким образом, можно предполагать, что образ верблюда-бактриана у ряда древних оседлых народов Средней Азии в той или иной степени связывался с идеей царской власти. Возможно, что эти народы заимствовали этот образ и эту идею у своих кочевых соседей. В таком случае оттиск печати из Гебеклы вполне может считаться древнейшим примером этого явления.

Особое значение для нас имеет то обстоятельство, что тамга перед ногами верблюда очень близка тамгам, представленным на монетах Хорезма, особенно самым ранним, т.е. типа AII (Вайнберг, 1977. С. 35, сл. Табл. XI). Поскольку хорезмская тамга этого типа – достаточно ранняя, то хронологический разрыв между временем ее использования и временем буллы не очень велик, порядка полутора столетий.

Таким образом, публикуемая нами булла с изображением верблюда-бактриана свидетельствует о наличии в официальной идеологии Маргианы парфянского времени некоторых идей, имеющих, видимо, кочевническое происхождение, а также о каких-то не очень еще ясных культурных связях с Хорезмом.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 03-06-80130.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беленицкий А.М. Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии // ИООН АН Тадж. ССР. Вып. I (28). Душанбе, 1962.

Вайнберг Б.И. Удельный чекан раннесредневекового Кердера // Вопросы антропологии и материальной культуры древнего Кердера. Ташкент, 1973.

Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.

[1] Необходимо отметить, что эта тенденция сохраняется и в сасанидской сфрагистике. В качестве примера приведем буллы из раскопок Каср-и Абу Насра (Sasanian Remains..., 1973). Там среди 457 печатей представлено только 6 бесспорных (и 1 сомнительная) с изображением верблюда (правда, только одногорбого): рис. № 118, 155, 221, 286, 306, 356 (сомнительная – № 354). В то же время лев изображен примерно на 40 печатях.

Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. Буллы из раскопок Гебеклы-депе (Туркменистан) // ВДИ. 2001. № 2.

Гудкова А.В. Ток-кала. Ташкент, 1964.

Зеймаль Е.В. Монеты великих кушан в собрании Государственного Эрмитажа // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. IX. Л., 1967.

Зеймаль Е.В. Монеты раннесредневековой Средней Азии // Средняя Азия в раннем средневековье / Ред. Г.А. Брыкина. М., 1999.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н. Две богини? // ВДИ. 1995. № 2.

Кошеленко Г.А., Никитин А.Б. Монетные находки и проблемы стратиграфии Гебеклы-депе // Бюл. МАИКЦА. Вып. 18. М., 1991.

Кузьмина Е.Е. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов // СА. 1963. № 2.

Новиков С.В., Новикова О.Г., Кошеленко Г.А. Слои эпохи Яз III на Гебеклы-депе // Вест. МГУ. Сер. 8. История. 1994. № 6.

Обельченко О.В. Лявандакская пряжка // ОНУ. 1968. № 8.

Обельченко О.В. Культура античного Согда по археологическим данным. VII в. до н.э. – VII в. н.э. М., 1992.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.

Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. New Evidence on Parthian Sphragistcs. Bullae from the Excavations of Göbekly-depe in Margiana // Mesopotamia. 1990. XXV. Firenze, 1991.

Bopearachchi O. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris, 1991.

Koshelenko G. Bullae from Göbekly-depe. General Problems and Main Subjects // Archives et sceaux du monde hellénistique / Ed. M.-F. Boussac, A. Invernizzi (BCH Supplement 29). Paris, 1997.

Mitchiner M. Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. V. 8. The Indo-Parthians. Their Kushan Neighbours. London, 1976.

Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr / Ed. R.N. Frye. Cambridge (Mass.), 1973.

The bulla with the representation of a Bactrian camel from the hillfort Ghebekly

G. A. Koshelenko

In the paper the clay bulla is published found while excavating the hillfort Ghebekly (Merv oasis, Turkmenistan) dated back to the Parthian period. The bulla bears two identical imprints of a circular stamp-seal, one of them is of good state of preservation, while amother is very poor. The sealing shows a Bactrian camel moving to the left, below its front legs partly preserved tamga-sign can be seen. The remains of inscription are disposed over the humps. The author stresses that the images of a Bactrian are extremely rare in the Parthian art. On the other hand, this subject is rather popular in the figurative art of the nomadic peoples of Central Asia and Khorezm. The fact of its presence in the sphragistics of the Merv oasis may be interpreted as the evidente of the cultural contacts of Margiana inhabitants with the nomads and Khorezm in the first centuries AD.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 147–159

ПУБЛИКАЦИИ

АНТИЧНЫЙ ИМПОРТ В ПОГРЕБЕНИЯХ ПЕСОЧИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2004 г. Л. И. Бабенко

Исторический музей, Харьков

Интерес исследователей к изучению предметов античного импорта, обнаруженных в погребальных памятниках скифского времени, всегда был и остается неизменно высоким, что объясняется большой информативностью этой категории находок. Едва ли стоит перечислять множество проблем, решение которых невозможно в настоящее время без привлечения этого материала. Значение античного импорта для скифологии общепризнано и этот факт не требует дополнительных доказательств.

В этой связи немалый интерес представляют материалы курганного могильника, расположенного на юго-восточной окраине поселка Песочин близ Харькова. В 1978–1980 гг. археологической экспедицией Харьковского исторического музея под руководством В.Г. Бородулина было раскопано 35 курганов (Бородулин, 1979; 1980). Большая часть материалов этих исследований до сих пор не введена в научный оборот. Настоящая работа посвящена публикации предметов античного импорта, обнаруженных в погребениях могильника.

ГОНЧАРНАЯ ПОСУДА

Ассортимент немногочисленной импортной керамики достаточно разнообразен. В погребениях могильника обнаружены амфоры, канфар, канфаровидный килик, лекиф, сероглиняный кувшин и миска.

Две целые амфоры обнаружены в кург. 8, погр. 1 и кург. 18, погр. 1. Кроме этого, фрагменты стенок амфор, которые не поддаются типологическому определению, были выявлены в насыпи кург. 7 и 8, а также на дне могильных ям кург. 1; 6 (впускное разрушенное погребение); 29; 31.

Амфора из кург. 8, погр. 1 имеет едва утолщенный, слабо отогнутый венчик и короткое, расширенное книзу горло. Прямо под венчиком расположен сегментовидный валик. Тулово биконическое. Низкая остроребериая ножка имеет на подошве коническое углубление. Глина светло-коричневого цвета, слоистая, слабообожженная. Общая высота – 73 см, глубина – 66 см, диаметры венчика – 12, устья – 10.8, максимальный – 36 см, ножки – 7.2 см (рис. 1, *2*). А.В. Бандуровский в специальной работе относит эту амфору к фасосскому производству (Бандуровський, 2001. С. 75).

Амфора из кург. 18, погр. 1 относится к типу амфор Солоха I с выступающим "грибовидным" венчиком. Среди многочисленных представителей этого типа песочинская амфора отличается высоким цилиндрическим горлом и стройной конической формой нижней части тулова. У перехвата ножки – тонкое кольцевое рифленное ребро. Глина плотная, красноватого цвета с высокой насыщенностью мелких частиц известняка. Общая высота – 86 см, глубина – 82 см, диаметры венчика – 18.4, устья – 13.5, максимальный – 42 см, ножки – 7.2 см (рис. 1, *1*). Амфоры с грибовидным венчиком изготавливались в различных производственных центрах (Монахов, 1999. С. 242, 243). А.В. Бандуровский связывает песочинскую амфору с производством Книда (Бандуровський, 2001. С. 75).

Чернолаковая керамика аттического производства представлена двумя сосудами. В погр. 1 кург. 8 был найден канфаровидный килик с валикообразным венчиком. Обе ручки отбиты еще в древности. Лак во многих местах вытерт. На дне оттиснут орнамент в виде концентрического круга из насечек, внутри которого находится четырехугольник, состоящий из прогнутых дуг. Вершины четырехугольника украшены многолепестковыми пальметками. На нижней части поддона прочерчено граффити "ПОЛ". Высота – 9 см, диаметры венчика – 10.4, дна – 5.2 см (рис. 1, *3*).

Подобные сосуды очень хорошо представлены в погребальном инвентаре степных курганов (Онайко, 1970. Тип 322–324; Мелюкова, 1975. Рис. 44.*4*; Плешивенко, 1991. Рис. 4, *4*; 11, *3*; Евдокимов, Фридман, 1991. Рис. 13, 19), в памятниках Лесостепи (Онайко, 1970. Тип 686–689), среди материалов Елизаветовского могильника (Брашинский, 1980. Кат. 169, 170).

Форма чернолакового канфара, обнаруженного в погр. 1 кург. 18, близка килику. Поверхность канфара покрыта густым слоем черного лака. На дне оттиснут орнамент в виде четырехлучевой фигуры. Высота – 9.6 см, диаметры венчика – 9.6, дна – 4.4 см (рис. 1, *4*).

Подобные канфары, как и килики, хорошо известны в погребальных памятниках (Онайко, 1970. Тип 307–309, 675–689; Лєсков, 1974. Рис. 61;

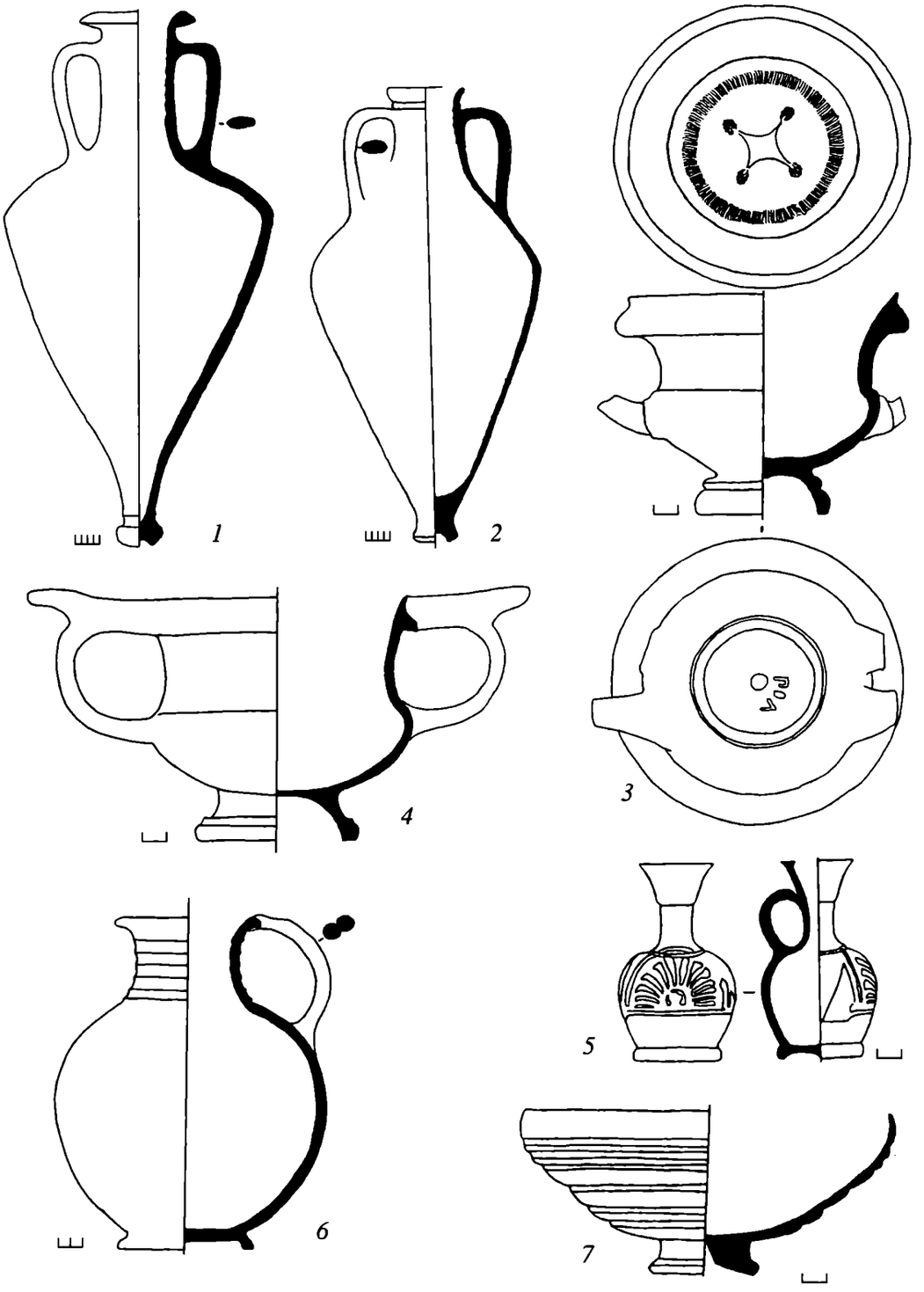

Рис. 1. Гончарная посуда: *1*, *4* – кург. 18, погр. 1; *2*, *3* – кург. 8, погр. 1; *5*, *6* – кург. 22; *7* – кург. 7.

Мелюкова, 1975. С. 160; Брашинский, 1980. Тип 200–202).

Краснофигурная аттическая керамика представлена арибаллическим лекифом, тулово которого украшено пальметкой с тринадцатью лепестками, расходящимися от подковообразной сердцевины. Контур пальметки очерчен снизу прямой горизонтальной линией, по бокам и сверху – подковообразной. По обе стороны от пальметки размещены два прямоугольных треугольника. Обнаружен в кург. 22. Высота – 7.9 см, диаметры венчика – 2.9, тулова – 4.5, дна – 3.2 см (рис. 1, *5*).

Находки лекифов с подобным орнаментом известны и в памятниках Лесостепного Правобережья и в степных курганах (Онайко, 1970. Тип 678, 679; Лєсков, 1974. Рис. 83; Мозолевский, 1980. Рис. 74). Особенно много их найдено в ольвийском некрополе и на Таманском полуострове

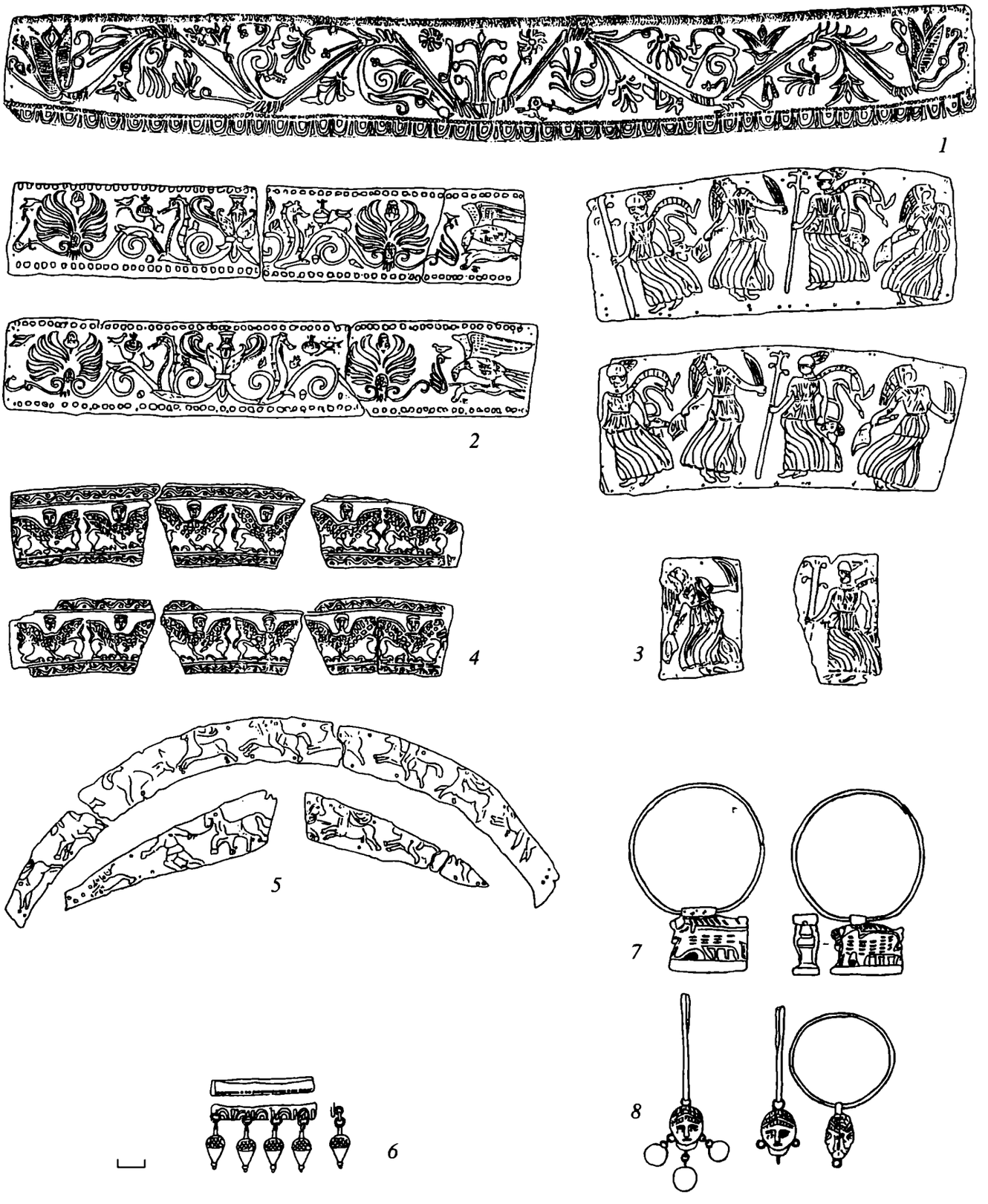

Рис. 2. Золотые пластины головного убора, полоска с подвесками, серьги: *1–8* – кург. 8, погр. 1.

(Козуб, 1962. Табл. IV, *1*; Морган, 1999. Рис. 17, 19, 20, 22–26).

В кург. 22 обнаружен сероглиняный кувшин с низким кольцевым поддоном, шаровидным туловом и цилиндрическим, симметрично прогнутым горлом, переходящим в отогнутый наружу округлый венчик. Горло по всей длине украшено горизонтальным рифленным орнаментом. Ручка по всей длине, сверху и снизу, разделена глубокой продольной бороздой. Поверхность кувшина се-

рого цвета, хорошо залощена. Высота – 26.5 см, диаметры венчика – 11.4, тулова – 21, дна – 10.6 см (рис. 1, *6*).

Подобные сероглиняные кувшины хорошо представлены в инвентаре лесостепных и степных погребений, среди материалов Елизаветовского городища и могильника (Петренко, 1967. Табл. 21, *17*; Мелюкова, 1975. Рис. 46, *5*; 47, *5*; Брашинский, 1980. Табл. XVIII, *235*; XL, *5*, *6* и др.).

В кург. 14 обнаружена тонкостенная миска на узкой короткой ножке, заканчивающейся более широким шайбовидным поддоном. С обратной стороны ножки – углубление конической формы. Венчик плавно загнут внутрь. Внешняя поверхность чаши орнаментирована шестью концентрическими горизонтальными каннелюрами – тремя уступчатыми в нижней и тремя продавленными в верхней части. Цвет поверхности светлокремовый. Высота – 6.4 см, диаметры венчика – 14.2, ножки 4.4, максимальный – 14.6 см (рис. 1, *7*).

Форма песочинской чашечки достаточно оригинальна. Очень похожие уступчатые каннелюры имеет миска из погр. 1/1 у с. Макеевка, отличаясь от песочинской формой поддона и венчика, цветом глины, а также небрежностью изготовления (Покровська, 1949. Табл. II, *2*). Обломок миски с каннелюрами обнаружен в кург. 9 у с. Осняги (Шрамко, 1987. Рис. 73, *12*). Шестью горизонтальными концентрическими каннелюрами украшена крышка леканиды из Елизаветовского могильника (Брашинский, 1980. Табл. XXI, *241*).

СЕРЕЖКИ

Обе пары импортных сережек обнаружены в погр. 1 кург. 8. Первая пара сережек в виде кольца диаметром 4.6–5.0 см из золотой, ромбовидной в сечении, проволоки имела подвески из стекла бирюзового цвета ("египетский фаянс") со стилизованным изображением животного. Подвески не идентичны, различаются как размерами (одна – 2.8 × 2.4 × 0.8 см, вторая – 2.6 × 2.2 × 0.8 см), так и многими мелкими чертами животного, но несомненно, что на подвесках – одно и то же существо. Черты животного, расположенного на узкой длинной гладкой подставке, переданы очень схематично. Отчетливо просматриваются выпрямленные лапы, крылья, на которых с помощью нескольких рядов ретуши переданы перья, хвост и спинной гребень (рис. 2, *7*). В IV в. до н.э. фигурные изделия из фаянса немногочисленны и в античных памятниках Северного Причерноморья (Алексеева, 1975. С. 28), еще реже они встречаются в степных и лесостепных погребениях. Находка сережек с фигурными подвесками неизвестной ранее формы является исключительным случаем. Некоторое сходство имеет зооморфная подвеска из камня светло-зеленого цвета из кург. 131 могильника Мамай-Гора (Андрух, 2001. Рис. 89, *13*).

Вторая пара сережек представлена кольцами диаметром 3.6 см, изготовленными из золотой, круглой в сечении проволоки. К кольцам при помощи петельки крепилась золотая подвеска в виде полой двуликой женской головки. К нижней части шеи, а также по обе стороны от головки были припаяны три проволочные петельки, к которым крепились подвески в виде круглого плоского диска диаметром 0.8–0.9 см (рис. 2, *8*).

Среди ближайших аналогий следует назвать сережки из кург. 21 у с. Каменка Николаевской области (Клочко, Гребенников, 1982. Рис. 8).

ПАРАДНЫЙ ГОЛОВНОЙ УБОР

Остатки женского парадного головного убора обнаружены в погр. 1 кург. 8. Убор состоял из метопиды, стленгиды[1], нескольких золотых пластин и полосок-ободков с подвесками. В литературе неоднократно приводилась характеристика деталей этого головного убора (Бабенко, 1999; 2002), что избавляет от необходимости подробного описания и позволяет ограничиться лишь публикацией их изображения (рис. 2, *1–6*).

НАШИВНАЯ ПЛАСТИНЧАТАЯ АППЛИКАЦИЯ

Бляшки с изображением фигуры лежащего оленя

Представлены тремя вариантами. На бляшках первого варианта фигура оленя изображена в профиль правой стороной. Рога оленя переданы в виде четырех длинных, лежащих друг на друге ветвей, расположенных на спине животного. Между ухом и спиной находится еще один короткий отросток рогов, второй отросток отходит вверх от лба. Заостренное ухо плавно переходит в круглую глазницу с двумя короткими нижними ответвлениями. Ноги подогнуты под туловище. На обратной стороне бляшки припаяны четыре петельки из тонкой проволоки. Некоторые бляшки имеют в нижней части еще две петельки для крепления подвесок. Размеры 2.6 × 2.8 см. Кург. 2 – 26 бляшек (рис. 3, *1*).

Бляшки второго варианта во многом аналогичны первому, но отличаются оформлением многих мелких деталей. У оленя несколько иная форма роговых ветвей, морды, глазницы. Короткий хвост слегка заострен. Вместо петелек по углам бляшки пробиты четыре сквозные дырочки. Размеры 2.4 × 2.5 см. Кург. 22 – 6 бляшек (рис. 3, *16*).

[1] Стленгида, а также некоторые типы золотых бляшек, являются, возможно, изделиями не греческих, а местных мастеров, однако представляется целесообразным опубликовать все предметы этого круга.

Бляшки обеих вариантов аналогичны подобным находкам из Солохи (Манцевич, 1987. С. 68), кург. 4 группы "Частых" (Либеров, 1965. Табл. 35, *8*, *11*), у с. Пастырское (Петренко, 1967. Табл. 19, 26, 28), но каждая серия изделий отличается друг от друга мелкими деталями.

Бляшка третьего варианта имеет совершенно иной вид. Олень изображен лежащим в профиль влево. Непропорционально больших размеров ухо заострено и поднято вверх. Ветвистые, изогнутые рога расположены над спиной оленя. Еще один роговой отросток отходит вверх от лба, разветвляясь затем на три горизонтальные ветви. Отчетливо видны все четыре ноги животного, подогнутые под туловищем таким образом, что подошвы переднего и заднего копыт соприкасаются. Края бляшки обрезаны несколько небрежно. По углам – четыре сквозные дырочки. Размеры 3.5 × 3.8 см. Обнаружена в кург. 32 (рис. 3, *27*).

Бляшки подобного вида и размеров как украшения одежды неизвестны, но имеется серия изделий близкого типа, являющихся золотыми обивками деревянных сосудов (Рябова, 1984. Рис. 1). По внешнему виду оленя песочинской бляхе наиболее близка золотая оббивка сосуда из кург. 403 у с. Журовка (Петренко, 1967. Табл. 16, *3*). Возможно, что использование бляшки из кург. 32 как украшения одежды носило вторичный характер. Вначале это была оббивка сосуда, которую, небрежно обрезав по контуру оленя, стали использовать в новом качестве.

Бляшки с изображением идущего оленя

Форма бляшек квадратная. Идущий олень изображен в профиль вправо. Голова посажена на мощную шею. Лавролистной формы ухо непропорционально велико и торчит вверх. Большие ветви рогов отброшены назад и, касаясь средней части спины, загибаются вверх. Ото лба, раздваиваясь, отходит вверх и в стороны маленький отросток рогов. Раздвоенный хвост оленя свободно свисает вниз. По периметру бляшка обрамлена выпуклыми квадратиками. По углам пробиты четыре дырочки. Размеры бляшки 2.7 × 2.7 см. Кург. 8, погр. 1–9 экз. (рис. 3, *10*).

Идентичная бляшка обнаружена в кург. 6 старомерчанского могильника (Бандуровский, Буйнов, 2000. Рис. 12, *4*). Кроме этого, точно такой же олень изображен в центре золотой оббивки деревянного сосуда из кург. 11 группы "Частых" (Либеров, 1965. Табл. 28, *9*).

Бляшки в виде фигурки зайчика

Вырезанный по контуру зайчик изображен в профиль влево. Головка круглая, ухо прижато к спине. Подчеркнуто мощное бедро животного. С обратной стороны бляшки припаяны два проволочных колечка. Размеры бляшки 1.3 × 0.8 см. Кург. 2 – 9 экз.

В этом же кургане были найдены еще три таких же бляшки, но имеющие в нижней части две проволочные петельки, к которым крепятся подвески-бутоны (рис. 3, *2*).

Маленькие бляшки с изображением согнувшегося зайчика известны очень широко (Петренко, 1967. Табл. 19, 34; Ильинская, 1968. Рис. 38, *2*; Клочко, 1986. С. 19, 20; Шрамко, 1987. Рис. 40, *2*; Кулатова, Супруненко, 1996. Рис. 14, *4*), но изготовлены они как правило разными штампами.

Бляшки с изображением маленького животного

По размерам и иконографии очень близки предыдущим бляшкам, но особенности изображения многих частей тела свидетельствуют о несомненном видовом отличии животного. У изображенного в профиль влево животного впереди головы едва заметен носик-клювик. Ушко маленькое, округлой формы. Между головой и задней частью львиноподобного туловища – две вертикальные гладкие полоски. Вдоль спины, до самого низа идет цепочка мелких выпуклых точек. Возможно, это один из иконографических вариантов изображения грифона. На обратной стороне бляшки припаяны две проволочные петельки. Размеры 1.2 × 0.7 см. кург. 2 – 16 экз. (рис. 3, *3*). Вероятно, нашитые попеременно на одежду с бляшками с изображением зайца составляли с последними популярную сюжетную пару хищник – жертва.

Аналогичные бляшки обнаружены в кург. 5 могильника Осняги (Ковпаненко, 1961. Рис. 6, 18), в кург. 15 Олиферщинского могильника (Кулатова и др., 1993. Рис. 14, *14*), у с. Богдановка (Битковский, Полин, 1987. Рис. 8, 4).

Бляшки с изображением грифона

Грифон являлся одним из излюбленных персонажей на изделиях греко-скифского искусства, в том числе и пластинчатой аппликации, отличаясь при этом большим количеством вариантов иконографии образа (Шкурко, 1982. Табл. IV, 2–*22*). В песочинском могильнике бляшки с изображением этого существа представлены тремя оригинальными вариантами. На бляшках первого варианта, имеющих подквадратную, с закругленными углами форму, грифон изображен в профиль влево. Круглая голова с выпуклым глазом в центре посажена на узкую длинную шею с заметным утолщением посредине, развернута в сторону хвоста и опущена раскрытым клювом вниз. От спины отходит развернутое и поднятое вверх крыло. Тонкий хвост также поднят вверх и загнут в полукольцо. Сверху и снизу пробиты две дырочки для пришивания. Размеры – 1.5 × 1.3 см. По од-

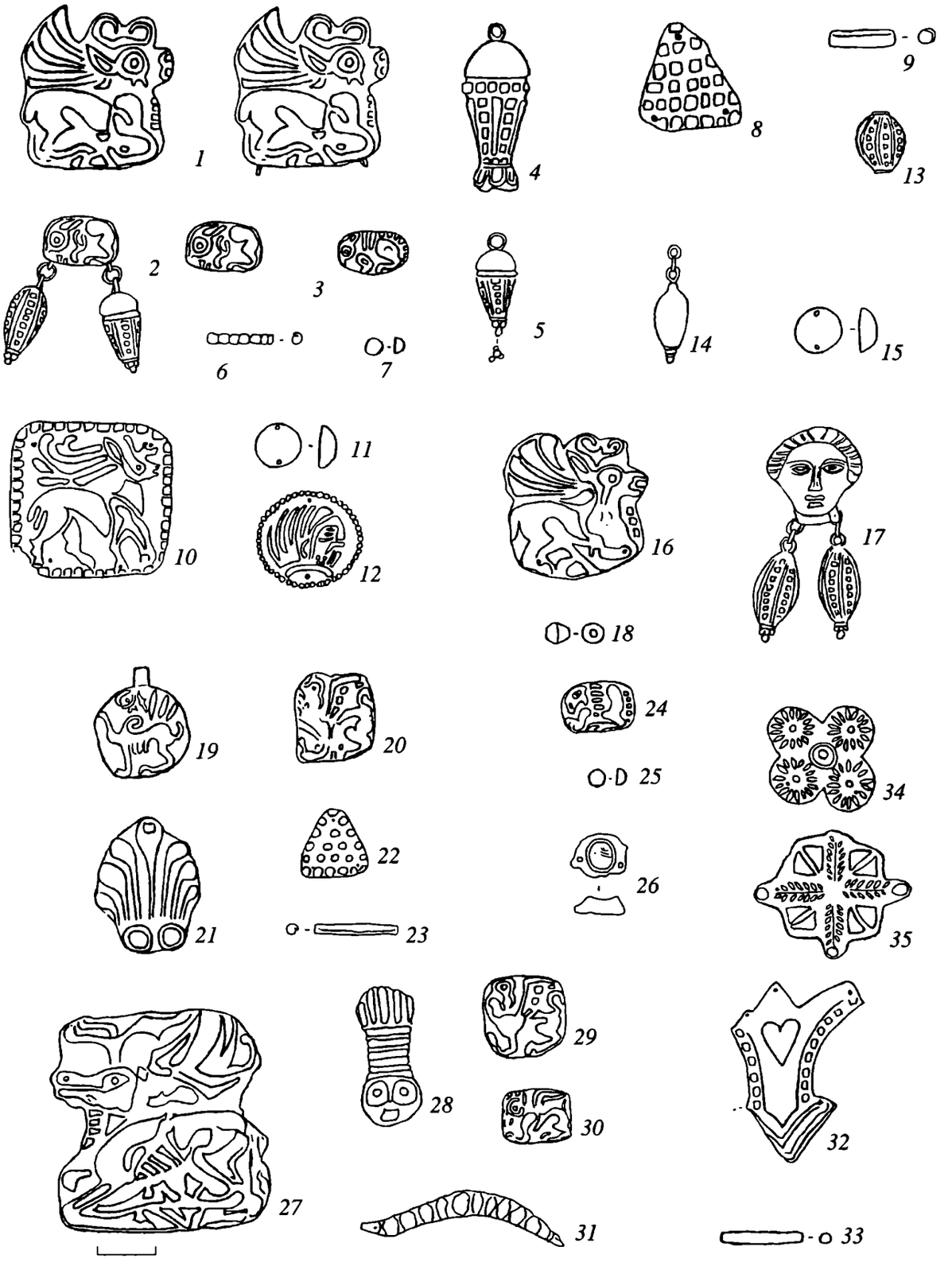

Рис. 3. Золотые бляшки, подвески, бусы, пронизи: *1–7* – кург. 2; *8*, *9* – кург. 7; *10–12* – кург. 8, погр. 1; *13* – кург. 10; *14* – кург. 18, погр. 2; *15* – кург. 18, погр. 1; *16–18* – кург. 22; *19–23* – кург. 29; *24–25* – кург. 25; *26* – кург. 31; *27–33* – кург. 32; *34*, *35* – кург. 33.

ной бляшке этого варианта обнаружено в кург. 29 и 32 (рис. 3, *20*, *29*).

Бляшки второго варианта имеют подпрямоугольную с округлыми углами форму. Грифон изображен в профиль влево. Большой загнутый клюв опущен вниз и почти касается передней лапы. От затылка отходит вверх тонкий отросток – ухо или рог. Шея отсутствует, и голова посажена

прямо на туловище. Раскрытое крыло и маленький хвост подняты вверх. По бокам пробиты две сквозные дырочки. Размеры – 1.2 × 0.9 см. Кург. 32 – 2 экз. (рис. 3, *30*).

Третий вариант представлен бляшками подовальной формы. Голова грифона с овальным глазом плавно переходит в загнутый, опущенный вниз клюв с подчеркнутой восковицей. Макушка головы слегка заострена. От затылка отходит вниз короткий изогнутый отросток. Крылья переданы посредством цепочки спускающихся вниз выпуклых прямоугольников. На обратной стороне бляшки припаяны две проволочные петельки. Размеры – 1.2 × 0.8 см. Кург. 25 – 5 экз. (рис. 3, *24*).

Круглые бляшки с изображением мужского лица

Голова мужчины изображена в профиль правой стороной. Прямые длинные волосы, закрывая лоб и большую часть головы, гладкими параллельными прядями спускаются от верха к низу. Небольших размеров нос плавно переходит в бровь. Ухо открыто. Усы и борода закрывают рот. Нижняя часть головы очерчена гладким дуговидным "воротничком". По всей окружности бляшка обрамлена орнаментом в виде мелких выпуклых жемчужин. В верхней и нижней части пробиты две дырочки. Диаметр – 1.7 см. Кург. 8, погр. 1 – 15 экз. (рис. 3, *12*).

Подобные бляшки так называемого "монетного типа" обнаружены в Верхнем Рогачике (Онайко, 1970. Табл. 41, 493и), Елизаветовском кургане (Шилов, 1962. С. 64), Чертомлыке (Алексеев и др., 1991. Кат. 212, *22*), Первом Мордвиновском кургане (Лєсков, 1974. Рис. 36).

Бляшка с изображением женского (?) лица

Вырезана по контуру головы, изображенной в фас. Волосы собраны в толстые пряди и зачесаны назад. Рельефно подчеркнуты верхние и нижние веки, миндалевидные глаза, тонкий нос. Отдельно выделены верхняя и нижняя губы. В нижней части шеи припаяны два проволочных колечка, к которым крепятся подвески эллипсовидной формы, украшенные рифленным орнаментом. С обратной стороны бляшки припаяна вырезанная по контуру головы золотая тонкая пластинка. На стыке двух пластинок, на уровне глаз женщины – сквозное горизонтальное отверстие. Размер головки – 1.7 × 1.6 см, подвесок – 1.8 × 0.7 см. Обнаружена в кург. 22 (рис. 3, *17*).

Так называемые бляшки-«маски лица» широко представлены в курганах скифского времени (Петренко, 1967. Табл. 19, 37, 39; Манцевич, 1987. С. 30, 31 и мн. др.), однако на песочинской бляшке лицо передано более тонкими чертами. Очень похожая бляшка обнаружена в кург. 5 у с. Марьянское на Днепропетровщине (Волкобой и др., 1980. Рис. 14, *4*).

Восьмерковидная бляшка

Состоит из двух кружков, соединенных перемычкой. Один кружок оформлен в виде личины, изображенной в фас. Очень большие, углубленные глазницы, разделенные тонким, заостренным носом, занимают более половины лица. Внутри глазниц – маленькие выпуклые глазки. Рот широко открыт. Второй кружек представляет пятипалую лапу в виде гладких выпуклых продольных линий. Четырьмя такими же поперечными линиями украшена перемычка, соединяющая кружки. На обратной стороне – две проволочные петельки. Длина бляшки – 2.4 см, диаметр кружков – 1.0 см. Обнаружена в кург. 32 (рис. 3, *28*).

Наиболее близкой аналогией является двойная бляшка из Чертомлыка, оба конца которой украшены изображением очень похожей личины (Алексеев и др., 1991. Рис. 79).

Бляшка в виде пальметки

Вырезана по форме пальметки, которая произрастает из двух волют круглой формы и имеет семь лепестков с каплевидными утолщениями на концах. Центральный лепесток ровный и сильно вытянут вверх. Боковые, попарно отклоняясь от центрального, уменьшаются по мере удаления от него. На обратной стороне – две проволочные петельки. Размеры – 2.4 × 1.8 см. Обнаружена в кург. 29 (рис. 3, *21*).

Образ пальметки широко использовался при изготовлении пластинчатой аппликации (Тереножкин, Мозолевский, 1988. С. 94, 95; Алексеев и др., 1991. С. 174; Копейкина, 1986. Рис. 16; Петренко, 1967. Табл. 19, 59 и мн. др.), однако эти бляшки имеют иное иконографическое решение.

Бляшка с изображением цветка лотоса

Состоит из прицветника подтреугольной формы, от которого поднимаются вверх три лепестка лотоса. Боковые лепестки симметрично расходящиеся в стороны, ровно обрезаны на концах и украшены по внешнему краю, от прицветника до самого верха, орнаментом, состоящим из цепочки выпуклых квадратиков. В центре бляшки – вогнутость сердцевидной формы. По краям пробиты дырочки. Размер бляшки – 3.0 × 3.2 см. Обнаружена в кург. 32 (рис. 3, *32*).

Цветок лотоса достаточно часто использовался для орнаментации изделий. Бляшки с изображением лотоса обнаружены в Солохе (Манцевич, 1987. С. 68), кург. Орел (Онайко, 1970. С. 108. Тип 505б), Гайматовой Могиле (Клочко, 1982. Рис. 2), Огузе (Фиалко, 2003. Рис. 3, *25*), Алексан-

дрополе (Алексеев, 1987. Рис. 3, *14*), кург. 1 у с. Дуровка (Пузикова, 1995. Рис. 28) и других памятниках, однако песочинская бляха, отличаясь некоторой примитивностью формы, прямых аналогий не имеет.

Бляшки крестовидные, украшенные растительным орнаментом

Известны два варианта. Первый представлен бляшкой из пяти соединенных кружочков. Центральный оформлен в виде кольцевого ободка с выпуклым полушарием внутри. По четыре стороны от него размещены 15-лепестковые розетки, также имеющие внутри выпуклое полушарие. На краю каждой розетки – дырочка для пришивания. Размеры – 2 × 2.2 см. Кург. 33 – 6 экз. (рис. 3, *34*).

Подобные крестовидные бляшки, но украшенные по углам не розетками, а кружочками, квадратиками, ромбиками, представлены чрезвычайно широко (Мозолевський, 1979. Рис. 113, *4*; Мозолевский, 1982. Рис. 37, *19*; Манцевич, 1987. Кат. 1; Алексеев и др., 1991. С. 113 и мн. др.). Оформление концов в виде многолепестковых розеток составляет оригинальность песочинских крестовидных бляшек.

Второй вариант представлен бляшками, состоящими из четырех крестообразно расположенных листьев аканфа, имеющих продолговатую форму и оканчивающихся выпуклым полушарием. Каждый лист разделен центральной бороздкой, по обе стороны от которой, образуя "паркетный" орнамент, расположены рельефно выделенные прожилки. В центре – выпуклое полушарие. В углах, образованных листьями аканфа, находятся прилистники в виде выпуклых квадратиков, разделенных по диагонали бороздкой. Размер – 2.3 × 2.1 см. Кург. 33 – 2 экз. (рис. 3, *35*).

Подобные бляшки являются достаточно оригинальным типом среди изделий пластинчатой аппликации. Из наиболее близких аналогий, но отличающихся все же оформлением можно назвать бляшки из Александрополя и Шульговки (Онайко, 1970. Тип 497с, 498к). Очень похожий "паркетный орнамент" у бляшек-волют из Огуза (Фиалко, 2003. Рис. 3, *39*).

Бляшки дуговидной формы

Вырезаны в виде дуговидно изогнутой пластины, более широкой посередине и суженной на концах. По всей длине бляшка украшена орнаментом в виде больших выпуклых жемчужин. На концах – две дырочки для пришивания. Размеры – 3.5 × 0.5 см. Кург. 32 – 2 экз. (рис. 3, *31*).

Возможно, в сочетании с бляшкой-лотосом составляли растительный орнамент, являясь изображением побега. Прямых аналогий подобным бляшкам нет, среди отдаленных, отличающихся формой или характером орнамента, можно назвать пластинки в виде лепестков пальметки из Чертомлыка (Алексеев и др, 1991. С. 158), дуговидно изогнутые листочки золотой фольги из Мелитопольского кургана (Тереножкин, Мозолевский, 1988. Рис. 13б), бляшку с изображением "волюты" из Огуза (Фиалко, 2003. Рис. 3, *39*).

Бляшки треугольной формы

Представлены двумя вариантами. Бляшки первого имеют форму равнобедренного треугольника и украшены шестью рядами мелких выпуклых полушарий. По углам – дырочки для пришивания. Размеры – 1.2 × 1.1 см. Кург. 29 – 3 экз. (рис. 3, *22*).

Бляшка второго варианта, обнаруженная в кург. 7, представлена разносторонним треугольником, украшенным шестью рядами выпуклых квадратиков. Размеры – 1.7 × 1.9 см (рис. 3, *8*).

Подобные бляшки треугольной формы, украшенные "псевдозернью", представлены среди погребального инвентаря в памятниках скифского времени чрезвычайно широко, однако большинство из них изготовлены различными штампами.

Медальон круглой формы с маленькой петелькой для подвешивания

На медальоне изображен в профиль влево грифон. Одна передняя лапа высоко поднята вверх. Короткий хвост также поднят вверх и загнут внутрь. Рельефом подчеркнуты несколько проступающих ребер. На спине – три больших вертикальных отростка, символизирующих, вероятно, крылья животного. От шеи отходит небольшой тонкий петлевидный отросток, выше которого находится круглая голова с выпуклым глазом и полураскрытым клювом. Между головой и спинным гребнем – извилистый отросток с короткой косой поперечиной посредине.

С обратной стороны к медальону припаяна вырезанная по контуру круглая тонкая золотая пластинка. Диаметр медальона – 1.6 см. Обнаружен в кург. 29 (рис. 3, *19*). Возможно, являлся подвеской сережки.

Подвески-бутоны

Помимо отмеченных выше подвесок из погр. 1 кург. 8, украшавших парадный головной убор, а также крепившихся к бляшкам с изображением зайчика (кург. 2) и женского лица (кург. 22), подобные украшения обнаружены еще в нескольких захоронениях. В кург. 2 было обнаружено 17 крупных подвесок (2.9 × 1.1 см), украшенных рифленным орнаментом и имеющих внизу раструбовидную пластинку с шестилепестковой ро-

зеткой. К верхней части подвески припаяно маленькое проволочное колечко (рис. 3, *4*). По внешнему виду и размерам подвески из кург. 2 очень близки аналогичным украшениям из Солохи (Манцевич, 1987. Кат. 38).

Еще две подвески, более широкие в верхней части и постепенно сужающиеся книзу, обнаружены в погр. 2 кург. 18. Поверхность подвесок гладкая и только в нижней части украшена двумя горизонтальными каннелюрами. Размеры – 1.4 × 0.6 см (рис. 3, *14*).

Бляшки-пуговки круглой полусферической формы

Представлены двумя вариантами. К первому относятся мелкие пуговки диаметром 0.25–0.3 см, с проволочной петелькой на обратной стороне. Обнаружены в кург. 2 (43 экз.) и 25 (6 экз.) – рис. 3, *7*, *25*.

Второй вариант представлен бляшками более крупных размеров (диаметр 0.8 см), у которых по краям пробиты две дырочки для нашивания на ткань. Обнаружены в погр. 1 кург. 8 (16 экз) и погр. 1 кург. 18 (13 экз.) – рис. 3, *11*, *15*.

Еще одна бляшка, вероятно, близкая по функциям пуговкам второго варианта, обнаружена в кург. 31. Края у бляшки неровные. Украшена рельефным ободком овальной формы с двумя косыми насечками внутри. Размеры – 1.0 × 0.7 см (рис. 3, *26*).

БУСЫ

Золотые бусины обнаружены в двух погребениях. В кург. 10 были найдены шесть бусин эллипсовидной формы, украшенных рифленным орнаментом. Диаметр бусин 0.8 см, длина – 1.0 см (рис. 3, *13*).

Две золотые биконические бусинки, состоявшие из двух спаянных половинок, входили в состав ожерелья кург. 22. Диаметр бусин 0.4 см (рис. 3, *18*).

В четырех погребениях обнаружены золотые трубочки-пронизи. В трех случаях пронизи были свернуты из гладкого листа – кург. 7 (1 экз.), кург. 29 (8 экз.), кург. 32 (49 экз.), в одном – из золотого листа с поперечными желобками (кург. 2 – 67 пронизей). Длина трубочек – 0.9–1.4 см, диаметр – 0.2–0.3 см (рис. 3, *6*, *9*, *23*, *33*).

Каменные бусы представлены круглой сердоликовой бусиной темно-красного цвета из погр. 1 кург. 18. Диаметр – 1.3 см (рис. 4, *5*, *б*).

В двух курганах обнаружены бусы из меловой породы. Круглая шаровидная бусина диаметром 0.8 см найдена в кург. 8, погр. 1 (рис. 4, *2*, *б*). В кург. 31 обнаружены две эллипсовидные бусины, украшенные продольными и поперечными рядами мелких бугорков подпрямоугольной формы. Диаметр 1.0 см (рис. 4, *11*, *б*).

Раковины Cauri обнаружены в трех погребениях. Наиболее представительно ожерелье из кург. 22, состоявшее из 70 раковин. Еще по одной раковине было найдено в кург. 21 и 25 (рис. *4*, *7*, *8*, *к*, *10*, *д*).

Стеклянные бусы. По составу во многом соответствуют аналогичным наборам из многочисленных погребальных комплексов лесостепного и степного регионов, а также античных памятников Северного Причерноморья (Петренко, 1967. С. 33, 34; Ильинская, 1968. С. 141, 142; Либеров, 1965. С. 22; Тереножкин, Мозолевский, 1988. С. 104–114; Алексеева, 1975; 1978 и др.). Все стеклянные бусы можно разделить на две группы – одноцветные и полихромные. Бусы первой группы представлены следующими типами:

1. Круглые шаровидные бусины черного цвета. Диаметр 0.5–0.8 см. Кург. 8, погр. 1 – 29 экз. (рис. 4, *2*, *а*).

2. Круглые шайбовидные бусины голубого и синего цвета. Диаметр 0.5–0.7 см. Кург. 18, погр. 1 – 8 экз. (рис. 4, *5*, *а*).

3. Такие же бусины синего цвета. Диаметр 0.5 см. Кург. 23 – 2 экз. (рис. 4, *9*, *г*).

4. Массивная круглая цилиндрическая бусина синего цвета. Диаметр 2.1 см. Кург. 22 – 1 экз. (рис. 4, *8*, *а*).

5. Круглая продолговатая эллипсовидная бусина синего цвета. Длина – 1.3 см, диаметр – 0.6 см. Кург. 25 – 1 экз. (рис. 4, *10*, *г*).

6. Бочонковидная уплощенная бусина песочного цвета. Длина – 1.4 см, ширина – 0.8 см. Кург. 9 – 1 экз. (рис. 4, *3*, *д*).

7. Круглые уплощенные бусы синего цвета. Диаметр 1.1–1.3 см. Кург. 23 – 3 экз. (рис. 4, *9*, *б*).

8. Массивная рубчатая боченковидная бусина из полупрозрачного стекла зеленого цвета. Диаметр 2.3 см. Кург. 22 – 3 экз. (рис. 4, *8*, *б*).

9. Массивная рубчатая биконическая бусина из полупрозрачного стекла коричневого цвета. Была перевита крест-накрест золотыми полосками шириной 0.8 см. Кург. 22 – 1 экз. (рис. 4, *8*, *в*).

10. Еще одна рубчатая бусина синего цвета была обнаружена в кург. 23. Диаметр бусины – 1.4 см (рис. 4, *9*, *а*).

11. Биконические бусины из полупрозрачного стекла зеленого цвета. Диаметр – 1.0–1.6 см. Кург. 22 – 14 экз. (рис. 4, *8*, *л*).

12. Такая же бусина коричневого цвета. Диаметр 0.5 см. Кург. 9 – 1 экз. (рис. 4, *3*, *г*).

13. Такая же бусина синего цвета. Диаметр 0.8 см. Кург. 23 – 1 экз. (рис. 4, *9*, *в*).

14. Подвески амфоровидные из бесцветного полупрозрачного стекла зеленоватого оттенка.

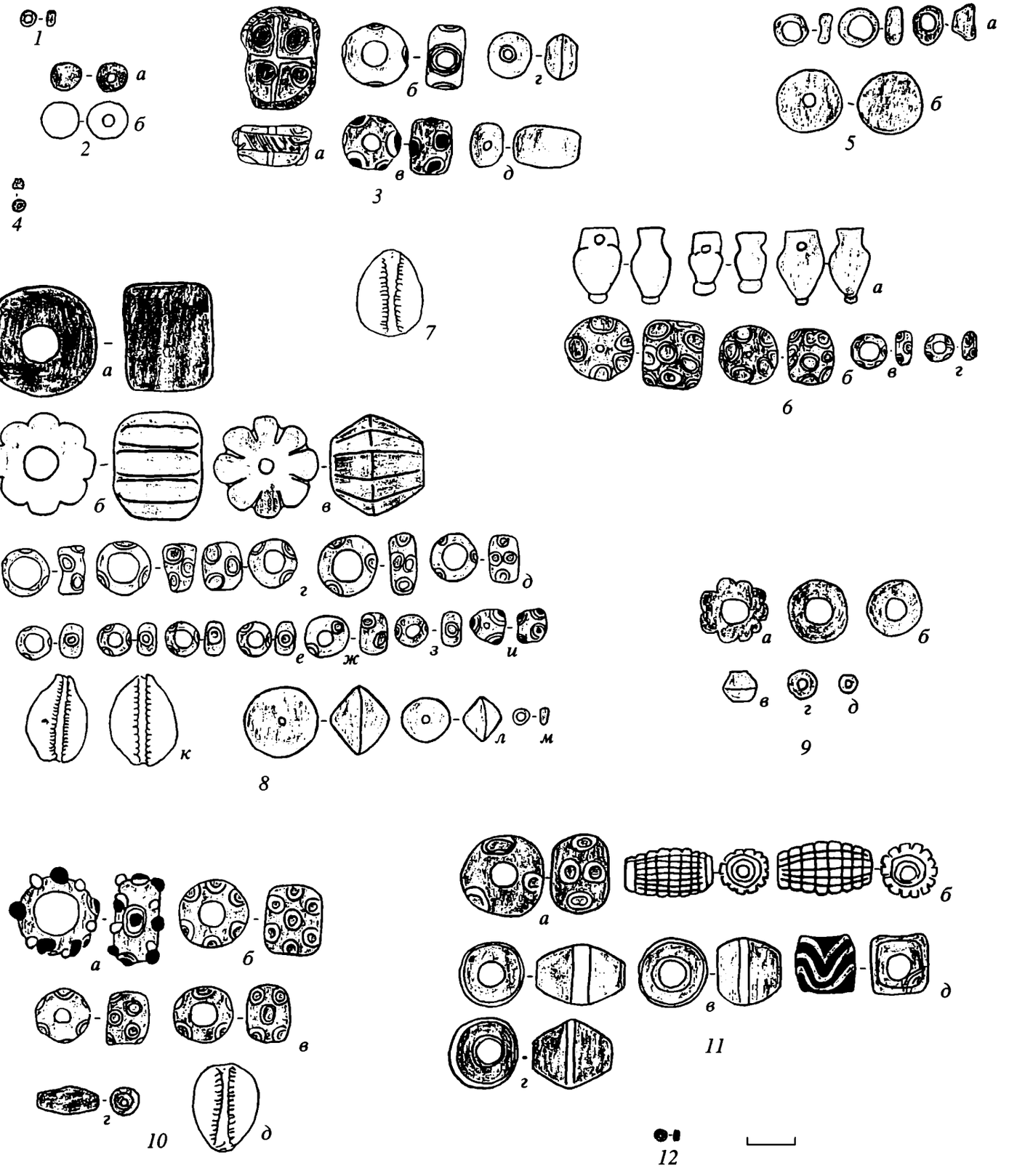

Рис. 4. Бусы, бисер, раковины Cauri. *1* – кург. 2; *2*, *а*, *б* – кург. 8, погр. 1; *3*, *а-д* – кург. 9; *4* – кург. 11; *5*, *а*, *б* – кург. 18, погр. 1; *6*, *а-г* – кург. 18, погр. 2; *7* – кург. 21; *8*, *а-м* – кург. 22; *9*, *а-д* – кург. 23; *10*, *а-д* – кург. 25; *11*, *а-д* – кург. 31; *12* – кург. 32.

Длина 1.3–1.6 см, диаметр 0.7–1.0 см. Кург. 18, погр. 2 – 3 экз. (Рис. 4, *б*, *а*).

15. Бусинка мелкая коническая голубого цвета. Диаметр 0.3 см. Кург. 11 – 1 экз. (рис. 4, *4*).

Полихромные бусины представлены такими типами:

1. Круглая уплощенная бусина желтого цвета с четырьмя синими глазками, обведенными кон-

центрическими ободками синего и белого цвета. Диаметр 1.4 см. Кург. 9 – 1 экз. (рис. 4, *3*, *б*).

2. Круглая, слегка уплощенная, бусина светло-коричневого цвета, украшенная темно-коричневыми глазками с кольцевым ободком белого цвета. Диаметр 1.7 см. Кург. 31 – 1 экз. (рис. 4, *11*, *а*).

3. Круглые кольцевидные уплощенные бусы синего цвета с синими глазками, обведенными белым кольцевым ободком. Почти все бусины украшены тремя глазками. Одна бусина украшена двумя, еще одна – четырьмя глазками. Диаметр 0.7–0.9 см, высота 0.4–0.6 см. Кург. 22 – 19 экз. (рис. 4, *8*, *е*, *ж*, *з*).

4. Такие же бусы. Две бусины украшены шестью глазками, одна – четырьмя. Диаметр 0.6–0.7 см, высота 0.3 см. Кург. 18, погр. 2 – 3 экз. (рис. 4, *6*, *в*, *г*).

5. Бусы такой же формы, но большего размера. Одна украшена семью глазками, вторая – девятью. Диаметр 1–1.2 см, высота 0.5–0.6 см. Кург. 22 – 2 экз. (рис. 4, *8*, *д*).

6. Круглые цилиндрические, едва уплощенные, бусы синего цвета с синими глазками, обведенные белым кольцевым ободком. Глазки расположены тремя горизонтальными рядами. Диаметр 1.1 см, высота 0.7–0.9 см. Кург. 25 – 4 экз. (рис. 4, *10*, *в*).

7. Такая же бусина, но с едва выпуклыми глазками. Диаметр 1.2 см, высота 0.9 см. Обнаружена в кург. 9 (рис. 4, *3*, *в*).

8. Бусина такой же формы. Украшена 18 глазками, расположенными тремя горизонтальными рядами. Диаметр 1.5 см, высота 1.2 см. Кург. 25 – 1 экз. (рис. 4, *10*, *б*).

9. Такие же бусы, но украшены 15 глазками. Диаметр 1.2–1.4 см, высота 1–1.2 см. Кург. 18, погр. 2 – 2 экз. (рис. 4, *6*, *б*).

10. Круглые цилиндрические, слегка уплощенные бусы голубого цвета с синими глазками, обведенными белым кольцевым ободком. Диаметр 1–1.1 см, высота 0.5–0.8 см. Кург. 22 – 8 экз. (рис. 4, *8*, *г*).

11. Круглая шаровидная бусина голубого цвета, украшенная шестью синими глазками, обведенными концентрическими ободками белого и синего цвета. Диаметр 0.7 см. Обнаружена в кург. 22 (рис. 4, *8*, *и*).

12. Бусина круглая, цилиндрическая, синего цвета. Украшена тремя горизонтальными рядами глазков. Верхний и нижний ряд представлены сильновыпуклыми глазками белого и желтого цвета, средний – слегка выпуклыми глазками синего цвета, обведенными белым кольцевым ободком. Диаметр – 2 см. Кург. 25 – 1 экз. (рис. 4, *10*, *а*).

13. Бусина круглая биконическая, серого цвета, с белой поперечной полосой по ребру. Диаметр 1.5 см. Кург. 31 – 1 экз. (рис. 4, *11*, *г*).

14. Бусы круглые эллипсовидной формы, серого цвета с белой поперечной полосой по центру. Диаметр 1.5 см. Кург. 31 – 2 экз. (рис. 4, *11*, *в*).

15. Бусина кубической формы темно-коричневого цвета, грани которой украшены фестонообразным орнаментом в виде трех нитей оранжевого цвета. Размер – 1 × 1 см. Кург. 31 – 1 экз. (рис. 4, *11*, *д*).

16. Бусина плоская прямоугольной формы, синего света. Обе большие грани украшены орнаментом в виде перпендикулярных линий оранжевого цвета, образующих прямой крест, который делит каждую из граней на четыре участка. В каждом из участков расположен крупный глазок голубого цвета, обведенный тонким кольцевым ободком белого цвета. По ребру бусины проходит широкий ободок голубого цвета, украшенный тонкими косыми линиями белого цвета. Размеры – 2.2 × 1.7 см. Кург. 9 – 1 экз. (рис. 4, *3*, *а*).

Кроме бус, в четырех погребениях был найден разноцветный бисер в виде маленьких колечек диаметром 0.2–0.4 см и толщиной 0.1–0.2 см. В кург. 2 обнаружена 61 бисеринка серого, голубого и белого цветов; в кург. 22 – 74 бисеринки серого, голубого и желтого цветов; кург. 23 – 26 бисеринок серого цвета и в кург. 32 – 40 бисеринок такого же цвета (рис. 4, *1*, *8*, *м*, *9*, *д*, *12*).

Объем и разнообразие импорта среди погребального инвентаря Песочинского могильника является еще одним свидетельством наличия в IV в. до н.э. между северскодонецким населением и жителями древнегреческих колоний Северного Причерноморья, прежде всего Боспорского государства, мощных торговых связей. Подобная картина характерна и для ряда других северскодонецких памятников, в частности могильника у с. Старый Мерчик, удельный вес импортных вещей в погребальном инвентаре которого не уступает, а в некоторых случаях и превосходит песочинский (Бандуровский, Буйнов, 2000). Эти памятники характеризуются и набором таких признаков, как высокая степень вооруженности населения, наличие сопровождающих конских захоронений, использование культа огня в погребальном обряде и так далее. Общая характеристика этих могильников практически идентична многим среднедонским памятникам, что свидетельствует о более широком территориальном распространении так называемого "среднедонского феномена". Взгляды исследователей на причины возникновения последнего отличаются большим разнообразием, и их анализ в приложении к северскодонецкому региону выходит за рамки настоящей работы. Однако несомненно, что основные слагающие этого феномена являются отражением чрезвычайно близких культурно-исторических процессов, происходивших единовременно на территории сразу нескольких регионов.

Одной из возможных причин, послуживших возникновению подобных памятников, может быть активное участие лесостепного населения в многочисленных и масштабных скифских военных кампаниях, достигших своего апогея в период правления Атея. О реальности подобного участия свидетельствуют письменные источники. Еще в период скифско-персидского конфликта, избрав тактику отступательной войны, не требующую значительных человеческих ресурсов, скифы обратились за помощью к многим соседским племенам.

В IV в до н.э., ведя многочисленные наступательные войны, скифы постоянно испытывали потребность в пополнении своих воинских рядов. Показательно, что одной из причин скифско-македонского конфликта, приведшего к гибели Атея, был отказ последнего от достигнутой ранее договоренности с Филлиппом о признании его наследником в обмен за предоставленную военную помощь.

Подобный дефицит мог восполняться и за счет лесостепных племен. Сотрудничество носило взаимовыгодный характер – для лесостепного населения это был кратчайший путь к скорейшему обогащению. Ярким свидетельством небеспочвенности таких ожиданий является инвентарь (в том числе и предметы импорта) многочисленных погребений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н.э. // СА. 1987. № 3.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский курган IV в. до н.э. Киев, 1991.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975. Вып. Г1–12.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1–12.

Андрух С.И. Могильник Мамай-Гора. II. Запорожье, 2001.

Бабенко Л.И. Реконструкция тиары скифского времени из Песочинского курганного могильника // Донская археология. 1999. № 2.

Бабенко Л.І. Жіночий головний убір IV ст. до н.е. з кургану 8 біля с. Пісочин Харківської області // Археологія. 2002. № 4.

Бандуровський О.В. Античні амфори з курганів скіфського періоду Лівобережної Лісостепової України // Археологія. 2001. № 1.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени Харьковской области (северскодонецкий вариант). Киев, 2000.

Битковский О.В., Полин С.В. Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.

Бородулин В.Г. Исследования курганов скифского времени в Харьковской области // АО-1978. 1979.

Бородулин В.Г. Раскопки Песочинского курганного могильника // АО-1979. 1980.

Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–IV вв. до н.э. Л., 1980.

Волкобой С.С., Андросов А.В., Лихачев В.А. и др. Скифские могильники IV–III вв до н.э. юга Днепропетровской области // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск, 1980.

Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы степной Скифии. Киев, 1991.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.

Клочко Л.С. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности Степной Скифии. Киев, 1982.

Клочко Л.С. Реконструкція конусоподібних головних уборів скіф'янок // Археологія. 1986. № 56.

Клочко Л.С., Гребенников Ю.С. Скифский калаф IV в. до н.э. // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.

Ковпаненко Г.Т. Пам'ятки скіфського часу в басейні Ворскли // Археологія. 1961. Т. XIII.

Козуб Ю.І. Лекіфи Ольвійського некрополя V–IV ст. до н.е. // Археологія. 1962. Т. 14.

Копейкина Л.В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. Л., 1986.

Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. Москва; Полтава, 1993.

Кулатова И.Н., Супруненко А.Б. Первый Мгарский курган // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.

Лєсков О.М. Скарби курганів Херсонщини. Київ, 1974.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. 1965. Вып. Д1–31.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Л., 1987.

Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М., 1975.

Мозолевський Б.М. Товста Могила. Київ, 1979.

Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

Мозолевский Б.Н. Скифский "царский" курган Желтокаменка // Древности Степной Скифии. Киев, 1982.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999.

Морган К. Каталог аттической керамики из коллекции Таманского музея // Таманская старина. Вып. 2. СПб., 1999.

Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. // САИ. 1970. Вып. Д1–27.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. 1967. Вып. Д1–4.

Плешивенко А.Г. Скифский курган у Белозерского лимана // Курганы степной Скифии. Киев, 1991.

Покровська Є.Ф. Розкопки коло с. Макіївки // АП. 1949. Т. 2.

Пузикова А.И. Скифы Среднего Дона. М., 1995.

Рябова В.О. Дерев'яні чаші з оббивками з курганів скіфського часу // Археологія. 1984. Вип. 46.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.

Фиалко Е.Е. Золотые бляшки из кургана Огуз // РА. 2003. № 1.

Шилов В.П. Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962.

Шкурко А.И. Фантастические существа в искусстве лесостепной Скифии // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.

The imported artefacts of the period of classical antiquity in the burials of the cemetery Pesochinsky

L. I. Babenko

Summary

In the paper the finds are published identified as the imports of the period of classical antiquity. They have been discovered in burials of the Pesochinsky kurgan cemetery disposed near Kharkov (Ukraine). These are: various wheel-made vessels, woman's ceremonial headdress, sewn-on plaque, earrings, and beads. The considered material evidences the close commercial relations maintained by the population of the Seversky Donets basin with the inhabitants of the ancient Greek colonies in the North Pontic zone, first of all with the Bosporan state.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 160–170

ПУБЛИКАЦИИ

ПРЯЖКИ РАННИХ ПРОВИНЦИАЛЬНО-РИМСКИХ ФОРМ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

© 2004 г. А. А. Труфанов

Крымский филиал Института археологии НАН Украины, Симферополь

Один из насущных вопросов в области изучения хронологии памятников Северного Причерноморья – выяснение степени соответствия европейской хронологической системы римского времени причерноморским реалиям. Автоматическое перенесение датировки западных импортов без корректировки на местную почву вызывает понятные возражения. Необходимо учитывать региональные особенности в распространении вещей, диагностирующих в Европе "римское время". В противном случае возможны значительные погрешности при разрешении вопросов, связанных с хронологией собственно северопричерноморских памятников.

В качестве примера предлагаю рассмотреть группу пряжек, прототипами которых предположительно являются провинциально-римские изделия[1].

1. **"Подковообразные" пряжки,** получившие свое название от формы рамки. Если характеризовать их по функциональным и формальным признакам, то в целом они представляют собой довольно монолитную группу: все это поясные, реже портупейные пряжки, принадлежности мужского костюма, трехчастные изделия с дуговидной рамкой и подвижным язычком, укрепленном на стержне.

Рассматриваемые изделия – один из самых ранних в Северном Причерноморье видов пряжек с подвижным язычком. Такая подвижная конструкция вытесняет из обихода употреблявшиеся здесь ранее монолитные, одночастные изделия. Поэтому выяснение датировки собственно "подковообразных" пряжек находится в тесной связи с уточнением времени, когда одна принципиальная конструкция сменяет другую.

В Северном Причерноморье "подковообразные" пряжки представлены находками, сосредоточенными, главным образом, на позднескифских памятниках Крыма.

Неапольский могильник. Фрагментированная пряжка из *склепа 54*, захоронения которого датированы I в. до н.э. (рис. 1, *7*) (Сымонович, 1983. С. 46. Табл. XXXIX, *12*). Из публикации неясно, к какому именно из расчищенных одиннадцати погребений склепа относится данная пряжка. Общий вещевой материал не противоречит предложенной датировке, но может быть отнесен и к более широкому отрезку времени: к I в. до н.э. – первой половине I в. н.э.

Неапольский мавзолей. Две "подковообразных" пряжки происходят из ящиков XXV и XXVIII Неапольского мавзолея (рис. 1, *10*, *11*) (Погребова, 1961. Рис. 30, 32). Обратившийся к полевым материалам раскопок мавзолея Ю.П. Зайцев отнес погребения из этих ящиков к первой половине I в. до н.э., синхронизируя их с периодом D-C 3 истории Неаполя (Зайцев, 1995. С. 209, 213, 215; 1997. С. 165). Самые поздние захоронения в мавзолее могли быть совершены, по мнению исследователя, в начале I в. н.э. (Зайцев, 1995. С. 215).

Усть-Альминский могильник. Пряжки рассматриваемой формы, происходят из склепов:

Склеп 43. Погребение 51, в составе инвентаря которого была пряжка (рис. 1, *8*) (Высотская, 1994. Табл. 10, *26*), находилось в самом нижнем ярусе склепа. Помимо нее к данному захоронению отнесены бусы (в том числе две большие "бородавчатые эллинистические бусины"), ножной браслет с завязанными концами, перстень, бронзовые кольцо и браслет для запястья (Высотская, 1970. С. 13. Рис. 9, *11*). Т.Н. Высотская датировала весь нижний ярус склепа, в том числе и упомянутое погребение концом II в. до н.э. (Высотская, 1970. С. 14). Столь ранняя предложенная датировка требует более тщательного рассмотрения ее возможности. Из полевых чертежей ясно, что нижний (VII) ярус представлял собой остатки пяти погребенных, зачищенных среди лежащих на дне плоских камней, на которых в свою очередь были установлены гробы VI яруса, в комплекте инвентаря погребений которого содержались фибулы второй половины I в. н.э.: с завитком на конце приемника и шарнирная брошь без эмали (Высотская, 1994. Табл. 9, *32*; 10, *15*, *17*). Таким образом, погребение 51, скорее всего было совершено в период, непосредственно предшествовавший захоронениям VI яруса – где-то на протяжении конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э.

[1] Приношу благодарность Т.Н. Высотской и А.Е. Пуздровскому за предоставленное разрешение использовать отчеты и неопубликованные материалы Усть-Альминского могильника.

Склеп 51. Выяснить, к какому именно захоронению относилась фрагментированная пряжка рассматриваемого типа (обозначенная в отчете как "предмет непонятного назначения из тонкой бронзовой пластинки") (рис. 1, *4*), не удалось (Высотская, 1994. С. 24. Табл. 12, *30*). Наиболее ранние находки из склепа 51 представлены наконечником ремня и среднелатенской фибулой "беляусского" варианта (Высотская, 1994. Табл. 12, *5*, *25*, *37*).

Склеп 92, погребение 10. Помимо пряжки (Высотская, 1994. Табл. 30, *26*) к указанному погребению относятся фрагменты лучковой (?) фибулы, фаянсовая рельефная подвеска, две бронзовые пронизи, браслет и фрагментированный гончарный сосудик, возможно нижняя часть флакона. Из инвентаря нижерасположенного костяка 20 происходит шарнирная фибула-брошь без эмали (Высотская, 1994. Табл. 31, *34*), относящаяся ко второй половине I в. н.э. Поскольку самый поздний материал из склепа не выходит за пределы конца I – начала II в. н.э. (погребение 1 из верхнего яруса тоже содержит фибулу-брошь), то наиболее правдоподобным представляется отнесение костяка 10 с "подковообразной" пряжкой ко второй половине I в. н.э.

Склеп 390. В этом склепе были найдены три "подковообразных" пряжки. Одна из них, фрагментированная, происходит из нижнего яруса, две другие относятся к захоронениям 3 и 25 (горизонт 2) (рис. 1, *5*, *6*). По мнению Ю.П. Зайцева, склеп функционировал "в промежуток времени от самого конца II в. до н.э. (нижний ярус) и в течение первой пол. I в. до н.э." (Зайцев, 1997. С. 166. Рис. 2, *9*; 3, *10*, *14*). Основанием для данной датировки послужили фрагменты ранних амфор из натечного грунта в заполнении провала камеры и находка в нижнем ярусе среднелатенской фибулы, поясного крюка и другого материала, относимого к категории раннего. Следует, однако, учитывать, что из этого же горизонта так же, как и из верхнего, происходили лучковые подвязные фибулы, так что если следовать традиционной датировке, то ряд погребений из склепа № 390 надо относить ко времени, близкому к рубежу эр.

Могильник у с. Заветное. Пряжка найдена в погребении 182 вместе с браслетом, окончания которого оформлены в виде змеиных головок (рис. 1, *9*) (Гущина и др., 2001. Рис. 5, 4; 6, *1*). Обычно такие браслеты происходят из комплексов II в. н.э. Видимо, перед нами один из тех случаев, когда отдельные ранние вещи попадают в комплексы с более поздним инвентарем.

Тавельские курганы. Из двух, исследованных в 1897 г., подкурганных каменных гробниц происходят три "подковообразные" бронзовые пряжки, хранящиеся в фондах Крымского Республиканского краеведческого музея (рис. 1, *12–14*), и еще одна проволочная, напоминающая упрощенное подражание им. Всего, судя по описи находок,

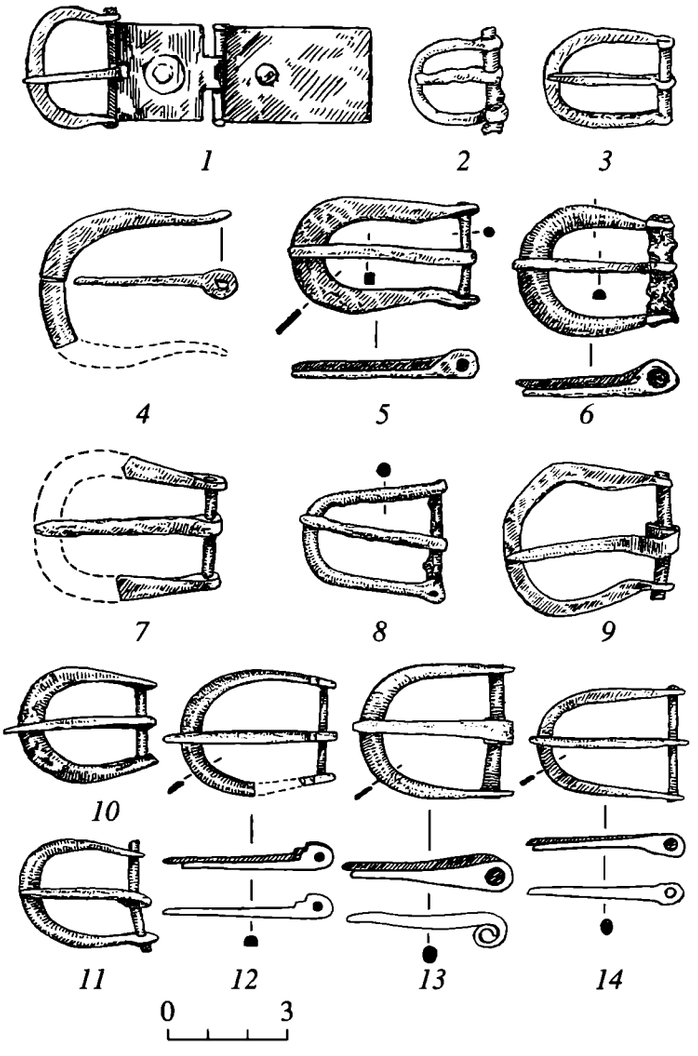

Рис. 1. "Подковообразные" пряжки: *1* – Британский музей, экспозиция; *2*, *3* – пряжки ступени B1 (по К. Мотыковой-Шнейдровой); *4* – Усть-Альма, склеп 51; *5*, *6* – Усть-Альма, склеп 390; *7* – Неаполь, склеп 54; *8* – Усть-Альма, склеп 43; *9* – Заветное, погр. 182; *10*, *11* – Неапольский мавзолей; *12–14* – Тавельские гробницы.

составленной Ю.А. Кулаковским, в гробнице № 1 была найдена одна бронзовая пряжка, в гробнице № 2 четыре (Кулаковский, 1897. Л. 50–52). Из этого следует, что изделия рассматриваемого типа определенно были в составе инвентаря каких-то погребений второй гробницы, а факт их находки в гробнице № 1 возможен, но сейчас уже не доказуем.

Две "подковообразные" пряжки обнаружены среди вотивных материалов святилища у перевала ***Гурзуфское Седло*** (Новиченкова, 2002. Рис. 28, *5*, *6*). В составе группы изделий западного производства, в том числе деталей римского вооружения и воинской ременной гарнитуры, отмеченные пряжки кажутся вполне уместными. Автор раскопок Н.Г. Новиченкова присоединилась к традиционной датировке подобных изделий II–I вв. до н.э. (Новиченкова, 2002. С. 64).

Составляя список находок "подковообразных" пряжек, я счел нужным приводить датировки, даваемые авторами публикаций. Исходя из них, рассмотренные изделия по большей части происходят из комплексов I в. до н.э., причем некоторые относятся еще к первой половине века. Датировка опубликованных комплексов позволяет продлить предполагаемый период употребления "подковообразных" пряжек в Крыму по крайней мере до середины I в. н.э.

В попытке объяснить пути проникновения в Северное Причерноморье пряжек подвижной конструкции я исходил из следующих предпосылок: во-первых, поясные застежки с подвижным язычком варварским племенам Причерноморья до их знакомства с римской модой были неизвестны (пряжки ранних скифов и сарматов литые, одночастные), во-вторых, у римлян пряжки в целом являлись элементом именно военной одежды (рис. 1, *1*). Отсюда напрашивается предположение, что появление пряжек с подвижным язычком в Северном Причерноморье могло быть связанным с фактом ознакомления местного населения с обмундированием армии, экипированной по римскому образцу. Пряжки подвижной конструкции появляются в обмундировании легионеров лишь со времени правления Августа, не ранее конца I в. до н.э., а получают распространение еще позднее, в первой половине I в. н.э. Изделия рассматриваемого типа хорошо известны в Центрально-Европейском Барбарикуме – в областях, подвергшихся римскому влиянию. Причем наиболее ранние пряжки рассматриваются как индикаторы ступени B1a, в соответствии с началом "римского времени" (рис. 1, *2*, *3*) (Motykova-Sneidrova, 1963a. B. 3, *55*, *56*). Пример тому – "подковообразная" пряжка из оппидума Девин (Братислава), из слоя, датированного монетами времени Августа (Pieta, Placha, 1999. S. 190. Abb. 7, *19*). Надэльбские поясные наборы в основном датируются периодом B2, хотя появление некоторых ранних пряжек этого круга фиксируется также на ступени B1. В этом контексте рассматривается пряжка из "Порецкого собрания гр. Уварова", найденная на Днепровском левобережье (Малашев, Обломский, 2002. С. 115. Рис. 1, *2*).

Рассматривая развитие скифо-сарматских поясных наборов в общеевропейском контексте, можно допустить, что крымские погребения с "подковообразными" пряжками совершены в конце I в. до н.э. – первой половине I в. н.э., но это влечет за собой необходимость пересмотра датировки некоторых ключевых комплексов позднескифской культуры и, как следствие, уточнение хронологии многих типов вещей, традиционно относимых ко времени не позднее рубежа эр.

До появления новых, уточняющих данных датировка "подковообразных" пряжек, найденных в погребениях позднескифской культуры, может быть определена в пределах конца I в. до н.э. – первой половине I в. н.э. При этом нельзя полностью исключать, что распространение пряжек подвижной конструкции в Северном Причерноморье произошло ранее, чем в западных областях, будучи связано с каким-то восточным импульсом. В курганном могильнике ***"Политотдельское"*** на Волге бронзовая "подковообразная" пряжка вытянутых пропорций, со спирально загнутыми окончаниями рамки (погребение 12 в кургане 20) найдена вместе с зеркалом и мечом с серповидным навершием, характерным для прохоровского времени, что дало основание К.Ф. Смирнову датировать захоронение III–II вв. до н.э. (Смирнов, 1959. С. 293, 294. Рис. 32, *12*). Следует заметить, что в настоящее время на территории Северного Причерноморья известны находки мечей с серповидными навершиями в комплексах I в. до н.э. (Симоненко, 1993. С. 24), но это и не исключает полностью правомерность датировки К.Ф. Смирнова.

Фрагментированная пряжка (?) с железной рамкой и бронзовым подвижным язычком происходит из разрушенного в ходе строительных работ в 1977 г. склепа из ***Керкинитиды***, материал которого был датирован II–I вв. до н.э., "вряд ли позднее середины или третьей четверти I в. до н.э." (Михлин, Бирюков, 1983. С. 40. Рис. 8, *12*).

Следующий тип изделий принято называть ***"восьмерковидными"*** пряжками. Это поясные застежки с удлиненной рамкой, имеющей в центре более или менее выраженный "перехват", что делает их форму напоминающей восьмерку. К. Раддац пришел к выводу о целесообразности выделения в их массе пряжек двух типов: U и C, различающихся по степени выделенности передней части рамки (рис. 2, *1–3*; 3, *1–4*) (Raddatz, 1957. S. 19, 20). Исследователь соглашался с мнением К. Такенберга, что прототипом для производства данных пряжек в варварской среде служили римские поясные наборы, и указывал на то, что если в Чехии они известны в комплексах ранней части ступени B1, то в Германии встречаются и позднее, не доходя в своем существовании до ступени B2 (Raddatz, 1957. S. 24–28).

Дальнейшее уточнение хронологии европейских древностей привело к выводам о том, что на территории Чехии "восьмерковидные" пряжки появились на ступени B1a, причем их появление было связано с образованием государства Мароброда и первой волной римского импорта, а в Словакии (и Германии) – на ступени B1б (Motykova-Sneidrova, 1963a. B. 3, *57–63*; Щукин, 1994. С. 55, 56). Из-за многочисленности находок пряжек на территории обитания маркоманов в литературе их иногда называют "маркоманскими" (Щукин, 1994. С. 55, 56; Берлизов, 1996. С. 109; Храпунов и др., 1997. С. 125).

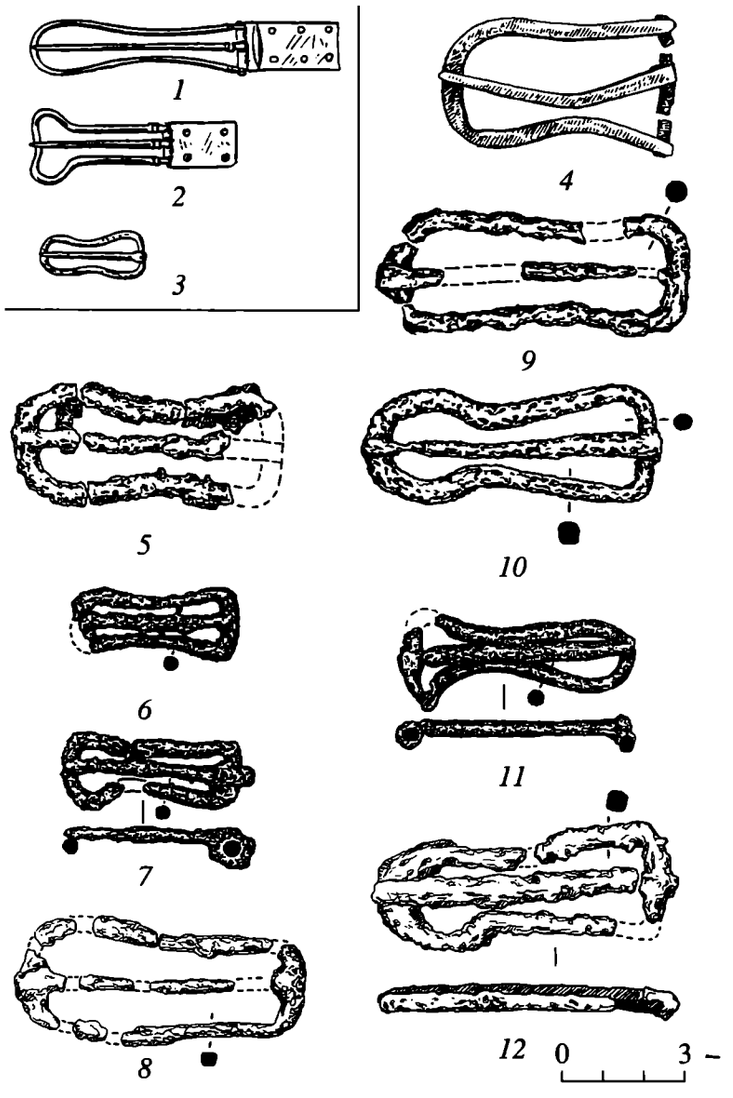

Рис. 2. "Восьмерковидные" пряжки: *1–3* – пряжки типа U по K. Раддатцу; *4* – Усть-Альма, склеп 138; *5* – Усть-Альма, склеп 108; *6, 7* – Кольчугино; *8* –Усть-Альма, склеп 777; *9* – Кольчугино; *10* – Кара-Тобе, мог. 11; *11* – Кольчугино; *12* – Усть-Альма, подбойная мог. 352.

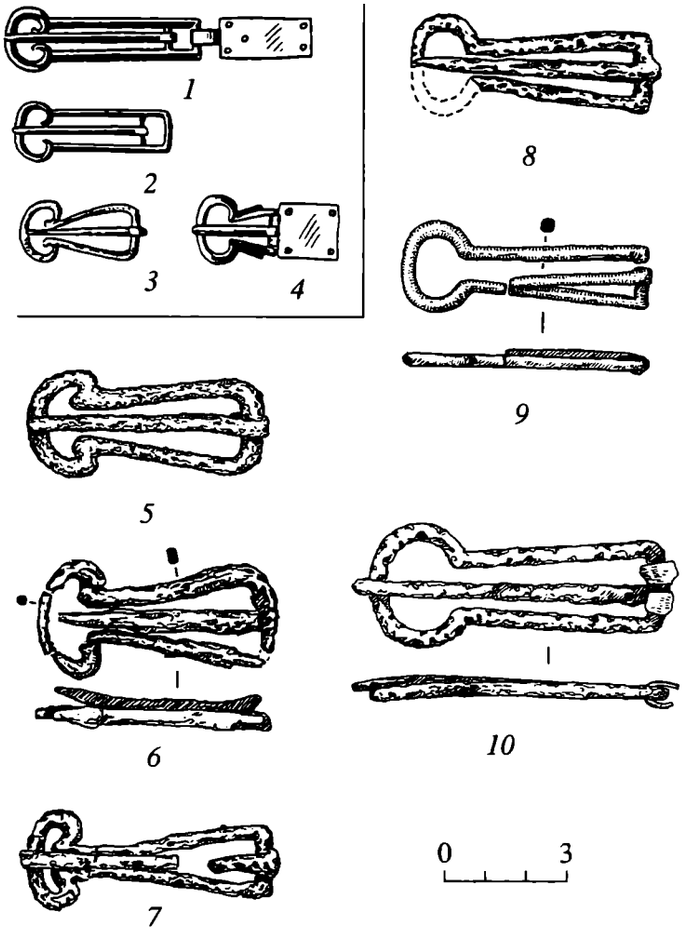

Рис. 3. "Дугоконечные" пряжки варианта А: *1–3* – пряжки типа С по К. Раддатцу; *4* – укороченный вариант типа С; *5* – Неаполь, склеп 79; *6* – Усть-Альма, склеп 612; *7* – Танаис, мог. 232; *8* – Золотая Балка, мог. 48; *9* – Усть-Альма, склеп 550; *10* – Усть-Альма, склеп 550.

Формальные различия между пряжками двух типов довольно существенны, хотя имеется и ряд "переходных" форм. Предположительно, изделия типа U с перехватом посредине рамки являются прямой калькой с римских образцов, тогда как поясные застежки типа С, с резко выделенной передней частью, в своем классическом виде оформились уже в варварской среде. По мнению К. Раддаца, их декор в виде завитков следует относить к числу проявлений кельтских традиций в маркоманском ремесле (Raddatz, 1957. S. 27). Как показал анализ находок из узко датируемых комплексов, для Северного Причерноморья различие между типами имеет еще и хронологическое значение, поэтому в нашем случае рационально рассматривать собственно "восьмерковидные" (тип U) и "дугоконечные" (тип С) пряжки раздельно.

2. "Восьмерковидные" пряжки (тип U по К. Раддацу). Большая часть западноевропейских находок существенно отличается от Северопричерноморских: они имеют значительно более удлиненные рамки (до 16 см), трехчастную конструкцию (язычок закреплен на отдельном стержне) и пластинчатые щитки (Simek, 1953. Obr. 157, *2*; 191, *15*; Raddatz, 1957. Taf. 1, *1*; Motykova-Sneidrova, 1963a. Taf. XII, *16*; 1963b. Obr. 4, *1*; Budinsky-Kricka, Lamiova-Schmiedlova, 1990. Pl. XIV, *11*, *20*).

В Крыму трехчастные "восьмерковидные" пряжки чрезвычайно редки. Мне известна лишь одна такая находка, происходящая из ***Усть-Альминского могильника*** (рис. 2, *4*). Конструкция этой бронзовой пряжки продолжает традиции "подкововидных" изделий, но удлиненная рамка с перехватом заставляет относить ее к иному типу. Пряжка найдена в составе инвентаря *погребения 10 склепа 138* (*средний ярус*) (Высотская, 1977. Рис. 61; 1994. Табл. 46, *15*). Наиболее поздние захоронения в склепе, судя по найденным в верхнем ярусе шарнирным фибулам, датируются в преде-

лах второй половины I – начала II в. н.э. В самом нижнем ярусе склепа находились захоронения, инвентарь которых состоял из множества бус, кремневых отщепов, лепного горшка и обломка железной лучковой (?) фибулы при минимальном количестве краснолаковой посуды (лишь погребение 25 сопровождалось блюдом, дата которого укладывается в рамки I в. до н.э. – первой трети I в. н.э.). Учитывая приблизительно равное количество костяков нижнего (12 захоронений) и верхнего (9 погребений) ярусов, можно предположить, что средний горизонт склепа, и в том числе погребение 10 с "восьмерковидной" пряжкой, датируется временем, близким к рубежу эр.

Усть-Альминский могильник. Здесь помимо рассмотренной находки было найдено еще несколько фрагментированных "восьмерковидных" пряжек, но двухчастной конструкции.

Склеп 108, захоронение 5 (рис. 2, *5*). Изделие, изготовленное из железа, было обнаружено в комплексе с серьгой и браслетом с перевязанными окончаниями. На мой взгляд, при публикации форма пряжки была передана неверно, что объясняется ее плохой сохранностью и отсутствием недостающих фрагментов (Высотская, 1994. Табл. 35, *10*, *11*, *14*). Судя по инвентарю погребений, расположенных в одном ярусе с захоронением 5 (краснолаковый кувшин, курильница) (Высотская, 1975. Рис. 14, *1*), равно как и по находкам из нижнего (Высотская, 1994. Табл. 35, *9*) и верхнего (Высотская, 1994. Табл. 35, *1*) ярусов, можно предположить, что захоронение с пряжкой следует относить к концу I в. до н.э. – началу I в. н.э.

Склеп 777, погребение 5 (рис. 2, *8*). Железная фрагментированная пряжка, из обломков которой удалось реконструировать форму в общих чертах. Дата погребения: вторая половина I – начало II в. н.э. (Пуздровский, 2001. К.о. 110).

Подбойная могила 352 (рис. 2, 12). Фрагментированная железная пряжка происходит из могилы, прочий погребальный инвентарь из которой не дает достаточных оснований для датировки (Пуздровский, Лобода, 1993. Рис. 199. К.о. 666). При этом, учитывая время массового распространения подбойных могил в Юго-Западном Крыму, можно с достаточной степенью достоверности относить это погребение ко времени не ранее середины I в. н.э. Рассматриваемая пряжка отличается от других изделий этого же типа тем, что "перехват" сделан не в средней, а в передней части рамки, что формально сближает ее с "дугоконечными" пряжками варианта А. И все же ее сглаженные контуры предполагают отнесение ее к типу "восьмерковидных", хотя и, может быть, к их позднему варианту.

Такие же формальные особенности имеют пряжки из святилища ***Гурзуфское Седло*** (Новиченкова, 2002. С. 64. Рис. 28, *4*) и могильника ***Кара-Тобе.*** Здесь железная пряжка с перехватом в передней части рамки найдена в *могиле* 11 (*погребение 5*) (рис. 2, *10*). Из более раннего захоронения происходит железная лучковая фибула 1 варианта, а позднейшее погребение содержит фибулу типа "Авцисса". Авторы публикации относят погребения из могилы 11 к первой половине – середине I в. н.э. (Внуков, Лагутин, 2001. С. 119. Рис. 7, *65*).

Кольчугинский могильник. Три железные "восьмерковидные" пряжки происходят из разграбленных склепов второй половины I в. до н.э. – I в. н.э., четвертая – из подбойной *могилы 5*, датируемой первой половиной I в. н.э. (рис. 2, *6*, *7*, *9*, *11*) (Храпунов и др., 1997. С. 124, 125. Рис. 14, *21*; 15, *4*; 17, *1*, *11*). Полагаю, что пряжки из склепов также относятся к периоду не позднее середины I в. н.э., во всяком случае, вещей, которые явно бы указывали на более позднее время, в склепах обнаружено не было.

Все перечисленные выше пряжки, найденные в Крыму, имеют укороченную форму, не характерную для западноевропейских памятников. Вместе с тем в близлежащих областях известны пряжки с удлиненной рамкой, более напоминающие западные образцы. Это пряжка из пшеворского поселения ***Гринев,*** датируемая второй половиной I в. н.э. (Козак, 1993. Табл. XXII, *17*), из зарубинецкого поселения ***Почеп,*** относимая к ступени В1 (Обломский, 1993. С. 47. Табл. XII, *29*), а также из северокавказского могильника ***Чегем,*** где погребение с пряжкой рассматриваемого типа включено в круг древностей I – начала II в. н.э. (Абрамова, 1998. Рис. 1, *13*), а Н.Е. Берлизовым отнесено к ступени В1 (Берлизов, 1996. С. 109. Табл. 1, *19*).

Исходя из датировок перечисленных выше комплексов, основное время распространения "восьмерковидных" пряжек в Северном Причерноморье, и в частности в Крыму, следует относить к первой половине I в. н.э. В третьей четверти века они уже редкость.

3. **"Дугоконечные" пряжки (тип С по К. Раддацу).** Как уже отмечалось выше, различие между этим типом пряжек и изделиями с "восьмерковидной" рамкой в основном сводится к степени выделения передней части. Кроме того, если находки типа U, обнаруженные в Северном Причерноморье, изготовлены из железа, то пряжки типа С из этого района железные, серебряные и бронзовые, причем, возможно, именно структура материала частично определила формальные различия внутри типа:

Вариант А состоит из двучастных железных (в большинстве) пряжек с выделенной передней частью и подвижным язычком. Некоторые из них по своей форме весьма напоминают "восьмерковидные" пряжки и, вероятно, близки им морфологически. Судя по зафиксированным находкам, они

преимущественно являлись поясными застежками, принадлежностями мужского костюма.

Неапольский могильник. Железная пряжка происходит из *склепа 79*, захоронения в котором, по определению Э.А. Сымоновича, совершались в период I–II вв. н.э. (рис. 3, *5*) (Сымонович, 1983. С. 54. Табл. XXXIX, *11*).

Усть-Альминский могильник. Две пряжки рассматриваемого варианта были обнаружены в *склепе 550* (*погребения 21 и 35*). Погребальное сооружение вмещало 35 костяков, расположенных в 9 ярусов и датирующихся в целом в пределах I–II вв. н.э. При этом бронзовая пряжка из *погребения 35* (рис. 3, *9*) была найдена в самом нижнем ярусе, а железная из *погребения* 21 (рис. 3, *10*) – в расположенном выше, более позднем, 6-м ярусе.

Еще две "дугоконечные" пряжки, изготовленные из низкопробного серебра, были найдены при раскопках *склепа 612* (*Усть-Альма*), в составе инвентаря *погребений 1* и *3* (рис. 3, *6*). Всего в камере склепа находились три погребения, размещенные в одном горизонте, два из этих захоронений сопровождались "дугоконечными" пряжками. Прочий инвентарь состоял из находок, взаимовстречаемость которых могла быть возможной в третьей четверти I в. н.э. (лучковая фибула 1-го варианта, гончарный флакон, краснолаковая чашка группы ESB ранней формы и т.д.) (Loboda et al., 2002. Abb. 8, *2*; 11, *12*).

Одна пряжка варианта А найдена на *Гурзуфском Седле* (Новиченкова, 2002. Рис. 28, *3*).

Могильник Золотая Балка. Пряжка из *катакомбы 48* (рис. 3, *8*). Из вещей, определяющих дату погребений из катакомбы, отмечу гончарный флакон I в. н.э. (Вязьмитина, 1972. Рис. 64, *5*; 66, *7*).

Некрополь Танаиса. *Подбойная могила 232*, откуда происходит пряжка варианта А, датирована I в. н.э. (рис. 3, *7*) (Арсеньева, 1977. С. 62. Табл. XXXV, *12*).

Аналогичные пряжки распространяются в I в. н.э. в Центральном Предкавказье, где они найдены в погребениях ***Нижне-Джулатского*** и ***Подкумского могильников*** (Абрамова, 1998. Рис. 1, *14*, *15*). Отдельные экземпляры попадают в еще более удаленные районы – к племенам Среднего Поволжья: пряжка из кургана 1 у с. Андреевка найдена в комплексе с фибулой типа "Авцисса" и на основании этого датируется в пределах I в. н.э. (Степанов, 1969. Рис. 2, *22*).

Импульс провинциально-римской моды на пряжки прошел по кочевому миру вплоть до Южного Алтая. Здесь (курган 227 в районе Пазырыка) зафиксировано мужское погребение с ременной гарнитурой, включающей три пряжки с "дугоконечной" рамкой, две из которых соответствуют характеристикам варианта А, третья – варианту Б. Погребение датировано автором публикации второй четвертью I тыс. н.э. (Сорокин, 1977. С. 65. Рис. 6, *6–8*). Если данная датировка не является плодом недоразумения, то перед нами пример довольно длительного пути, пройденного провинциально-римской модой на Восток.

Вариант Б. Пряжки с выделенной дуговидной передней частью рамки и, как правило, Т-образным подвижным язычком (в этих случаях он фиксируется в средней области рамки, а стержень, закрепленный в ее задней части, предназначен для соединения с ремнем) (подвариант 3-Б-1). Меньшее количество находок состоит из пряжек с прямым язычком, закрепленном на стержне (подвариант 3-Б-2). И в том, и в другом случае конструкция пряжек, как правило, трехчастная. Принятая датировка европейских находок – ступени B1a и B1в (Щукин, 1994. С. 55, 56).

Неапольский могильник. Единственная железная пряжка варианта Б, знакомая мне по публикациям, происходит из *склепа 96*, датированного I–II вв. н.э. (рис. 4, *1*) (Сымонович, 1983. С. 56. Табл. XXXIX, *6*).

Усть-Альминский могильник. Из этого позднескифского некрополя происходит довольно обширная серия бронзовых пряжек варианта Б.

Склеп 88, погребение 19. Фрагментированная пряжка найдена в самом раннем горизонте, содержащим три погребения (рис. 4, *10*). В этом же ярусе были обнаружены фибулы типа "Авцисса" и "Альмгрен-68" (Almgren, 1923. Taf. IV, *68*; Высотская, 1973. С. 37. Рис. 74, 76; 1994. Табл. 28, *32*, *40*). Таким образом, следует расценивать погребение 19 как синхронное дате наиболее вероятной взаимовстречаемости застежек типа "Авцисса" и "Альмгрен-68" (вторая треть I в. н.э.).

Склеп 92, погребение 19 (рис. 4, *5*). Пряжка находилась в составе инвентаря погребения, расположенного в VI ярусе, причем из полевого чертежа неясно, к какому из расположенных рядом и частично перекрывающих друг друга погребений следует ее относить – к № 18 (верхнему, женскому, содержащему подвеску из просверленной херсонесской монеты 24/25 гг. н.э. и шарнирную фибулу-брошь), или к № 19 (нижнему, мужскому) (Высотская, 1975. С. 100; 1994. Табл. 31, *16*, *21*, *23*, *24*, 32). Ввиду того что пряжки рассматриваемого типа чаще выступают как части мужского костюма, отнесение данной находки к погребению № 19 кажется предпочтительным. Третье захоронение из этого же VI яруса (№ 20) сопровождалось лепной курильницей с отверстиями, гончарным флаконом и шарнирной фибулой-брошью (Высотская, 1994. Табл. 31, *34*, *35*, *40*). Судя по находкам, погребения из VI яруса совершены в относительно короткий промежуток времени – в третьей четверти I в. н.э.

Склеп 120, погребение 17. Вместе с бронзовой пряжкой (рис. 4, *6*) в комплекте погребального инвентаря этого захоронения находился гончар-

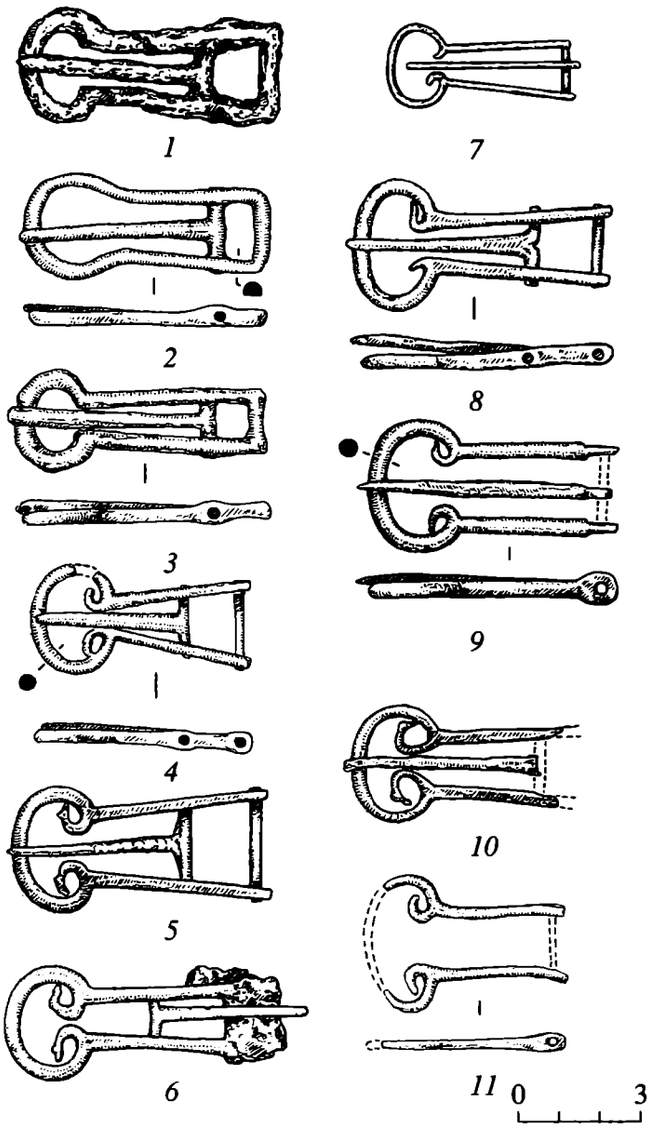

Рис. 4. "Дугоконечные" пряжки варианта Б: *1* – Неаполь, склеп 96; *2–6* – Усть-Альма (*2* – склеп 777; *3* – склеп 424а; *4* – склеп 590; *5* – склеп 92; *6* – склеп 120); *7* – Горгиппия; *8–11* – Усть-Альма (*8* – склеп 640; *9* – склеп 550; *10* – склеп 88; *11* – склеп 734).

ный кубок и прочие вещи (Высотская, 1975. С. 14; 1994. Табл. 40, *5*, *7*, *10*, *11*, *13*). В одном горизонте с погребением 17 были найдены шарнирные фибулы-броши без эмали (Высотская, 1994. Табл. 40, *17*, *24*).

Склеп 424а. Бронзовая пряжка (рис. 4, *3*) найдена в составе скопления вещей, которые не удалось причислить к какому-либо определенному захоронению. Общая датировка погребений в склепе: середина – вторая половина I в. н.э. (Пуздровский и др., 1994. С. 57, 58. К.о. 778).

Склеп 550, погребение 13. Фрагментированная пряжка с бронзовой рамкой и железным язычком (рис. 4, *9*) обнаружена в IV ярусе погребений. Пряжка отличается по своей конструкции от большинства изделий рассматриваемого варианта прямым язычком, крепившимся к стержню (подвариант 3-Б-2) (Пуздровский и др., 1995. С. 122. К.о. 992).

Склеп 590, погребение 19. Небольшая бронзовая пряжка (рис. 4, *4*) варианта Б происходит из захоронения V яруса (всего в склепе шесть ярусов костяков, относимых к I–II вв. н.э.) (Пуздровский и др., 1995. С. 145. К.о. 1141).

Склеп 640, погребение 18. Пряжка (рис. 4, *8*) относится к захоронению из нижнего яруса, датируемого второй третью I – началом II в. н.э. (Пуздровский и др., 1997. С. 40, 41. Рис. 140. К.о. 415).

Склеп 734. Был ограблен. В процессе доследования среди фрагментированного материала были найдены обломки бронзовой пряжки варианта Б (рис. 4, *11*) укороченных пропорций. Общая датировка большей части материала, извлеченного при доследовании склепа, укладывается в пределы второй половины I–II в. н.э. (Пуздровский, 2000. С. 20. К.о. 208).

Склеп 777, погребение 3. Серебряная двухчастная пряжка варианта Б (рис. 4, *2*) найдена вместе с вещами второй трети – конца I в. н.э. (Пуздровский, 2001. К.о. 101).

Пряжка подварианта Б-2 известна среди материалов святилища ***Гурзуфское Седло*** (Новиченкова, 2002. С. 64. Рис. 28, *2*).

Совхоз "Аккермен" (*Запорожская область*). Прочий материал из этого сарматского погребения не опубликован (Вязьмітіна, 1953. Рис. 6, *2*).

Некрополь Тирамбы. *Склеп 54.* Погребальное сооружение, содержащее останки семи захоронений, в целом датировано второй половиной I в. до н.э. – I в. н.э. (Коровина, 1987. С. 58. Рис. 29).

Некрополь Ольвии. Пряжка найдена в конце XIX в. в разрушенной могиле с мужским погребением (ОАК, 1898. Рис. 581). Еще одна пряжка, относящаяся к подварианту 3-Б-2, происходит из материалов раскопок ***Горгиппии*** (рис. 4, 7) (Алексеева, 1984. Табл. CLV, *4*).

Курган "Весняное". Сарматское воинское захоронение из этого кургана, содержащее маленькую (3.6 см) серебряную "дугоконечную" пряжку, датировано А.В. Симоненко второй половиной I в. н.э. (Simonenko, 1997. P. 400, 401, 404. Abb. 4, *5*).

У перечисленных выше изделий длина рамки значительно короче, чем у западноевропейских находок, что заставляет думать о различии мест их производства. Ближайшая находка пряжки вполне "западных" пропорций и, вероятно, западного же производства зафиксирована на левобережье Днестра в погребении ***Лучки***, относящемся к кругу памятников пшеворской культуры. Она была найдена в комплексе с фибулами "Альмгрен-68" и "О-Костшевский", датирующих погребение серединой I в. н.э. (Козак, 1993. С. 62).

Западные находки относятся, как правило, к несколько более раннему времени. Так, например, погребения с "дугоконечными" пряжками из могильника у ***с. Земплин*** в Словакии авторы публикации отнесли к числу языго-сарматских комплексов первой половины I в. н.э. (Budinsky-Kricka, Lamiova-Schmiedlova, 1990. С. 290. Pl. XIII, *9*; XIX, *7*).

Считается, что форма "дугоконечных" пряжек на позднем этапе приобретает укороченные пропорции. Помимо двух пряжек с короткой рамкой из Усть-Альминского некрополя (рис. 4, *10*, *11*) известна еще одна, происходящая из материалов раскопок В.В. Шкорпила в 1905 г. и находящаяся в коллекции Керченского Государственного историко-культурного заповедника. Ее рамка имеет укороченные пропорции, а на пластинчатый язычок нанесен пуансонный орнамент (рис. 5, *1*).

Датировка большей части причерноморских комплексов с "дугоконечными" пряжками свидетельствует о том, что здесь они появились чуть позднее, чем у центральноевропейских варваров, и использовались короткий период времени – в границах жизни одного поколения. Скорее всего, их производство не было налажено в местной среде. Длительное импортирование также кажется маловероятным, так как последующее изменение формы, практиковавшееся в западных мастерских, не нашло отражения в северопричерноморских материалах. Напротив, вся группа изделий выглядит формально устойчивой. Возможно, именно к "дугоконечным" пряжкам применим тезис о возможности их появления в Северном Причерноморье около середины I в. н.э. (или во второй трети I в. н.э.) вместе с какой-то новой группой населения, знакомой с провинциально-римской поясной гарнитурой. В комплексах конца I в. н.э. они уже неизвестны.

Начиная со ступени B1c или B2a в Европе распространяются пряжки типа "Beudefeld", являющиеся дальнейшим развитием укороченных "дугоконечных" изделий (Raddatz, 1957. S. 28. Karte 3; Щукин, 1994. С. 56. Рис. 24, *21*). В Причерноморье такие застежки не встречаются.

Провинциально-римская мода на пряжки здесь вновь проявилась лишь почти полвека спустя. Причем в этом случае речь идет не о нескольких находках, а о многочисленной серии, что наряду с особенностями декора говорит о производстве их основной части в местных мастерских.

4. Укороченные "дугоконечные" пряжки. Эти литые бронзовые изделия с подвижным язычком, овальной передней и прямоугольной задней частями, разделенными узким "перехватом". Иногда они соединены с прямоугольными пластинчатыми или ажурными щитками.

Северопричерноморские укороченные пряжки разнообразны в деталях, но в целом имеют

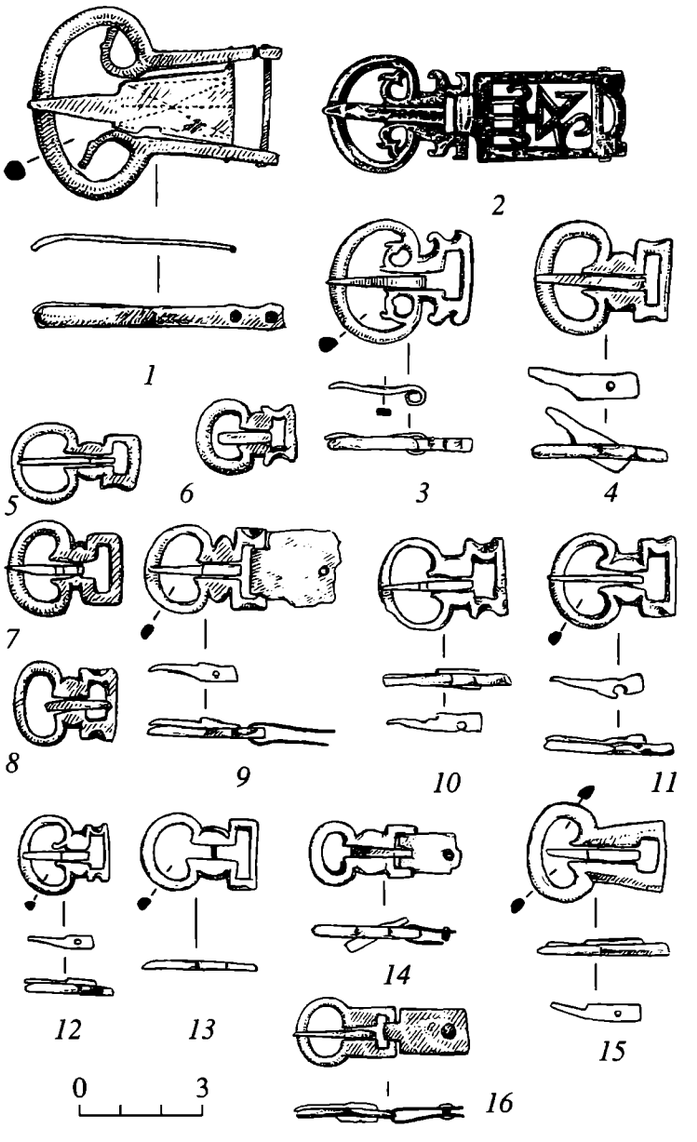

Рис. 5. "Укороченные" пряжки: *1* – Керченский музей; *2* – Эрмитаж; *3*, *4* – Керченский музей; *5* – Горгиппия; *6* – Тиритака, мог. 2; *7* – Широкая Балка, погр. 2; *8* – Заветное, погр. 284; *9*–*16* – Керченский музей.

сходную конструкцию, совпадающую с восточно-провинциальными тенденциями в развитии поясной гарнитуры. Близкие находки происходят из погребения середины или второй половины II в. н.э. фракийского некрополя у *Кабиле* (Болгария) (Гетов, 1982. С. 64. Табл. XXV), из римских лагерей – пряжки в *Нове* (Димитров и др., 1967. С. 77. Рис. 27*д*) и формы для отливки *в Тибисцуме* (Benea, Petrovszky, 1987. Abb. 5, *4*). Особенно примечательной представляется находка в *Нове*, где после 69 г. н.э. размещался лагерь I Италийского легиона, вексиляции которого в конце 20-х годов II в. н.э. расположились в Херсонесе и, вероятно, в Хараксе (Зубарь, 1994. С. 37). Не исключено, что распространение в Северном Причерноморье укороченных пряжек стало возможным в связи с римским присутствием, обеспечившим упрочение

торговых отношений с Подунавьем. При этом остается открытым вопрос: почему в это время именно на Боспоре в моду вошли пряжки, в том числе золотые (что указывает на высокий статус владельцев), популяризирующие своими щитками "тамги" боспорских царей? Их изготовление на Боспоре сомнений не вызывает. Среди этих знаков есть тамги Т.Ю. Евпатора (между 154 и 175 гг. н.э.) (Соломоник, 1959. Рис. 76, 78) (рис. 5, 2). Кроме того, известны аналогичные пряжки со щитками, декорированными тамгой другой формы, достоверно не соотносящейся ни с одним из царей Боспора (Драчук, 1975. Табл. XV, *1*, *5*). Между тем поскольку тамги приемников Т.Ю. Евпатора известны и не совпадают со знаком на упомянутых щитках, допустимо предположить, что этот знак имеет отношение к кому-нибудь из ближайших предшественников: к Котису II (123/124 – 132/133 гг. н.э.) или, скорее всего, к Риметалку (135 – 153/154 гг. н.э.). Из данного предположения следует, что во второй четверти II в. н.э. укороченные пряжки на Боспоре уже производились, что и подтверждается их находками в комплексах этого времени. В фондах Керченского ГИКЗ находится большая серия укороченных пряжек, иллюстрирующая разнообразие модификаций данного типа изделий на Боспоре (рис. 5, *3*, *4*, *9–14*). Известны они и в Херсонесе (Зубарь, 1982. Рис. 71, *1–3*).

В общей массе северопричерноморских укороченных пряжек можно выделить несколько вариантов. Происходят они как из мужских, так и из женских захоронений.

К **варианту А** относятся находки со стреловидными завитками внутри рамки (рис. 4, *3*): именно такие пряжки содержат на щитках тамгообразные знаки боспорских царей. В некрополе ***Нимфея*** такие же изделия найдены в комплексах с монетами Рескупорида II (68/69 – 91/92 гг. н.э.) и Савромата I (93–118 гг. н.э.) (Грач, 1999. С. 116, 157, 158. Табл. 150, *9*. Рис. 74, *3*.). В *могиле 1909 г.* из окрестностей ***Пантикапея*** пряжка варианта А была найдена вместе с монетой Котиса II (123/124 – 132/133 гг. н.э.) (Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 10, *35*).

Во второй половине II в. н.э. появляются пряжки упрощенной формы, завитки которых лишены стреловидных окончаний (рис. 5, *4*). Примером тому служит пряжка из *могилы 1900 г.* из ***Пантикапея***, среди инвентаря которой найдена монета Римиталка (135 – 153/154 гг. н.э.) (Кунина, Сорокина, 1972. С. 161. Рис. 8, *19*).

Пряжки **варианта Б** несколько мельче по размерам, завитки внутри их рамок отсутствуют или не выражены. Ряд изделий происходит из некрополей ***Горгиппии*** (рис. 5, *5*) (Алексеева, 1982. Рис. 26, *1*), ***Нимфея*** – в том числе из комплекса с монетой Котиса II (123/124 – 132/133 гг. н.э.) (Грач, 1999. Табл. 165, *5*; 175, *7*. Рис. 74, *1*) и ***Тиритаки*** – с монетой Савромата II (рис. 5, 6) (174/175 – 210/211 гг. н.э.) (Гайдукевич, 1959. Рис. 82, *4*), из ***Неапольского*** (Бабенчиков, 1957. Табл. IV, *15*; Сымонович, 1983. Табл. XXXIX, *7*, *8*) и ***Заветненского*** (рис. 5, *8*) (Гущина и др., 2001. Рис. 5, *6*), ***Усть-Альминского*** (Высотская, 1994. Табл. 33, *28*; 43, *31*, *32*), некрополей ***Бельбек III*** (Гущина, 1974. Рис. IV, *17*), ***Бельбек IV*** (Гущина, 1982. Рис. 6, *35*) и ***Скалистое III*** (Богданова и др., 1976. Рис. 9, *7*). Погребальный инвентарь из этих комплексов датируется в рамках середины II – начала III в. н.э. Этим временем, по-видимому, в основном и ограничивается время бытования укороченных пряжек варианта Б в Северном Причерноморье. Вместе с тем отдельные изделия использовались здесь вплоть до последней трети III в. н.э. К этому времени относится зафиксированная в комплексе с костяным трехчастным гребнем пряжка из *погребения 2* в ***Широкой Балке*** (рис. 5, *7*) (Гороховський и др., 1985. С. 35. Рис. 7, *1*).

Пряжки варианта Б известны на Кубани. Здесь их появление относят ко второй половине II в. н.э. (*Ахтырский Лиман, погребение 7* с монетой Савромата I (93–123 гг. н.э.) (Малышев и др., 1996. С. 90, 91. Рис. 9, *11*).

Следует упомянуть еще одну форму укороченных пряжек (***вариант В***), известную на обширной территории варварского мира от Центральной Европы до Северного Кавказа. Задняя часть этих изделий не выделена перехватом, имеет вид трапеции или прямоугольника. Считается, что на западе они были в моде где-то между 141 и 222 гг. н.э. и производились провинциальными римскими мастерскими, работающими для варваров (Вадаи, Кульчар, 1984. С. 248, 256. Рис. 3, *1*). Бронзовая пряжка рассматриваемого варианта находится в фондах Керченского музея (рис. 5, *15*). Вещи близкой формы найдены при исследовании восточного участка некрополя ***Неаполя*** (Бабенчиков, 1957. Табл. IV, *16*) и ***Усть-Альминского*** и ***Чернореченского могильников.***

Таким образом, в соответствии с имеющимися данными относительно времени бытования ранних провинциально-римских пряжек в Северном Причерноморье их хронология в этом регионе представляется следующей:

"Подковообразные" пряжки (тип 1) появляются во второй половине или в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. Отдельные экземпляры попадают в погребения вплоть до середины I в. н.э. и даже до начала II в. н.э.

"Восьмерковидные" пряжки (тип 2) встречаются в комплексах рубежа эр – середины I в. н.э.

"Дугоконечные" пряжки (тип 3) в Северном Причерноморье датируются узким отрезком времени: второй третью или третьей четвертью I в. н.э.

"Укороченные" пряжки (тип 4). Восточноевропейский тип коротких провинциально-римских

пряжек представлен несколькими разновидностями. Находки **варианта А** датируются второй четвертью – концом II в. н.э.; основной период встречаемости изделий **варианта Б** приходится на середину II – начало III в. н.э.; пряжки **варианта В** встречаются в комплексах второй половины II в. н.э.

Датировки северопричерноморских находок несколько отличаются от европейской хронологической схемы, что объясняется различием времени ознакомления и уровней контактов различных варварских племен с провинциально-римской модой. Это необходимо учитывать при работе над хронологией восточноевропейских комплексов, содержащих вещи провинциально-римского облика, особенно если эти находки носят массовый характер, то есть отражают заметные этнополитические и экономические явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П. Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков нашей эры // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып.VI.

Алексеева Е.М. Юго-Восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. Т. II. Краснодар, 1982.

Алексеева Е.М. Пряжки // Античные государства Северного Причерноморья. Сер. Археология СССР. М., 1984.

Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М., 1977.

Бабенчиков В.П. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.

Берлизов Н.Е. Аланы-скифы // Историко-археологический альманах. Вып. 2. М.; Армавир, 1996.

Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–II вв.) // СА. 1976. № 4.

Вадаи А.Х., Кульчар В. К вопросу о так называемых сарматских пряжках // Acta archeologica. Budapest, 1984. T. XXXVI.

Внуков С.Ю., Лагутин А.Б. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе Северо-Западного Крыма // Поздние скифы Крыма. М., 2001.

Высотская Т.Н. Отчет о работе Альминского отряда за 1970 г. // Архив КФ ИА НАН Украины. 1970. Папка № 152.

Высотская Т.Н. Отчет о работе Альминского отряда за 1973 г. // Архив КФ ИА НАН Украины. 1973. Папка № 158.

Высотская Т.Н. Отчет о работе Альминского отряда за 1975 г. // Архив КФ ИА НАН Украины. 1975. Папка № 199.

Высотская Т.Н. Отчет о работе Альминского отряда за 1977 г. // Архив КФ ИА НАН Украины. 1977. Папка № 163.

Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.

Вязьмітіна М.І. Вивчення сарматів на території Української РСР // Археологія. 1953. № VIII.

Вязьмитина М.И. Золото-Балковский могильник. Киев, 1972.

Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. № 69.

Гетов Л. Тракийски могилен некропол от римската епоха при Кабиле // Кабиле. Т. 1. София, 1982.

Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.

Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.

Гущина И.И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982.

Гущина И.И., Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. Позднескифские коллекции в собрании Государственного Исторического Музея // Поздние скифы Крыма. М., 2001.

Гороховський Є.Л., Зубар В.М., Гаврилюк Н.О. Про пізню дату деяких античних городищ Ольвійської хори // Археологія. 1985. № 49.

Димитров Д.П., Чичикова М., Димитрова А., Найденова В. Археологические раскопки в восточном секторе Нове в 1965 г. // Известия на археологическия институт. София, 1967. Вып. XXX.

Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975.

Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский во II в. до н.э. – III в. н.э. Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1995.

Зайцев Ю.П. Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев, 1982.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994.

Козак Д.Н. Пшеворская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993.

Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970 гг.) // Сообщения Государственного музея изобразительного искусства им. Пушкина. М., 1987. Вып. 8.

Кулаковский Ю. Отчет профессора Юлиана Кулаковского о раскопках, произведенных в 1897 г. в пределах Симферопольского уезда // Архив ИИМК. 1897. Ф. 1. № 88.

Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стеклянные бальзамарии Боспора // Тр. ГЭ. 1972. Вып. XIII.

Малашев В.Ю., Обломский А.М. Поясная центральноевропейская гарнитура римского времени на территории Днепровского левобережья // РА. 2002. № 4.

Малышев А.А., Мельник В.И., Сазанов А.В. Ахтырский Лиман-II – памятник позднемеотской культуры // Историко-археологический альманах. Вып. 2. М.; Армавир, 1996.

Михлин Б.Ю., Бирюков А.С. Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев, 1983.

Новиченкова Н.Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта, 2002.

ОАК за 1896 год. СПб., 1998.

Обломский А.М. Позднезарубинецкие памятники // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993.

Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. № 96.

Пуздровский А.Е. Отчет об охранных исследованиях Усть-Альминского некрополя в 2000 г. // Архив КФ ИА НАН Украины. 2000.

Пуздровский А.Е. Отчет об охранных исследованиях Усть-Альминского некрополя в 2001 г. // Архив КФ ИА НАН Украины. 2001.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Отчет об охранных исследованиях Усть-Альминского некрополя в 1994 г. // Архив КФ ИА НАН Украины. 1994.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Отчет об охранных исследованиях Усть-Альминского некрополя в 1995 г. // Архив КФ ИА НАН Украины. 1995.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Отчет об охранных исследованиях Усть-Альминского некрополя в 1997 г. // Архив КФ ИА НАН Украины. 1997.

Пуздровский А.Е., Лобода И.И. Отчет об охранных исследованиях Усть-Альминского некрополя в 1993 г. // Архив КФ ИА НАН Украины. 1993.

Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 1959. № 64.

Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.

Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. 1977. Вып. 18.

Степанов П.Д. Южные связи племен Среднего Поволжья в I тысячелетии н.э. // МИА. 1969. № 69.

Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983.

Храпунов И.Н., Масякин В.В., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.

Almgren O. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachhristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen // Mannus-Bibliothek. Leipzig, 1923. № 32.

Benea D., Petrovszky R. Werkstätten zur Mettallverarbeitung in Tibiscum im 2 und 3 Jahrhundert n. Chr. // Germania. Frankfurt, 1987.

Budinsky-Kricka V., Lamiova-Schmiedlova M. A late 1st century B.C. – 2nd century A.D. cemetery at Zemplin // Slovenska archeologia. Bratislava, 1990. R. XXVIII. C. 2.

Loboda I.I., Puzdrovskij A.E., Zajcev Ju.P. Prunkbestattungen des 1. Jh. N. Chr. in der Nekropole Ust-Alma auf der Krim // Eurasia antiqua. 2002. Bd. 8.

Motykova-Sneidrova K. Die anfänge der römischen Kaiserzeit in Böhmen // Fontes archaeologici Pragenses. Pragae, 1963a. V. 6.

Motykova-Sneidrova K. Zarove pohrebiste ze starsi doby rimske v Tisicich ve strednich Cechach // Pamatky archeologicke. Ciclo 2. Praha, 1963b.

Pieta K., Placha V. Die ersten Römer im nördlichen Mitteldonauraum im Lichte neuen Grabungen in Devin // Germanen beiderseits des spätantiken Limes. Köln; Brno, 1999.

Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund: Gürtelteile und Körperschmuch // Offa-Bücher. 1957. B. 13.

Simek E. Velka Germanie Klaudia Ptolemaia // Svazek IV. Brno, 1953.

Simonenko A.V. Eine sarmatiche Bestattung von Südlichen Bug // Evrasia Antiqua. 1997. B. 3.

Early Roman provincial buckles in the North Pontic zone

A. A. Trufanov

Summary

The article is devoted to the investigation of the buckles discovered in the North Pontic zone and dated to the 1st c. BC – the 3rd c. AD. The considered artefacts have analogies among the provincial Central European production of the Roman period. In European chronological system the buckles of discussed types are chronological indicators of different stages of the Roman period (B1–C1). The presented analysis of the associations with reliable chronology in the North Pontic zone permits to improve the chronological ranges of each type of buckles in the region in question.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 171–174

ПУБЛИКАЦИИ

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛАДЬЯ-ОДНОДЕРЕВКА ИЗ ЛЕТОПИСНОГО ВЩИЖА

© 2004 г. А. А. Чубур

Брянский филиал Московского государственного социального университета

В августе 2001 г. в обрыве берега р. Десна жители с. Вщиж Жуковского р-на Брянской обл. В.С. Баранов и В.С. Сухоцкий обнаружили остатки долбленой ладьи. На средства областного управления культуры было осуществлено извлечение ладьи и ее доставка в Брянск (рис. 1), в чем автору оказали помощь командир части внутренних войск в г. Сельцо полковник О.С. Грицук, старший лейтенант С.А. Гаврютин и взвод под его командованием. Находка ладьи-однодеревки позволяет уточнить сведения о внешнем виде, конструктивных особенностях и технологии изготовления древних судов. Более того, это первая такого рода находка в Подесенье.

Находка была сделана на северо-восточной окраине с. Вщиж, где правый крутой коренной берег Десны отступает на 200–300 м от русла. В 1.5 км выше по течению – в районе Вщижского детинца – он нависает непосредственно над рекой, ниже детинца появляется узкая правобережная пойма, которая ниже села имеет локальное расширение. Поверхность пойменной террасы ровная, не осложненная прирусловыми валами, дюнами и пр., и по геоморфологическим признакам отнесена нами к высокой пойме Десны. Высота ее над меженным уровнем реки 4–6 м. Ладья выступала из обрушившегося правого берега Десны непосредственно на меженном уровне реки (рис. 2). Мощность перекрывающего пойменного наноса достигала 4.5 м. Не сохранились правый борт, части полушпангоутов, весь корпус рассекали продольные трещины. Извлеченная с помощью автокрана из земляного ложа ладья разошлась на части. На месте находки в обрыве прослежена следующая стратиграфия (указана мощность, сверху – вниз):

1. Дерновый слой (луговая почва) – 0.3 м.

2. Суглинок бурый, сильно ожелезнённый, с включением растительных остатков и линзочек сизой глины, количество которых возрастает в нижней части слоя. Пойменная фация аллювия деснянской пойменной террасы – 3.7 м.

3. Сильно ожелезненная плотная прослойка мощностью до 3 см – своеобразная "кора выветривания", возникшая при смене руслового режима пойменным – 0.03 – 0.05 м.

4. Пестрый, состоящий из серых, оранжевых, бурых и желтых прослоек песка и супеси (мощность каждой 0.02–0.03 м) – русловая фация аллювия деснянской поймы – 0.4 м.

5. Слоистые серые пойменные пески с глинистой примесью и включением древесных остатков (веточки, фрагменты стволов): русловая фация аллювия пойменной террасы Десны, видимая мощность 0.6 м, из них над урезом Десны – 0.2 м.

Ладья лежала на правом борту, носом в сторону реки именно в этих песках, верхней частью поднимаясь в слоистые пески. Вся часть корпуса и конструкций, что располагалось на отметках выше слоя 5, не сохранилась.

После четырехмесячной сушки, отбора образца для датирования по ^{14}C и последующей консервации раствором ПВА и противогнилостным составом, фрагменты ладьи были соединены и смонтированы автором совместно с Н.Е. Ющенко на двух кильблоках в экспозиции второго этажа Брянского государственного объединенного краеведческого музея. При монтаже для скрепления частей были использованы стальной прут диаметром 4 мм и деревянные штифты. Реставрация в местах неплотных стыков фрагментов осуществлялась монтажной полиуретановой пеной и мастикой на основе ПВА, опилок и сажи. Недостающие части судна не воссоздавались.

Длина сохранившейся части судна 8.8 м, корма оказалась полностью сгнившей или утраченной до погребения судна речными наносами, как и левый борт (рис. 3). Сохранившуюся часть лодки мы называем носовой, условно, поскольку "нос" и "корма" ладьи-однодеревки могли быть исполнены в сходной манере. Это следует и из средневековых источников (см.: Константин Багрянородный, 1989. Гл. 9 "О росах, отправляющихся с моноксилами из Росии в Константинополь") и из данных археологии (Фаворов, 1978; Сорокин, 1997). В частности, такова была более простая по конструкции и близкая по размерам Черниговская ладья-однодеревка XVI в. из Десны (Едомаха, 1964).

Ладья изготовлена из цельного ствола диаметром около 1 м. Ствол был выдолблен (получена так называемая "труба"), а затем распарен. При распаривании края "трубы" (борта судна) были

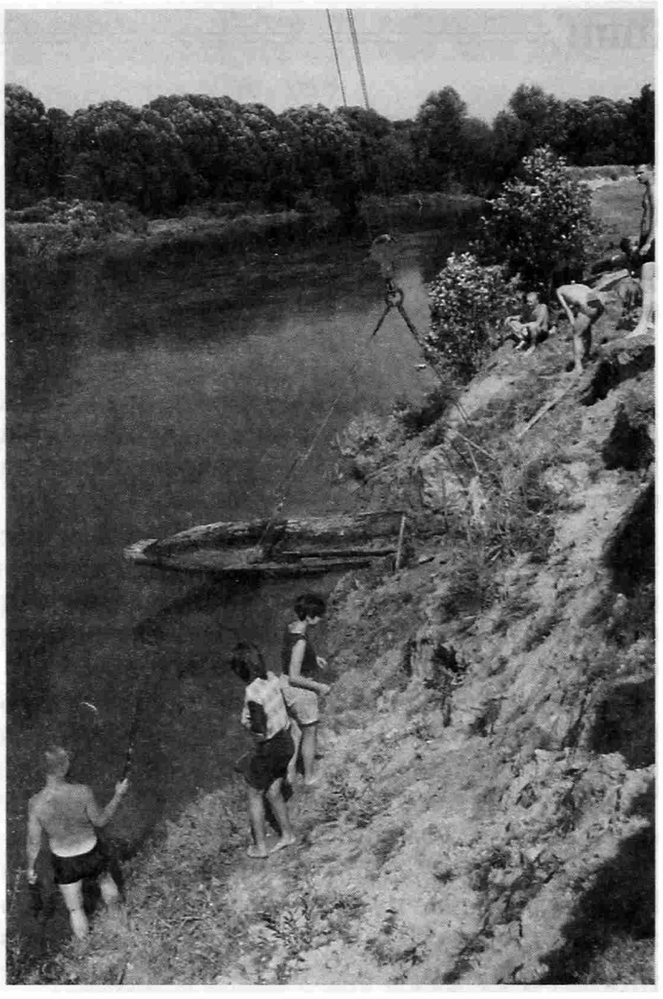

Рис. 1. Эпизод подъема Вщижской ладьи из Десны.

разведены. В процессе распаривания был установлены шпангоуты. Днище в носовой части заострено, на остальной протяженности – в большей или меньшей степени округлое. В носовой части, борта в сечении округлые а в центральной – выпрямленные и наклонные. В средней части судна борта были разведены максимально. Внутренняя часть ствола выдолблена железным инструментом и обожжена, о чем говорит тонкий слой сажи на внутренней поверхности. Толщина стенок корпуса в средней части судна составляла 8–10 см, в районе первого шпангоута она менее равномерна: у планширя (край борта) – 8 см, а в районе днища достигала 14 см.

Высота судна от киля до борта была приблизительно одинаковой по всей его длине – 0.7–0.8 м, лишь носовая часть слегка приподнята. Между носом и первым шпангоутом наблюдается плавный прогиб линии борта вниз (до 8 см), связанный с естественным строением ствола-заготовки (борт на этом участке не разведен и загнут внутрь).

Шпангоуты составные, каждый состоял из двух полушпангоутов, крепившихся к бортам в верхней части дуг с каждой стороны парой деревянных нагелей, входивших в парные сквозные отверстия в бортах. Между собой полушпангоуты соединялись на осевой части судна над днищем также двумя деревянными нагелями, не входившими в само днище. Диаметр нагелей составлял 30–35 мм. Сечение полушпангоутов прямоугольное: 10 × 6 см.

Первый шпангоут был установлен в 1.8 м от носа. В этом месте борта еще сохраняли округлую форму ствола, будучи в верхней своей части несколько "заваленными" внутрь. Соответственно были изогнуты и полушпангоуты. Максимальная ширина судна в этой части достигала 80 см (в 20–25 см ниже кромки бортов), ширина по кромке бортов 60 см. Именно за первым шпангоутом начинается участок с разведенными бортами. Чем ближе к средней части судна, тем сильнее они разведены: сначала они вертикальны, а затем – наклонены вовне. Второй шпангоут располагался в 2 м от первого, его ветви были уже выпрямленными, борта разведены, ширина их (по кромке) достигала здесь 100 см. Третий шпангоут располагался в 2 м от второго, его ветви также выпрямлены. Реконструируемая ширина бортов по кромке в месте его установки достигала 125 см (максимальная). Четвертый шпангоут крепился в 50 см от третьего и не отличался от него по форме и размерам. Вероятно, третий и четвертый шпангоуты укрепляли центр судна. Тогда не сохранившийся пятый шпангоут должен был соответствовать второму и располагаться в 2 м от четвертого, а еще через 2 м – шестой, соответствующий первому. Полная длина ладьи, в таком случае, была равна примерно 12 м. Это следует из расположения шпангоутов и реконструируемой формы судна.

Шпангоуты, по мнению инженера-конструктора Ю.Б. Журавлевой, расположены в наиболее напряженных частях конструкции судна, то есть именно там, где необходимо было создать дополнительную жесткость. Гнутые шпангоуты препятствовали схождению разведенных бортов, поскольку усилие от их выпрямления должно было быть направлено вовне. Это говорит о высоких навыках и знаниях судостроителей, в частности о хорошем, хотя и эмпирическом знании сопротивления материалов.

Под кромкой борта просверлен целый ряд отверстий диаметром 30–40 мм. Они располагаются на расстоянии 1–1.2 м друг от друга в части судна с разведенными бортами, где их прослежено 4. Вероятно, они соответствуют местам крепления уключин. В таком случае, экстраполируя данные на несохранившуюся часть, можно говорить о шести парах гребцов. Кроме того, между первым и вторым шпангоутами (ближе к первому) расположены два прямоугольных отверстия высотой 30 мм и длиной 40–50 мм на равном расстоянии от

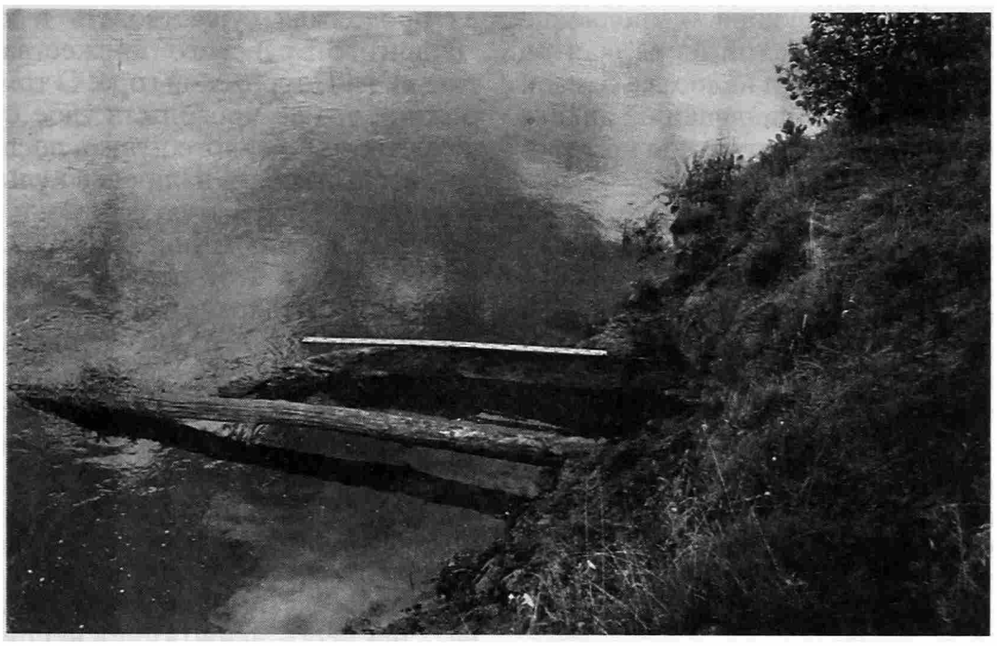

Рис. 2. Местоположение ладьи.

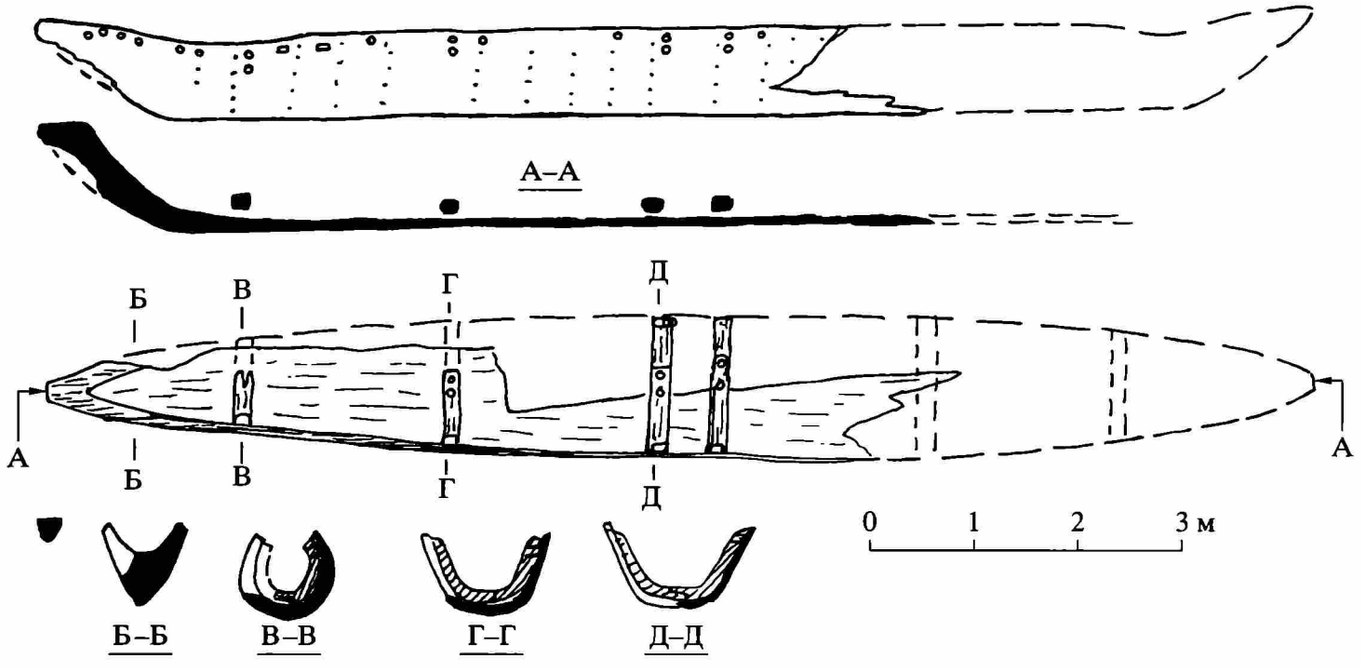

Рис. 3. Чертеж и реконструкция Вщижской ладьи.

кромки борта. Непосредственно в носовой части судна прослеживается целая система из шести круглых отверстий, расположенных на разных расстояниях от кромки борта и просверленных как перпендикулярно борту, так и под углом к нему. Они могли быть предназначены как для крепления уключины рулевого весла (оно могло переставляться с носа на корму и обратно, ибо столь длинное судно было опасно разворачивать бортом к течению), так и для крепления такелажа – растяжек мачты, в случае если судно могло ходить под парусом. Последнее объясняет и то, почему центр укреплен сразу двумя шпангоутами: если здесь располагалась мачта, то нагрузка на эту часть судна была, несомненно, очень велика. Между центральными шпангоутами вбит в борт изнутри вертикальный ряд из трех кованых гвоздей с загнутыми Т-образными шляпками, которые также могли участвовать в креплении мачты и такелажа. Возможно также и иное использование отверстий – например, для создания "деки", защищающей груз от брызг набегающей воды.

Еще один вариант реконструкции – крепление носовой надстройки ладьи. Какой из вариантов имеет право на существование и наиболее близок к истине, возможно, покажет дальнейший анализ расположения отверстий и их детальное исследование.

Ровными вертикальными рядами (всего таких рядов на сохранившейся части ладьи насчитывается 14) через каждые 40–50 см на наружной поверхности располагаются вбитые снаружи дубовые "гвозди-сторожки", по 4 в ряду (между отверстиями расстояние по 18–20 см). Они применялись для контроля толщины стенок при выдалбливании (Дубровин, 1994).

Представляется, что ладья была вполне завершена и установка насада (бортов из досок) на ней не предусматривалась. Это, судя по пропорциям, достаточно быстроходное судно было предназначено для перевозки людей и грузов по рекам как с торговыми, так и с военными целями и могло нести на борту 14–16 чел. (включая 12 гребцов, кормчего и впередсмотрящего) и значительный груз. По всей видимости, судно разрушилось в процессе завершения постройки: об этом свидетельствует то, что внутренняя обожженная поверхность оставалась покрытой сажей, чего не могло бы быть в случае, если бы ладья начала использоваться по назначению.

Автором еще во время подъема находки было высказано предположение о ее принадлежности к древнерусскому периоду (Чубур, 2002). По данным П.Е. Сорокина, полушпангоуты начинают применяться в русском судостроении с XII в., однако верхняя хронологическая граница не определена (Сорокин, 1997). В 2002 г. в радиоизотопной лаборатории ИИМК РАН по фрагменту корпуса ладьи была получена дата 750 ± 20 лет (Ле-6313). Заведующая ^{14}C группой ИИМК РАН Г.И. Зайцева любезно сообщила интервалы калиброванного календарного возраста: 1260–1274 гг. н.э. (68% вероятности) 1247–1279 гг. н.э. (95% вероятности). Иными словами, весьма вероятно, что ладья была построена уже после Великого набега Батыя, когда продолжал существовать в качестве центра Чернигово-Брянского княжества древний Дебряньск на Покровской горе. О том, что Вщиж, вероятно, также продолжал свое существование в качестве населенного пункта после 1239 г., может свидетельствовать наличие в культурном слое небольшого количества керамики XIII–XVI вв. в пределах посада (Шинаков, 2002. С. 176). Несомненно, что в этот период еще должны были в полной мере сохраняться и соблюдаться технологии судостроения, применявшиеся в регионе в домонгольское время.

Не исключено, что ладья непосредственно связана с летописным Вщижом, поскольку район ее находки – единственное удобное место для пристани в окрестностях древнего города. Оттуда подводы с грузом, доставленным по реке могли бы подниматься в гору, к посаду и окольному граду. Непосредственно в районе Вщижского детинца берег необычайно крут и непригоден для подъема гужевого транспорта с грузом от реки.

В заключение автор приносит О.А. Щегловой (ИИМК РАН) искреннюю благодарность за содействие в реализации исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дубровин Г.Е. Новгородские лодки-однодеревки // РА. 1994. № 3.

Едомаха И.И. Находка ладьи-однодеревки на Десне // СА. 1964. № 1.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.

Сорокин П.Е. Водные пути и судостроение на северо-западе Руси в средневековье. СПб., 1997.

Фаворов Б.П. Конструкция долбленых челнов // Судостроение. 1978. № 6.

Чубур А.А. Работы на Судости и Верхней Десне // АО–2001. 2002.

Шинаков Е.А. Новые данные о посаде древнерусского Вщижа // Деснинские древности. Вып. 2. Матер. межгосударственной науч. конф. "История и археология Подесенья", посв. памяти Ф.М. Заверняева. Брянск, 2002.

Ancient Russian monoxyle from Vshchizh

A. A. Chubur

Summary

In August of 2001 in the River Desna outcrops near the village Vshchizh (Zhukovsky district, Bryansk region) a monoxyle boat was discovered. The vessel dates to the ancient Russian period. Its preserved part measures 8.8 m in length, the total length originally was probably 12 m; maximal width is 1.2 m. The body of the vessel was hollowed by chisel, timber being softened by steam; from inside it was strengthened with composite oak semi-ribs. The chronology of the find was determined by the radiocarbon method, it dates to 1247–1279.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 175–176

ПУБЛИКАЦИИ

ФРЕСКОВЫЕ И ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В СЕНТИНСКОМ ХРАМЕ[1]

© 2004 г. Д. В. Белецкий*, А. Ю. Виноградов**

* *Москва*

** *Институт всеобщей истории РАН, Москва*

В 2003–2004 гг. в сотрудничестве с Карачаево-Черкесским историко-культурным и природным музеем-заповедником, при непосредственной помощи его директора У.Ю. Ильканова, нами проводилось обследование фресковых росписей Сентинского храма. Памятник расположен в Карачаево-Черкесской республике, в ущелье р. Теберда и входит в группу крестовокупольных аланских церквей, датируемых X в. В Сентинском храме было выявлено четыре перекрывающих друг друга этапа декорации, первые три из которых – одни из немногих сохранившихся на территории России примеров "ограниченной" росписи храма, сосредоточенной в алтарной апсиде (впрочем, на втором этапе орнаментальная полоса в виде "плетенки" была нанесена и на стены наоса). Два самых ранних слоя включают в себя исключительно изображения крестов, орнаментов и надписей – без изображения человеческих фигур. В третий этап включены только образы Богородицы Знамение над окнами в центре апсиды и святителя (только одного!) слева от алтарных окон (судя по графитти, Николая Мирликийского), лишь частично перекрывших изображения более раннего периода. На заключительном этапе был расписан весь храм по классической византийской системе. Сохранились фронтальные изображения святителей в апсиде и два регистра живописи в наосе: праздники христологического цикла наверху и мученики с преподобными внизу. В верхнем регистре опознаются Благовещение, Рождество, Сретение и Крещение (две последние сцены предположительно), Преображение, Воскрешение Лазаря, Вход в Иерусалим, Взятие Христа под стражу, Христос перед первосвященниками и Христос перед Пилатом. Этот четвертый, последний слой росписи по стилистическим данным следует датировать концом XI в. Все росписи отличаются крайне ограниченным набором пигментов (не более трех!) и тяготеют к традициям византийского Востока и, прежде всего, Малой Азии (Каппадокии).

На стенах восточной половины храма, в основном в апсиде, обнаружено довольно много греческих надписей, которые можно подразделить на три группы. Во-первых, это неровные надписи красной краской, соответствующие второму этапу росписи храма. Во-вторых, это графитти, выполненные между вторым и четвертым этапами росписи. Обе группы содержат надписи инвокативного характера и содержат богатый ономастический материал (имена исключительно христианские). Наконец, на южной стене восточной ветви креста была обнаружена одиннадцатистрочная греческая надпись 965 г., выполненная черной краской на штукатурке. Надпись лежит на поверхности, соответствующей первому этапу декорации. Текст восстанавливается практически полностью, хотя часть надписи справа утрачена. Сверху надпись частично перекрыта тонким слоем побелки второго этапа росписи. Более поздние слои росписи в настоящее время практически полностью осыпались.

+ Ἐυεκεν[ίσ]θ(η), ἐνεώσ[θ(η)] ὁ να[ὸς] τ(ῆς)
ὑπεραγίας θ(εοτόκ)ου ἐπὶ βασηλ[είας
Νηκηφώπου βασηλ[(έως)] καὶ αὐγ(ούστου) (?) ΑΣ
κὲ Δα(υὶ)δ ἐξουσηωκράτορ(ος) [Ἀλανίας
κ(αὶ) Μαρίας ἐξουσ[η]ωκράτ[ορίσσης
μ]ην(ὴ) Ἀπρη(λίου) β′, ἡμέρα ἀγ[ή]ου Α[ντιπάσχα (?)
δηὰ χηρὸς Θεοδώρου, μητ[ροπο-
λ(ίτου) καθηγη(ασμένου) Ἀλανί(ας), ὰτ[ὸ] κ[τί-
σε(ως) κό(σμου) ἔτ(ους) ϛυογ′. Ἀν[ε-
γράφε[το] δηὰ χειρὸς [τοῦ δεῖνα
ἀποκρησ(αρήου) πατρ(ικίου).

+ Освящен, обновлен храм
пресвятой Богородицы в царствование
Никифора, императора и августа (?) ...
и Давида, эксусиократора Алании,
и Марии эксусиократориссы

[1] **От редакции.** Учитывая важность находки, редакция журнала сочла возможным поместить это предварительное сообщение об открытии в Сентинском храме до завершения работы над его интерпретацией. Полную версию статьи мы планируем поместить в первом номере "Российской археологии" за 2005 г.

2 апреля, в день святой антипасхи (?),
рукою Феодора, митропо-
лита освященного Алании, от сотво-
рения мира в 6473 г. На-
писано рукой имярек,
апокрисария патрикия.

Таким образом в нашем распоряжении оказывается точная дата строительства Сентинского храма – 965 г., во время царствования византийского императора Никифора II Фоки (993–969). Так как никаких следов перестройки ни в экстерьере, ни в интерьере храма не прослеживается, слова об "обновлении" храма следует относить к постройке новой церкви вместо прежней (следы апсиды видны из-под фундамента соседнего мавзолея). Несомненно, что данная надпись также является важнейшим источником по истории Алании в X в. (впервые упоминаются имена эксусиократора Давида и его жены Марии, а также самого древнего аланского митрополита Феодора), и ее содержание представляет собой обширное поле для исторического анализа.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 3, с. 177–181

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск, Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.

Среди российских и зарубежных археологов название памятника Сопка-2 вызывает самые разнообразные ассоциации. И это понятно, так как памятник содержит почти 700 погребений, около 70 курганов и более сорока культовых объектов, а хронологически они распределены от неолита до средневековья. Более 14 лет проводились его полевые исследования. С начала первых лет раскопок этого уникального в археологии Сибири памятника, его материалы вызвали неизменный интерес и породили неоднозначное отношение к их интерпретации. Данные полевых исследований получали периодическое освещение в литературе, но в более обобщенном виде они нашли отражение в монографии В.И. Молодина "Бараба в эпоху бронзы" (1985а), в которой дан анализ материальной культуры, погребального обряда, культурной и хронологической принадлежности археологических комплексов, а также реконструкция хозяйственной деятельности населения. Мысль о неординарности памятника и повышенном научном интересе к его материалам подтверждает достаточно высокий индекс цитирования этой монографии.

Прошло почти 10 лет после завершения исследования памятника Сопка-2, и археологическое сообщество получило полностью опубликованные материалы его ранних погребений. Во введении автор обозначил перспективу публикаций, которая включает издание еще четырех томов. Можно было бы подождать выхода в свет всех публикаций и тогда дать рецензию. Но затронутые в томе проблемы настолько актуальны для сибирской археологии, что это позволяет сделать анализ аргументации и точек зрения автора в настоящее время. Эпоха неолита и переходного времени к металлу до сих пор является одной из наименее изученных периодов на территории лесостепи Западной Сибири. Естественно, что ввод в научный оборот источников имеет первостепенное значение. Особо следует отметить высокий профессиональный уровень подачи материала, как в описательном, так и иллюстративном виде. Это – одна из главных задач публикации. Позитивные возможности археологической интерпретации полученных данных значительно повышаются в связи с методикой исследования сложнейшего памятника сплошным раскопом. Этот подход с 80-х годов, независимо от курганного или грунтового типа могильника, получил широкое применение среди археологов Сибири.

Не останавливаясь подробно на типолого-морфологической характеристике инвентаря и погребального обряда, которая дана достаточно качественно в трёх хронологических группах, хотелось обратиться к археологической интерпретации автора. Отмечу только, что при характеристике погребального обряда использованы половозрастные определения, а анализ материальной культуры проведен на широком фоне источников Евразии, что позволило выявить стадиальные черты, региональные особенности и культурную специфику, а также выделить в эпохе неолита особую культурную группу памятников, в составе которой такие могильники, как Сопка-2/1, Корчуган, Протока и Усть-Куренга (С. 20, 23, 26). Автор, таким образом, развивает идею о сложном и мозаичном характере развития культурных традиций в эпоху неолита в лесостепи Западной Сибири. Выделенный культурный комплекс, по мнению В.И. Молодина, сосуществовал с екатерининской культурой и ранними погребениями могильника на Татарском Увале, которые он рассматривает как своеобразное связующее звено "...между зауральскими и приобскими памятниками, образуя по сути территориально единое пространство в рамках одной историко-культурной общности" (С. 26). Но если этот комплекс автохтонный, то происхождение екатерининской культуры и памятников типа Сопка-2/1 было связано с культурами северо-восточной Европы. Таким образом, он остался верен идее, которая была высказана им в более ранних работах (Молодин, 1977; 1985а; 1985б). Эта культурно-генетическая концепция получает дальнейшее развитие при рассмотрении вопроса о формировании комплексов "раннего металла". В.И. Молодин пишет: "Сосуществование носителей различных культурных традиций на одной территории, в частности, в Прииртышье и Барабе, порождало синтез элементов материальной культуры (а может быть и в иных сферах). Это привело к появлению в эпоху раннего металла гибридных комплексов типа стоянок Артын и Александровка..." (С. 27). Представленная в работе аргументация культурной принадлежности материалов Сопка-2/1 приведена достаточно корректно. Убедительной ее можно признать только на данном уровне наших знаний о неолите Западной Сибири. Нельзя не обратить внимания на то, что отдельные черты материальной культуры и погребального обряда раннего комплекса памятника имеют аналогии в широком географическом пространстве, но группируются они среди памятников ближайшего окружения. Важно, как их интерпретировать. Возможно, в барабинской лесостепи они отражены так же, как это проявлялось в зоне контакта разных культурных традиций. Учитывая, это обстоятельство, а также степень изученности неолита в регионе, точку зрения В.И. Молодина можно принять в качестве гипотезы.

Научный интерес представляет хронология новой выделенной культурной группы памятников, основанная на радиоуглеродных данных, – VI – конец V тыс. до н.э. К сожалению, в главе, посвященной неолитическим погребениям памятника Сопка-2, автор, приводя аналогии из могильников екатерининской культуры, не отмечает, как они соотносятся хронологической периодизацией А.И. Петрова (С. 26). Соответственно, ссылки на материалы екатерининской культуры в главе, посвященной немногочисленному комплексу последующего хронологического периода (гребенчато-ямочной керамике), читателю не понятны. По А.И. Петрову, екатерининская культура, возникнув в позднем неолите, продолжала существовать до раннебронзового времени включительно – екатерининский, артынский, александровский и степановский этапы (Петров, 1986. С. 14, 15; 1987). В данном случае важно то, что В.И. Молодин в двух главах проводит одну мысль: о более раннем переходе к эпохе металла и возникновении цветной металлообработки в барабинской

лесостепи, чем это представлялось исследователям до недавнего времени. В качестве подкрепления своего положения он приводит свидетельство об удревнении возраста афанасьевской культуры. Некоторое недоумение при этом вызывает ссылка на работу Э.Б. Вадецкой (1986), тогда как несколько раньше группа археологов Алтайского госуниверситета последовательно сформировала колонку радиоуглеродных дат для афанасьевских памятников Горного Алтая (Кирюшин и др., 1981; Кирюшин, 1985; Цыб, 1984).

Во второй главе более существенной представляется идея о том, что в настоящее время нет возможности соотнести с конкретной археологической культурой комплексы с гребенчато-ямочной керамикой. Таким образом, автор отказался от понятия "байрыкский тип", которого придерживался до этой публикации (Молодин, 1985а. С. 26, 27). Также он предлагает отказаться от названий "екатерининский" (речь идет только об одном этапе культуры – *В.Б.*) и "карасевский" типы (С. 39). Одной из причин для такого шага является необходимость избежать терминологической путаницы. Рациональное содержание в этой идее, несомненно, есть. Новые методики, в том числе, изучение орнаментации на уровне манеры постановки орнаментального штампа и др., позволят более детально обозначить различия в рамках обширной общности гребенчато-ямочной керамики. Автор предлагает вместо типов, этапов, культур остановиться на названии "гребенчато-ямочная общность эпохи раннего металла" до того времени, пока не будет внесена ясность в эту проблему (С. 39). Конечно, он понимает уязвимость такого названия.

Особое научное значение приобретает идентификация комплекса Сопка-2/2 с материалами поселения Венгерово III, которая подтверждена исследованием технологии производства керамики. Дело в том, что на поселении были найдены 3 металлических предмета, достоверно относящиеся к гребенчато-ямочному керамическому комплексу. Соответственно, его, как и аналогичные ему комплексы, в том числе памятника Сопка-2, можно с уверенностью относить к эпохе металла. Но принадлежность материалов Сопки-2 к конкретному хронологическому периоду эпохи металла определить в данном случае достаточно сложно. Не вносит ясности в решение проблемы и стратиграфическая ситуация, зафиксированная на памятнике Сопка-2, при которой могила № 657 рассматриваемой общности (следую идее В.И. Молодина) была перекрыта могилой последующего времени № 658. В монографии высказано предположение о том, что это произошло тогда, когда мягкие ткани погребенного в могиле № 657 еще не разложились. Если это так, то могилы сооружали в одно историческое время. Для решения проблемы хронологии погребений неолита и переходного времени к металлу Сопки-2 приведенные аналогии из могильника на Татарском увале, на мой взгляд, не достаточно информативны (Матющенко, Полеводов, 1994). Выделенная исследователями первая группа погребений этого памятника имела внутреннюю стратиграфию (случаи перекрывания могил) и содержала керамику разных этапов, в частности екатерининского, артынского и александровского (Матющенко, Полеводов, 1994. С. 50, 51). Могильник на Татарском увале, несомненно, исключительный, но особенности его раскопок, а также представленная характеристика, требуют дальнейших аналитических исследований этих материалов. Тем не менее, высказанное В.И. Молодиным предположение о хронологии керамического комплекса с гребенчато-ямочной орнаментацией заслуживает внимания. К сожалению, характеризуя погребения этого хронологического периода, автор не приводит материалы из ям, в которых находились керамические сосуды и которые, по его мнению, связаны могилами (С. 38).

Две трети рецензируемой монографии занимает описание и анализ погребений эпохи раннего металла, представленных курганным и грунтовым могильниками на памятнике Сопка-2 (Сопка-2/3 и Сопка-2/3а). Эта часть работы выполнена особенно тщательно, с привлечением полной таблицы распределения находок в погребениях и обширным кругом аналогий в характеристике инвентаря и погребального обряда (гл. III). Данный раздел подготовлен на комплексной основе с использованием естественнонаучных исследований, что приближает археологическую реконструкцию к этнографическому уровню знаний. Не касаясь многих интересных наблюдений автора, остановлюсь на некоторых положениях, важных с теоретической точки зрения и в практике научного исследования. Во-первых, В.И. Молодин, характеризуя погребальный обряд, доказывает, что курганные и грунтовые погребения образуют единый некрополь и последовательность его формирования (С. 106, 107). Практика подобного подхода позволяет более корректно анализировать памятники, содержащие разный способ организации сакрализованного пространства. С другой стороны, это открывает перспективу исследования внутренней хронологии археологического объекта. Наконец, данный анализ – необходимое условие для исторической реконструкции, в частности, для изучения социальной организации древнего общества. Этот метод широко используют исследователи в области социальной археологии. Логически взаимосвязан с представленными планиграфическими данными демографический анализ, который позволил сделать объективный вывод о том, что средняя продолжительность жизни популяции Сопки-2/3 совпадает с основной тенденцией у синхронных популяций Восточной Европы (С. 108, 109).

Наиболее дискуссионными в той части работы, которая посвящена погребениям ранней бронзы, остаются проблемы культурной и хронологической принадлежности. Широкий круг аналогий, как в пространственном, так и временном диапазонах приведен для обоснования новой археологической культуры, к выделению которой он относится осторожно. Автор дает ей название – "усть-тартасская" (С. 116). В археологической литературе неоднократно отмечалось неправомерность названия культуры по географическому принципу. Но в данном случае, возможно, не было другого выхода. Что касается содержательного подхода, то, с точкой зрения В.И. Молодина, о существовании самостоятельной культуры в эпоху ранней бронзы на территории лесостепной Барабы можно согласиться. Однако следует отметить некоторую аморфность культурных признаков, отсутствие материалов поселений. Именно эти обстоятельства придают дискуссионность новому культурному образованию. Эта проблема обусловлена также соотношением с игрековскими комплексами и материалами из памятника на Татарском увале. Ранее В.И. Молодин относил сопкинские погребения эпохи ранней бронзы к игрековской культуре (Молодин, 1994). Отказываясь от этой идеи, автор тем не менее включает новую культуру в игрековскую общность. Время существования усть-тартасской культуры он определяет IV – первой пол. III тыс. до н.э. (С. 117). Основанием явилась хронология памятников переходного времени к металлу и раннего металла на сопредельных территориях, а также внутренняя логика развития материальной культуры и погребального обряда. Тенденция к удревнению начала эпохи металла стала достаточно очевидной в современной археологии.

В заключение необходимо отметить, что обозначенная в монографии хронология переходного времени от эпохи камня к бронзовому веку и ранних этапов эпохи металла найдет

и сторонников, и оппонентов. Также вызовет неоднозначную реакцию и выделение новой археологической культуры. Но представленная концепция о культурных процессах в барабинской лесостепи имеет право на существование и открыта для осуждения. Важно то, что археологическое сообщество получило полный корпус источников и возможность использовать его в дальнейших исследованиях. Оно также ждет выхода следующих томов, которые, несомненно, явятся значительным шагом вперед в изучении сложного историко-культурного периода древней истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Кирюшин Ю.Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985.

Кирюшин Ю.Ф., Посредников В.А., Фирсов Л.В. Абсолютный возраст некоторых памятников неолита и бронзы Западной Сибири // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981.

Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск, 1994.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985а.

Молодин В.И. Проблемы мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985б.

Молодин В.И. Погребальный обряд западносибирского ареала игрековской культуры // Междунар. конф. к 100-летию В.И. Равдоникаса. СПб., 1994.

Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. Автореф. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1986.

Петров А.И. Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири. Омск, 1987.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая. Автореф. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984.

Кемеровский государственный университет

В.В. Бобров

Руденко К.А."Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв". Казань, 2000. 154 с.

Книга содержит 100 страниц текста и снабжена 32 иллюстрациями. Несмотря на небольшой объем, книга охватывает широкую территорию распространения медных, железных и бронзовых сосудов в Восточной Европе и временной отрезок больший, чем семь веков, указанных в заглавии.

Во Введении обозначены четыре основных сюжета, рассмотренных в книге, – металлические котлы, булгарская металлическая посуда, бронзовые чаши, технология изготовления металлической посуды. Технология изготовления стала основой систематизации всего материала.

Дальнейшее изложение идет не в той последовательности, в которой перечислены основные темы исследования.

Глава 1 посвящена сырью, из которого делали металлическую посуду и способам ее изготовления. К.А. Руденко полагает вслед за Т.А. Хлебниковой (Хлебникова, 1996. С. 280), что болгары использовали небольшие залежи медных руд в Нижнем Прикамье. Известно, что в XVII–XVIII вв. здесь добывали медь в рудниках, приписанных к медеплавильным заводам. Однако средневековые рудники на территории Волжской Болгарии пока неизвестны, что подчеркивает и сам автор. Возможно, что болгарские ремесленники работали на привозном сырье. Для решения этого вопроса требуются специальные исследования, основанные на массовых анализах металла.

Первичная обработка руды проводилась в небольших печах, выплавка из нее меди – в горнах. Такие горны открыты на Болгарском городище и Муромском городке.

Далее в первой главе перечислен инструментарий, которым пользовались ремесленники-медники. Отмечено, что наковальни пока не встречены. Видимо, К.А. Руденко не согласен с Г.Ф. Поляковой в определении предмета из бронзы, найденного в 1978 г. в юго-западной части Болгарского городища, как наковальни (Полякова, 1996. С. 166. Рис. 59, *18*). Основные приемы, которые использовались для изготовления сосудов – сборка из отдельных частей, давление (применялось изредка в золотоордынский период), литье (только импортные экземпляры). Главным образом, применялась механическая сборка с помощью кузнечной сварки, фальцовки (с рубежа XI–XII вв.), клепки и пайки. При сборке зубчатые края частей совмещались и проковывались. О таком способе говорят сообщения Бируни и Ибн-Сины, которые приводит автор. На основании восточных источников К.А. Руденко характеризует все виды медных сплавов, которые использовались в средневековье с их древними названиями.

Отдельно в главе рассмотрены железные и чугунные котлы. Сырье для их производства было местное – луговая и болотная руды, которые подвергались первичной обработке в местах добычи. Выплавлялось железо в горнах шахтного типа. В Волжской Болгарии в XI–XII вв. известны наземные горны-домницы. В золотоордынское время выплавка железа производилась, кроме городов, и на некоторых сельских поселениях. Технология получения чугуна была принесена в XIV в. из Китая. Из чугуна изготовлялись только котлы.

Глава 2 посвящена типологии и хронологии котлов, как наиболее распространенной формы металлической посуды. Всего автором учтено 244 котла, из них медных – 138, бронзовых – 6, железных – 74, чугунных – 26.

Предложенная К.А. Руденко классификация котлов проведена по материалу и по форме. К сожалению, при характеристике типов медных, железных и чугунных котлов не даны ссылки на иллюстрации, что затрудняет восприятие и не дает возможности оценить классификацию, тем более, что словесное описание не всегда понятно. Типы объединены в разделы, причем названия некоторых из них плохо различимы, например "с цилиндрическим или усеченноконическим туловом" (С. 28), "с цилиндрическим туловом или с небольшим расширением в верхней части тулова" (С. 33), "с усеченноко-

ническим туловом" (С. 33). На слух разница между этими разделами неясна, а четких критериев выделения типов нет.

Время бытования болгарских металлических котлов приходится на IX–XIV вв. Основное распространение медных котелков относится к XII в. Массовое появление железных котлов в Поволжье и Прикамье приходится на X в., а уже с XII в. и вплоть до XVI в. наблюдается перерыв в их бытовании. Чугунные котлы принадлежат к золотоордынскому периоду. Все они отливались в двухчастных формах и различались по наличию или отсутствию ножек. К.А. Руденко приводит сводку так называемых "сосудов-символов", которые в XI–XII вв. клали в могилы, как замену настоящих котлов.

Заканчивая главу 2, автор выделяет четыре хронологических этапа (он называет их "группами") в использовании металлической посуды из разных металлов на территории Поволжья и Прикамья – с середины VIII по XIV в.

Глава 3 называется "Возникновение массового производства средневековых металлических котлов". В ней рассматривается история котлов на исследуемой территории, но в более широком хронологическом диапазоне – начиная с римского времени. Импортная металлическая посуда спорадически появлялась в регионе до конца X в., когда начали распространяться медные котелки местного производства. В поисках источника, из которого они могли быть заимствованы, автор рассматривает области салтово-маяцкой культуры, Алтая, Сибири, Дальнего Востока и приходит к выводу, что традиция употребления металлических котлов пришла в Прикамье из кочевнического мира в VIII в. Уже в конце IX в. появляются новые типы железных котлов, изготовленных другими способами. Автор предполагает, что их прототипы на этот раз шли с севера. Видимо, имеется в виду Скандинавия; на С. 67 это сказано прямо.

Параллельно изучены находки начала II тыс. на сопредельных территориях – на Руси и в Средней Азии. На Руси медные котлы известны с X в., но широкого распространения они не получили из-за отсутствия собственных источников меди. Ранее уже высказывалась мысль о болгарском происхождении медных котлов, найденных в русских землях (Коваленко, Сытый, 1992. С. 60–62). Я возражала, так как русских находок довольно много, их химический состав не изучен, да и типология болгарских котлов еще не была разработана (Полубояринова, 1993. С. 118). Теперь, с появлением этой работы К.А. Руденко, появилась возможность, сравнив формы котлов с русских территорий, сходные с болгарскими, отнести к импорту из Волжской Болгарии. Вероятнее всего, что Русь получала медь от болгар не только в виде металла, но и в виде готовых изделий – котлов.

Интересный материал в этом отношении дает публикация двух разновременных мастерских медников, открытых на городище Гальчино в Подмосковье и предварительно датированных второй пол. XIII – началом XV в. (Кренке, Янишевский, 2001). Городище представляет собой крепость, где, судя по многочисленным находкам предметов вооружения, стоял военный гарнизон. В мастерских изготовлялись способом холодной клепки медные котлы из старых, пришедших в негодность, а в одной из них производились и ювелирные изделия. Анализы металла дают почти "чистую" медь с незначительными примесями золота, свинца, цинка и мышьяка. Дальнейшие исследования этого и других подобных пунктов изготовления медной посуды на Руси должны прояснить вопрос о том, в каком виде поступала сюда медь из Волжской Болгарии – в виде слитков или готовых изделий.

В отношении среднеазиатских находок К.А. Руденко приходит к выводу, что они обнаруживают бóльшую близость к болгарским образцам, нежели к русским.

В главе 4 рассматриваются региональные особенности и тенденции развития металлических котлов Поволжья и Приуралья X–XIV вв.

К.А. Руденко предполагает, что массовое производство железных котлов в VIII–X вв. на территории Восточной Европы осуществлялось в разных центрах: от Скандинавии до Азовского моря и от Урала до Поднепровья. В X и главным образом в XI в. отмечается массовое появление медных котлов. Для XII в. по особенностям формы и способа изготовления этих котлов К.А. Руденко выделяет региональные центры. Продукция многих центров, судя по описанию и рисункам, близка к болгарским котлам, которые характеризуются, правда, несколько туманно: "... низкие пропорции сосудов (приземистые формы), ... но с достаточно высокими стенками" (С. 57). Видимо, можно предположить, что эти сосуды произведены в Волжской Болгарии. В числе прочих автор выделяет русский домонгольский тип котлов – клепанные сосуды в виде ведра и котлы цилиндрической формы, которые, по мнению К.А. Руденко, изготавливались на Руси. Материалов золотоордынского времени представлено мало.

В главе 5 выясняется место средневековых металлических котлов Поволжья и Прикамья в системе европейско-азиатских ремесленных традиций. Автор обнаруживает большие познания в истории металлической посуды на всей территории Евразии, начиная с глубокой древности. В отношении же исследуемого региона – Прикамья и Среднего Поволжья – эта глава является кратким повторением изложенной ранее истории бытования медных и железных котлов и роли Волжской Болгарии как лидера в их производстве и распространении.

В следующей главе К.А. Руденко освещает вопрос о назначении металлических котлов. Привлекая исторические аналогии, автор перечисляет все возможные способы использования металлических котлов у разных народов в разное время – бытовое, производственное, в погребальном обряде, в жертвенном ритуале, в качестве товара. Котлы сопровождали в основном погребения мужчин и указывали на относительно высокий социальный статус погребенного.

В главе 7, названной "Медницкое дело в Волжской Болгарии", определена медная продукция местного производства – кумганы, тазы, ковши, светильники – сборные, кованные и литые изделия. Для медных болгарских котлов предлагаются датирующие признаки – ушки разной формы. Дана типология болгарских кумганов, ковшей, чаш, светильников, в том числе и бронзовых. Один из разделов этой главы посвящен привозным изделиям, что как будто не соотносится с названием всей главы. В то же время такой раздел в этой книге необходим.

Глава заканчивается разделом "Основные этапы развития медницкого дела в Волжской Болгарии". Автором рассмотрена по векам болгарская металлическая посуда, начиная со второй пол. X в. В XI в. наблюдается господство небольших медных котелков по всей территории Восточной Европы. Привозимые с Востока сосуды оказали огромное влияние на сложение форм и технологию котлов. Болгарские ремесленники поставляли их для торговли с Севером.

Появление фальцовки на рубеже XI–XII вв. дало новый толчок для распространения болгарской продукции по всей Восточной Европе. В золотоордынский же период, по мнению К.А. Руденко, производство медной посуды приходит в упадок.

Мне кажется, что это утверждение, несколько раз повторенное в книге (С. 58, 68, 84, 95 и др.), неправомерно. Поми-

мо упомянутого автором клада 1991 г., относящегося к позднезолотоордынскому периоду и содержавшего медные кувшины и кружки местного производства, в Болгаре известны и другие находки медной посуды этого времени. Г.Ф. Полякова упоминает о двух кладах – 1889 г. и 1950 г., содержавших медные, бронзовые и железные сосуды, относящихся к позднезолотоордынскому периоду (Полякова, 1996. С. 241–243). В слоях этого времени часто встречаются фрагменты котлов, кувшинов, блюд, мисок, изготовленных в Волжской Болгарии. Наконец, чем еще, если не массовым изготовлением медной посуды, можно объяснить наличие обрезков медных листов в виде прослоек, местами до 10 см толщиной, в юго-западной части Болгарского городища и в центре города?

Ремесленный район в юго-западной части Болгара изучался в 1969, 1978–1980 гг. Обрезки медных пластин встречались здесь повсеместно, образуя местами прослойки в культурном слое. Здесь же найден небольшой бронзовый кувшинчик. Такие же скопления обрезков медных пластин были открыты в 1970 г. Т.А. Хлебниковой в центре города. Они залегали в двух ямах, там же лежали и ножницы. Возможно, что формы сосудов изменились по сравнению с домонгольским периодом, но в целом медная посуда в XIV в. продолжала изготавливаться в ремесленных центрах Волжской Болгарии. Вероятно, она по-прежнему служила товаром в торговле с Севером и другими соседними областями.

Описанию чугунных котлов, распространившихся в золотоордынский период, посвящены последние страницы главы 7, хотя, строго говоря, в главе, названной "Медницкое дело..." чугунным котлам не место.

Особая категория сосудов – металлические чаши – рассмотрена в главе 8. Здесь содержится описание 18 чаш, найденных в Среднем Поволжье и Прикамье, обосновывается их датировка (VII–IX вв. и X–XI вв.), особенности формы, орнаментальные мотивы. Судя по всему, все чаши К.А. Руденко считает импортными или подражающими им. Интересен сюжет о необычном орнаменте на внешней поверхности чаши из Веселовского могильника, который автор трактует, как изображение появления двух сверхновых звезд (С. 88 сл.). Установив по письменным источникам, что такие явления были зафиксированы древними астрономами в 1006 г. и в 1054 г., а также страны, где эти явления наблюдались, К.А. Руденко приходит к выводу, что чаша была изготовлена летом 1006 г. в Мавераннахре или Северном Хорасане. Гипотеза труднодоказуема, но остроумна.

В "Заключении" повторены выводы, содержащиеся в основной части книги. Отмечено широкое распространение металлических котлов в Восточной Европе, преимущественно в лесной полосе. Выделены три хронологические и территориальные группы металлической посуды: 1) середина VIII – середина IX в. (котелки медные и железные в Прикамье и бронзовые неорнаментированные иранские чаши по Оке); 2) конец IX–XI в. (стандартных форм железные котлы, медные котлы до XI в. в небольшом числе, импортные бронзовые котлы и основная часть орнаментированных бронзовых чаш; с XI в. начинается производство посуды в болгарских городских центрах); 3) XII – середина XIII в. (господство медных котлов, железные исчезают, нет бронзовых чаш, распространяются изделия болгарской торевтики и, в меньшей степени, восточного производства; 4) вторая пол. XIII–XIV вв. (медные, бронзовые и чугунные котлы, изготовленные в болгарских городах и региональных центрах). Здесь автор не упоминает о затухании производства медной посуды в золотоордынский период. Рассмотрена вкратце и более поздняя история металлических котлов – вплоть до XVIII в.

Очень ценны были бы в "Заключении" подробные карты распространения всех видов металлической посуды на выделенных хронологических этапах. Приведенная автором карта (Рис. 32; подпись на С. 153) касается только чаш и "скоплений котлов" без указания материала, дат и памятников, где эти котлы найдены.

В оформлении книги можно отметить, к сожалению, некоторые погрешности, возникшие, возможно, не всегда по вине автора. Это, конечно, досадно, но не так уж важно. В целом же, книга К.А. Руденко очень ценна полнотой источниковедческой базы и широтой географического и временно́го охвата материала. Впервые эти предметы стали темой специального исследования. Металлическая посуда (главным образом, котлы) рассмотрена на огромных просторах Евразии, хотя, конечно, главное внимание уделено Среднему Поволжью и Прикамью. Важно, что автор не ограничивает хронологические рамки исследования, обозначенные в заглавии периодом (VIII–XIV вв.), а кратко прослеживает историю употребления человеком металлической посуды с глубокой древности до XVIII в., обнаруживая глубокое знание предмета.

Книга К.А. Руденко, несомненно, будет содействовать изучению культурных и экономических контактов населения Среднего Поволжья и Прикамья с его соседями и партнерами по торговле – с Русью, финно-угорскими народами, Скандинавией, Ираном, Средней Азией. Безусловно, подкупает увлеченность автора предметом своего исследования, эмоциональность изложения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Коваленко В.П., Сытый Ю.Н. Торгово-экономические взаимосвязи Чернигово-Северской земли с Волжской Булгарией в IX–XIII вв. // Путь из Болгара в Киев. Казань, 1992.

Кренке Н.А., Янишевский Б.Е. Мастерская медника на городище Гальчино // Матер. VIII Российской научн. конф., посвященной памяти Святителя Макария. Вып. VIII. Можайск, 2001.

Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Хлебникова Т.А. Анализ болгарского цветного металла // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Институт археологии РАН, Москва

М.Д. Полубояринова

XIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС СЛАВИСТОВ. ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА, РАННЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СЛАВЯН (Любляна, Словения, 2003)

Такие крупные научные форумы проводятся каждые пять лет с целью познакомить исследователей с новейшими достижениями в области славистики и обсудить основные проблемы этого направления в науке. Предшествующий конгресс имел место в Кракове (Польша) в 1998 г. (Седов, 1999).

В программу работы XIII конгресса, состоявшегося в Любляне (Словения) 15–21 августа 2003 г., были включены свыше 800 докладов славистов из 36 стран Европы, Азии, Америки и Австралии, заслушано около 550 (на XII конгрессе – около 900). Четыре доклада (три филологического и один культурологического содержания) вынесены на пленарное заседание, остальные распределены по 11 секциям и 20 "тематическим блокам". Языковедческим проблемам было отведено пять секций: 1. Лингвогенетические, этногенетические и историко-филологические аспекты; 2. Ареальные аспекты; 3. Структурные, типологические и сравнительные аспекты; 4. Социолингвистические и прагматические аспекты; 5. Теоретические и методические аспекты в изучении славянских языков. На пяти других секциях рассматривались вопросы истории литературы, культурологии и фольклористики: 1. Теоретические аспекты литературоведения; 2. Историко-литературные аспекты; 3. Культурологические аспекты; 4. Фольклористика; 5. Адам Мицкевич, Александр Пушкин, Франце Прешерн в славянском и европейском контексте. Творческая деятельность в эмиграции. Еще одна, одиннадцатая секция объединила немногочисленные выступления по истории славистики, из которых большинство были посвящены научной деятельности Йозефа Домбровского и его роли в развитии славянского языкознания.

Заседания так называемых тематических блоков, включали от двух до пяти выступлений, также посвященных в основном филологической проблематике. Из 20 "тематических блоков" только два (№ 16 и 20) касались исторических вопросов. Тема одного из них "Этнокультурное взаимодействие восточных славян в XVII–XVIII веках", другого – "Подунайские славяне в VII–IX столетиях".

Тезисы всех докладов, включенных в программу конгресса, опубликованы его организаторами в двух книгах (Zbornik povzetkov, 1; 2).

Достаточно очевидно, что конгресс имел исключительно филологическую направленность, что, на мой взгляд, по сравнению с предшествующими форумами несколько понизило его научную значимость. В развитии славянства, их языка, истории и культуры отчетливо выделяются два основных этапа – ранний период, когда славянский мир был единым в этноязыковом отношении, и последующее время, когда он дифференцировался на несколько самостоятельных этносов и языков. Организаторы конгресса не учли, что решение основных вопросов истории, языка и культуры праславянского периода ныне возможно лишь на междисциплинарном уровне, при взаимодействии лингвистики и археологии, этнографии и фольклористики, топонимики, антропологии, географии, климатологии и других наук. К сожалению, в Любляне докладами не были представлены ни этнография, ни в должной степени археология и древняя и раннесредневековая история. Так уже несколько лет словацкими исследователями под руководством М. Бенжи (Братиславский университет) ведется большая работа над Общеславянским этнографическим атласом, актуальность и научная значимость которого достаточно очевидна. При Международном комитете славистов была создана комиссия по атласу народной культуры славян. Проект атласа обсуждался и был одобрен на XI конгрессе славистов. К работе над ним подключились научные институты, университеты и музеи ряда славянских стран. На XII конгрессе в Кракове был заслушан доклад М. Бенжи с демонстрацией первого комплекта карт атласа, посвященного земледельческим орудиям славянского мира. Первый этап работы получил высокую оценку. К XIII конгрессу был подготовлен еще один комплект этнографических карт, посвященный славянскому этнографическому жилищу, обсудить который не удалось – комиссия по народной культуре в связи с отсутствием этнографов и иных специалистов, заинтересованных в составлении общеславянского этнографического атласа, не смогла работать. По этой же причине во время конгресса не смогли провести рабочие заседания комиссии Международного комитета славистов по изучению славянской культуры раннего средневековья и по археологии. По существу форум в Любляне нельзя назвать конгрессом славистов, это был конгресс филологов, работающих в области славянского языкознания и литературы.

Работа секции "Лингвогенетический и этногенетический аспекты и историко-филологические аспекты" началась с выступления румынского лингвиста *С. Палиги* "Протобореальная теория Андреева и ее включение в понимание этногенеза Средне-Восточной и Юго-Восточной Европы: славяне, балты, фракийцы". Н.Д. Андреев, как известно, выявил 210 базисных корней, общих для протоиндоевропейского, протоуральского и проалтайского праязыков. Они отнесены исследователем к протобореальной общности, существовавшей ранее V тыс. до н.э. (Андреев, 1986). По мысли докладчика, эти наблюдения Андреева сходны с положениями археолога М. Гимбутас о протоиндоевропейцах – носителях курганной культуры, с чем трудно согласиться. Гипотеза Андреева, продолжает С. Палига, полезна для познания предыстории сатемной группы индоевропейцев, распространившейся от берегов Балтийского моря до побережья Адриатического и Эгейского морей. Это были предшественники фракийцев, иллирийцев, балтов и славян.

Выступление *Б. Вальчака* (Польша), названное "О новых методах исследований по этногенезу славян", было посвящено языковедческим работам краковского лингвиста В. Маньчака. По мнению докладчика, этот исследователь разработал и успешно применяет два новых метода этногенетических изысканий. Первый заключается в сравнительном анализе славянского лексического фонда со словарями соседних этносов. В результате выявляются степени близости (сходства) разных европейских языков к славянам, что дает возможность распределить их географически и определить место славянской прародины. В современных языковых семьях, продолжает далее докладчик, можно выделить этнос с наибольшим числом лексем, восходящих к праязыку этой семьи, ареал которого соответствует прародине. Это – второй метод В. Маньчака, пользуясь которым он определяет лексическую близость славян прежде всего к германцам и балтам (к пруссам, а не литовцам), далее к кельтам и в меньшей степени к романцам. Из современных славянских языков праславянская лексика доминирует в польском (3755 лексем), далее идут чешский (3677), словацкий (3603), верхнелужицкий (3369), белорусский (3269), русский (3235) и т.д. В итоге прародину славян исследователь локализует в междуречьи Одера и Вислы. Б. Вальчак подчеркнул, что ведущее

место в изучении этногенеза славян принадлежит лингвистике, поскольку понятие славяне – чисто языковое. Однако в настоящее время достаточно очевидно, что этногенетические исследования требуют междисциплинарного подхода.

В докладе сербского лингвиста *А. Лома* "Евразийский степной пояс как начало языкового и культурного прошлого славян" речь шла о влиянии североиранского языка скифского мира, занимавшего широкие пространства Евразии от низовьев Дуная и восточных склонов Карпат на западе до Алтая и Средней Азии на востоке, на соседние индоевропейские и финно-угорские языки, а также тюрко-монгольские племена, вслед за иранцами заселившими те же степные территории. Из индоевропейцев наибольшее языковое и культурное воздействие скифов, заключил докладчик, испытали праславяне.

В докладе "Славяне в римское время" автор настоящих строк (Седов, 2003) показал, что в первые века нашей эры славяне, заселяя междуречье Одера и Вислы, разделились на две группы, в которых нужно видеть устанавливаемое лингвистами первоначальное членение праславян на две древние диалектные зоны – северную и южную. Южная группа (Малопольша и Силезия), как показывают археологические материалы, образовалась в условиях поглощения славянами кельтского субстрата. Северная в большей степени была связана к окраиннобалтским миром. Различное культурное развитие этих диалектных групп славян отчетливо проявляется в начале средневековой поры, когда славяне южной группы создали пражско-корчакскую культуру (словене Иордана), а северной – суковско-дзедзицкую (венеты Иордана). Какая-то часть венетов расселилась также в лесной полосе Восточно-Европейской равнины, положив начало предыстории северновеликорусов. Археология свидетельствует, что в III–IV вв. в лесостепном междуречье Днестра и Днепра в условиях славяно-иранского симбиоза сложилась третья диалектная группа славян, известная в памятниках письменности под именем анты.

Е. Хелимский (Германия) в докладе "Тунгусо-маньчжурский языковый компонент в Аварском каганате и славянская этимология" попытался показать, что родным языком правителей Аварского каганата периода его становления и одним из языков этого государственного образования был язык тунгусо-маньчжурской группы – раннепраманьчжурский (или близкий к нему). Тюркский характер языкового материала Аварского каганата обусловлен, как утверждал докладчик, полиэтничностью аварского конгломерата и его "булгаризацией" начиная с конца VIII в. Следы раннего тунгусо-маньчжурского воздействия проявляются в лексике венгерского языка, что, по-видимому, отражает ассимиляцию остатков авар венграми в конце IX–X в. Перспективен, заключает Е. Хелимский, этимологический поиск тунгусо-монгольских элементов в славянском языковом материале.

Весьма интересным для раннесредневековой истории юга Восточной Европы является доклад *И.Г. Добродомова* и *Р.Н. Кривко* (Россия), озаглавленный "Рушьская писмена Жития св. Константина в контексте этноязыковой ситуации Северного Причерноморья", в котором рассматривалось известное упоминание о находке в Херсонесе христианским проповедником Константином написанных русским или рушьским писменем Евангелия и Псалтири. Предлагается считать определение *руш(ь)скыи* первоначальным, производным от этнонима *руш-*, который этимологизируется на иранском языковом материале (**rauxsna* 'светлый'). Позднее этот иранский этноним был перенесен на славян (иранск. **rau*(x/k)s > слав. **rux* + *ьск* = *рушьск-*) по принципу общности или смежности территории проживания. Виденные в Херсонесе Константином Евангелия и Псалтири, полагают докладчики, написаны были на согдийском языке. Христианская письменность на этом языке хорошо известна. Проживание сугди-согдийцев в Крыму зафиксировано топонимом Судак.

На той же секции был заслушан доклад *А.А. Зализняка* (Россия) "Старославянский восковой кодекс первой четверти XI в., найденный при раскопках в Новгороде в 2000 г.". Памятник состоит из трех навощенных деревянных дощечек с сохранившимися на воске текстами - двух полных псалмов (75 и 76) и фрагмента еще одного (67). Написаны тексты на старославянском языке, но явно восточным славянином. Они отражают древнейший этап славянской письменности на Руси, когда древнерусский извод церковнославянского языка с его фонетическими и морфологическими особенностями еще не сформировался.

Кроме того, на заседаниях первой секции были прочитаны собственно лингвистические доклады по отдельным вопросам славянского глоттогенеза и этимологии, а также по текстологическим анализам и эпиграфики средневековых памятников славянской письменности.

Из докладов, заслушанных на других секциях, можно упоминуть выступление *С.Н. Азбелева* (Россия) "Исторические связи новгородских и балтийских славян в фольклоре". На основании сопоставительного анализа исторических преданий, зафиксированных в средневековых письменных памятниках, и записей фольклористов XIX в. докладчик говорит об исторических связях балтийских и той части восточных славян, которая расселилась в Поильменье и позднее составила основу земель Великого Новгорода. Привлечение данных западноевропейских хроник позволило С.Н. Азбелеву реконструировать некоторые исторические события IX столетия, в том числе эпизоды, связанные с Гостомыслом и Рюриком.

На заседании двадцатого тематического блока "Подунайские славяне в VII–IX столетиях" из четырех заявленных выступлений состоялось два. В докладе словацкого историка *В. Седлак* "Развитие государственных образований и церковные отношения в Подунавье" утверждалось, что аварское владычество в землях дунайских славян сдерживало их общественно-политическое развитие. Оно началось развиваться лишь после того, как армия Карла Великого очистила подунайские области от авар. В это же время в среде дунайских славян прогрессировали и церковные отношения. С приходом кирилло-мефодиевской миссии была создана широкая сеть церковных организаций – епископий.

Доклад археолога *Т. Штефановичовой* (Словакия) озаглавлен "Славяне в Среднем Подунавье и в западной части Юго-Восточной Европы". В нем констатировалось, что славяне, как свидетельсвуют данные археологии и исторические источники, появились в Среднем Подунавье на рубеже V и VI вв., а в западных землях Юго-Восточной Европы (так именует докладчик области современной Сербии, Боснии и Хорватии) – в начале VII в. Все эти области были бывшими римскими провинциями, что ни могло не отразиться на истории расселивших здесь славян. Античное наследие импульсировало развитие их материальной культуры и становление ранних государственных образований. Первые княжества образуются на землях, освоенных хорватами, – сначала в Далмации, затем в Посавье; в Моравии и Нитранской области складывется Великоморавская держава. В регионе сербских племен подобного процесса не было, что обусловлено аварской оккупацией их земель.

Этими высуплениями и ограничивается проблематика конгресса, представляющая интерес для археологической славистики. Следующий, XIV Международный конгресс славистов решено провести в 2008 г. в Македонии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев Н.Д. Раннеиндоевропейский праязык. М., 1986.

Седов В.В. XII Междунар. конгресс славистов. Историко-археологическая и этногенетическая проблематика (Краков, 1998) // РА. 1999. № 3.

Седов В.В. Славяне в римское время. XIII Междунар. съезд славистов (Словения, 2003). М., 2003.

Zbornik povzetkov, 1. 13. Mednarodni slavisti(ni kongres. Zbornik povzetkov. 1. del.: Jezikoslovje. Ljubljana, 2003.

Zbornik povzetkov, 2. 13. Mednarodni slavistični kongres. Zbornik povzetkov. 2. del.: Književnost. Kulturologija. Folkloristika. Zgodovina slavistike. Tematski bloki. Ljubljana, 2003.

Институт археологии РАН, Москва

В.В. Седов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ "L'ARTISTA A BISANZIO E NEL MONDO CRISTIANO-ORIENTALE" (Пиза, 2003)

Коллоквиум "Художник в Византии и восточно-христианском мире" был проведен 21–22 ноября 2003 г. Он был организован одним из старейших университетов Италии, Скуола Нормале Супериоре, под руководством М. Баччи, профессора средневекового искусства университета Сиены. Коллоквиум был задуман как небольшой (10 докладов при 14 участниках), но представительный по составу семинар, на котором профессионально работающие в области византийского искусства ученые смогли бы обменяться мнениями по таким проблемам, как организация художественной жизни в мире восточного христианства, социальное положение, подготовка художника, его роль в обществе, восприятие его как творца или ремесленника в современном ему мире. Тема представляется предельно актуальной: в науке сегодня все больше сторонников взгляда на византийского мастера прежде всего как на ремесленника. Если он не обладал дополнительными качествами, привлекающими внимание – святостью, благородным происхождением и т.п. его личность мало занимала современников. В коллоквиуме участвовали ученые Италии, Греции, России, США, Англии, Германии и Швейцарии.

Открылся коллоквиум докладом *М. Вассилиаки* (университет Фессалии и музей Бенаки) "Портрет художника в Византии: новый взгляд", который во многом задал направление и тон дискуссии. Отправным пунктом для него послужила изданная автором доклада книга "Художник в Византии" (1997), опубликованная на греческом языке и поэтому сравнительно мало известная как на Западе, так и в России. Ключевым пунктом доклада стало буквально ошеломляющее известие : Вассилиаки окончательно уверилась в том, что имя Мануила Панзелиноса, до сих пор считавшегося автором фресок храма Протатон на Афоне (расписан около 1290 г.), недостоверно. Оно было введено Дионисием из Фурны, который в своем "Руководстве для живописи", составленном на Афоне между 1728–1733 гг., впервые ввел его без всякой опоры на документы. Та же тяга к навязыванию произведениям древней живописи имен художников, которая сквозит в тексте Дионисия, оказалась свойственна в еще большей степени современным историкам искусства. Имя настолько значимо для нашего социума, что отсутствие у творения подписи, его анонимность, стала чем-то вроде проклятия, от которого следует любым путем избавиться. Девизом искусствознания долго оставался принцип: "создатель должен иметь имя". Даже если он жил в эпоху, когда именам художников придавали гораздо меньше значения, чем сегодня, и именно поэтому не сохранили их для истории. Правомерно задать вопрос: является ли принципиально, методически верным следовать в наших работах запросам своего времени и упорно пытаться атрибутировать ту или иную работу одному из очень немногих имен художников, дошедших до нас из Византии? Ответ автора, конечно, содержится уже в самом вопросе.

Выступления коллег из университета Афин можно назвать вариациями на ту же тему. В докладе *С. Калописси-Верти* "Сведения о себе в надписях поздневизантийского периода" была представлена база данных имен художников, составленная на основе их упоминаний в личных посвятительных надписях и "подписях" под работами в церквях. В них обнаруживаются сведения о месте происхождения мастеров, о взаимоотношениях участников росписи, их числе и т.п. Не менее интересен доклад *М. Панайотиди* "Художник как писец: монументальная эпиграфика и проблема грамотности иконописцев". Это сообщение о ходе выполнения проекта ныне покойного Н. Ойкономидеса по катологизации ошибок в надписях на произведениях монументальной живописи в Византии (включая посвятительные надписи; надписи на свитках и книгах, включенных в композиции; подписи сюжетов и имена святых). По вычисленному проценту ошибок для каждого памятники можно, как считают авторы, судить о степени грамотности той или иной группы мастеров или отдельного мастера. Панайотиди закончила рассказ о проекте предложением провести подобную работу по всем памятникам византийского мира того же периода и сравнить полученные результаты.

В известной степени к докладам, привезенным из Греции, примыкает выступление *Л.А. Беляева* (ИА РАН, Москва) "Миф об Андрее Рублеве: биография иконописца в политическом и культурном контексте", в котором аудитории было показано, как менялись представления о творчестве прославленного художника по мере развития русского общества, религиозного и национального самосознания, науки о древнерусском искусстве, художественного рынка и политической ситуации в стране. Как в соответствии с этим менялся список произведений художника и взгляды на его биографию. В докладе содержится также ряд археологических комментариев к истории изучения жизни Андрея Рублева.

Вторую группу на конференции представляли доклады, непосредственно исследовавшие методы работы византийских мастеров и интерпретации их творческих методов в связи с особенностями византийского иератического искусства. Известный смелостью и неожиданностью своих гипотез *Р. Кормак* (Коуртлэнд Институт, Лондон) в докладе "Книги образцов, руководства для живописи и Ремесленник, или Память и Творец ?" обратился к такой давно решенной, казалось бы, теме, как использование византийским художником собраний "подлинников". Считается, что от возникновения этих, регламентированных Церковью, иконографических сводов зависела та консервативность, малая подвижность, отсутствие нововведений в развитие иконографии, которая характеризует искусство Византии. Отсюда делается вывод, что художник в Византии был более подчинен общественному, внешнему контролю, чем в любую иную культурную эпоху. В то же время есть мнение, что иконописец до конца средневизантийского периода более полагался на собствен-

ную память и, возможно, личные зарисовки, что было вполне достаточным при том ограниченном сюжетном репертуаре, который был в ходу до XIII в. – но позже, с распространением более дешевого материала (бумаги), а затем и средств книгопечатания, книги образцов, "подлинники", возобладали. Кормак показывает эту сложную проблему на широком фоне аналогий из практики мозаичистов античной эпохи, мастеров Сицилии XII–XIII вв., и настаивает на ведущей роли авторского рисунка и памяти художника в Византии всех эпох, что ставит ее в общий ряд явлений мирового искусства.

С этим докладом можно сопоставить блестящее выступление *Э. Катлера* (Пеннсильванский университет, США), в котором на строго документальной основе показано, что хорошо известное в науке изображение Пантократора в куполе собора в Дафни (XI в.) было не только укреплено после землетрясения 1886–1889 гг., но оказалось полностью утраченным и было восстановлено на основе аналогов итальянскими реставраторами. Это показывает, что многократно анализированное не только историками искусства, но и историками православной эстетики и теологии произведение не подлинно. В докладе подчеркивается роль, которую играет в сложении современных представлений о византийской догматике реставрация. Зачастую именно она оказывается ведущей, мы видим перед собой творение реставратора, а не средневекового художника, хотя и не всегда понимаем это.

Вопрос о личности создателя сложного синтеза различных форм искусства в православном храме поднимает в докладе "Творец сакрального пространства как феномен культуры Византии" *А.М. Лидов* (Центр восточнохристианской культуры, Москва). Согласно его представлениям, внутреннее пространство византийского храма был не просто механической суммой работ архитекторов и декораторов. Его изначально формировали как особого рода священный интерьер, разделенный на ряд соподчиненных, сложно связанных между собой пространств, возникавших в связи с размещением в храме реликвий; священных изображений (чудотворных икон, особо чтимых монументальных образов); важнейших пунктов литургии и т.п. Топография этого пространства определялась заранее: в соответствии с имеющимися мощами и иными почитаемыми предметами готовились площадки для их размещения. В зависимости от формы богослужения планировались проемы для входов и для освещения тех или иных точек; предусматривалась, возможно, и система невизуальных эффектов (запахов курений, звуков молитв и песнопений, и т.п.). Этот сложнейший синтез, согласно мнению автора, обретал основную структуру еще до реального возведения здания, в сознании "творца сакрального пространства", личность которого могла совпадать с личностью заказчика или архитектора, но могла также иметь, как сочетание нескольких персонажей, и "виртуальный" характер.

В этот же блок можно включить второй доклад *Л.А. Беляева* (ИА РАН, Москва), посвященный проблеме организации строительных групп на Руси ("Строитель в Древней Руси XI–XIII вв: личность или мастерская?"). В докладе была рассмотрена предложенная П.А. Раппопортом и широко используемая в русской и зарубежной науке "теория артели". Она предполагает существование многочисленных, постоянных и сложных по составу групп мастеров, неразрывно связанных с княжеским двором. Их "технологический портрет" так устойчив, что по нему можно отслеживать движение артелей, перемещающихся вместе с князем или по его поручениям. В докладе высказаны сомнения в такой организации строительства и показаны вопросы, на которые нельзя ответить, пользуясь только старой "теорией артели".

В двух докладах были показаны образы византийских художников, работавших за пределами Империи. В выступлении *Ф. Кривелло* (университет Турина, Италия) "...Grecus Constantinopoleos orfanos et peregrinos..." или работа византийских миниатюристов к северу от Альп в эпоху расцвета Средневековья даны несколько примеров, когда обмен художественными идеями осуществлялся не через материальные носители (передачу книг и других произведений из одного культурного пространства в другое) и не через посредников, которыми между Византией и Западом обычно выступали итальянцы, но непосредственно, через "путешествующих" художников. Присутствие греческих мастеров в Европе эпохи Каролингов и позже – в Оттоманской империи отмечено в источниках, но их работ не сохранилось. В лучшем случае можно видеть следы их влияния в работах лучших придворных мастерских при дворе Карла Великого, Оттона II и императрицы Феофании. Автор и проделывает такую работу, показывая итоги анализа ряда рукописей.

Большой доклад организатора симпозиума М. Баччи "Художники-еретики и отступники в Византии" был посвящен показу материала, на основе которого можно судить об отражении в искусстве отклонений в вероучении, в целом нехарактерных для византийских мастеров, обычно предстающих в истории искусства исключительно благочестивыми и строго ортодоксальными персонажами. В докладе были рассмотрены как письменные источники наших сведений об искусстве неортодоксальных направлений (манихеев, павликан, богомилов, катаров) в ранней Церкви, так и образцы этого искусства на широкой территории от Балкан до Центральной Азии.

На коллоквиуме велись оживленные дискуссии, итоги которых, а также всей работы в целом суммировались председательствовавшими на заседаниях известными историками искусства и археологами: Э. Кастельнуово (Пиза), Ж.-М. Шпиезер (Фрайбург), Б. Бренк (Базель, Рим), Р. Нельсон (Чикаго). Материалы коллоквиума предполагается издать.

Институт археологии РАН, Москва *Л.А. Беляев*

К 80-ЛЕТИЮ ЛЕОНИДА РОМАНОВИЧА КЫЗЛАСОВА
(о роли ученого в археологии и истории Сибири, Средней и Центральной Азии)

24 марта этого года исполнилось 80 лет Леониду Романовичу Кызласову – одному из крупнейших российских востоковедов, редкому знатоку истории и археологии Сибири, Средней и Центральной Азии, доктору исторических наук, профессору, действительному члену РАЕН, лауреату Государственной премии СССР, Ломоносовской премии I степени и Государственной премии Республики Хакасия им. Н.Ф. Катанова, заслуженному деятелю науки Тувинской АССР и Республики Хакасия, Заслуженному профессору Московского государственного университета. Столь высокое положение и оценки в науке и обществе достигнуты юбиляром неустанным, энергичным и целеустремленным творческим трудом всей его долгой и нелегкой жизни.

Л.Р. Кызласов родился в подтаежном с. Синявино Синявинской волости Хакасского уезда Енисейской губернии и первым из хакасов в советское время достиг степени доктора наук. Он принадлежит к тому второму послеоктябрьскому поколению, которое испытало раннюю гибель отцов в конце 30-х и окончило среднюю школу 21 июня 1941 г., вынесло на своих плечах Отечественную войну и собственной кровью оплатило нашу победу, подняло страну из руин и удерживало ее на должной высоте.

В 1945–1949 гг. Л.Р. Кызласов – студент кафедры археологии исторического факультета МГУ, его научный руководитель проф. С.В. Киселёв, дипломное сочинение "Алтай в V–X вв.". Выпускник с красным дипломом был принят в аспирантуру, а затем оставлен на кафедре. В 1953 г. за диссертацию "Таштыкская эпоха (I в. до н.э. – V в. н.э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины" ему присуждена степень кандидата исторических наук, а в 1966 г., после 16 полевых сезонов, проведенных в Туве, он защищает докторскую диссертацию "История Тувы в средние века". Затем следуют столь же первопроходческие обобщающие монографии "Древняя Тува", "История Южной Сибири в средние века", "Древнейшая Хакасия" и впервые академически воссозданная "История Хакасии с древнейших времен до 1917 г.".

Европейская историческая наука сложилась на Западе и продвигалась на Восток, захватывая пространства нашей родины поэтапно: в XIX в. появилась история Европейской России, к началу XX в. – Средней Азии. Оставалась Сибирь, история которой не могла быть написана без научного освоения археологических, а также древних и раннесредневековых письменных памятников. История Западной и Восточной Сибири не написана до сих пор. Для Южной Сибири к последней трети XX в., развив труды предшественников, и в первую очередь своего учителя С.В. Киселева, эту работу выполнил Л.Р. Кызласов. В наше время узкой специализации Леонид Романович, сохраняя черты московской археологической школы, сумел широко раздвинуть рамки своей научной работы и с одинаковой глубиною знания и точностью исследования охватить как первобытную, так и государственную стадии развития огромной многоплеменной и многоязыкой горно-степной страны, создавшей в самом центре Евразии особую древнюю и средневековую цивилизацию.

Можно и должно поражаться тому, как много способен сделать в науке один человек. Сорок шесть лет, отданных Л.Р. Кызласовым полевым исследованиям Казахстана, Киргизии, Хакасии, Красноярского края, Тувы, Бурятии, Дальнего Востока, а также Европейской России[1], создали не только совершенно новые основания, но и целые новые области источниковедения в нашей науке. Бесспорен фундаментальный вклад профессора Кызласова в воссоздание важнейших этапов ранее неведомой истории многих народов Сибири и Центральной Азии. Им впервые выстроена сплошная шкала древних и средневековых культур Тувы, соотнесенная с древностями Хакасии, Монголии и Алтая, выделены древности целых народов Южной Сибири и Центральной Азии, прежде всего Уйгурского каганата, найдены и определены недостающие для соединения с живыми культурами памятники IX–XVII вв., что привело к фактическому археологическому открытию Древнехакасского государства. Его разработки лежат в основе всех современных исследований сибирского средневековья – на них негласно опираются даже сочинения его научных противников. Неоспоримы заслуги Л.Р. Кызласова в формировании нового восприятия уровня культурного развития и в воссоздании забытых в веках высоких достижений предков. Особо назовем установление им времени существования енисейской рунической письменности и создание учения о тамгах. В результате всего этого исследователем, по сути, была создана фундаментальная база для нового этапа археологического изучения истории огромного края.

Весьма значителен вклад ученого в этногенетическую историю современных сибирских народов. По публикациям историков и этнографов, разрабатывающих эту тематику, вполне очевидно – неархеологу трудно понять подлинное значение выстроенных Леонидом Романовичем для больших территорий сплошных хронологических шкал археологических культур. Преемственные, не прерванные внешними вторжениями отрезки такого развития, достигая традиционных обществ недавнего прошлого, позволяют выяснить их этнокультурные основы. Для археолога ныне несомненно, что автохтонность тувинского народа восходит к раннесредневековым чикам, а через них – к глубинам раннего желез-

[1] Некоторые результаты более чем полувековой деятельности Хакасской археологической экспедиции, созданной и возглавлявшейся Л.Р. Кызласовым в 1950–2002 гг., см.: (Кызласов, Мылтыгашева, 2001. С. 172–181).

ного и позднего бронзового века. Менялся язык и многие внешние особенности культуры, но этнический стержень оставался единым. Также очевидно сегодня прямое и непрерывное восхождение современных хакасов к эпохе смешения приенисейских аборигенов-динлинов с пришлыми тюркоязычными кыргызами гунно-сарматской эпохи. Тогда было заложено этническое ядро современного народа. С развитием археологических знаний конкретика подобных процессов будет прослежена и для других народов Сибири, предстающих вершинами скрытых в глубинах истории сложных этнических, культурных и языковых переплетений. Этих точных и трудоемких методов не заменят глобальные подходы и анализ обобщенно воспринятых языковых семейств, культурно-хозяйственных кругов или вселенских империй.

Одних лишь археологических работ Л.Р. Кызласова хватило, чтобы полностью сломать старые представления о вечной культурной неразвитости коренных народов Сибири. Многочисленные и бесспорные факты высокого художественного и ремесленного, т.е. экономического и социального, развития дополнены открытием и изучением древних и средневековых городов, крепостей и монументальных храмов. Леонид Романович обнаружил и обследовал 17 городов VIII–IX вв., 2 города VIII–XIII в. и 6 городов XIII–XIV вв. на территории Тувы и Хакасии, а также 2 храма II–I вв. до н.э. и до 12 храмов и святилищ VIII–XII вв. на землях Хакасии. Этим было совершено открытие древней и средневековой городской цивилизации Южной Сибири.

Среди особенно важных открытий – монументальные памятники высокой духовной культуры: первый и ранний буддийский храм VII в. и первая несторианская церковь в Средней Азии (Ак-Бешим), первые и едва ли не единственные археологически изученные манихейские храмы (Хакасия), буддийские храмы и мусульманские кладбища XIII–XIV вв. в Туве, ламаистская кумирня XVII в. в Хакасии. В последние годы трудами Л.Р. Кызласова доказано закономерное вхождение всей горно-степной, лесо-степной и части таежной Северной Азии в зону мировых религий не позднее VIII в.

Однако место Л.Р. Кызласова в исторической науке занято им не одними лишь археологическими трудами. Каждое его исследование отличает комплексный подход к решению поставленных проблем: применение данных археологии, этнографии, письменных источников, филологических (лингвистических, топонимических, фольклорных и др.), антропологических и прочих разработок. Именно Л.Р. Кызласовым впервые осуществлена наиболее полная подборка и обработка сведений письменных источников по истории Южной Сибири для всех письменных периодов и всех народов, интересовавшихся нашими землями – по крупицам собраны китайские, тибетские, иранские, согдийские, арабские, византийские, русские и другие свидетельства. Вряд ли сегодня можно назвать специалиста, глубже и тоньше воспринимающего особенности происходивших в Южной Сибири исторических процессов.

Основной результат такого исследовательского труда – воссоздание до того неведомой истории двух южносибирских народов: тувинцев и хакасов. Помимо этого, исследования Л.Р. Кызласова внесли значительный вклад в познание истории северных и южных алтайцев, шорцев, чулымцев, тофов, хантов и манси, селькупов, уйгуров, киргизов, казахов, якутов, бурят, монголов и других обитателей Сибири и Центральной Азии; существенно продвинули изучение некоторых древних народов Средней Азии – прежде всего саков, тюргешей и карлуков.

Труды Л.Р. Кызласова переломили не только отношение европейской науки, но и отношение самих сибирских народов к собственной истории и культуре.

Университетский профессор Л.Р. Кызласов подготовил более 70 специалистов, под его руководством 40 исследователей стали кандидатами исторических наук, 14 человек получили степень доктора исторических наук и 8 удостоены звания профессора. Среди его учеников представители разных национальностей. Кроме воспитанников по Московскому университету, Л.Р. Кызласов на общественных началах руководил подготовкой пяти аспирантов в Институте археологии АН СССР, выпустив их кандидатами исторических наук.

Среди преподававшихся и ныне преподаваемых им курсов, а также семинаров ("Основы археологии", "Археология СССР", "Археологическое источниковедение") особо отметим специальные – "Археология Казахстана и Киргизии (каменный век – раннее средневековье)", "Неолит и энеолит Сибири и Дальнего Востока", "Бронзовый век Сибири", "Ранний железный век Сибири", "Средневековая археология Сибири", "Письменные известия о древних городах Сибири". Для этих, единственных в своем роде курсов характерно детальное рассмотрение археологических материалов и проблем, возможно полное осмысление обществ, оставивших изучаемые древности: анализ палеоклиматических, антропологических, остеологических данных, технологических особенностей (от трасологических до металлографических наблюдений), социально-демографических, лингвистических и этногенетических гипотез. Особо очерчиваются культурные связи, ставятся вопросы истории искусства. Параллельно археологическим, начиная с эпохи бронзы, постоянно привлекаются и письменные источники, способствующие воссозданию этапов исторического пути конкретных этнических групп. В течение 42 лет лекции Леонида Романовича подкреплялись музейными практиками (обычно в Государственном Эрмитаже) и учебными полевыми работами.

Л.Р. Кызласов – автор свыше 300 научных работ, в том числе 17 монографий и 12 книг, написанных в соавторстве. Его труды получили международное признание. В переводах они опубликованы в США, Германии, Италии, Польше, Турции, Индии, Японии, изданы на тувинском и хакасском языках. Он избран членом Финно-Угорского общества (Хельсинки, с 1983 г.) и членом-корреспондентом Германского археологического института (Берлин, с 1984 г.), вошел в авторский коллектив многотомного издания "History of Civilization of Central Asia", выпускающегося ЮНЕСКО.

Не будем сегодня подводить итог сделанного Леонидом Романовичем. Жизнь, а значит, и творчество продолжаются. Большое преимущество юбиляра перед многими из нас – огромный научный опыт, обширные знания и редкостные археологические источники – позволит проложить новые изыскательские пути. Этого желают профессору Л.Р. Кызласову и ждут от него коллеги.

Академик В.Л. Янин,
кафедра истории исторического факультета МГУ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архипов Н.Д. Выдающийся сын земли Сибирской. М., 1999.
Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. М., 2004.
К 50-летию научной деятельности профессора Л.Р. Кызласова // ВМУ, сер. 8. История. 1996. № 1.
К 50-летию преподавательской деятельности в Московском университете профессора Л.Р. Кызласова // ВМУ, сер. 8. История. 2002. № 6.
Кызласов И.Л., Мылтыгашева Л.П. 50-летний юбилей Хакасской археологической экспедиции // РА. 2001. № 3.
Леониду Романовичу Кызласову – 75 лет // Хакасия. История и современность. Новосибирск, 2000.
Миллибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов. Кн. 1. М., 1995.

ПАМЯТИ МАРИАННЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ИТИНОЙ

1 января 2004 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончалась Марианна Александровна Итина, доктор исторических наук, на протяжении многих лет возглавлявшая Хорезмскую археолого-этнографическую экспедицию Института этнографии АН СССР (ныне – Институт этнологии и антропологии РАН).

Марианна Александровна родилась в семье служащих 5 июля 1922 г. в Берлие, где ее мать проходила в то время курс лечения. Детство и юность Марианны прошли в Ленинграде. Там в 1940 г. она закончила среднюю школу, являясь первым секретарем комсомольской организации. В этом же году мать переехала в Москву, и Марианна Александровна поступила на Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Первые годы Великой Отечественной войны они с матерью провели в эвакуации (г. Сталинабад, Таджикская АССР), где она работала на киностудии "Союздетфильм" в качестве библиотекаря. Возможно, именно в это время определился интерес Марианны Александровны к истории и культуре народов Средней Азии.

В 1944 г., после возвращения в Москву, она продолжила обучение на втором курсе истфака МГУ и поступила на кафедру археологии. Там она впервые встретила профессора Сергея Павловича Толстова, который стал ее научным руководителем и учителем. Получив специальность археолога, в 1946 г. Марианна Александровна поступает в аспирантуру по кафедре археологии. Она закончила ее в 1949 г., а в 1951 г. успешно защитила под руководством С.П. Толстова кандидатскую диссертацию по теме "Памятники энеолита и бронзового века Средней Азии (хронологическая и географическая классификация)" (Итина, 1951). В период обучения на истфаке Марианна Александровна много времени отдавала общественной работе, являясь комсоргом группы и агитатором.

Будучи студенткой кафедры археологии и аспиранткой С.П. Толстова, еще в 1945–1951 гг. она принимала участие в полевых работах Хорезмской экспедиции и являлась, таким образом, представителем первого поколения ее постоянных сотрудников. Уже в марте 1952 г. С.П. Толстов зачисляет М.А. Итину в созданный им Институт этнографии на должность младшего научного сотрудника, сразу назначив ее начальником одного из отрядов своей экспедиции (первобытного). С тех пор вся научная биография М.А. Итиной оказалась тесно связана с этим институтом. В 1960 г. ее утверждают в должности старшего научного сотрудника, в 1963 г. она становится ученым секретарем экспедиции, а в 1968 г. – заместителем начальника Хорезмской экспедиции по научной части.

За этот период ею было опубликовано более 30 печатных трудов, проведены экспедиционные работы, в том числе разведочные маршруты по труднодоступным, особенно в то время, пустынным районам низовий Амударьи, по Узбою. Именно в ходе этих труднейших маршрутов были открыты новые многочисленные памятники эпохи бронзы Приаралья, материалы которых и легли в основу будущих научных исследований Марианны Александровны, ее докторской диссертации.

Первые сообщения об этих работах были опубликованы в томах серий "Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции" (Итина, 1958) и "Материалы Хорезмской экспедиции" (Итина, 1959). Итоги разведочных маршрутов и картографирования археологических памятников в Присарыкамышье и на Узбое были подведены ею в специальной монографии "Низовья Амударьи. Сарыкамыш. Узбой" (1960), для которой она написала четыре раздела, посвященных местонахождениям первобытной эпохи. Разведки, проведенные в 50-е годы XX в. на территории Акчадарьинской дельты Амударьи, послужили основой для фиксации и дальнейших планомерных раскопок стоянок тазабагъябской культуры эпохи бронзы, открытой ранее С.П. Толстовым, и памятников амирабадской культуры эпохи поздней бронзы. По существу, Марианна Александровна стала первооткрывателем многих из этих памятников и первым их исследователем. Уже в 1960 г. ею были опубликованы результаты самостоятельных и планомерных раскопок стоянок тазабагъябской культуры (Итина, 1960а), а в 1963 – первые итоги исследования амирабадских памятников (Итина, 1963).

Одновременно М.А. Итина, сначала совместно с С.П. Толстовым (1954, 1955 гг.), а затем и самостоятельно проводила раскопки уникального погребального комплекса, оставленного носителями тазабагъябской культуры – могильника Кокча 3. Материалы этих раскопок были ею монографически опубликованы (Итина, 1961) вместе с блоком палеоантропологических данных, собранных при раскопках этого интереснейшего памятника. Как оказалось позже, часть погребений этого могильника, расположенного на такыре, была перекрыта барханами, которые к середине 70-х годов XX столетия сдвинулись, обнажив нераскопанные еще захоронения. Марианна Александровна стала инициатором археологического доследования этой части памятника (Яблонский, 1977) и его новой публикации вместе с вновь полученными палеоантропологическими материалами (Виноградов и др., 1986).

Принципиально важным является открытие в Южном Приаралье очага орошаемого земледелия, творцами которого стали носители тазабагъябской культуры. Образование этого очага знаменовало появление на территории степных

пространств Евразии древнейшей земледельческо-скотоводческой системы хозяйствования. Развивая идеи С.П. Толстова и характеризуя специфику общего облика материальной культуры тазабагъябцев, М.А. Итина, отмечала срубно-алакульскую подоснову этой культуры, сформировавшейся, однако, за пределами собственно приаральского региона. Полевыми исследованиями М.А. Итиной было показано, что на месте покинутых жителями тазабагъябских поселений выявляются поселения позднеалакульского типа, в керамике которых четко прослеживается федоровский компонент. Значение этих выводов выходит далеко за рамки собственно приаральской проблематики. Они имеют большое значение для решения проблемы хронологического соотношения памятников алакульского и федоровского типов вообще.

В 1960 г. М.А. Итина выступила на XXV Международном конгрессе востоковедов с докладом, в котором ею была сформулирована тема будущей докторской диссертации (Итина, 1960б; 1962б).

Полевые работы начала 60-х годов XX столетия определили еще одно направление научных исследований М.А. Итиной. В 1961 г. на территории древней дельты Сырдарьи разведками Хорезмской экспедиции были обнаружены археологические памятники, вошедшие в золотой фонд отечественной и мировой археологии. Речь идет о некрополе Северный Тагискен (эпоха поздней бронзы) и о двух курганных могильниках, которые датируются раннесакским временем – Южный Тагискен и Уйгарак. Мавзолеи Северного Тагискена и курганы Южного Тагискена до раскопок смотрелись на поверхности возвышенности как единый комплекс, и руководство раскопками этого комплекса С.П. Толстов поручил именно Марианне Александровне. Столкнувшись с необходимостью научной интерпретации результатов раскопок Южного Тагискена, она с присущей ей целеустремленностью стала глубоко вникать в проблемы скифо-сакской археологии. Уже в 1966 г. через три года после завершения работ на Тагискене, появляется публикация, в которой она совместно с С.П. Толстовым подводит основные научные итоги раскопок этого замечательного памятника (Толстов, Итина, 1966). В этой статье было твердо и доказательно определено его типологическое и хронологическое положение. По мысли авторов, он, безусловно, входил в круг могильников саксского типа и датировался ими в пределах VII–V вв. до н.э.

Позже эти выводы еще раз прозвучали в совместной с О.А. Вишневской статье, посвященной предварительной публикации материалов Южного Тагискена и Уйгарака (Вишневская, Итина, 1971), где они обосновывались уже на сравнении данных обоих комплексов, на фоне широкого сопоставления с особенностями погребального обряда скотоводческого населения Казахстана саксского времени.

Параллельно М.А. Итина продолжает археологические раскопки поселений тазабагъябской культуры, проводит новые и новые разведочные маршруты на территории дельты Амударьи (Итина, 1967; 1968).

Характеризуя ее деятельность в этот период, С.П. Толстов, ученый, как известно, не склонный к раздаче незаслуженных комплементов, в частности, писал: "Под ее руководством был раскопан ряд ставших ныне эталонами для Средней Азии памятников первобытной культуры, таких как Кокча 3 (эпоха поздней бронзы, II тыс. до н.э.), могильник Тагискен (эпоха поздней бронзы и саксское время), поселение Якке-Парсан 2 (раннежелезный век) и другие"[1].

[1] Из характеристики для представления на должность старшего научного сотрудника. 1966 год. Хранится в личном деле М.А. Итиной.

В 1970 г. М.А. Итина назначается сначала исполняющей обязанности начальника Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, а затем и ее начальником. Это событие открывает новую страницу в биографии исследовательницы. В 70-х – начале 80-х годов Хорезмская экспедиция представляла собой сложный для управления механизм. В ее составе работало одновременно по шесть-семь отрядов в сезон. В распоряжении экспедиции находилась база в г. Нукус, где складировалось экспедиционное оборудование, предназначенное для работы в экстремальных, как теперь говорят, условиях. В поле экспедицию обслуживало до 10 автомобилей, которые отправлялись из Москвы железнодорожными платформами. Отдельными контейнерами доставлялось новое оборудование и продукты питания. В раскопках принимали участие многочисленные специалисты и добровольцы, одновременная численность которых могла насчитывать более двухсот человек. Нельзя сбрасывать со счетов условия работы экспедиционных отрядов в пустынных районах Каракумов и Кызылкумов, где проблема доставки питьевой воды была часто трудноразрешимой, что приводило к рискованным, а иногда и трагическим ситуациям. Конечно, Марианна Александровна опиралась на помощь и поддержку своих заместителей по научной и хозяйственной части, прежде всего – А.В. Виноградова, но в конечном счете личная ответственность за все происходящее лежала на ней, и руководство экспедицией отнимало у нее много сил, нервов и времени, которых она, впрочем, не жалела. При этом она сама ежегодно выезжала в поле в качестве начальника Акчадарьинского отряда, работавшего в окружении тяжелых песков со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В конце 60-х – начале 70-х годов М.А. Итиной пришлось активно включиться в работу, связанную с проектом поворота части стока сибирских рек на юг. Как и многие специалисты того времени, она с известным пессимизмом относилась к этой идее, понимая, однако, необходимость сделать все необходимое для охраны археологических памятников, расположенных вдоль трассы канала, если проект все же будет реализован. В рамках реализации проекта уже началось финансирование охранных археологических работ. В связи с новыми задачами М.А. Итина определяет новое направление исследовательских работ Хорезмской экспедиции, имеющих, с ее точки зрения, важное народно-хозяйственное значение: комплексное изучение земель древнего орошения в низовьях Амударьи и Сырдарьи для учета полученных данных при проектировании современных ирригационных систем. По существу, в те годы М.А. Итина предвосхитила необходимость развития эколого-археологических исследований, т.е. тех исследований, которые занимают столь видное место в современной науке. В рамках этого направления ею были написаны многочисленные научные записки в различные государственные ведомства, ответственные за проектирование водных систем, и опубликованы специальные научные работы на данную тему (Виноградов, Итина, Кесь, 1969; 1970; Андрианов, Итина, Кесь, 1972; 1974; 1975; 1976; Виноградов, Итина, Кесь, Мамедов, 1974). Остается лишь сожалеть о том, что в те годы, как и в ряде других случаев, голоса ученых не были услышаны. Проект переброски сибирских рек провалился, а в Приаралье в результате безумной ирригационной политики разразился глобальный экологический кризис, свидетелями которого мы все теперь являемся.

Несмотря на колоссальную научную и административную нагрузку, Марианна Александровна готовила монографию, которую успешно защитила в качестве докторской диссертации в Институте этнографии в 1977 г. (Итина, 1977а). Эта монография и по сей день остается важным источником по археологии эпохи бронзы региона. В ней на ши-

роком сравнительном фоне подводятся итоги многолетних разведок и раскопок автора, главным образом на территории Акчадарьинской дельты Амударьи. Главы книги посвящены палеогеографии, характеристике поселений андроновского, тазабагъябского и амирабадского типов, типологии находок по категориям, планировке поселений и конструктивных особенностей жилищ на разных этапах развития древних культур. Специальные разделы направлены на решение вопросов, связанных с особенностями взаимоотношений древнейшего земледельческого и скотоводческого населения Нижней Амударьи, формам его общественной и семейной организации по данным погребального обряда. Проведенный автором детальный хронологический анализ материалов эпохи бронзы и поныне не потерял убедительности в своих основных положениях. На материалах, датирующихся началом I тыс. до н.э., М.А. Итина показывает процесс выделения из среды приаральских земледельцев групп полукочевых скотоводов. Принципиально важным не только для археологии бронзового, но и раннего железного века Казахстана и Средней Азии является вывод М.А. Итиной о доживании на территории Приаралья амирабадских комплексов, во всяком случае до VII в. до н.э., т.е. до раннесакского времени и эпохи формирования в Присарыкамышье системы архаичной хорезмийской государственности, археологически представленной памятниками кюзелигырской культуры.

Акчадарьинские такыры, на которых были расположены поселения эпохи бронзы Приаралья, были распаханы и засолены еще в середине 80-х годов. Еще и поэтому книга Марианны Александровны на многие годы вперед останется единственным, практически, источником по археологии эпохи бронзы Приаралья.

После выхода в свет этой монографии М.А. Итина продолжает полевые работы на тазабагъябских поселениях Акчадарьи. Угроза уничтожения археологических памятников этих районов в результате широкомасштабной распашки под хлопковые поля, при строительстве коллекторов для сброса в пустыню отработанных вод стала совершенно очевидной уже в те годы, и исследовательница делает все от нее зависящее для организации там охранных археологических работ. За три сезона она лично провела в поле в общей сложности около восьми месяцев. Полученные материалы были оформлены в форме научных отчетов и частично опубликованы (Итина, 1979; 1980; 1982).

Помимо прочего, М.А. Итина использовала свои обширные знания и колоссальный исследовательский опыт для написания разделов в изданиях, посвященных общим вопросам истории народов Казахстана, Узбекистана и Каракалпакии (см., например: Итина, 1962а; 1964; 1974; 1977б; 1992; Итина, Рапопорт, 1974). Она принимала участие в многочисленных археологических конгрессах и конференциях, ряд ее выступлений опубликован на иностранных языках. Обладая исключительной эрудицией по самому широкому кругу проблем археологии, она являлась ответственным редактором многих монографий, издаваемых ее коллегами, ответственным редактором замечательной серии "Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции".

После произошедшего с ней несчастного случая в 1995 г. Марианна Александровна была вынуждена выйти на пенсию. Человек энергичный и деятельный, она, конечно, была очень огорчена столь резкими переменами в своей жизни – ведь она почти без остатка отдала свою жизнь Институту этнографии и Хорезмской экспедиции. Она плохо представляла себе жизнь вне стен своего Института. Но в еще большей степени ее тяготило, что за ворохом разнообразных дел она так и не успела выполнить два обязательства, которые рассматривала как важнейшие – так и не опубликовала монографически материалы двух раскопанных ею памятников – некрополя Северного Тагискена и курганов Южного Тагискена. Прикованная к постели, Марианна Александровна попросила меня помочь ей подготовить и осуществить издания обоих памятников. Мы немедленно приступили к написанию монографии по Южному Тагискену. Эта работа сопровождалась самым деятельным участием М.А. Итиной. Обсуждение текста будущей книги сопровождалось иногда жаркими дискуссиями и спорами, поскольку наши научные позиции, особенно в части хронологической атрибуции отдельных комплексов и некоторых способов подачи материала, не всегда совпадали. И все же нам удалось подготовить и в 1997 г. при финансовой поддержке РГНФ осуществить полное издание этого уникального памятника (Итина, Яблонский, 1997).

К моменту выхода этого труда состояние здоровья Марианны Александровны вдруг резко ухудшилось, но, впервые подержав в руках опубликованную книгу, она задумалась ненадолго и сказала: "Ну вот, теперь можно взяться и за Северный Тагискен. Давайте, Леня?", и работа над нашей новой совместной монографией началась. Давно еще Марианной Александровной было собственноручно отрисовано и описано более 600 сосудов, найденных в некрополе, составлены описания сложных по конструкции зданий мавзолеев, что в значительной степени облегчало подготовку рукописи. Поразительно, что Марианна Александровна помнила каждое захоронение некрополя, все находки в них и их взаиморасположение. А ведь с момента завершения раскопок памятника прошло почти 40 лет! В результате интенсивной работы и при безвозмездной помощи художника Хорезмской экспедиции, Г.М. Баева, рукопись монографии общим объемом около 33 печатных листов, сопровождающаяся сотнями иллюстраций была издана, опять же при поддержке РГНФ (Итина, Яблонский, 2001). Марианна Александровна в очередной раз выполнила свой долг перед наукой.

Строки научной биографии М.А. Итиной лишь отчасти приоткрывают особенности ее характера и творческой личности. Она никогда не скрывала, что в ее жизни было два кумира. Во-первых – это ее мама, Матильда Яковлевна. Портрет матери до последнего мгновения жизни стоял на прикроватной тумбочке Марианны Александровны. Во-вторых – это ее учитель, Сергей Павлович Толстов.

Она любила рассказывать, как ссорилась с Толстовым, как она говорила, "в кровь", наверное, еще и потому, что мало кто мог себе это позволить. Эти бурные ссоры, чаще всего по мелочам, всегда заканчивались столь же бурными примирениями. Но в главном – в подходах к методике разведок и раскопок, к принципам интерпретации археологического материала она следовала идеям Толстова неукоснительно и очень болезненно относилась к любым, даже малейшим попыткам ревизовать, пусть и давние, концепции своего Учителя. Защищая его, как она искренне полагала, могла в резких тонах пойти на конфликт с любым, независимо от чинов и званий.

В целом, научное творчество М.А. Итиной отличалось здоровым консерватизмом. Ее всегда настораживали попытки неосторожных изменений типологических и хронологических шкал, разработанных школой Толстова. Для того, чтобы поколебать ее традиционное доверие к этим шкалам, нужно было приложить немало усилий. Таким образом, Марианна Александровна, быть может, и не отдавая себе в этом отчета, служила своеобразным ограничителем, не позволяющим коллегам, особенно младших поколений, строить скоропалительные выводы и концепции. Многих это раздражало, но все же удерживало от недостаточно обдуманных концептуальных заявлений.

Много усилий М.А. Итина приложила для того, чтобы в сложной для экспедиции кадровой ситуации 70-х – 80-х годов сохранить ее комплексность, изначально заложенную С.П.Толстовым, и многое в этом плане ей удалось.

Полагают, что наука – это штучное производство, при котором каждый исследователь несет только персональную ответственность за свои выкладки. Марианна Александровна (очевидно, вслед за С.П. Толстовым) придерживалась иной точки зрения. Она полагала и много раз повторяла это на заседаниях отдела, что Хорезмская экспедиция, детище Толстова, – это научная фирма с высококлассными научными традициями, и она, как начальник экспедиции, призвана любыми способами поддерживать авторитет этой фирмы и не допустит выхода недоброкачественной продукции под грифом экспедиции. Эта позиция принималась не всеми ее коллегами в силу дискуссионности самого предмета исследования.

Только люди из ее ближайшего окружения знали, что Марианна Александровна с детства страдала неизлечимым хроническим заболеванием, при обострении которого ей нужна была срочная и квалифицированная медицинская помощь. С этим заболеванием Марианна Александровна провела десятки полевых сезонов (в общей сложности – годы) в условиях безводных пустынь и вдали от любых населенных пунктов. Исключительно преданная археологии и экспедиции, внутренне всегда организованная, собранная и дисциплинированная, Марианна Александровна твердо требовала тех же качеств от сотрудников, и это тоже не у всех встречало понимание. В руководимом ею отряде дисциплина царила почти армейская (это тоже традиция, сохранившаяся со времен С.П. Толстова). Во всем, что касалось интересов дела (в ее понимании – интересов Хорезмской экспедиции), она проявляла исключительную принципиальность, в том числе, и на уровне Дирекции Института этнографии. Многие поэтому считали ее человеком излишне жестким.

Только по прошествии времени приходит осознание того, что в условиях, в которых работала в то время экспедиция (и в Институте, и за его пределами, в поле) именно такая позиция ее начальника во многом определила огромные успехи, которые были достигнуты в период, когда Сергей Павлович отошел от дел и его личный авторитет в науке и академической администрации уже не мог помочь в ее деятельности. И эти несомненные успехи – тоже заслуга Марианны Александровны Итиной.

В жизни ее было только два увлечения. Она читала по-французски, читала и говорила по-немецки, но более всего любила читать художественную литературу на английском языке, была в курсе всех зарубежных литературных новинок, которые только-только стали проникать в нашу страну. В поле всегда возила с собой чемодан книг и толстых журналов и любила в знойные послеобеденные часы обсуждать их в палатке посреди пустыни. Дочь киноработника и жена кинодраматурга, любила кино и все, что происходило вокруг кино.

И все же главным ее увлечением, которое так удачно совпало с ее профессиональной деятельностью, была археология, которой она отдала почти без остатка свою долгую и многотрудную жизнь.

Люди, хорошо знавшие Марианну Александровну, друзья и коллеги всегда будут помнить эту яркую и неординарную личность. Преданная ученица С.П. Толстова, она останется в нашей памяти как решительная, последовательная и твердая продолжательница его дела. Еще придет время, когда грядущие поколения археологов, собираясь в маршруты, чтобы заново открывать Древний Хорезм, возьмут с собой научные отчеты, статьи и книги М.А. Итиной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрианов А.В., Итина М.А., Кесь А.С. Проблема комплексных (географических, археологических и этнографических) исследований земель древнего орошения в низовьях Сырдарьи в связи с проектом переброски части стока вод сибирских рек в бассейн Аральского моря // Тез. докл., посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972.

Андрианов А.В., Итина М.А., Кесь А.С. Земли древнего орошения Юго-Восточного Приаралья: их прошлое и перспективы освоения // СЭ. 1974. № 5.

Андрианов А.В., Итина М.А., Кесь А.С. Земли древнего орошения в низовьях Сырдарьи и задачи их освоения // Вопросы географии. 1975. № 99.

Андрианов А.В., Итина М.А., Кесь А.С. Использование земель древнего орошения в Приаралье в связи с пропуском сибирских вод // Тез. докл. совещания "Влияние межбассейнового перераспределения речного стока на природные условия европейской территории с срединного региона СССР". М., 1976.

Виноградов А.В., Итина М.А., Кесь А.С. Палеогеография района возвышенности Джанбас и история его древнейшего освоения // Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного освоения. М., 1969.

Виноградов А.В., Итина М.А., Кесь А.С. Из истории Акчадарьинской дельты в позднем голоцене // КСИА. 1970. Вып. 122.

Виноградов А.В., Итина М.А., Кесь А.С., Мамедов Э.Д. Палеогеографическая обусловленность расселения древнего человека в пустынях Средней Азии // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.

Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи (археолого-палеоантропологическое исследование) // ТХАЭЭ. Т. XV. М., 1986.

Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. МИА. 1971. № 177.

Итина М.А. Памятники энеолита и бронзового века Средней Азии. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1951.

Итина М.А. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя // ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958.

Итина М.А. Новые стоянки тазабагъябской культуры (работы 1956 г.) // МХЭ. Вып. 1. М., 1959.

Итина М.А. Раскопки стоянок тазабагъябской культуры // МХЭ. Вып. 4. М., 1960а.

Итина М.А. Степные племена среднеазиатского междуречья во второй половине II – начале I тыс. до н.э. // XXV Междун. конгресс востоковедов. Докл. сов. делегации. М., 1960б.

Итина М.А. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3 //МХЭ. Вып. 5. М., 1961.

Итина М.А. Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Раздел "Население эпохи первобытно-общинного строя" // Народы Средней Азии и Казахстана. Сер. Народы мира. М., 1962а.

Итина М.А. Степные племена среднеазиатского междуречья во второй половине II – начале I тыс. до н.э. // СЭ. 1962б. № 3.

Итина М.А. Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958–1959 гг.) // МХЭ. Вып. 6. М., 1963.

Итина М.А. Приаралье в первобытную и рабовладельческую эпохи и проблема древнейших предков каракалпаков. Южное и Восточное Приаралье в эпоху первобытности // Очерки истории Каракалпакской АССР. Ташкент, 1964.

Итина М.А. О месте тазабагъябской культуры среди культур степной бронзы // СЭ. 1967. № 2.

Итина М.А. Акчадарьинский маршрут // АО-1967. 1968.

Итина М.А. Южное и Восточное Приаралье в IV – первой половине I тыс. до н.э. // История Каракалпакской АССР. Т. I. Ташкент, 1974.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тысячелетия до н.э.) // ТХАЭЭ. Т. X. М., 1977а.

Итина М.А. Неолит, бронзовый и раннежелезный век Приаралья // История Каз. ССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. Алма-Ата, 1977б.
Итина М.А. Раскопки на Акчадарье // АО-1978. 1979.
Итина М.А. Раскопки на Акчадарье // АО-1979. 1980.
Итина М.А. Раскопки на Акчадарье // АО-1981. 1982.
Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Сер. Археология СССР. М., 1992.
Итина М.А., Рапопорт Ю.А. Хорезм // Историческая энциклопедия. Т. 15. М., 1974.
Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.
Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М., 2001.
Низовья Амударьи. Сарыкамыш. Узбой. История формирования и заселения // МХЭ. Вып. 3. М., 1960.
Толстов С.П., Итина М.А. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена) // СА. 1966. № 2.
Яблонский Л.Т. Раскопки могильника эпохи бронзы Кокча 3 // АО-1977. 1978.

Институт археологии РАН, Москва

Л.Т. Яблонский

Сдано в набор 12.04.2004 г. Подписано к печати 10.06.2004 г. Формат бумаги $60 \times 88^{1}/_{8}$
Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 24.5 тыс. Уч.-изд. л. 25.6 Бум. л. 12.0
Тираж 1001 экз. Зак. 8459

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6